Б. И. ГОРЕВ

ИСТОРИЯ СОЦИАЛИЗМА

ТОМ I

СОЦИАЛИЗМ НА ЗАПАДЕ

„НОВАЯ МОСКВА“

Б. И. ГОРЕВ

ИСТОРИЯ СОЦИАЛИЗМА

В СВЯЗИ С РАЗВИТИЕМ РАБОЧЕГО ДВИЖЕНИЯ

В ДВУХ ТОМАХ

ТОМ I

СОЦИАЛИЗМ НА ЗАПАДЕ

ИЗДАНИЕ 3-е, ВНОВЬ
ПРОСМОТРЕННОЕ И ДОПОЛНЕННОЕ

„НОВАЯ МОСКВА"
1925

Отпечатано
в типо-хромо-литографии
„ИСКРА РЕВОЛЮЦИИ“
Мосполиграф, Москва,
Арбат, Филипповский, 11,
в количестве 10.000 экз.
Мосгублит № 23460.

ПРЕДИСЛОВИЕ.

Предлагаемая читателю книга представляет собою не обычного типа учебник истории социализма, не бесстрастный и бессистемный справочник имен и учений, а попытку охватить всю историю единой точкой зрения, точкой зрения революционного марксизма, т.-е. коммунизма. При этом автор ставил себе целью не столько достигнуть максимальной полноты фактического материала (да это и немыслимо было бы в книге, обнимающей развитие социализма от древности до наших дней), сколько изобразить эволюцию социалистических идей и движений, как строго закономерный процесс, соответствующий в каждый данный момент определенным экономическим и социально-политическим условиям и, кроме того, имеющий свою собственную, внутреннюю, диалектическую логику.

Эта логика состоит в непрерывной борьбе и смене, на все более расширяющейся основе, двух важнейших течений в социализме — мирного и революционного. А в этом последнем центральное место в анализе автора занимает наиболее властная идея нашего времени — идея диктатуры пролетариата.

Наконец, автор — и это, думается нам, делается впервые — рассматривает всю прошлую историю социализма в том ослепительном свете, который отбрасывает назад великий опыт российской революции. Поэтому он везде сравнивает отдельные моменты этой истории с борьбой партий и фракций в русском социализме и с ходом нашей революции. Поэтому также он естественно меньше останавливается, ограничиваясь лишь общими характеристиками и минимальным количеством необходимых фактов, на эпохах эволюционных (вроде

1*

эпохи II Интернационала) и, наоборот, подробно анализирует эпохи критические, революционные, особенно те, которые напоминают наши недавние переживания — 1905 г., войну и февральскую революцию, с их борьбой течений. Таковы, напр., главы о 48 годе и роли Бланки (обычно забываемой во всех историях социализма), и о франко-прусской войне, с ее психологией «оборончества».

Автор старался, по возможности, использовать новейший материал по истории социализма, включая и его собственные работы о Бакунине и Бланки. Но он сознательно избегал «ученого аппарата» в виде бесчисленных ссылок на источники. Важнейшая библиография к отдельным главам дается в конце настоящего тома.

Автор надеется, что его работа не только будет служить пособием при изучении истории социализма в высшей школе и на рабфаках, но и книгой для самостоятельного чтения всех интересующихся этим вопросом рабочих. С этой целью автор постарался сделать язык книги возможно простым и доступным, особенно в начале, об'ясняя везде, где ему это казалось нужным, иностранные слова и социально-исторические термины.

Следующий том, подготовляемый к печати, посвящается истории русского социализма.

Автор.

ПРЕДИСЛОВИЕ КО 2-му ИЗДАНИЮ.

В настоящем издании сделан ряд исправлений и существенных дополнений в главах III, IV, V и VI, при чем характеристика Сен-Симона заново переработана. Кроме того, последняя глава книги, о III Интернационале, дополнена новейшими данными о коммунистических партиях и коммунистическом движении важнейших стран Европы.

Наконец, книга снабжена указателем имен, помогающим ориентироваться в ее содержании.

Автор.

ПРЕДИСЛОВИЕ К 3-му ИЗДАНИЮ.

Настоящее издание вновь тщательно просмотрено и в нем сделан ряд мелких исправлений и дополнений. Кроме того, галлерея вождей II Интернационала пополнена характеристикой Розы Люксембург, как представительницы его крайнего левого крыла. Изложение доведено, по возможности. до последнего времени. Библиография снова пополнена новейшими работами на русском языке.

Автор.

———

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ДО-МАРКСОВСКИЙ СОЦИАЛИЗМ

I. КОММУНИЗМ В ДРЕВНОСТИ.

1. Первобытный коммунизм и легенда о «золотом веке».

Современный социализм или коммунизм является продуктом новейшей истории: развития капитализма и неизбежно связанного с ним развития промышленного пролетариата крупных городских центров. Но в то же время идейные корни социализма можно проследить в глубокой древности.

Мечта о социализме, как о таком общественном строе или порядке, при котором не будет несправедливости, неравенства и взаимной вражды между людьми, естественно должна была возникнуть с тех пор, как неравенство и общественная несправедливость, господство и наслаждения одних, угнетение и бедность других стали резко чувствоваться и проявляться, т.-е. с тех пор, как окончательно исчез первобытный родовой коммунизм, и общество распалось на отдельные классы, с противоположными интересами и взаимной борьбой.

В эпоху первобытного коммунизма отдельные роды или племена вели ожесточенную борьбу с другими родами или племенами, но внутри каждого из них не было деления по имущественным различиям, ибо не было и частной собственности. Отправляясь на охоту, рыбную ловлю или на войну, все племя сообща трудилось и сообща пользовалось продуктами своего труда. Все члены рода или племени были как бы членами одной семьи, и в их взаимных отношениях царило братство. При этом личность совершенно поглощалась родом. И лишь с развитием производительности труда, с переходом к новым формам хозяйства, сперва к

скотоводству, а потом к земледелию, отдельный человек мог видеть плоды своего личного труда, и в результате появилась частная собственность, появились понятия «мое» и «твое», появилась жажда к приобретению и, в конце концов, конечно, неравенство, насилие, эксплоатация, богачи и бедняки, господа и рабы.

Этот процесс разрушения первобытного родового коммунизма и замены его классовым обществом был очень продолжительным и болезненным. Делались попытки задержать, остановить его, предупредить полный распад общества на вечно враждующие элементы. Отсюда первые попытки социального законодательства у всех известных нам народов древности: и у евреев, и у китайцев, и у греков, и у римлян — попытки, которые делались наиболее осторожными и дальновидными представителями господствующих классов с целью предупредить грозные возмущения обедневших и попавших в кабалу к богачам народных масс.

Эти попытки выражались то в периодическом прощении долгов, как у древних евреев, то в урегулировании ростовщичества и в государственной помощи беднякам, то в законах против роскоши и чрезмерного скопления богатств в одних руках.

Но все эти меры ни к чему не приводили, не могли остановить хода экономического развития, при котором общий рост богатств сопровождался ростом имущественного неравенства. И от эпохи первобытного коммунизма осталось только смутное воспоминание, передававшееся из поколения в поколение, в форме легенд, религиозных или поэтических сказаний о каком-то утраченном счастье. Такова легенда о потерянном рае, из которого бог изгнал человека за грехи: таково предание греческих и римских поэтов о бывшем на заре человеческой истории «золотом веке», когда люди жили в довольстве и без тяжелых забот, когда не было собственности и порождаемой ею жажды наживы, вражды и преступлений. Эта мечта и сожаление о безвозвратном прошлом, о «грехопадении» человека, благодаря которому он обречен на нужду и мучения настоящей жизни, жила очень долго в цивилизованном человечестве, и не только в его религиозных представлениях, где она сопровождалась верой в

загробную награду, но и среди философов. Еще в XVIII веке с мыслью о том, что в далеком прошлом все люди были равны и жили счастливо, выступил французский философ Руссо.

И только успехи современной науки доказали, что мечта о «золотом веке» в прошлом—ни на чем не основана, что в эпоху первобытного коммунизма жизнь тогдашнего дикого или полудикого человечества была все же жалкой и убогой, полной тяжелых страданий и непрерывных опасностей, и лишена была, кроме того, всяких задатков развития, которое тогда неизбежно приводило к разрушению коммунизма.

Наука выдвинула вместо этого идею прогресса, идею поступательного движения человечества вперед, к лучшему будущему. «Золотой век» был перенесен из сказочной древности в грядущее, из сожаления о потерянном счастье он сделался идеалом, к которому надо было стремиться, за который стоило бороться.

2. Аристократический коммунизм Платона.

Впрочем, не всегда, размышляя о недостатках и бедствиях общественной жизни, люди ограничивались поэтическими сожалениями о минувшем «золотом веке» или ожиданиями загробного блаженства. Обездоленные и угнетенные массы время-от-времени пытались восстаниями изменить свое тяжелое положение (а такими восстаниями полна вся история древности). С другой стороны, уже с давних пор отдельные мыслители, принадлежавшие к привилегированным классам, также не раз в критические моменты общественной жизни, во время народных бедствий или гражданских войн, искали радикальных средств спасения и находили их в уничтожении частной собственности, которую и в древнейшие времена наиболее глубокие умы считали главной причиной общественного разложения.

Из таких древнейших проектов уничтожения частной собственности и введения коммунизма самым значительным является коммунистический план великого греческого философа Платона, ученика Сократа и учителя Аристо-

теля, жившего в IV веке до Р. Х. Этот план замечателен как своей ясностью, остроумием и глубоким пониманием общественных отношений, так и тем, что, несмотря на свой явно аристократический характер, он послужил образцом для всех позднейших коммунистических утопий.

Для того, чтобы понять платоновский коммунизм, необходимо несколько остановиться на общественной и политической обстановке тогдашней Греции, особенно Афинской республики, гражданином которой был Платон. Ибо произведения человеческого гения, какими бы фантастическими и далекими от жизни они нам ни казались, всегда являются отражением определенных общественных отношений, выражают определенную классовую идеологию, т.-е. мысли и стремления того класса, к которому принадлежит или интересы которого представляет автор этих произведений.

И в сочинениях Платона это сказывается особенно ярко и выпукло.

В эпоху Платона Афинская республика, которая раньше господствовала над всеми маленькими городами — государствами Греции, пережила тяжелую войну с военно-аристократической Спартой; эта война продолжалась 27 лет, разорила Афины и лишила их прежнего могущества. В самих Афинах шла непрерывная борьба между аристократией, т.-е. старыми родовитыми землевладельцами, богатыми купцами и городской беднотой, при чем и те и другие и даже третьи жили, главным образом, на счет труда рабов и эксплоатации колоний. Прежние патриархальные, строгие нравы давно исчезли. Исчез и пламенный бескорыстный патриотизм, который в прежнюю эпоху помог Афинам, об'единив всю Грецию, одержать победу над огромной персидской монархией. Господствовал корыстный эгоизм *).

---

*) При этом среди афинских бедняков несомненно распространялись и коммунистические идеи, идеи о всеобщем равенстве, общности имуществ и наслаждений. Эти идеи высмеял в остроумной комедии „Женский парламент“ (точнее, „Женщины в народном собрании“)—знаменитый афинский писатель того времени—Аристофан. Из этой комедии видно, как стары обычные возражения и насмешки противников коммунизма. Впрочем, если верить Аристофану, тогдашние коммунисты мечтали только об удовольствиях. Трудиться для них должны были рабы. Но, как мы увидим

В народных собраниях бедняки нередко голосовали так, как хотели подкупившие их богачи. Сами аристократы иногда искали союзников против ненавистной им демократии даже среди врагов у родственной им по духу Спарты. Борьба классов и партий принимала мелкий характер и отталкивающие формы. Афинское общество явно разлагалось, и вскоре вся Греция должна была стать добычей Филиппа, царя македонского.

Платон сам принадлежал к старинной афинской аристократии и всей душой ненавидел демократический образ правления, «господство толпы». Ведь, и учитель его — Сократ издевался над демократией и был казнен фактически за сочувствие аристократическому перевороту. Но в то же время Платон был настолько выше своих опустившихся в погоне за наживой современников, что ему были противны и тогдашние аристократы. Он хотел создать такую аристократию, где управляли бы, действительно, лучшие, избранные, и притом не ради выгод, которые дает власть, а для исполнения высокого долга. И он понимал, что пока власть будет доставлять богатство и наоборот, до тех пор в обществе будет царить вражда, и личная корысть будет стоять выше общественных интересов.

В его книге о государстве, которая и содержит знаменитый коммунистический проект, уже формулирована теория борьбы классов. «Если в государстве богатство и богатые почитаются, то добродетель и добродетельные люди не пользуются уважением... Такое государство по необходимости представляет из себя как бы два государства: одно составляют бедные, другое — богатые, все они живут вместе, стараясь причинить друг другу зло».

дальше, даже в первых коммунистических утопиях нового времени, основанных на идее всеобщего труда,—все же сохранялись рабы, на долю которых выпадали самые тяжелые и неприятные виды труда. И только современная техника, только машинное производство впервые создали материальные условия для освобождения всего человечества, для создания коммунистического общества без рабов, ибо в нем роль рабов будут исполнять машины.

И вот, с целью осуществить план идеального государства, где правящее сословие пользуется уважением и не вызывает зависти, с одной стороны, а, с другой — само не может поддаться искушению — ради земных благ отступить от своего долга, — Платон предложил ввести строгий коммунистический режим для сословия правителей, или «стражей» государства. В то время, как производительные классы населения, крестьяне, ремесленники и т. д. сохраняли и частную собственность, и прежний образ жизни, хотя и их экономическая деятельность регулировалась правительством, чтобы не допустить нового скопления богатств в немногих руках, — «стражи»,—к которым Платон относил «воинов» и «философов», одних лишь, по его мнению, достойных быть действительными правителями,—не должны иметь ни собственности, ни семьи. Им строжайше должно быть запрещено хранить у себя драгоценные металлы, или деньги, они должны, «подобно воинам в походе», участвовать в общих обедах и вообще не владеть ничем, что могло бы их выделять в каком бы то ни было отношении, или в какой-либо степени привязывать к себе.

У них не только должна быть общность имущества, но и общность жен, при чем дети с самого рождения должны получать общественное воспитание и не знать, кто их родители; точно так же и отцы не знают своих детей. Этим предупреждается возможность какой-либо личной привязанности, какого-либо соблазна скопить богатство для своих детей. Таким именно путем, надеялся Платон, в его аристократической республике будут устранены все дурные последствия, вызываемые погоней правящих сословий за богатствами и всякими выгодами. Платон считал коммунизм высшей формой общежития и полагал, что лишь «стражи» государства, воины и философы-правители, достойны коммунизма и способны его осуществить.

И, действительно, такой коммунизм, коммунизм потребления возможен лишь в том случае, если большинство общества работает, а правящее меньшинство пользуется продуктами этой работы. Платон оставлял нетронутым весь прежний способ производства, отчасти и прежние имущественные отношения и лишь из правящего сословия, жив-

щего на счет всего общества, делал особое, замкнутое коммунистическое братство, вроде монашеского ордена, которое, не имея никаких личных интересов и привязанностей в жизни, знало бы лишь одну цель — разумное и справедливое управление своими подданными и охрану государства от внешних врагов.

Этот, на первый взгляд, странный план тоже отчасти был заимствован из древне-греческой жизни, а именно, из древнейшего государственного устройства аристократической Спарты, к которой афинские аристократы питали большие симпатии и которая в эпоху Платона уже успела значительно разложиться. В старинной Спарте, о которой между всеми греками ходило много рассказов и анекдотов, полноправные граждане, составлявшие меньшинство населения, жили без всякого производительного труда на счет своих рабов и крепостных и составляли полукоммунистическую военную общину. У них были общие обеды, запрещена была всякая роскошь, словом, они вели такой образ жизни, который не мог бы отклонить их от непрерывных войн, не мог бы разложить всегдашнюю их боевую готовность. Вот этот-то полумифический, старинный «спартанский режим» и взял, повидимому, Платон за образец для своего плана аристократического коммунизма *).

Но при этом Платон, в отличие от спартанцев, с пренебрежением смотрел на военное ремесло, и в его идеальной республике «воины» были лишь неизбежным злом. Истинными правителями, как мы уже сказали, он считал «философов», т.-е. «аристократов духа». Среди этой аристократии дети, конечно, получали воспитание, подготовлявшее их к власти и управлению, так что аристократия эта становилась наследственным сословием. Но доступ в нее был открыт и для отдельных представителей «простого народа», которым, благодаря исключительным способностям, удалось

---

*) С другой стороны, именно в Спарте, уже в следующем веке, была сделана революционная попытка (под руководством царей Агиса и Клеомена) добиться раздела земель и вообще ввести равенство среди господствующего меньшинства, которое давно уже успело распасться на богачей и бедняков.

бы возвыситься над массой рядовых, занимающихся физическим трудом или торговлей, граждан республики.

Считал ли Платон свой план практически осуществимым, или он смотрел на него только, как на литературное произведение? Все данные заставляют предполагать, что он не только считал осуществимым свое идеальное «государство стражей», но и делал попытки к воплощению своего плана в жизнь. Но, подобно всем последующим великим утопистам, он никаких надежд не возлагал при этом на творчество самого народа: ни на демократию, ни на разлагавшуюся и выродившуюся аристократию, а ждал осуществления своей коммунистической реформы от какого-либо просвещенного и благодетельного самодержца, или, как их называли в Греции, тирана. С этой целью он, быть может, и направился в Сицилию ко двору сиракузского тирана Дионисия, который славился своим покровительством поэтам и философам. Но — увы! — Платона, как и утопистов XIX века, ждало здесь глубокое разочарование: ему не только не удалось осуществить никаких реформ, но его подвергли политическому преследованию, и он должен был бежать из Сицилии, чтобы спасти свою свободу, а, может быть, и жизнь.

Сочинение Платона о государстве, тем не менее, сохранило свое глубокое значение для потомства. Это было первым философским, остроумно и блестяще написанным доказательством преимуществ коммунизма над частной собственностью, и в этом отношении, как мы уже говорили, платоновский коммунизм послужил образцом для всех позднейших произведений подобного рода *).

*) Позже та же древняя Греция дала нам и первый образец фантастического утопического романа, автором которого был Ямбул (самый роман—в форме путешествия—не сохранился; о нем известно лишь по изложению греческого историка Диодора). В этом романе изображается счастливый остров, жители которого живут в состоянии патриархального коммунизма, с общностью жен и общественным воспитанием детей. Здесь легенда о золотом веке принимает излюбленную писателями XVI—XVIII веков форму путешествия в страну, где сохранился счастливый первобытный коммунизм.

3. Коммунистические элементы первоначального христианства.

То, что пришлось испытать Греции в эпоху Платона, переживало в неизмеримо большем масштабе несколько столетий спустя огромное Римское государство. Опустошительные гражданские войны последних времен республики, разорение крестьянства, все что вызвало запустение целых областей и скопление в больших городах, особенно в самом Риме, огромных масс неимущих граждан, «пролетариев», которых государство кормило на счет грабежа колоний. Но неудачные войны империи и обеднение самих колоний привели к страшному разорению всего государства и обнищанию городских масс. Войны, внешние и внутренние, мятежи, эпидемии и голод уносили множество жертв. Варвары опустошали империю, и из них же приходилось создавать римские армии. Всеми чувствовалось, что разлагается и гибнет старая грекоримская цивилизация.

Это тревожное, полное смутных предчувствий и нервного напряжения время вызывало в правящих классах, среди богачей или безумную жажду наслаждений, непрерывный «пир во время чумы», или же, у более образованных или мыслящих людей, мрачную философию пессимизма, отчаяния, приводившую даже к самоубийствам. Что же касается измученных, исстрадавшихся народных масс, главным образом, в городах, где особенно свирепствовала нищета, то они были охвачены религиозными порывами, ожиданием чуда, которое внезапно изменит к лучшему их невыносимое положение. Возникал целый ряд тайных религиозных сект, и христианство, с его проповедью скорого пришествия Христа, помазанника божия, который устроит суд, воздаст справедливость всем страдающим и обремененным и введет на земле «тысячелетнее царство» блаженства,—было вначале одной лишь из этих сект, вследствие целого ряда причин получившей наибольшее распространение. Так, в основе христианства, как и всех великих религиозных движений, лежали глубокие экономические причины.

Христианство сделалось первоначально религией городской бедноты римской империи, наиболее страдавшей

экономически и в то же время наиболее нервной и восприимчивой. Деревня долго оставалась совершенно чуждой этому движению, и латинское слово «paganus», означавшее сперва деревенского жителя, «поселянина», стало со времен христианства значить то же, что «язычник» (отсюда русское слово «поганый»). Высшие же образованные классы римского общества, римская «интеллигенция», за немногими исключениями, долгое время с пренебрежением смотрели на христианство как на грубое суеверие невежественного простонародья.

Экономические и классовые корни христианства проявились и в его коммунистических стремлениях. Но и в этом отношении христианство нашло уже готовые примеры в других религиозных сектах. Так, в Палестине, в еврейской секте ессеев, из среды которой и вышли первые христиане, уже за сто лет до так называемого рождения Христа была тайная коммунистическая община. Вот как описывает ее древний еврейский историк Иосиф Флавий: «Богатство они ставят ни во что и, напротив, очень хвалят общность имущества; между ними нет ни одного более богатого, чем другие. У них есть закон, по которому все желающие поступить в их орден должны отдавать свое имущество для общего пользования, поэтому у них не заметно ни недостатка, ни излишества, но у них все общее, как у братьев... Они не торгуют между собой, но если кто-либо дает нуждающемуся то, что ему нужно, то и от него получает необходимое. Если даже он сам не в состоянии что-либо дать, то все-таки смело может просить у всякого о том, что ему нужно».

По такому же типу были построены и первые христианские общины. Евангелие, как известно, проповедует раздел имущества между бедняками, прославляет бедность и нищенство, об'являет нищих угодными богу и обещает им царство небесное. Эта проповедь христианского коммунизма в эпоху, когда ожидали близкой гибели мира, увлекала и некоторых состоятельных и богатых людей, которые торопились раздачей своего имущества беднякам и отказом от богатства и всякой собственности заслужить прощение грехов. Поэтому уже в первой христианской общине в Иерусалиме, согласно «Деяниям Апостольским», «никто ничего из имения своего не называл своим, но все было общее... Не было ме-

жду ними никого нуждающегося, ибо все, которые владели землями или домами, продавая их, приносили цену проданного и полагали к нотам апостолов; и каждому давалось, в чем кто имел нужду». Впоследствии таких общин было множество по всей римской империи.

Но само собой понятно, что долго такой коммунизм в его чистом виде держаться не мог. Ибо если коммунизм Платона предлагался для аристократии, для высших, правящих сословий, «философов» и «воинов», то первоначальное христианство было коммунизмом нищих. При всей противоположности между аристократизмом платоновской утопии и демократизмом, плебейским, народным характером первоначального христианства,—общее между ними то, что в обоих случаях мы имеем дело с коммунизмом потребления, а не производства. Если аристократическая коммунистическая община Платона могла бы существовать лишь постольку, поскольку ее содержали бы своим трудом крестьяне и ремесленники, то, с другой стороны, христианский коммунизм раздела имущества мог держаться только до тех пор, пока хватало этого имущества на прокормление нищих. Стоило всем, согласно евангельскому завету, стать нищими, и нечего было бы больше делать, так как остановилось бы всякое производство.

Поэтому коммунизм первых христианских общин был и мог быть продуктом кратковременного религиозного энтузиазма, как и безбрачие, проводившееся в некоторых общинах, но не мог стать длительной формой общежития. И уже очень скоро чистый коммунизм, полная общность имуществ уступает место таким внешним его признакам, как совместные трапезы верующих, или таким полумерам, как передача в пользу общины излишков отдельных хозяйств. Христианский коммунизм вырождается в благотворительность, в помощь беднякам, оказываемую богатыми христианами.

Другой особенностью христианского коммунизма является его смирение, его покорное ожидание второго пришествия, его подчинение во всех делах, кроме веры, властям предержащим. Первоначальное христианство, обращаясь к беднякам, проповедывало терпение, покорность, смирение перед бед-

ствиями мира сего, обещая за это награду на том свете. Оно не требовало у богатых перемены общественных отношений, а обращалось к их доброй воле. И, призывая их к раздаче имущества, или, по крайней мере, к благотворительности, оно оставляло нетронутой самую основу их богатства, эксплоатацию чужого труда. Поэтому, при всей кажущейся революционности своего коммунизма, христианство оказалось в конце концов достаточно безобидной и удобной для высших классов религией, которая, обещая беднякам в будущей жизни царство небесное, в земной жизни призывала их к послушанию и покорности своей судьбе.

Этим отчасти об'ясняется, что, возникнув, как религия бедняков и рабов, христианство в течение 2-3-х столетий стало господствующей религией римского государства, стало орудием в руках духовенства и высших классов для того, чтобы держать в подчинении народные массы.

Но этот процесс превращения происходил медленно и постепенно. По мере того, как угасал энтузиазм первых религиозных общин, богатые христиане снова начинали заботиться только о своих «мирских» делах, т.-е. о стяжании и барышах. И наиболее искренние и преданные христианскому коммунизму отцы церкви первых веков громили богатых в своих проповедях и сочинениях. Один из таких проповедников писал, например, в IV веке: «Я спрашиваю вас, что называете вы своей собственностью? Кто дал вам ее? Вы поступаете, как человек в театре, поспешивший занять все места, чтобы воспрепятствовать войти другим, взяв для себя то, что принадлежит всем. Как же богатеют богатые, если не путем завладения вещами, принадлежащими всем? Если бы всякий брал лишь то, что нужно для поддержания его жизни, и оставлял излишек другим, то не было бы ни бедных, ни богатых».

Позже, в VI веке папа Григорий Великий заявил еще более решительно, что «кто не дает другим свое имение, тот убийца и душегубец, он оставляет себе то, что могло бы служить для содержания бедных, а поэтому о нем можно сказать, что он убивает ежедневно столь-ких людей, сколько могло бы жить от его избытка».

Наконец, знаменитый Иоанн Златоуст, подвергшийся

ссылке за свои откровенные нападки на развращенность высших классов, призывал к осуществлению потребительского коммунизма, т.-е. к совместной жизни, общим обедам и т. д. уже при помощи не религиозных аргументов, а чисто экономических: указанием на выгодность коммунизма, на огромное сбережение сил и средств, которое он дает.

Впрочем, когда речь идет о коммунистических проповедях отцов церкви, то не следует забывать, что в огромном большинстве случаев она далеко не была бескорыстной. Дело в том, что понемногу из демократической самоуправляющейся общины, с выборными священниками, христианская церковь стала иерархической организацией, господствующей над мирянами и владеющей большими имуществами, полученными путем дарений и вкладов. И так как церковь и особенно монастыри привлекали к себе почитание верующих, между прочим, широкой благотворительностью, кормлением нищих и т. д., то в устах многих проповедников призыв к богачам—отдавать свои имения в пользу нуждающихся—означал лишь призыв пожертвовать их церкви, т.-е. управляющему ею духовенству. Духовенство смотрело на себя, как на естественных представителей всех бедняков, которым оно уделяло часть церковных доходов, и жертвовать в пользу церкви, по мысли ее служителей, и означало жертвовать в пользу «нуждающихся и обремененных».

По мере того как на развалинах римской империи складывался вводимый германскими варварами-завоевателями феодальный порядок, по мере того, как пустели города и возрождалось земледелие, с натуральным хозяйством, с прикреплением крестьян к земле, — нищета народных масс, как длительное и постоянное явление, перестала существовать и проявлялась лишь во время общественных бедствий, как войны, эпидимии, неурожаи, пожары и т. п. Поэтому церковь из заступницы и покровительницы бедняков, в интересах которых она будто бы раньше и собирала пожертвования от богатых мирян, теперь сама становилась богатейшим собственником и ввела даже особый налог, «десятину», на бедное крестьянское население.

При таких условиях, от коммунизма первых времен христианства к середине средних веков остались лишь следы в

форме нищенствующих монашеских орденов и отчасти в виде самих монастырей, которые возникали нередко, как религиозно-коммунистические трудовые братства, и лишь потом, богатея от вкладов и подарков жертвователей, поклонявшихся «святой» жизни монахов, сами становились собственниками и эксплоататорами окрестного населения.

Такие монастыри, которых особенно много было и в России в эпоху ее средневековья, осуществляя аскетический христианский идеал безбрачия и умерщвления плоти, в то же время, появляясь обыкновенно среди суровой природы, удовлетворяли неотложным экономическим потребностям, были пионерами культуры в диких местностях и зародышами производительной кооперации.

II. КОММУНИСТИЧЕСКИЕ СЕКТЫ В КОНЦЕ СРЕДНИХ ВЕКОВ И В ЭПОХУ РЕФОРМАЦИИ.

1. Экономические особенности переходного времени.

Мы уже видели и на примере Платона и на примере первых христианских общин, что коммунистические стремления и идеи возникают обыкновенно в эпоху коренной ломки старого, веками сложившегося строя, в эпохи резкого обострения классовых противоречий и усиления нужды и лишений народных масс. Для средневекового строя, с его прочным укладом жизни, в котором, несмотря на постоянные войны, каждый знал свое, раз навсегда определенное место, где общество делилось на строго ограниченные сословия и где каждая деревня, каждый город и область жили своей замкнутой и однообразной жизнью, добывая при помощи натурального хозяйства все необходимое,—для средневекового строя эта ломка прежних общественных отношений начала более или менее ярко сказываться с XII—XIII веков. И тогда же возродились коммунистические стремления в форме так называемого еретического или сектантского коммунизма. Экономическую обстановку этой новой эпохи мы теперь прежде всего и рассмотрим.

В общих чертах она может быть характеризована, как з а р о ж д е н и е б у р ж у а з н о г о о б щ е с т в а. Это зарождение началось в Италии и Южной Франции, т.-е. в тех областях бывшей римской империи, в которых больше всего сохранилось городов и элементов городской жизни, где рано появился торговый и ростовщический капитал, велась торговля с Востоком и, наконец, никогда не переводился городской пролетариат, беспокойный и восприимчивый. Там появились и первые коммунистические «ереси», которые. по мере разви-

тия новых отношений в других странах, как Нидерланды, Англия, Богемия и, наконец, Германия, получили распространение и в них.

В чем же выразились новые общественные отношения, каковы были экономические особенности зарождающегося буржуазного общества?

Выделение ремесла из общего натурального хозяйства привело к развитию обмена и послужило началом разложения этого натурального хозяйства. Вместе с тем, концентрируясь в более крупных поселениях и в свою очередь содействуя их расширению, ремесленники вызвали рост старых городов и возникновение новых. Развитие торговли с другими странами, особенно с Востоком, быстро подвинувшееся вперед после «крестовых походов», усилило рост и влияние торгового и денежного капитала. Города, страдавшие от произвола разбойничавших мелких дворян-феодалов, помогали крупным князьям и королям в их борьбе с феодальным рыцарством за установление общегосударственного порядка и тем содействовали укреплению центральной власти.

Эта власть, нуждавшаяся в постоянных наемных армиях, заменявших прежние рыцарские ополчения, для их содержания постоянно требовала денег и вводила налоги, ложившиеся тяжелым бременем на население.

Наконец, распространение денег, вызванное развитием обмена и необычайно увеличившееся в XV и начале XVI в. под влиянием разработки новых золотых и серебряных приисков в Европе и открытия Америки с ее обилием драгоценных металлов, привело, прежде всего, к сильному вздорожанию всех предметов необходимости, становившихся товарами, а также к замене барщинной трудовой повинности денежными оброками, которые крестьяне платили помещикам.

Прежде, в эпоху натурального хозяйства, жадность эксплоататоров имела естественные преграды в физической способности человека потреблять. Богатство и роскошь проявлялись в широком гостеприимстве, в содержании многочисленных слуг, в благотворительности и т. п. Разница в образе жизни разных классов населения не очень резко бросалась

в глаза. Теперь, с распространением денег появилась возможность копить богатства в неограниченных размерах. Это увеличило жадность и стремление помещиков выжимать из крестьян как можно больше, к чему еще присоединилась погоня за внешней роскошью, за дорогими тканями, украшениями и винами, которые доставляла торговля с чужими странами. Мелкие дворяне завидовали богатой жизни городских купцов и изо всех сил старались тянуться за ними, обращаясь ради этого, с постепенным прекращением разбойничества на больших дорогах, все к тем же своим крестьянам. Усиление эксплоатации крестьян и попытки вернуть их в крепостное состояние там, где они уже были свободны, естественно встречало отпор с их стороны.

Вначале они массами убегали в города, которые рады были увеличению своего населения, притоку новых сил, давали им права гражданства и охотно принимали их в ряды ремесленников. Но когда города стали так расти, что они не могли уже прокормить всего своего населения, а ремесленники, боясь конкуренции, замкнулись в свои цехи, с ограниченным числом членов, разорявшиеся крестьяне, с одной стороны, увеличивали число бездомных пролетариев и бродяг, а, с другой, оставшиеся в деревнях пытались силой отстоять свое прежнее существование. В результате ряд грандиозных крестьянских восстаний как «жакерия» во Франции, восстание Уота Тайлера в Англии— в XIV веке и, наконец, великая крестьянская война в Германии в эпоху реформации.

В городах тоже начался процесс диференциации, т.-е. расслоения прежнего более или менее однородного населения на различные борющиеся между собой классы и группы. Шла борьба между ремесленниками и купцами, интересы которых бывали часто противоположны, борьба между ремесленниками-хозяевами и их подмастерьями и, наконец, борьба всего «устроившегося» мещанского общества против новых беспокойных пришельцев, которые к концу средних веков стали наполнять города. Подмастерья, которые раньше считались членами семьи хозяина, ели с ним за одним столом и нередко женились на его дочери, по мере роста ремесленных заведений все более становились наемными ра-

бочими. А обычай странствовать из города в город создал общеклассовую психологию у подмастерьев разных городов и областей и зародыши профессиональной организации, что очень облегчало их сношения между собой, при образовании тайных коммунистических обществ и при попытках восстания.

Кроме того, в конце средних веков в некоторых местах Западной Европы возникли две отрасли промышленности, в которых орудовал крупный капитал, которые концентрировали сравнительно большие массы рабочих, и где, таким образом, появились уже зародыши новейшего пролетариата капиталистической эпохи. Эти отрасли промышленности — горная и шерстяная, добывание и обработка металлов и обработка и тканье шерсти. Они по самому свойству своего производства требовали больших денег и большого разделения труда, и потому в этих отраслях мелкое ремесло или не могло применяться вовсе, или неизбежно должно было очень скоро вытесниться крупным капиталом.

У рабочих этих отраслей промышленности, живших компактными массами и не имевших, в противоположность подмастерьям, никакой надежды стать самостоятельными хозяевами, возникла, правда, в зародыше, и пролетарская психология. Они вели себя в общем довольно бурно, не отличались послушанием и были коноводами во всяких бунтах и восстаниях. Это особенно относится к ткачам. Крестьянские восстания тех округов и областей, в которых было много ткачей, находили в них своих естественных руководителей.

В этих областях, как в некоторых округах Франции, Германии и Англии, в Нидерландах, в Богемии, более легко распространялись и пускали более глубокие корни коммунистические ереси. А специально в области шерстяной промышленности, где шерсть сплошь и рядом доставлялась из других стран и где международные отношения играли очень большую роль, так как всякие внешние осложнения, а, тем более, война, прекращали подвоз шерсти и обрекали ткачей на безработицу и голод, у рабочих необычайно расширялся кругозор, увеличивался интерес к общей политике и еще усиливались и без того свойственные средневековому коммунизму интернациональные тенденции.

Таковы были экономические особенности переходного времени от феодализма к капитализму, от средневековья к новой Европе. Рост богатства и бедности, усиление эксплоатации, падение старых патриархальных устоев, все это будило беспокойство и недовольство, отнимало уверенность в завтрашнем дне, вызывало смутные предчувствия. К концу XV века это настроение стало усиливаться новыми войнами, которые становились все опустошительнее, появлением турок в Европе, открытием Америки и т. п. А если мы к этому прибавим изобретение книгопечатания, которое в бесконечное число раз ускорило быстроту обращения человеческой мысли, то мы легко поймем, почему коммунистические ереси с такой легкостью перебрасывались из страны в страну, так широко распространялись.

Но, помимо всех указанных причин, была еще одна, едва ли не важнейшая, которая содействовала развитию сектантского коммунизма и на первых порах обеспечивала ему сочувствие довольно широких кругов населения. Это была все возраставшая к концу средних веков, становившаяся почти всеобщей, ненависть к католической церковной иерархии, главным образом, к папству, как к величайшему эксплоататору народных масс, к явному для всех — экономическому паразиту.

При окончательной организации христианской католической церкви духовенство должно было играть роль, напоминающую платоновских правителей в его идеальном государстве. Оно не имело ни семьи, ни собственности, что должно было гарантировать его бескорыстие и преданность высшим идеям церкви. А идеи эти были весьма честолюбивы. Церковь претендовала на полное управление всем католическим миром, не только духовное, но и светское, о чем весьма недвусмысленно свидетельствует вековая борьба пап с императорами. Но ни духовенство в целом, ни сами папы не удержались на высоте той роли, какую они хотели играть. Духовенство стало гоняться за весьма реальными мирскими благами и погрязло в жадности, обжорстве, пьянстве, пороках всякого рода, чему пример подавал глава всей церкви, римский папа.

Кроме того, церковные князья, т.-е. епископы, а также монастыри владели огромными пространствами земли, которые они эксплоатировали непосредственно. Им принадлежали целые города и области, с которых они брали налоги и пошлины всякого рода. На все крестьянское население, как мы уже знаем, была наложена специальная церковная «десятина». Католическая церковь сделалась огромной международной экономической организацией, богатейшим землевладельцем и капиталистом, как бы всесветным эксплоататором, вызывая этим ненависть народных масс и зависть нарождающейся буржуазии, дворянства и даже низшего духовенства.

Образ жизни аббатов и епископов и переходившие из уст в уста рассказы о разврате и взяточничестве, царивших при папском дворе, не только не внушали уважения к духовенству, но невероятно озлобляли население, особенно низшие его классы, для которых было ясно, что все церковные богатства и налоги идут на покрытие личных прихотей духовенства и папы, их безумной роскоши, разврата и тех войн, которые вызывались их «светской» политикой.

А когда папы, не довольствуясь всеми своими доходами и вечно нуждаясь в деньгах, для пополнения своей казны ввели в широких размерах торговлю отпущением грехов («индульгенции»),—грехов прошлых, настоящих и будущих, при чем эта торговля, при общей темноте, невежестве и суеверности всех классов населения, всегда находила достаточный сбыт, — это подняло страшную бурю негодования, приведшую, как известно, к той революции, которая известна под названием реформации. При этом бедняки, под влиянием проповедников коммунизма, делали из торговли индульгенциями определенные классовые выводы. Они говорили, что вопреки евангелию, богатые, которые в состоянии покупать индульгенции, могут, таким образом, делать все, что им угодно, не боясь даже божьего гнева, а бедняки лишены своей последней надежды на царство небесное. И на том свете, следовательно, должно сохраниться неравенство и несправедливость земной жизни.

Так высшее духовенство и папство усиливали и обостряли социальные противоречия переходной эпохи и в сильнейшей степени содействовали развитию коммунистических

стремлений в обездоленных или разорявшихся народных массах. Эти стремления неизбежно должны были принимать в то время религиозную форму.

2. Еретический коммунизм в XIII—XV века.

Во всяком народном движении следует различать его социально-экономическое, классовое содержание и его оболочку, его идейную форму, т.-е. те идейные знамена, те лозунги, под которыми идет данное движение, то обоснование и то оправдание, которые ему даются его вождями и руководителями. Когда революционная буржуазия XVIII в. во Франции выступала под философскими лозунгами свободы и равенства, то это означало лишь, несмотря на искренность многих ее идеологов, свободу торговли, свободу эксплоатации для нее и... свободу умирать с голоду для неимущих масс, отмену сословных и юридических привилегий дворянства и создание на место родовой аристократии—аристократии капитала. Когда папская инквизиция преследовала и сжигала «еретиков», т.-е. всех недовольных, всех восставших против папского господства,—«во имя Христа», это значило, что Христос должен был служить символом угнетения и подавления народных масс.

Но, когда, с другой стороны, эти массы подымались против всякого гнета и эксплоатации, они не могли найти в то время никакой другой идейной формы для своих требований, никаких иных духовных доказательств своей правоты, кроме того же христианства, которое имело то большое преимущество, что позволяло бить врага его собственным духовным оружием.

Мы знаем, что при самом своем возникновении христианство было лишь религиозной формой определенных социальных отношений. В этом смысле можно утверждать, что религиозные движения конца средних веков и начала нового времени были возрождением христианства, которое огромные массы, быть может, впервые воспринимали в его идейной форме, при чем разные классы понимали его по разному, применительно к своим особенностям, интересам и требованиям.

В самом деле, не подлежит сомнению, что варварские народы Европы, которых крестили, как впоследствии русских славян, «огнем и мечом», воспринимали это христианство чисто внешним, формальным образом, только как новый вид суеверия и идолопоклонства, в котором место их богов заняли христианские черти и святые, место их идолов—иконы и статуи Христа и девы Марии, а место заклинаний их жрецов—бормотание христианских священников на непонятном латинском языке. И такое положение было, конечно, выгодно католическому духовенству, так как оно обеспечивало ему темное и слепое послушание его «паствы».

Недаром церковь так долго и упорно запрещала перевод так называемых священных книг на родной язык тех народов, где она эти книги якобы проповедывала. И недаром первые переводы этих книг служили одним из сильнейших орудий реформации, т.-е. восстания против папства. А изобретение книгопечатания сделало эти священные книги, т.-е. прежде всего, евангелие, ветхий завет и апокалипсис первыми книгами, которые в большом количестве попали в народную толщу. Для огромных масс Европы это означало, что они впервые приобщались к христианству вообще. И в то время, как низшее дворянство и буржуазия черпали в этих книгах аргументы только против церковных богатств и светской власти церкви, обездоленные массы находили в них отрицание всякого богатства и власти, находили как бы освященное религией выражение своим смутным коммунистическим стремлениям, своим требования равенства и уничтожения эксплоатации. Они проходили мимо христианских проповедей смирения и послушания, но зато с жадностью читали и слушали все выпады против богачей, все предсказания их гибели и грядущего торжества бедняков.

Те же явления наблюдались впоследствии, даже в XIX веке, и у наших русских сектантов. И в России появление в народных низах религиозных сект означало не что иное, как то, что они впервые становились христианами более или менее сознательно, в первоначальном социальном значении этого слова. И когда мы видим—как в истории европейских «ересей», так и, например, в нашем старообрядчестве — ожесточенную борьбу за пустые, казалось бы, формулы, как

двуперстное знамение у старообрядцев, или «причащение под обоими видами» для мирян у гуситов в XV веке, то здесь эти религиозные формулы служат лишь символом, знаменем определенных социальных требований, подобно тому, как в наше время такими символами служат, например, цвета знамен; мы знаем, что определенные цвета во всех новейших европейских революциях и в начавшейся мировой революционной эпохе являются обозначением тех или иных классовых и политических требований и идеалов и вызывают такой же энтузиазм одних и ненависть других, как в свое время религиозные формулы и символы.

Итак, христианство, как единственно известная и доступная широким массам идеология, естественно сделалось той формой, в которую они облекли свои социальные требования, мечты и упования.

Подобно нашим крестьянам, которые долго после отмены крепостного права думали, что царь дал им «настоящую волю», но дворяне-помещики ее спрятали, так и верующие сектанты конца средних веков считали, что они представители «истинного христианства», которое попы и духовенство вообще «скрывали» от народа. При этом характерно следующее: чем радикальнее были социальные требования сектантов, тем дальше и глубже шла их критика и отрицание религиозных догматов официальной церкви.

Это же наблюдалось и в русских сектах. Но, в отличие от большинства этих сект и от первых христианских общин, религиозные секты конца средних веков и начала нового времени, при всей своей восторженной религиозности, мистицизме и нередко аскетизме, отличались почти всегда боевым революционным духом, не ограничивались будущей справедливостью в царстве небесном, а звали к установлению ее здесь, на земле. Этим об'ясняется их пристрастие к ветхому завету и апокалипсису, с их духом борьбы, с их пророческими проклятиями по адресу богачей и злых властителей.

Переходя к краткому конкретному описанию важнейших коммунистических сект этой эпохи, стоит прежде всего отметить, что первая, сколько-нибудь известная из них, секта «вальденсов», существовавшая в XII веке на юге Фран-

ции, зародилась в Лионе, среди ткачей, где она называлась также «лионскими бедняками».

Таким образом, лионские ткачи, знаменитое восстание которых в 1831 г. считается обыкновенно началом открытого революционного движения новейшего пролетариата, были первыми застрельщиками коммунистического движений конца средних веков.

Вальденсы проповедывали общность имущества и безбрачие, при чем женщины у них действовали наравне с мужчинами. Они отрицали военную службу и присягу. Их тайный коммунистический союз имел свои разветвления в Северной Италии, даже в Германии и Богемии, и между всеми общинами поддерживались оживленные сношения. К чистым коммунистам присоединялись и просто демократические элементы.

Папство испугалось растущей силы еретиков и об'явило против них «крестовый поход», в котором приняло участие множество разбойничавших рыцарей Северной Франции и всяких любителей пограбить.

В течение 30 лет (с 1208 до 30-х г.г.) шло кровопролитное усмирение «еретиков», известное под названием «альбигойских войн», (по имени г. Альби, который был центром южнофранцузских еретиков).

В результате этого «усмирения», переходившего в простую бойню, цветущая и богатая область превратилась в пустыню и присоединена была к Северной Франции.

В идейном родстве с вальденсами была секта «апостольских братьев», действовавшая в XIII веке на севере Италии. Вначале она носила вполне мирный, почти монашеский характер. Члены ее, как рассказывает один историк, «подобно первым христианам, называли друг друга братьями и сестрами: они жили в строгой бедности и не должны были иметь ни собственных домов, ни запасов на следующий день, ни чего-либо служащего для удобства или наслаждения... Богатые люди, присоединившиеся к ним, должны были отказаться от своего имения и предоставить его в общее пользование братства».

Когда, несмотря на свой мирный характер, «апостольские братья» начали подвергаться преследованиям, у них

появился предводитель, смелый и страстный агитатор и умелый военный вождь — Дольчино, который действовал вместе со своей подругой, бывшей монахиней Маргаритой. Сперва Дольчино надеялся с помощью какого-либо князя захватить папский престол, перебить все духовенство и потом основать апостольскую общину. Но впоследствии он нашел другого союзника, крестьянство, недовольное усилившейся эксплоатацией со стороны дворянства и монастырей; и во главе его коммунисты начали вооруженное восстание против церкви, государства и всего старого общества.

На первых порах восстание было успешным и навело ужас на духовенство, дворянство и буржуазию городов. Но очень скоро выяснилось, что крестьяне — плохие союзники. Они не хотели воевать за пределами своих округов, довольствуясь грабежом соседних имений, при маленьких уступках со стороны дворян легко шли на компромиссы и, наконец, стали протестовать против затянувшейся войны, которая приносила им разорение. «Апостольские братья», в числе около 2000 человек, были предоставлены самим себе, заперты в горах и, изнуренные голодом, истреблены почти целиком. Дольчино и Маргарита нарочно были оставлены в живых и потом подвергнуты бесчисленным издевательствам и мучительной казни, при чем все мучения они переносили без единого стона.

Но память об этом восстании долго жила среди бедняков, которые смотрели на погибших братьев, как на мучеников и святых.

Очень рано возникли коммунистические секты и во Фландрии (нынешняя Бельгия), где коммунистические общества ткачей устраивали даже производительные товарищества, с полной общностью имущества, успешно конкурировавшие с официальными цехами.

Возможно, что фландрские ткачи, выписанные в Англию, где тоже стала развиваться шерстяная промышленность, перенесли и туда свою ересь. Во всяком случае в XIV веке в Англии сильно распространилась и пользовалась большим успехом религиозно демократическая секта «лоллардов» *), ядро которой составляли коммунисты в Норфольке.

*) От слова „Loll",—бормотать, наповать под нос.

главном центре шерстяной промышленности. Ее проповедники — «бедные братья», или «бедные священники», самым знаменитым из которых был Джон Болл, прозванный врагами «сумасшедшим попом из Кента», ходили по всей стране, пропагандируя революционное евангелие коммунистических сект. Вот образчик одной из проповедей Болла в передаче ненавидевшего еретиков современного французского летописца.

«Любезные братья, жизнь в Англии не станет лучше, пока не будет введена общность имущества и пока не исчезнут дворяне и крепостные, пока мы не станем все равными и господа будут не выше нас... Они носят бархат, шелк и меха, между тем, как мы одеваемся в убогий холст. Они имеют вино, пряности и пироги, а мы едим одни отруби, пьем одну воду. Их участь—безделье и пьянство... бездельничание в роскошных замках. а наша—труд и работа под ветром и дождем в поле; ведь из нашего труда они и извлекают свою роскошь. Нас называют батраками и бьют, когда мы не принимаемся безропотно за всякую службу, и у нас нет короля, желающего выслушать нас или помочь нам в нашем деле».

В заключение проповедник все же приглашал батраков итти сообща к «молодому королю» с угрозой, что если он им не поможет, то они «сами себе помогут другим способом». Как это напоминает наивное хождение ленинградских рабочих к царю 9 января 1905 года, с которого началась первая русская революция!

Некоторое время агитация лоллардов не встречала больших препятствий, так как она, главным образом, была направлена против высшего духовенства и папы. А в то время в Англии началось сильное движение всех классов населения против владычества пап, которым Англия платила огромный налог, и которые, тем не менее, были на стороне Франции, в ее столетней войне с Англией. И король и дворянство мечтали о конфискации в свою пользу церковных земель. Выразителем этих антипапских и антикатолических стремлений высших классов был английский Лютер—Виклеф. Пропаганда лоллардов как бы приобщала к этому реформаторскому движению и низшие классы.

Но, когда в конце XIV века разразилось грандиозное восстание крестьян под предводительством Уота Тайлера, восстание, в котором не малую роль играла проповедь «бедных братьев», когда крестьянам удалось захватить королевский замок Тоуэр, убить ненавистного архиепископа и осадить самый Лондон, и они были разбиты только благодаря предательству того самого «молодого короля», Ричарда II, к которому приглашал их пойти Джон Болл,—высшие классы с королем во главе пришли в ужас и предпочли отказаться от борьбы с папой, чем иметь такого опасного союзника, как лолларды. Их вожди были беспощадно истреблены, как и масса бедняков, шедших за ними, и секта почти прекратила свое существование.

Из всех коммунистических сект пред реформацией наибольшее распространение, значение и силу приобрела возникшая в XV веке в Богемии (Чехии) секта «т а б о р и т о в», которой удалось фактически захватить государственную власть, вести победносно целый ряд кровопролитных войн, и которая погибла, главным образом, благодаря внутреннему разложению, благодаря тому, что потребительский коммунизм не может долго держаться.

Краткая история этой секты такова: в Богемии, которая очень быстро развивалась экономически в конце средних веков, католическая церковь владела огромными богатствами и еще в гораздо большей степени, чем в Англии XIV столетия, являлась н а ц и о н а л ь н ы м в р а г о м, так как духовенство, особенно высшее, было почти сплошь немецкое, а население—чешское. Это создало очень благоприятную почву для антикатолического, реформатского движения, которое привело к настоящей попытке революции, предвосхитившей германскую реформацию следующего столетия.

Во главе чешской реформации стал, как известно, И в а н Г у с с, по имени которого и движение называется «гусситским». Поводом к открытой борьбе с папством послужила и здесь, как сто лет спустя для Лютера, бесстыдная торговля индульгенциями. Когда Гусс, вызванный на суд в Констанцский собор, был, несмотря на охранную грамоту, предательски охвачен и сожжен на костре, это явилось началом настоящей антицерковной революции, при чем главнейшую роль

в ней играло сильно обедневшее и с жадностью смотревшее на церковные земли низшее дворянство. Произошла конфискация всех церковных и монастырских земель, изгнание духовенства и расхищение его имущества. Главным религиозным лозунгом движения было «причащение под обоими видами» («sub utraque specie»), т.-е. и хлебом и вином, которое допускалось церковью только для духовенства. Это означало лишение духовенства привилегий и в религиозной области. Гуситы назывались поэтому также «калликстинцами», «чашниками» (так как требовали «чаши» с вином и для мирян) или иначе, «утраквистами» (от слова «утракве», что значит «оба», оба вида причащения).

Первоначально вся страна пошла под лозунгом «чаши», и этот лозунг стал национальным знаменем в борьбе против папства и господства немцев. На стороне католиков остались лишь те, которые экономически были связаны с их владычеством, между прочим, богатый цех рабочих серебряных рудников, а также масса студенчества пражского университета. в большинстве немецкая.

Но уже в самом начале антицерковного движения обнаружилось, что оно состоит из разнородных и даже противоположных элементов.

Крестьянство, платившее оброки монастырям, на землях которых оно жило, не желало признавать новых господ, дворян, а хотело использовать восстание для себя. Против «умеренных», т.-е. дворянства и городской буржуазии, ограничившихся антикатолической революцией, поднялись демократические народные массы с лозунгом экономического равенства.

Этим воспользовались бывшие к тому времени уже в большом числе религиозно-коммунистические секты, вербовавшиеся, повидимому, и здесь среди рабочих шерстяной промышленности, особенно ткачей, как о том свидетельствуют некоторые показания современников. Во время перипетий начавшейся гражданской войны коммунисты были изгнаны из одного города и основали новый город, крепость, названную ими Табором, откуда и получили имя «таборитов».

В Табор стекались коммунисты всей страны и даже из других государств. Там устраивались огромные, многотысячные собрания, где гости приносили запасы пищи и где новые таборитские священники непрерывно проповедывали. Они говорили, что наступило уже тысячелетнее царство, предсказанное в апокалипсисе; что «в это время на земле не должно быть ни королей, ни властелинов, ни подданных, налоги и подати должны быть уничтожены; никто не может принудить к чему-либо другого, ибо все должны быть братьями и сестрами». Далее, «подобно тому, как в городе Таборе нет ничего твоего или моего, но все общее, так и для всех людей все должно быть общим, и никто не может иметь собственности; кто же ее имеет, тот творит смертный грех».

И в области религиозной табориты шли гораздо дальше умеренных «калликстинцев», требуя уничтожения храмов и икон, отрицали святых и чистилище и т. п. Но внутри самих таборитов скоро начались раздоры между «чистыми» коммунистами, отрицавшими семью и брак, требовавшими безбрачия или же общности жен,—и «умеренными», которые признавали семейную собственность и ограничивались тем, чтобы все излишки сдавались в общую кассу или общественные магазины. «Чистые» или крайние были побеждены и изгнаны.

В начавшемся крестьянском восстании коммунисты сделались предводителями, так что название таборитов перенесено было с них на всю демократическую, антидворянскую партию, в которой они были лишь самой революционной, энергичной, решительной и последовательной ее частью, толкавшей крестьянскую и мещанскую массу на борьбу со всеми собственниками.

Против таборитов об'явлена была священная война со стороны не только изгнанных из Богемии католиков и крупных собственников, но и со стороны всего католического мира. Папа призвал «всех христиан» к крестовому походу против еретиков, и начались так называемые гуситские войны. С 1420 до 1431 г. против таборитов было совершено пять крестовых походов. Но они успели выработать превосходную военную организацию, превратились в сплошной военный лагерь и выдвинули замечательных военных вождей.

как знаменитый Жижка и, после его смерти, Прокоп. Все крестовые походы потерпели поражение, и под конец неприятельские войска обращались в паническое бегство при одном имени таборитов.

Дворяне-гусситы и более состоятельная буржуазия с самого начала гражданской войны уже жалели, что пошли на восстание против короля и папы, и готовы были вступить с ними в соглашение. Но католическая партия требовала безусловно возвращения церковных имуществ и грозила местью, и «каллικстинцам» пришлось, скрепя сердце, признать господство таборитов, которые заставляли их служить в своем войске.

Сами табориты разделились на две общины: «военную» и «домашнюю». Сражались они с необычайным энтузиазмом, отправлялись в поход вместе с семьями. При этом они жили уже не добровольными пожертвованиями верующих, а военной добычей, которая дала Табору огромные богатства. Это постепенно внесло разложение в их собственную среду. У них появилось неравенство, а надежда на добычу привлекала к ним со всех сторон множество авантюристов и проходимцев, грязнивших первоначальный идейно-религиозный энтузиазм таборитов.

Вместе с тем крестьянская масса утомлялась непрерывной войной, разорялась и жаждала мира. Крестьяне добивались полной свободы и отмены всяких оброков и повинностей. К коммунистическим же идеям таборитов они относились теперь не только равнодушно, но даже враждебно. А табориты вынуждены были войной и изменами изнутри прибегнуть к беспощадному террору. Этим положением воспользовалась партия каллικстинцев, с дворянством во главе. Против диктатуры таборитов началось восстание. Они были покинуты крестьянами и гражданами, им изменила часть собственного войска, и в решающей битве в 1434 году они потерпели поражение.

Дворяне-победители перебили 13.000 человек из 18.000. Тем не менее, прежнее могущество таборитов и обаяние их имени было так велико, что им удалось добиться от нового короля признания независимости своего города, который продолжал существовать еще около 20 лет.

Поражение таборитов принесло с собой, правда, компромисс—в области религиозной, но в то же время реакцию социальную: в течение последующих десятилетий богемские крестьяне были подчинены крепостному состоянию.

Что же касается дальнейшего существования коммунистических сект в Богемии, то с ними произошло то, что впоследствии нередко бывало с социалистами после неудачных революций: глубокое разочарование в войне, всяком насилии и принуждении. Уже к концу гусситских войн и тотчас же после их окончания среди богемских крайних сектантов стал распространяться своеобразный мирный христианский анархизм, до мелочей напоминающий учение Льва Толстого и некоторых наших сект, вроде духоборов. Но коммунистического в них было очень мало. Наоборот, подобно многим нашим сектантам или английским квакерам конца XVII и XVIII веков, эти сектанты, которые потом стали называться «богемскими братьями», благодаря своему трудолюбию, трезвости и большему умственному развитию, выдвинулись из окружающей массы и достигали индивидуального благосостояния и даже богатства.

3. Религиозный коммунизм в эпоху германской реформации.

Германская реформация была первой настоящей, большой революцией в Европе.

То, что лишь в зародыше появилось в Англии XIV века и в гораздо большей степени — в форме незавершенной революции — в гусситском и таборитском движении XV века, то повторилось в грандиозных размерах в Германии и привело к частичной победе. Ибо об'ективный, действительный исторический смысл той революции, которая в истории трактуется обыкновенно, как религиозная реформация, — той революции, для которой религиозные формулы были лишь идейной формой, лозунгом и знаменем, — этот смысл заключался в восстании низшего дворянства и буржуазии против политического и экономического владычества римской церкви. Эта церковь была крупнейшим собственником в Германии и извлекала из нее все жизненные соки. Ей завидовали

князья и дворяне, против нее боролась городская буржуазия, ее высмеивала вновь народившаяся интеллигенция, так называемые «гуманисты», ее ненавидела масса крестьянства, наиболее страдавшая от ее эксплоатации.

Как и во всех последующих европейских революциях, вначале все классы выступали, казалось, дружно против одной, наиболее реакционной и враждебной экономическому развитию силы; и этой силой в данном случае было папство и католическое духовенство. Но, как и во всех последующих революциях, в самом начале движения обнаружилось, что у разных классов, выступивших на борьбу с церковью, разные интересы и стремления. В разгоревшейся классовой, гражданской войне крайние элементы, крайние и в религиозном и в социальном отношении, потерпели поражение, и в тех странах и областях Германии, где восторжествовала реформация, — полными победителями и над католической церковью и над крестьянскими массами—оказались **князья и дворяне**, на целые столетия оставшиеся единственными господами, — и лишь отчасти городское мещанство и буржуазия.

В этой гражданской войне **внутри** антикатолического лагеря—социально-политической борьбе принципов **власти и собственности** против стремлений **равенства и коммунизма** — соответствовала, в религиозной области борьба «умеренной» реформации **Лютера и Цвингли** против полного отрицания всех церковных догматов и священства, выдвигавшихся сектами **Томаса Мюнцера** и **анабаптистов**.

На известный момент Лютер стал национальным героем в Германии. В первое время его проповедь носила не только религиозный, но и социально-политический характер, была революционной и даже демагогической. Он писал, что князья, «это обыкновенно величайшие на свете дураки и злейшие негодяи», что «никто не может, не желает и не станет терпеть далее их тиранию и произвол». Даже еще в начале крестьянского восстания 1525 г. Лютер, обращаясь к сильным мира сего, об'явил их «причиной настоящих беспорядков и возмущения» и говорил: «Против вас, господа, восстали не крестьяне, а сам бог, который хочет наказать

вас за ваши злодейства». Но в то же время он призывал крестьян к умеренности и кротости. А когда увидел, что крестьянское восстание идет дальше и глубже, чем ему хотелось, что оно не служит лишь пугалом для князей и дворян, а покушается на самые основы их классового господства, когда он убедился, что от его былой популярности не осталось и следа, что у восставших появились новые, крайние лозунги и новые вожди, особенно решительный и пламенно-революционный коммунист Мюнцер, — его ненависть против крестьян не знала пределов.

Теперь он об'явил восставших крестьян «бешеными собаками», которых «всякий, кто в силах, должен помогать душить и резать явно и тайно, всякий должен думать, что нет ничего более ядовитого и дьявольского, чем восставший человек». Так Лютер начал собою длинный ряд деятелей новой Европы, которые выступали, как революционеры, пока им нужно было сочувствие и содействие народных масс, а затем, в процессе развертывающейся революции, испугавшись силы движения, в свою очередь становились социальными и политическими контр-революционерами.

И, действительно, как самому Лютеру, так и взявшим его под свое покровительство князьям и вступившим с ним в союз дворянам было чего испугаться. Давно уже распространялись в Германии коммунистические секты революционного характера, отчасти под влиянием французских вальденсов и нидерландских сектантов, а, главным образом, под непосредственным впечатлением таборитского движения. Ибо, хотя поражение таборитов вызвало общеевропейскую католическую реакцию и отсрочило германскую реформацию на целое столетие, но пример коммунистической секты, захватившей государственную власть и ведшей удачные войны со всем католическим миром, действовал необычайно возбуждающе в соседней Германии.

Так, во второй половине XV века воинствующий коммунизм сделал довольно значительные успехи в этой стране. Один из его проповедников, так и прозванный «богемцем» (что указывает на его связь с богемскими таборитами), агитация которого собирала огромные массы крестьян и городских рабочих, учил, что «священников будут убивать, и

вскоре настанет время, когда они будут стараться спрятать свои тонзуры *), чтобы их нельзя было узнать». «Если бы духовные и светские князья, говорил он далее, графы и рыцари имели не более, чем простой народ, то у всех нас было бы достаточно, и это должно быть так. Дело дойдет еще до того, что князья и господа принуждены будут работатть за поденную плату». В конце концов, проповедник был схвачен и сожжен.

В той самой Саксонии, в которой об'явил войну папству Лютер, в городе Цвикау в начале XVI века существовал довольно сильный центр коммунистической пропаганды. Этому способствовало то, что там рядом находились и многочисленные горнорабочие и ткачи, при чем ткачи издавна сочувствовали коммунистическим ересям, а горнорабочие отличались буйным и воинственным характером. Цвикауская коммунистическая община, воспользовавшись началом реформации, открытым возмущением против таких могучих сил, как император и папа, сама тоже решила «выйти из подполья» и выступить открыто.

У нее оказались талантливые агитаторы и организаторы из среды самих рабочих, самым известным из них был ткач Николай Шторх.

Некоторое время цвикауским «апостолам», как они себя называли, сочувствовали даже представители тогдашней интеллигенции. Но самым верным их учеником и последователем, самым блестящим носителем идей революционно-религиозного коммунизма эпохи реформации сделался священник Томас Мюнцер.

Мюнцер начал свою агитационно-проповедническую деятельность, как страстный сторонник и помощник Лютера, с которым он познакомился лично. Но, попав в Цвикау и войдя в сношения с тамошними шерсто-ткацкими подмастерьями, он целиком и навсегда проникся их еретическим коммунизмом. С тех пор, с 1521 г. и до 1525 г., т.-е. до поражения крестьянского восстания и своей мученической смерти, Мюнцер об'езжал Саксонию и южную Германию из конца в конец, был даже в Богемии, в бывшей стране таборитов, где царила

*) Т.-е. выбритые места на макушке, отличительный признак католического духовенства.

глухая реакция. Везде его преследовали, отовсюду его изгоняли или пытались арестовать, и везде он неутомимо проповедывал и организовывал религиозно-коммунистические общины.

От большинства сектантов, даже революционно-настроенных, Мюнцер отличался и своим образованием, и трезвым и ясным пониманием положения, несмотря на свою религиозную экзальтированность, и, в особенности, исключительной страстностью и революционностью своего по природе боевого темперамента. Кроме устных проповедей, он написал ряд агитационных и политических брошюр, где между прочим, зло и язвительно высмеивал своего бывшего учителя Лютера, писавшего на него доносы властям.

О князьях Мюнцер писал, что они—«палачи и живодеры; таково уже их ремесло». Победы коммунизма он ждал от бога. «То́гда, писал он, безбожники будут лишены права судить, и право это получат униженные и простые люди... Это спасительная вера, и она еще сделает много добра. Она создаст, вероятно, благородный народ, как предполагал философ Платон».

Таким причудливым образом, аристократический коммунизм Платона нашел отклик спустя почти 2.000 лет в проповеди еретика-коммуниста, борца за «униженных и простых людей».

Крестьянское восстание в Германии в 1525 году, известное под именем «великой крестьянской войны», вызвано было в общем теми же причинами, что и другие крестьянские восстания, с тем лишь отличием, что германские крестьяне этой эпохи неизмеримо больше эксплоатировались и бедствовали, чем, напр., английские крестьяне XIV века или богемские крестьяне времен Гусса, и потому они действовали с особенным озлоблением. Кроме того, обстановка общей революции, благодаря которой к крестьянам сначала примкнули и некоторые разоренные дворяне и часть горожан, в особенности рабочие,—все это внушало крестьянам большие надежды на победу, тем более, что этому восстанию в течение ряда десятилетий предшествовало много частичных восстаний, и крестьяне приобрели некоторый опыт в этом деле.

Но несомненно, что душой восстания, его вдохновителем и в значительной степени организатором явился Мюнцер.

Главное внимание, впрочем, он обращал на города, где больше, чем среди крестьян, имелось элементов для коммунистического переворота. Такой переворот, при участии и под руководством Мюнцера, произошел в Мюльгаузене, где учреждена была открытая коммунистическая община, с которой должен был считаться городской совет, и где иногда заставляли богатых силой делиться своим имуществом.

В то же время Мюнцер заботился и об идейной и о военно-организационной стороне восстания. Он и пушки отливал, и об'езжал все восставшие области, и писал им послания и обращения. В одном из таких посланий он убеждал восставших держаться стойко, ободрял их тем, что «вся Германия, Франция и Италия поднялись»; он особенно уговаривал их «не увлекаться фальшивыми договорами, в которых они не разглядят злого умысла... не поддаваться, даже если враги будут обращаться к ним с добрым словом». «Пусть ваши мечи не остывают от теплой крови. Пока злодеи живы, вы не освободитесь от человеческого страха. Вам нельзя говорить о боге, покуда вами управляют. Итак, за дело, покуда еще не ушло время. Вами предводительствует бог, следуйте за ним».

Но энергия, вера и мужество Мюнцера не могли спасти дела, заранее обреченного на неудачу. Хотя на первых порах крестьянское восстание нагнало такого страху на властителей Германии, что один из князей, курфюрст Фридрих саксонский, писал даже своему брату: «Да отвратит бог свой гнев от нас. Если бог захочет, то может случиться, что править станет народ», — тем не менее, скоро выяснилось, что силы восставших недостаточны и составлены из разнородных элементов, а против них образовался сплоченный союз всех привилегированных. В самом деле, восставшие граждане Мюльгаузена не спешили на помощь крестьянам. Часть горнорабочих была успокоена уступками. А с другой стороны, только-что враждовавшие между собой протестантские (т.-е. лютеранские) и католические князья и дворяне заключили союз

против общего классового врага. Плохо вооруженным, недисциплинированным, не имевшим правильной военной организации и выучки крестьянским дружинам противопоставлены были опытные и многочисленные отряды рыцарей.

Мюнцер пошел на помощь крестьянам из Мюльгаузена, и за ним последовало лишь 300 человек, очевидно, искренно идейных сектантов-коммунистов. 15 мая 1525 года, в решающей битве при Франкенгаузене крестьяне были разбиты на-голову и разбежались, преследуемые и избиваемые остервенелыми дворянами. Мюнцер был взят в плен и после долгих, невероятно мучительных пыток казнен. Крестьяне повсюду были усмирены, и положение их стало еще хуже прежнего.

Но коммунистического движения это поражение не остановило.

Одновременно с боевым коммунизмом Мюнцера и особенно после его поражения стала распространяться в Германии и окружающих ее странах, как Нидерланды и Моравия, другая коммунистическая секта или, вернее, даже ряд сект, отличавшихся и подробностями своих религиозных взглядов и степенями «чистоты» или строгости своего коммунизма, но об'единенных общим названием «а н а б а п т и с т о в» или «п е р е к р е щ е н ц е в». Название это происходило от одного общего им всем верования, наиболее поражавшего современников. Они считали, что крещение есть свободный акт присоединения к религиозной общине. Поэтому они отвергали крещение детей, как бессознательное, и требовали от членов своей секты в т о р и ч н о г о крещения.

Родиной этой секты была немецкая Ш в е й ц а р и я, где реформация произошла не под руководством Лютера, а под руководством Цвингли, и носила не дворянско-княжеский, а буржуазно-демократический характер. В противоположность Мюнцеру анабаптисты, привлекавшие сначала симпатии интеллигенции, были сектой м и р н о й, отрицавшей вооруженное восстание и всякое насилие, в том числе и войну. Тем, не менее, «демократический» Цвингли тоже стал их преследовать. Их изгнали из Швейцарии, и после крестьянской войны анабаптисты широко распространились по городам южной Германии, воспользовавшись шедшей там борьбой

между цвинглианами и лютеранами, которая дала им некоторую возможность свободной пропаганды.

Но там они встретили благоприятную почву среди неимущего населения, особенно опять-таки в центрах ткацкой промышленности. И поэтому, когда влияние их усилилось, правящие классы, под непосредственным впечатлением только что усмиренного крестьянского восстания, начали травить анабаптистов, как диких зверей, и к концу 20-х годов, т.-е. опустя 3—4 года после поражения Мюнцера, они должны были бежать и из Германии. Движение перенесено было в Нидерланды, где оно встретилось с остатками старых коммунистических сект и сыграло довольно значительную роль во второй половине XVI века, в начавшейся нидерландской революции. В Германии же анабаптистское движение, отчасти под влиянием выходцев из Нидерландов, окончилось высоко-интересным и трагическим эпизодом, на котором стоит остановиться.

В городе Мюнстере, недалеко от Нидерландов, принадлежавшем католическому епископу, в начале 30-х годов XVI века произошла религиозная революция, и католические властители города были изгнаны. Эпохой начавшегося брожения воспользовались анабаптисты, встретившие сочувствие городской бедноты, и начали вести свою религиозно-коммунистическую агитацию путем устных проповедей и тайно напечатанных воззваний. А когда туда явились вышедшие из народа молодые вожди нидерландских анабаптистов, сторонники революционного насилия, булочник Ян Матис из Гарлема и бывший портной Иоган Бокельзон из Лейдена (так называемый Иоанн Лейденский), воспринявший коммунизм из сочинений Мюнцера,—в городе Мюнстере произошел переворот: во время законных выборов в городской Совет большинство получили анабаптисты. Они захватили власть, об'явили Мюнстер Новым Иерусалимом, т.-е. священным городом религиозного коммунизма, а Иоанна Лейденского—пророком и «царем израильским» (мы уже знаем, что крайние сектанты очень любили пользоваться революционно-демократическим языком ветхого завета и приравнивать себя к «избранному народу божию»).

Это произошло в феврале 1534 года. Тотчас против Мюн-

стера соединились все классовые враги революционной бедноты, и союз протестанских и католических князей начал осаду мятежного города, из которого отчасти бежали, отчасти были изгнаны открытые противники учения анабаптистов и введенного ими режима. Все буржуазные историки впоследствии не находили достаточно сильных выражений, чтобы заклеймить этот режим, его террор, его «оргии» и «беспутство», его страшный и свирепый коммунизм и особенно введенное им многоженство. Но тщательное исследование, произведенное лучшим социалистическим историком сектантского коммунизма — Каутским, убедительно доказало всю лживость и лицемерие установившейся исторической традиции.

«Новый Иерусалим» был осажденным городом, выдержавшим больше года осаду и яростные штурмы многочисленного и хорошо вооруженного неприятельского войска. Естественно, что «святые» и «пророки», как называли себя вожди анабаптистов, стоя во главе этого города, вынуждены были применять террор и против изменников, и против нарушителей дисциплины и дезертиров, и против тех, кто подстрекал к восстанию, а также тех, кто скрывал или похищал общественные запасы. Но и этот террор был каплей в море, был детской игрушкой в сравнении с чудовищным белым террором — врагов сектантского коммунизма. Притом он не сопровождался предварительными мучениями своих жертв, на которые были такие мастера господа епископы, князья и богатые буржуа.

Самый коммунизм, который будто бы ввели анабаптисты, был весьма умеренным и половинчатым и, в сущности, сводился к уничтожению денег и к ряду экономических мер, вызывавшихся осадным положением. Многоженство, о котором так много кричали благочестивые историки, вызвано было тем, что число женщин в городе в несколько раз превышало число мужчин, и их необходимо было защищать от разврата и насилий и дать им экономических покровителей. Кроме того, многоженство в то время разрешал даже Лютер своим княжеским покровителям, ссылаясь на тот же пример библии, которым оправдывали эту меру и мюнстерские анабаптисты. Наконец, оргий и беспутства не только не было

в Новом Иерусалиме, но они жестоко преследовались, и трезвый образ жизни, на ряду с идейным энтузиазмом и мужеством анабаптистов и талантливостью их вождей и помогли им так долго держаться против наемного войска, где царило непробудное пьянство и голый разврат.

Но, в конце концов, анабаптистов сломил голод. Ряд восстаний в Германии и Голландии, которые они вызвали своей агитацией и которые должны были их поддержать, был задавлен в самом зародыше.

А в Мюнстере к голоду присоединилась измена. Последний штурм в июне 1535 года отдал город озверелым от крови и мести победителям, хотя измученные голодом и болезнями и ставшие тенями защитники его дрались с геройским мужеством. Они были перебиты все до последнего, а вожди, в том числе и Иоанн, долго перевозились по разным городам Германии, подвергаясь пыткам и издевательствам, и, наконец, были казнены после невероятных мучений.

После этого анабаптизм в Германии почти прекратил свое существование.

Зато в одной из земель, впоследствии вошедших в состав Габсбургских владений, в чешской Моравии, где местное дворянство оценило эмигрировавших туда из разных частей Германии сектантов-коммунистов, как умелых, трудолюбивых и честных рабочих и ремесленников,—вскоре после падения Мюнстера и ряда внутренних раздоров и внешних преследований, образовалась довольно обширная, строго-коммунистическая община. По имени одного из ее основателей и организаторов, тирольского выходца—Якова Гутера (т.-е. «шапочника»), в момент временных преследований сектантов в Моравии вернувшегося на родину и там замученного и сожженного, — моравские сектанты стали называться — «Гутеровскими братьями».

Их община просуществовала мирно почти сто лет и погибла лишь в 1620 г., после того, как австрийские Габсбурги уничтожили свободу и автономию моравского дворянства и ввели католический абсолютизм. Моравские коммунисты являются во многих отношениях самым замечательным и ценным продуктом всей эпохи сектантского коммунизма в Западной Европе. Они придерживались строгого

коммунизма, полной общности имуществ, коммунизма не только потребления, но нередко и производства, которое в некоторых отраслях было организовано на общественных, артельных началах и в довольно крупных размерах. При этом их коммунизм не подвергся внутреннему разложению за все это время, и община была разрушена, как мы видели, внешним насилием. Это об'ясняется, кроме идейно-религиозной убежденности сектантов, еще их национальной сплоченностью среди чужого народа, а также теми видимыми преимуществами, в смысле экономического процветания, благоденствия и внутреннего мира, которое давало коммунистическое устройство общины.

Рассеянная по всей стране, эта община была разделена на несколько десятков больших хозяйств, насчитывавших от 400 до 600 и даже иногда до 2.000 человек, вполне централизованных, каждое под управлением одного распорядителя, и прекрасно организованных. В области семейных отношений у гутеровских братьев царило строгое единобрачие. Но воспитание детей было общественным, и в этом деле моравские сектанты далеко опередили свой век, грубый и жестокий; их женщин местное «языческое» население охотно брало в кормилицы, няньки и т. п.

Моравская коммунистическая община была одним из весьма немногих и притом самым ярким и продолжительным случаем применения коммунизма, общности имуществ не только к предметам потребления, но отчасти, по крайней мере, и к средствам производства. Вообще же, главной, наиболее существенной чертой всего еретического или сектантского коммунизма является именно его потребительский характер, т.-е. раздел или совместное пользование из общих запасов предметами потребления, и сохранение в то же время в полной неприкосновенности частной собственности на средства производства и самого индивидуального характера этого производства.

Это было неизбежным следствием той эпохи, в которой крупное производство возникало лишь в виде слабых зародышей, и в которой поэтому коммунизм понимался лишь как равенство в образе жизни, но не как обобществление производства.

Этим же отчасти об'ясняется и другая характерная особенность сектантского коммунизма, резко отделяющая его от новейшего социализма промышленного пролетариата: это — его ненависть не только к сословию ученых, особенно юристов, которые, конечно, были на стороне высших классов в их борьбе против «простонародного» коммунизма, с его «грубыми суевериями», но и к самой науке. Сектанты считали ее порождением и орудием дьявола. Они не видели и не могли тогда еще видеть связи между наукой и ростом общественного богатства, ибо организация маленьких общин не нуждалась в научном руководстве, да и самая наука была еще в значительной мере схоластической, т.-е. пустыми словесными хитросплетениями, направленными на защиту существующего неравенства. Поэтому, например, табориты заставляли ученых работать физическим трудом. Но тому просвещению, которое сектанты уважали, т.-е. развитию религиозно-нравственного сознания в их духе, они придавали огромное значение с самых ранних веков еретического коммунизма и постоянно посвящали ему внимание и в своих проповедях и при воспитании детей.

Точно так же моравские братья, изгоняя в принципе всякую официальную науку и ученых, в то же время сами на практике содействовали развитию одной, явно для них полезной отрасли знаний, именно — медицине и ветеринарии, конечно, в той зародышевой форме, в какой эти знания тогда существовали. Они усердно изучали свойства разных лечебных трав и корней и считались искусными лекарями.

III. ФИЛОСОФСКИЙ И РЕВОЛЮЦИОННЫЙ КОММУНИЗМ XVI — XVII ВЕКОВ.

1. «Утопия» Томаса Мора и ее значение.

В то самое время, когда происходили последние битвы религиозного, сектантского коммунизма с обществом, построенным на грубом насилии и эксплоатации, и с его идейными защитниками — официальной религией и официальной философией и наукой, — в это время произошла первая великая попытка самой тогдашней науки и философии подняться выше корыстных интересов господствующих классов и дать теоретическое обоснование коммунизма. В стране, впоследствии ставшей родиной и колыбелью новейшего мирового капитализма, там, где он в XIX веке получил свое наиболее пышное развитие, из среды привилегированных классов вышел человек, который с гениальной прозорливостью увидел не только основную пружину всех бедствий возникающего капиталистического строя, но и единственное радикальное средство к их устранению: коммунистическую организацию производства и распределения, не в форме добровольных артелей или общин, как у сектантов, а в общегосударственном масштабе, и не на основании смутных стремлений бедняков к равенству, стремлений, опирающихся на отдельные места из евангелия, а путем смелых логических, философских выводов из всех тех исторических и экономических данных, какими только могли располагать самые образованные и наблюдательные люди того времени.

Этой страной была Англия, и этим человеком был один из ее крупнейших государственных деятелей начала XVI века — Томас Мор.

Великие идеи, особенно идеи общественные, не возникают случайно в голове того или иного мыслителя. Для

их появления необходима определенная эпоха, определенные общественные отношения, а также совпадение целого ряда условий в воспитании и развитии того лица, которое является первым их борцом или носителем. Как впоследствии идеи Маркса и Энгельса, идеи научного социализма могли возникнуть лишь в революционную эпоху и притом в эпоху начавшейся массовой борьбы пролетариата за свое освобождение,—так и величайший из их предшественников—Томас Мор мог появиться только в бурную пору гражданских и религиозных войн конца средних веков и начала нового времени; если, далее, Маркс и Энгельс именно в Англии XIX века, стране наиболее развитого капитализма и рабочего движения, нашли богатейший материал для обоснования своей теории, то Англия XVI века была страной, где впервые появились огромные массы бездомного и безработного пролетариата и где, следовательно, впервые обнаружились все чудовищные противоречия капиталистического строя. Наконец, и у Маркса и у Мора гениальные природные дарования сочетались с блестящим и разносторонним образованием, одновременно философско-литературным, юридическим и историческим, к чему и у Мора, подобно Энгельсу, присоединилось глубокое практическое знание современных экономических отношений.

Действительно, Англия переживала в конце XV и начале XVI века самый острый и жестокий период «первоначального накопления» капитала. Полное уничтожение крепостного права и огромный спрос в Европе на английскую шерсть вызвали в Англии усиленное развитие овцеводства, для которого не требуется большого числа наемных рабочих, но зато требуются огромные пространства пастбищной земли. Поэтому, если ранее помещики были заинтересованы в собирании у себя рабочих рук, то теперь, наоборот, проявилась тенденция освобождать землю от рабочих. Этот процесс облегчался еще тем, что старое феодальное рыцарство было почти истреблено в междоусобной войне «алой и белой роз» и заменено новым дворянством, жадным до наживы и не имевшим никаких «традиций» в прошлом, никаких «патриархальных» отношений к крестьянству.

И вот начался процесс грандиозного расхищения крестьянских общинных земель, массовое разорение крестьянства и образование огромного крестьянского пролетариата, наводнявшего города, порождавшего бродяжничество и усилившего преступления на больших дорогах. Это явление, с одной стороны, возродило старые коммунистические секты лоллардов и способствовало перенесению анабаптизма на английскую почву, при чем и тех и других сектантов беспощадно преследовали и истребляли; а, с другой стороны, размножение бездомного пролетариата испугало правящие классы, и они не нашли другого средства борьбы с этим, ими же самими вызванным явлением, кроме знаменитого «кровавого законодательства о бродягах», о котором Маркс писал впоследствии:

«Отцы теперешнего рабочего класса с самого начала подверглись каре за то, что их превратили в бродяг и пауперов (нищих). Законодательство считало их «добровольными» преступниками и предполагало, что от их доброй воли зависит продолжать работать при несуществующих уже более прежних условиях жизни».

То, чего не понимали сектанты, искавшие спасения в потребительском коммунизме религиозных общин, чего не понимали и не хотят понять до сих пор представители господствующих классов капиталистического общества, фанатичные сторонники частной собственности, — это понял великий предшественник новейшего социализма и коммунизма — Томас Мор.

Сын судьи, получивший сперва так называемое «гуманистическое», т.-е. философски-литературное образование, а потом специально-юридическое, он сделался ради заработка адвокатом и поверенным лондонских купцов и, таким образом, соединил способность к теоретическому мышлению с чисто практической деятельностью, давшей ему возможность глубоко проникнуть в современные экономические отношения. Совсем молодым человеком он был выбран в парламент, где своим влиянием и оппозицией навлек гнев короля Генриха VII и должен был бежать в Нидерланды, что опять-таки сильно расширило его умственный кругозор. При Ген-

рихе VIII он, наоборот, был привлечен на государственную службу, был одно время членом посольства, отправленного в Нидерланды, и там в 1516 г. и написал свою знаменитую «Утопию», обессмертившую его имя.

После того Мор, все подымаясь по служебной лестнице, занимал высшие государственные посты. Конечно, при этом у него не было никакой возможности—да ему, вероятно, и в голову не приходило—проводить в какой бы то ни было степени свои коммунистические взгляды в жизнь: он понимал, что они далеко опередили свое время. Тем не менее, ему пришлось все же столкнуться с Генрихом VIII, этим королем-деспотом, в некоторых отношениях напоминавшим нашего Ивана Грозного. Мор был противником вводимой королем реформации, которая затевалась, главным образом, для конфискации монастырских земель, раздаваемых жадным королевским любимцам, и для облегчения развода и нового брака короля, который и в своем женолюбии походил на Ивана IV. Сам Мор проповедывал терпимость в делах религии. Но разрыв с папой он считал политически вредным в тот момент, а в расхищении монастырских земель видел лишь средство дальнейшего обезземеления и разорения крестьян, так как благоустроенные монастырские имения, дававшие работу многочисленному сельскому населению, превращались жадными спекулянтами в пастбища. Наконец, он видел, что реформация в Германии привела к гражданской войне, которую он ненавидел и считал проклятием, ожидая, как мы увидим, реформ не от восстаний и революций, а от воли добродетельного правителя.

Будучи уже лордом-канцлером, Мор, в виде протеста против развода короля и провозглашения его главой английской церкви, вышел в отставку. Мстительный Генрих привлек великого мыслителя и честного человека к суду по обвинению в государственной измене, и покорные судьи приговорили его к смерти. В 1535 году он умер на эшафоте с бесстрашием, спокойствием и достоинством человека, сознающего свою правоту и свое бесконечное превосходство над окружавшими его жалкими и ничтожными людьми.

Слово «утопия» *) взято из греческого языка и означает «несуществующее место», т.-е. рассказ о фантастической стране. С тех пор «утопией» стали называть неосуществимую мечту о будущем обществе, а прилагательное «утопический» значит то же, что нереальный, фантастический. «Утопия» Мора написана в форме диалога, разговора автора с одним путешественником, прибывшим из неизвестной до сих пор страны «Утопии», критикующим порядки европейских государств и описывающим счастливую жизнь этой страны, жизнь, построенную на строго коммунистических основаниях. При этом ясно, что все симпатии автора на стороне коммунизма и что свои возражения он приводит отчасти для живости изложения, а отчасти и для того, чтобы скрыть от подозрительности власть имущих свои истинные взгляды.

«Самая существенная причина общественной бедности, по мнению Мора, заключается в неизмеримом количестве «благородных», которые, подобно праздным трутням, питаются работой и потом своих ближних, предоставляя им обрабатывать свои поля и высасывая из арендатора всю его кровь, чтобы увеличить свои доходы; другого способа они не знают. Но если дело коснется того, чтобы доставить себе удовольствие, тогда они становятся расточительными до безумия, хотя бы это довело их до нищенской сумы». «Справедливо ли, что богатый ювелир, ростовщик, ничего не производя, живут со всеми удобствами, среди праздности и пустых занятий, тогда как поденщики, носильщики, ремесленники, земледельцы находятся в нищете, едва добывая себе недостаточную пищу? Между тем они работают так долго и так упорно, что и скотина едва ли перенесла бы подобную работу; и их труд так необходим, что ни одно общество не могло бы существовать без него хотя бы один год».

Особенно ужасно положение трудящихся в Англии, где их выгоняют из домов и полей, лишают всяких средств существования, чтобы заменить их... овцами и тем удовлетворить жадность будущих торговцев шерстью. «Обуздайте ко-

*) Полное заглавие книги Мора следующее: „Золотая книжечка о наилучшем устройстве государства и о новом острове „Утопии“.

рыстолюбивый эгоизм богача; отнимите у него возможность накоплять богатства и присваивать себе доходы! Изгоните праздность». С другой стороны, «воров подвергают самым ужасным пыткам. Не лучше ли было бы обеспечить всем членам общества возможность существования, чтобы никто не был поставлен в необходимость сначала красть, а потом быть лишенным жизни?». В противном случае можно сказать, что «вы создали воров для того, чтобы наслаждаться зрелищем их повешения».

Если трудящиеся вынуждены прибегать к преступлению, так как их лишили возможности трудиться, зато нелепая организация современного общества создала огромное количество тунеядцев, пользующихся покровительством закона. «Прежде всего таковы почти все женщины, составляющие половину населения на земном шаре, а затем и мужчины в тех странах, где все работы падают на долю женщин. Затем огромная масса священников и разных церковных праздношатающихся служителей. Приложим к этому еще всех богатых помещиков, называемых «дворянами», присоединим к ним еще целые полчища их прислуги, этих тунеядцев в ливреях; не забудем также и здоровых нищих, скрывающих свою лень под вымышленными недугами».

Хотя из этого перечисления (за 300 лет предвосхищающего Фурье), как и из вышеприведенных цитат, видно, что Мор протестовал больше против разлагающегося феодального общества, чем против зарождающегося буржуазного, тем не менее его критика подрывает самую основу и буржуазного общества—частную собственность вообще. Ибо, по мнению Мора, «там, где царит частная собственность, где деньги являются для людей масштабом всего, — трудно и почти невозможно, чтобы общество процветало и справедливо управлялось, разве только если считать справедливым, когда все хорошее приходится на долю дурных людей, или если называть процветанием, когда все принадлежит немногим людям, впрочем, тоже чувствующим себя не очень хорошо, между тем как остальные влачат поистине жалкое существование».

В подчеркнутых нами словах кроется об'яснение того, почему такие люди, как Мор и как все последующие социалисты из привилегированной среды, примыкали к идеям коммунизма или социализма: кроме сострадания к угнетенным классам, бедствия которых отравляли жизнь честным, идейным и восприимчивым выходцам из лагеря эксплоататоров, наиболее умные и проницательные из них понимали, что такой порядок не прочен, чреват всякими неприятными неожиданностями, что, наконец, в один прекрасный день бедняки могут взорвать на воздух все благополучие привилегированного меньшинства и разрушить самые основы общества. Поэтому они искали мер предупредить эту катастрофу и находили ее в коммунистической организации всего общественного строя.

Гениально предвосхитив марксистскую теорию государства, Мор заявляет устами своего жителя Утопии: «бог свидетель, когда я думаю обо всем этом, каждое из современных государств мне представляется заговором богатых, которые под предлогом общего блага преследуют свои собственные выгоды и путем всевозможных ухищрений и уловок стараются обеспечить себе обладание тем, что приобрели неправыми путями. К тому же они стремятся как можно дешевле купить труд бедняков и как можно больше эксплоатировать его. Свои постыдные постановления богатые делают от имени всего общества, следовательно, и бедных, и называют их законами».

Но, несмотря на непрерывную фабрикацию бесчисленного числа законов, все-таки эти законы не достигают своей цели, ибо не могут даже обеспечить каждому его собственность.

Доказательством служат постоянные процессы и тяжбы, никогда не кончающиеся, а также «обман, воровство, грабеж, ссоры, мятеж, убийства, отравления», которые «могут быть наказаны строгостью закона, но не могут быть предупреждены им, между тем, как все они исчезли бы, если бы исчезли деньги. С исчезновением последних были бы забыты тревоги, заботы, горести, затруднения и бессонные ночи людей».

Ссылаясь на Платона и идеализируя его, Мор приходит к выводу, что «единственный путь к благосостоянию общества заключается в экономическом равенстве всех людей», а последнее осуществимо лишь при уничтожении права частной собственности. Ему уже известно самое серьезное возражение, которое впоследствии выдвигали неизменно решительно все противники коммунизма: «Может ли царить избыток благ, когда каждый будет стараться увильнуть от работы? Надежда на выгоду не будет побуждать к работе, а возможность рассчитывать на труд других непременно создаст леность, и если вдруг среди людей начнется нужда, а закон не будет гарантировать человеку того, что он приобрел, тогда ведь среди людей неизбежно должны свирепствовать мятежи и кровопролития». Но, описав подробно всю общественную жизнь в Утопии, Мор имеет право утверждать, что как раз наоборот, именно в развитом и сознательном коммунистическом обществе все эти недостатки современного строя должны будут исчезнуть. Ибо, «в других местах, правда, также говорят об общем благе, но на самом деле каждый заботится только о своем собственном. В Утопии, где нет частной собственности, каждый, действительно, занимается только делами общества». Это происходит потому, что «в других государствах каждый знает, что как бы ни процветала его родина, все же ему придется умереть с голоду, если он не позаботится о себе. Поэтому он прямо вынужден предпочитать свое собственное благо—благу общества. В Утопии же, где все имущество общее, каждый знает, что никто не может терпеть нужду, если только будут заботиться о том, чтобы общественные магазины были полны». «В Утопии каждому отдельному лицу не приходится заботиться, о своем существовании; жена не мучает его бесконечными жалобами, ему нечего опасаться за будущее своего сына, нечего заботиться о приданом для дочери». Общество наперед обеспечивает благосостояние всего его потомства, оно же заботится о слабых и потерявших трудоспособность. «Накажи меня бог,—восклицает герой Мора,—если я нашел у других народов хоть признак справедливости и права», царящих в Утопии.

И эти право и справедливость легко достигаются в Утопии при помощи немногих простых законов, исключительно благодаря коммунистической организации производства и распределения. Какова же эта организация?

Остров Утопия представляет из себя целое государство, из 24-х городов с прилегающими сельскими округами. Каждый округ по возможности обслуживает себя сам всеми необходимыми продуктами. Но, в случае надобности, округа берут то, чего у них недостает, у других округов «без всякого вознаграждения». «Таким образом,—добавляет Мор,—весь остров составляет как бы одну семью». Что касается производства, то во время Мора обрабатывающая промышленность, как самостоятельная отрасль всего общественного производства, была еще слабо развита и не имела большого значения, являясь нередко лишь частью натурального хозяйства.

Перечисляя в одном месте своего сочинения те виды рабочих, которые живут в бедности и подвергаются жестокой эксплоатации «в других государствах», он называет «поденщиков, ломовиков, кузнецов, плотников и сельско-хозяйственных рабочих». При нем, как мы уже знаем, как раз начался в Англии процесс разрушения ее крестьянского земледельческого хозяйства и замены его хозяйством пастбищным. Неудивительно поэтому, что Мор наибольшее значение придает в своем государстве именно земледелию. «Ремесла их преимущественно заключаются в обработке шерсти и льна; кроме того, существует ремесло каменщика, кузнеца и плотника; остальные отрасли труда имеют еще очень мало применения». Одежду, очень простую, удобную и однообразную (различается только мужское и женское платье, а также одежда женатых и неженатых), «каждая семья изготовляет для себя сама».

Сельскими работами обязаны заниматься по очереди все вообще граждане. Для них существует трудовая повинность, и города выделяют для земледелия часть своего населения, которое, пробыв в деревне два года, возвращается в город и замещается другими гражданами. «Сельские жители обрабатывают поля, ухаживают за скотом и рубят дрова, кото-

рые они перевозят в город, смотря по обстоятельствам, или сухим или водным путем».—«Все, что нужно для сельских жителей, чего нельзя найти в поле и в лесу, они достают в городе, где власти охотно и безвозмездно дают им все необходимое». Ни денег, ни вообще обмена в Утопии нет. все продукты сельского и городского хозяйства свозятся в общественные магазины, откуда каждый берет все, что ему нужно. Первыми и лучшими продуктами питания снабжаются прежде всего больницы.

Никто не берет больше необходимого, так как каждый знает, что он всегда будет в изобилии снабжен всеми продуктами и нуждаться не будет. Роль властей, выборных старшин, сводится, главным образом, к надзору за тем, чтобы никто не уклонялся от работы и чтобы производилось именно то, что нужно в данный момент. Впрочем, обязательная работа продолжается лишь шесть часов в день, и, благодаря отсутствию бездельников, правильному распределению работ и экономии, достигаемой их централизацией, этой работы вполне достаточно не только для текущих потребностей, но и для образования запасов. В исключительных случаях, например, во время жатвы, все данное городское население отправляется в деревню на помощь сельско-хозяйственным рабочим. Иногда, когда продуктов произведено слишком много, освобождающиеся граждане посылаются для экстренных работ, в роде «починки дорог» и т. п.

Женщины в Утопии пользуются теми же правами и несут те же обязанности, что и мужчины. Но у них строгий моногамный брак (т.-е. с одной женой), и в семье жена подчиняется мужу. В городах преобладают совместные, общественные обеды, в деревнях каждая семья обедает особо.

«Каждые 30 семей ежегодно выбирают» старшину. Десять старшин, в свою очередь, избирают высшее должностное лицо, и двести таких «протофилархов» выбирают пожизненного князя. «Каждый город ежегодно посылает в столицу трех мудрейших старцев для обсуждения дел, касающихся острова». В очень важных случаях такие дела передаются через

местных старшин на рассмотрение отдельным семьям, и все мнения потом доставляются князю.

Жители Утопии «ненавидят войну, как зверство, которому, однако, ни один зверь не предается так часто, как люди». Тем не менее, все они, и мужчины и женщины, учатся владеть оружием, чтобы, в случае необходимости, «защищать свою родину или своих друзей против несправедливых нападений или для освобождения угнетенного народа от ига тирании».

При этом характерно для поверенного лондонских купцов, что самым справедливым поводом к войне он считает тот, «когда купцы дружественного народа угнетаются или обманываются в чужой стране»...

С другой стороны, характерной чертой эпохи является в Утопии то, что в ней имеются рабы, исполняющие все наиболее трудные и черные работы. В рабство попадают военно-пленные, осужденные преступники, а также преступники, приговоренные к смерти в других странах, которых утопийцы «выкупают».

Другим пережитком старины является у Мора строго патриархальный строй семьи.

Мы так подробно остановились на «Утопии» Томаса Мора потому, что она имеет огромное значение в истории социализма. По беспощадности и глубине той критики, которой Мор подверг зарождавшееся буржуазное общество, по силе тех аргументов, которые он выдвинул в защиту коммунистической организации общества,— он остался непревзойденным до самой эпохи Маркса и марксизма. Для всех позднейших социалистов Англии и Франции, а, следовательно, и всего капиталистического мира, «Утопия» Мора оставалась вечным образцом. Все позднейшие утопии были лишь перепевами моровской. Но она, по всей вероятности, сыграла также большую практическую роль немедленно после своего появления, при выработке взглядов коммунистической секты анабаптистов (2-е издание «Утопии» появилось в 1518 г. в Базеле, одном из центров анабаптистской пропаганды), а, может-быть, и Мюнцера, и, таким образом, послужила теоретической основой

одного из наибольших коммунистических движений даже своей собственной эпохи. Но «Утопия» Мора бесконечно выше всех предшествовавших, современных и даже многих позднейших видов коммунизма, которые, как мы знаем, не задевали самых основ производства, а ограничивались лишь проповедью общности потребления или общности имуществ для правящей касты (как Платон) или для общины верующих (как христианские или сектантские коммунисты). У Мора же. наоборот, коммунизм потребления играет второстепенную роль и отнюдь не является обязательным: у него сохраняется личная или, вернее, семейная собственность на предметы потребления. Главное внимание — и притом впервые в истории коммунистических идей — обращает Мор на общегосударственную организацию коммунистического производства, при которой именно — средства производства становятся общественной собственностью. и тем дается единственный действительный способ избежать возникновения новых видов эксплоатации человека человеком, нового неравенства, нового деления на работающих бедняков и праздных богачей.

Эта новая идея в истории борьбы человечества за социальную справедливость, кроме гения Мора, об'ясняется еще особенностями Англии его эпохи. Именно, в Англии в это время, по указанным уже нами причинам, стал быстро расти обширный пролетариат, и в том числе сельско-хозяйственный пролетариат, который, в отличие от нищенского пролетариата древнего Рима, искал не «хлеба и зрелищ», а работы, и который в то же время был «освобожден» от земли и от других средств и орудий для этой работы... При этих условиях только и могла возникнуть идея обобществления средств производства и коммунистической организации этого производства.

Для ведения организованного общественного производства, конечно, необходимы большие знания, которых не нужно для потребительского коммунизма небольшой общины. Вот почему в идеальном государстве Мора, который и сам был одним из образованнейших людей своего времени, в отличие от коммунистических сект, — наука и учение пользу-

ются всеобщим уважением и почетом. Ученые освобождены от обязательной трудовой повинности. В то же время к занятиям наукой, к слушанию научных «чтений» привлекаются и поощряются все желающие, и наука, таким образом, хоть отчасти теряет свой сословный цеховой характер.

«Утопии» Мора свойственны, конечно, и те черты, от которых не избавился утопический социализм и в XIX веке: отвращение к народным восстаниям, к тому, чтобы народные массы завоевали социализм собственными революционными усилиями, и, наоборот, вера в благодетельных правителей или умных представителей высших классов, которых убедят логические выводы автора и соблазнит картина счастливой и спокойной жизни при коммунистическом строе *).

Сочинение Мора, ставшее образцом и глубочайшим источником мыслей для длинного ряда социалистов, встречено было господствующими классами Европы, как невинная и забавная фантазия, что лишний раз свидетельствует об их непредусмотрительности, понятной, впрочем, в ту эпоху, когда грядущий капитализм еще только расправлял свои крылья, еще был полон веры в себя и в свои силы.

На самом же деле, говоря словами Каутского, «сочинение, которое буржуазным историкам кажется шуткой или забавой, сделалось поворотным пунктом в истории человеческой мысли; в истории социализма им началась эпоха, обнимающая несколько столетий; оно дало форму социализма, непосредственно предшествующую той его форме, в которой он завоюет весь мир».

---

*) Правда, к современным ему королям и всем вообщеправителям Мор устами своего собеседника относится с недоверием и иронией, граничащей с презрением, обнаруживая при этом в высшей степени тонкое понимание правительственной психологии и всей придворной обстановки. Но это не уменьшало его веры в просвещенный абсолютизм.

2. Коммунистические идеи в английской революции.

Томас Мор открывает собою эпоху философского или рационалистического коммунизма, основывающегося не на священных текстах, а на доводах разума и отчасти опирающегося на пример Платона и рассказы путешественников о вновь открытых землях. Открытие Америки, с ее старинными загадочными цивилизациями, необычайно расширившее умственный кругозор европейцев, ряд изобретений,—все это усилило веру в возможность построить жизнь, резко отличающуюся от настоящей, веру в силу человеческого разума. В этом отношении большой интерес представляет появившаяся сто лет спустя после сочинения Мора утопия итальянского революционера, религиозного и политического мученика, просидевшего без перерыва 27 лет в неаполитанских тюрьмах,—Томазо Кампанелла, утопия, в которой описывается идеальное и фантастическое государство — «Город Солнца».

Но эта утопия, черпающая больше из Платона и из чудесных рассказов о далеких заморских землях, чем из глубокого знания современной экономической действительности,—несмотря на яркую и богатую фантазию автора и на ряд блестящих, почти пророческих мыслей, проникнута сильным налетом средневекового мистицизма (Кампанелла вышел из монахов) и по существу представляет мало оригинального по сравнению с более бледной и прозаичной по форме, но более глубокой и убедительной «Утопией» Мора *).

Не менее, чем «Город Солнца», замечательна появившаяся в 70-х годах XVII века «История Северамбов», уто-

*) Главными особенностями идеального государства Кампанеллы, отличающими его от „Утопии“—это культ тела и физической красоты, общность жен, или, вернее, свободное половое общение, регулируемое жрецами и сопровождаемое особыми обрядами, общественное воспитание детей, которое Кампанелла считает необходимым, как противовес плохому воспитанию детей их родителями,—наконец, воинственность его „соляриев“ (от латинского слова „Sol“—солнце), которые непрерывно ведут войны с соседями. Кроме того, монашеское происхождение Кампанеллы сказалось в том, что его „государство солнца“—своеобразная теократия, т.-е. управляются духовенством, жрецами.

пия первого великого французского утописта Верасса д'Алле; о ней мы еще поговорим более подробно в главе о французском коммунизме XVIII века, который, несомненно, из нее заимствовал многие свои мысли.

Не прекращающиеся, хотя и очень слабые, движения народных масс, с коммунистическими или полукоммунистическими настроениями, тоже понемногу сбрасывают с себя религиозно-сектантскую оболочку и становятся более «земными», более реальными и материалистическими, что объясняется, главным образом, все большим участием в них пролетариата, у которого разрыв с землей ведет также и к большему равнодушию в делах религии, а то и к прямому атеизму.

Систематическое расхищение общинных крестьянских земель, продолжавшееся в XVI веке в Англии и усилившееся благодаря реформации и конфискации монастырских земель, вызвало даже поворот в населении к католицизму, в котором разоряемые крестьянские массы видели меньшее зло по сравнению с «реформацией» нового дворянства, жадного и жестокого. А происходившее в середине XVI века большое крестьянское восстание (так называемое «восстание Кета»), с лозунгом—уничтожения изгородей и возвращения общинных земель, было лишено какой-либо специальной религиозной окраски.

И любопытно, что коммунистические идеи английской революции XVII века, в которой религиозная борьба играла еще очень большую роль, были наименее религиозными.

Английская революция средины XVII века, несмотря на религиозную оболочку, которая маскировала подлинную сущность политических партий, была все же первой большой европейской революцией, в которой ярко и выпукло сказались все классовые противоречия новой Европы. Поэтому английская революция явилась настоящим предвестником, прототипом всех позднейших буржуазных революций, особенно Великой французской, и в ней выявились все классовые идеологии современного капиталистического общества в их взаимной борьбе.

Как известно, после победы над королем, его «кавалерами», т.-е. высшим дворянством, и высшим духовенством, на арене революционной борьбы остались две больших партии: пресвитериане, партия крупной буржуазии и низшего дворянства, шедшая под религиозным лозунгом строгой кальвинистской организации духовенства, или «пресвитеров», а в политике стоявшая за власть капиталистов и земельных собственников, для чего готова была даже вступить в компромисс с монархией,—и партия «индепендентов»—или «независимых», выражавших интересы мелкой буржуазии городов и состоятельного крестьянства. В религиозной области они отрицали официальное священство, признавали за каждым право непосредственно сноситься с богом, следовательно, были отчасти сторонниками религиозной терпимости. В политике они были республиканцами и демократами. Их вождем был Оливер Кромвель, соединявший в одном лице Робеспьера и Наполеона английской революции.

На крайнем левом фланге партии индепендентов выделилась группа «левеллеров» или «уравнителей», решительных демократов, сторонников полного политического равенства и народовластия. Эта группа, во главе которой стоял бесстрашный, неутомимый и неукротимый борец за право и справедливость, Джон Лильборн, вербовала своих сторонников, главным образом, среди кромвелевских солдат. И в то время, как индепенденты отличались вообще большой религиозностью, устраивая молебствия перед каждым боем, среди левеллеров появились первые откровенные материалисты и атеисты, резко критиковавшие всякую религию. Таков был, между прочим, ближайший товарищ Лильборна Вальвин, который, по словам обвинявших его противников, вместе с атеизмом проповедывал и коммунизм. Он хотел бы, чтобы «во всей стране не было ни заборов, ни изгородей, ни рвов», т.-е., чтобы вся земля, а с нею и другие блага стали общей собственностью. Бурная революционная эпоха, с ее быстрой сменой властей, внушала этому коммунисту такую смелость мыслей, что, по его мнению, предвосхищающему Бабефа, «небольшая толпа неутомимых и бесстрашных людей мо-

гла бы перевернуть весь мир, если бы они разумно взялись за дело и не убоялись рисковать жизнью». В будущем обществе, думал он далее, «будет меньше потребности в правительстве, ибо тогда не будет воров и жадных людей, не будет обмана и грабежа; не будет поэтому надобности и в правительстве. Если возникнет какой-либо спор, надо будет только пригласить сапожника или какого-нибудь другого трудящегося человека, лишь бы он был честен и справедлив; он рассмотрит и решит дело и затем снова вернется к своей работе».

Английская революция, при всей ее решительности и радикализме, была все же, как и все позднейшие буржуазные перевороты, революцией имущих, и ее плодами не могли воспользоваться безземельные и экспроприированные крестьяне, вся та масса пролетариата, которая волновала общественное мнение Англии еще во времена Мора. В их защиту, в защиту всех тех, которые были обойдены революцией, которые попрежнему оставались париями общества, хотя бы и демократического, выступила целая литература воззваний и брошюр, которая тоже причисляла себя к левеллерам и нападала не только на монархов, дворянство, и церковь, но и на всех богачей и особенно на официальных защитников буржуазной собственности — юристов и адвокатов.

Наконец, из среды левеллеров выделилась самостоятельная, чисто коммунистическая секта «истиных левеллеров» или «диггеров» («копателей»), названная так потому, что она прибегла к следующему оригинальному способу «пропаганды действием», или «захватного права», как сказали бы теперь: толпа людей, вооруженных заступами, являлась на какой-либо участок необработанной земли, находящейся в частной собственности, и перекапывала его для посева. Их целью было доказать, «что безусловно справедливо, чтобы трудящийся народ пахал и засаживал общественную землю, и чтобы он жил на ней, не нанимая ее ни у кого и не уплачивая никому арендной платы».

Конечно, смелых пропагандистов разгоняли военной силой, арестовывали, предавали суду. Они издавали литературные протесты, где говорили, что цели у них мирные, что сопротивляться властям они не намерены, что они не думают покушаться на земли мелких собственников, а хотят лишь обрабатывать «для общего блага» общинные земли.

Движение это успеха не имело, не привлекло многих сторонников (главным образом, потому, что вся масса низшего крестьянства была в это время в армии) и было раздавлено.

Уже во время протекторства Кромвеля истинные левеллеры жаловались государственному совету республики, что их враги обвиняют их в сочувствии монархии, между тем как, наоборот, помещики, на защиту которых выступили солдаты республики, сами были монархистами и даже участниками монархического восстания. «Копатели» горько упрекали революционный парламент за то, что он обманул тех, кто ожидал от революции действительного равенства и уничтожения нищеты.

Как мы видим, коммунизм «диггеров» был очень скромный, чисто земледельческий и не шел дальше «права на землю» или того, что в эпоху французской революции называли «аграрным законом». Но идейные вожди этого движения, Вильям Эверард и особенно Джерард Уинстэнли, были настоящими убежденными коммунистами, при чем и называли себя даже этим именем. Один из выпущенных ими в разгар революции (1649 г.) памфлетов (политических брошюр) носит следующее характерное заглавие: «Водружение знамени истинных левеллеров или государство коммунизма, об'ясненное и предложенное сынам человеческим» и т. д. Начинается эта брошюра словами, которые, несмотря на дальнейшие коммунистические комментарии к библии, ясно выдают атеистическое настроение авторов: «Вначале великий творец, разум, создал землю, как общее достояние всех людей».

Подробнее всего идеи тогдашних коммунистов изложены в замечательном сочинении Джерарда Уинстэнли, «Закон свободы, изложенный в виде про-

граммы, или восстановление истинной системы правления». Хотя это произведение написано под сильным влиянием Мора, но оно содержит множество глубоких и оригинальных мыслей, вошедших в общую сокровищницу социализма, является первым практическим и широко задуманным проектом коммунистического устройства, возникшим во время революции и, вероятно, рассчитанным на немедленное осуществление. Предшествуя на целых почти полтораста лет великому основателю революционного боевого социализма XIX века, Бабефу, сочинение Уинстэнли, лишь недавно сравнительно извлеченное из исторического забвения германским социалистом Эдуардом Бернштейном, заслуживает того, чтобы на нем остановиться несколько подробнее даже в самом кратком курсе истории социализма.

Уинстэнли исходит из факта незаконченности революции, которая совершена при помощи простых людей, но которая этим людям ничего не дала и не избавила их от прежних страданий. Эксплоатация изменила лишь свою форму, но сущность ее осталась прежней. Законы, все также враждебные народу, стали лишь иначе называться: вместо «королевский закон», стали говорить «государственный закон». Такая постановка вопроса, равно как и резкая принципиальная критика права собственности на землю, необычайно приближает Уинстэнли к коммунистам конца XVIII и даже начала XIX веков.

Но острота его критики идет еще дальше и глубже. Посвящая свой «закон свободы» Кромвелю, в надежде, что тот послушает его поистине пророческих увещаний и хоть отчасти проведет в жизнь его коммунистический проект, Уинстэнли успокаивает его относительно судьбы всех привилегированных классов тем, что в будущем обществе они будут наравне с одинаковыми повинностями иметь и одинаковые со всеми права на общее достояние, и их положение будет бесконечно лучше положения теперешних бедняков, которых никто не жалеет, накладывая на них весь труд и все тяготы.

В будущем обществе не должно быть никакой торговли, никакой купли и продажи. В области экономической должно

быть полное равенство. Неравенство остается лишь в области почестей и титулов, которые даются за особые заслуги в пользу общества.

Но, с другой стороны, «все должностные лица в республиканском государстве ежегодно должны избираться наново. Если чиновники долго будут занимать одну и ту же должность, они испортятся».

Организация производства и распределения у Уинстэнли вполне коммунистическая и мало отличается от изложенной у Мора. Нерадивым в работе гражданам в первый раз делаются негласные внушения, и лишь при упорном рецидиве они подвергаются наказанию. Трудовая повинность существует до 40-летнего возраста. В отличие от Мора совершенно отвергается каста чисто книжных ученых. Все граждане получают и научное, и техническое образование и, отбыв свою трудовую повинность, могут заняться, чем угодно, в том числе и наукой. Хотя в коммунистическом государстве Уинстэнли сохраняется духовенство, но оно играет роль чисто светских учителей, которые в праздничные дни обязаны на публичных собраниях прочитывать государственные новости, отдельные главы из свода законов и статьи по естествознанию, истории, искусству и т. п. Религию Уинстэнли отвергает самым решительным образом и понимает ее реакционный и классовый характер. «Сверхчувственное спиритуалистическое учение не что иное, как обман. Ибо в то время, как смотрят на небо, мечтая о блаженстве или опасаясь ада, ожидающих их после смерти, у них отнимаются глаза для того, чтобы они не могли видеть своих прирожденных прав и задачи, ожидающей их во время их земной жизни».

Уинстэнли, сам бывший купец, разорившийся во время революции и напоминающий этим Фурье, так же, как и тот, особенно ненавидел купцов — и высшее наказание в своем будущем обществе назначал за куплю и продажу, а также за продажу своего труда или покупку чужого. Критикуя современное ему общество, он заявляет, что «народы

земли никогда... не сумеют избавиться от войны, пока они не уничтожат мошеннического изобретения купли и продажи, вместе с обломками королевской власти». Он знает также, что «все богачи живут в довольстве, питаются и одеваются не собственным трудом, а благодаря труду других. Богачи получают все, что они имеют, из рук рабочих. Когда они дарят что-нибудь, они дарят продукт труда других, а не своего собственного труда». И поэтому он в другой своей брошюре говорит: «Бедняки должны быть избраны первыми и первыми должны удостоиться чести выполнять этот труд (пропаганду коммунизма), ибо они начинают говорить голосом истины, между тем как богачи—обыкновенно враги истины и свободы».

Но Уинстэнли слишком опередил свое время. «Бедняки» его эпохи еще не в состоянии были понять его. А для тогдашнего «образованного» общества, которое смотрело на «Утопию» Мора, как на невинную забаву, революционно-коммунистическая проповедь великого «копателя» казалась опасным бредом сумасшедшего.

IV. ФРАНЦУЗСКИЙ КОММУНИЗМ XVIII ВЕКА И ЭПОХИ ВЕЛИКОЙ РЕВОЛЮЦИИ.

1. Философский и народный коммунизм.

Английские революции XVII века привели к победе буржуазии в ее борьбе с деспотизмом королевской власти, высшим дворянством и духовенством. Буржуазный порядок упрочился, а положение низших классов не только не улучшилось, но даже ухудшилось. Но, как бывало всегда после неудачных восстаний этих классов, как было после гуситских войн в Богемии и краха воинственного анабаптизма в Германии, как было впоследствии в результате Великой французской революции, — идеологи и защитники интересов наиболее угнетаемых и эксплоатируемых слоев народа, разочаровавшись в политике и революционной борьбе, прибегали к мирной религиозно - моральной проповеди, к благотворительности и взаимопомощи. Так и английские левеллеры и «истинные левеллеры», с одной стороны, превратились в пользовавшуюся большим влиянием социально-этическую секту квакеров (нечто среднее между нашими толстовцами и хлыстами), а, с другой, — выдвинули ряд социальных реформаторов, предлагавших организацию коммунистических и полукоммунистических товариществ и кооперативов.

Зато во Франции, еще не пережившей своей революции, английские революционные идеи XVII века встретили самый горячий и сочувственный отклик. Идеи политической и религиозной свободы, демократии и народовластия, а также идеи материализма и коммунизма, — все это сделалось предметом самого оживленного обсуждения во французской фи-

лософской литературе XVIII века; а огромное международное значение этой литературы, ставшей образцом остроумия и вкуса, умевшей трудные и отвлеченные вопросы излагать в изящной и удобопонятной форме и получившей исключительный отголосок, благодаря громовым раскатам французской революции, сделало все эти идеи уже в их французской форме достоянием всей революционной и социалистической интеллигенции Европы и России, для которых Франция до самого 48 года играла неизменно роль великого духовного центра и идейного светоча.

Социально политические и даже философские идеи, пересаженные на другую почву, в другую страну, неизбежно приспособляются к другой общественно-исторической обстановке. Этой судьбе подверглись и идеи английского коммунизма, особенно «Утопия» Мора.

И во Франции, правда, разорение и угнетение крестьянства играло важнейшую роль в возникновении и развитии коммунистических идей. Длинный ряд крестьянских восстаний в XVI, XVII и XVIII веках, восстаний, усмиряемых с чудовищной жестокостью, должен был заставлять задумываться наиболее мыслящих и восприимчивых представителей высших классов. Но, с другой стороны, французское крестьянство позже английского вышло из феодальной эпохи, и во многих провинциях еще в XVIII веке сохранились остатки первобытной общинной собственности и даже общинной обработки земли, при чем крестьяне-общинники нередко жили даже в общих домах и вели совместное хозяйство. Эта общинная форма поощрялась феодальными сеньерами, как и нашими помещиками при крепостном праве, и притом по тем же причинам: вследствие большей легкости с общины, при круговой поруке, взыскивать налагаемые на крестьян повинности и оброки. И эта же общинная собственность, с общими домами и коллективным хозяйством, повлияла и на построения первых французских социалистов, подобно тому, как русский народнический социализм опирался на русскую общину.

К этому прибавилось еще то обстоятельство, что когда французский Томас Мор, уже упоминавшийся нами Верасс

д'Алле, великий предшественник французского утопического социализма, во второй половине XVII века писал свою утопию «История севарамбов», французская промышленность, особенно прядение и ткачество, сделала огромный шаг вперед, по сравнению с мелким ремесленным производством времен Мора; а мелочно-централистический абсолютизм Людовика XIV, с его вмешательством в экономическую жизнь страны, сделал более привычной мысль о государственной организации производства. Вот почему в утопии Верасса промышленность гораздо более централизована, чем у Мора, вот почему у него государство еще более регламентирует всю жизнь его сказочной коммунистической страны, и вот почему, наконец, граждане этой страны делятся на отдельные производственные товарищества для всех видов человеческой деятельности, члены которых, мужчины и женщины, живут в больших общих домах «осмазиях», с общим хозяйством.

Идеи Верасса, несомненно, наложили свой отпечаток на все развитие французского социализма, вплоть до фаланстеров Фурье. Ему же принадлежит ряд блестящих мыслей, вошедших в общий обиход социализма лишь в XIX веке, напр., об освобождении женщин от ведения домашнего хозяйства, о влиянии коммунистического общественного строя на облагорожение и развитие телесных и духовных особенностей человека и т. п. Но в то же время характерно для той эпохи, что и у Мора, и у Верасса сохраняется рабство: рабы употребляются для особо тяжелых и грязных работ (у Верасса, в случае бездетного брака, разрешается даже брать в наложницы рабыню) и, как в «Утопии», пополняются, повидимому, отчасти из пленных, взятых на войне, отчасти из преступников, приговоренных к тяжелым принудительным работам.

Если значительно опередившая свой век «История севарамбов» послужила и образцом для утопических философских романов XVIII века, и главным источником мыслей французского философского коммунизма этой эпохи, то другая коммунистическая струя, резко сказавшаяся в народном коммунизме времен французской революции, идет из народ-

ных низов, из среды несчастного, терпящего неслыханные страдания крестьянства и—в редких случаях—от близкого к нему по духу и образу жизни, презираемого и эксплоатируемого сельского духовенства. Это—коммунизм грубый, элементарный, вытекающий лишь из чувства ненависти к угнетателям и потребности в равенстве.

Во время одного из крестьянских восстаний конца XVI в., когда крестьяне воспользовались междоусобной войной дворян между собой, войной католиков и кальвинистов, сторонников короля и сторонников дворянской «лиги», они, по словам современного историка, избивали всех попадавших им в руки дворян, без различия их политических и религиозных взглядов. «Они говорят, что нужно сделать только это для того, чтобы на землю вернулось равенство, которое должно царить между людьми».

Что касается сельского духовенства, то в большинстве оно было развращено своим рабством у епископов, погрязало в пьянстве и разврате и в поисках пропитания готово было на всякие низости. Но иногда из среды этой, вышедшей из народа интеллигенции, видевшей близко его нужду, бесконечные страдания и чинимые над ним насилия, из среды интеллигенции, которая и сама терпела нужду и унижения со стороны сильных мира сего, выходили яркие и страстные протесты против всех несправедливостей существующего строя. Самым замечательным из таких протестов, проникнутым вдобавок резко-коммунистическим настроением, является знаменитое «Завещание» священника Жана Мелье, появившееся уже в XVIII веке (в 1729 г.), после его смерти и тотчас же разошедшееся в сотнях рукописных списков.

Сын бедного ткача, получивший образование по милости одного священника и сам ставший скромным деревенским священником, Жан Мелье всю свою жизнь испытывал величайшую нравственную муку: человек острого и глубокого критического ума, ставший убежденным атеистом, он должен был, по слабости характера, изо-дня в день исполнять обязанности католического священника; ненавидя и

презирая все привилегированные классы, особенно дворянство с королем, чиновничество и высшее духовенство, он должен был покорно подчиняться установленному ими режиму лжи, грабежа и насилия и исполнять их прихоти. И когда раз, не вытерпев насилия соседнего помещика над несколькими крестьянами, Мелье отомстил ему тем, что не помянул его в богослужении, начался ряд преследований, которые довели несчастного священника до того, что, по словам местных крестьян, он уморил себя голодом.

И вот всю свою жгучую ненависть против существующего строя и освящающей его религии, не столько, впрочем, против зарождающегося капитализма, сколько против отживающего феодализма и монархии, ненависть, накопленную в долгие годы одиноких страданий и размышлений, излил Мелье в своем посмертном сочинении, названном им «Мое завещание». Самой сильной стороной этого сочинения является его критическая часть, направленная и против религии, и против духовенства, и против всего тогдашнего государственного строя, а также сознательный материализм и пламенная революционность. Бедный священник звал в своем завещании народы к об'единению и к восстанию против королей-тиранов и всех эксплоататоров. В этом отношении он может считаться первым действительно революционным коммунистом XVIII века. Впрочем, что касается коммунистических взглядов Мелье, то они не получили подробного развития: он он ограничился, в качестве основы справедливого строя, указанием на необходимость общности имуществ, особенно общинного владения землей и коммунистической ее обработки, т.-е. тем, что было вполне понятно и доступно окружавшим его крестьянам, сохранившим еще много пережитков средневековой общины.

Большую роль в развитии и обосновании коммунистических идей не только эпохи революции, но и первой половины XIX века сыграла общефилософская литература XVIII века, особенно сочинения так называемых «энциклопедистов», т.-е. редакторов и сотрудников знаменитой «Энциклопедии», этой сокровищницы всех знаний и критических мыслей предреволюционной Франции. Великие философы и публи-

цисты XVIII века,—Монтескье, Вольтер, Руссо, материалисты —Дидро, Гольбах, Гельвеций и целый ряд других, кончая определенными коммунистами, как Мабли и Морелли,—подвергли резкой критике существовавший во Франции политический и общественный строй. Одни из них нападали лишь на произвол самодержавной власти и ее чиновников, на деспотизм и паразитизм дворянства, на католическую церковь; другие развенчивали самого бога и идею королевской власти. Наконец, все они, будучи идеологами «3-го сословия», т.-е. буржуазии, больше всего нападали на привилегии дворянства, на его наследственную власть над землей и людьми и при этом приходили к революционным мыслям о том, что право собственности установлено не богом, а людьми, следовательно, людьми же может быть и изменено. Требуя равенства прав для 3-го сословия и жалея задавленное крестьянство, они в своей критике додумывались до того, что всякий человек имеет право на жизнь и, следовательно, на свою долю в общественном богатстве.

Так, даже Монтескье, совсем не отличавшийся демократизмом, большой поклонник тогдашних английских порядков, случайно высказал такую смелую мысль: «Государство обязано доставить всем гражданам обеспеченное существование, пищу и приличную одежду и обеспечить им такой образ жизни, который бы вполне соответствовал их здоровью». Материалисты доказывали, что человек есть продукт среды и воспитания, из чего впоследствии социалисты делали тот вывод, что необходимо радикально изменить общественные условия, если мы хотим облагородить человеческую личность. Далее, материалистическая теория «разумного эгоизма», которым должна руководствоваться развитая личность, приводила социалистов к мысли, что только в обществе, где нет частной собственности, разумный эгоизм не противоречит общественным интересам.

Но больше всего повлиял на развитие демократических и коммунистических идей, не будучи сам коммунистом, великий философ-демократ Руссо, этот народник XVIII века, ярко отметивший обратную сторону, изнанку буржуазной цивилизации,—этот кумир и учитель якобинских вождей ре-

волюции — Робеспьера, Сен-Жюста и многих других. Вот то знаменитое место из первого сочинения Руссо, которое много раз цитировалось коммунистами конца XVIII и начала XIX веков: «Первый человек, который, огородив клочек земли, сказал: «это—мое», был истинным основателем гражданского общества. От скольких преступлений, убийств, бедствий и ужасов предохранил бы человечество тот, кто вырвал бы изгородь, засыпал ров и сказал бы своим ближним: «берегитесь и не слушайте этого обманщика. Вы погибли, если вы забудете, что плоды принадлежат всем, а земля — никому». Руссо же принадлежат слова, легшие потом в основу революционной «Декларации прав человека и гражданина»: «человек рождается свободным, а видим мы его везде в цепях». Из этой мысли в эпоху революции делались выводы, что истинная свобода невозможна без собственности, без права на продукт своего труда, и что равенство прав — ничто без равенства фактического, т.-е. равенства жизненных условий. А один из ближайших последователей Руссо, будущий вождь жирондистов и ожесточенный враг всех сторонников равенства во время революции, Бриссо, накануне этой революции договорился даже до фразы, которую в 40-х годах XIX века подхватил Прудон, пугая ею всех почтенных буржуа: «Исключительная собственность—есть кража в природе», или, как потом короче и резче формулировал Прудон: «собственность — есть кража».

Так как наиболее вопиющее, бросавшееся в глаза неравенство было между сеньером-аристократом и голодным, темным, полудиким, затравленным крестьянином, так как именно в области земельных отношений особенно резко проявлялась эксплоатация, то все нападки философов на неравенство и на право частной собственности касались исключительно земли. При этом практических выводов или вовсе не делалось, или они ограничивались общими указаниями на необходимость раздела земли между всеми бедняками, а также—гораздо реже—на необходимость передачи земли в общее пользование.

До цельных и последовательных выводов доходили лишь немногие из дореволюционных социальных философов XVIII

века. Самым замечательным из них был Морелли, сочинение которого «Кодекс природы или истинный дух ее законов», появившееся анонимно в 1755 г. и долго приписывавшееся Дидро, сильно повлияло на выработку коммунистических взглядов Бабефа, этого родоначальника новейшего революционного коммунизма.

Морелли—чистейший рационалист, т.-е. опирается не на данные опыта, как это отчасти делает Мор, с его глубоким пониманием современных ему социально-политических отношений, а исключительно на отвлеченные, чисто логические построения разума. Как и Руссо, он полагает, что первобытные люди жили в счастливом «естественном» состоянии, т.-е. таком, какое соответствовало истинной «природе» человека. После того человечество отклонилось от этого естественного состояния и, благодаря такой «ошибке», произошли все его дальнейшие бедствия. Задачей философа и должно быть снова открыть «истинный дух» законов природы и, сообразно им, построить план будущего, рационального, согласного с природой общества, каким Морелли считал общество коммунистическое.

Но при всей своей отвлеченности общественное мировоззрение Морелли все же, несомненно, отражает бюрократический дух современной ему Франции. Так, хотя он, предвосхищая, отчасти, главную идею Фурье, полагал, что естественные склонности людей сами по себе хороши и что лишь, благодаря частной собственности, они вступают в противоречие с интересами общества, однако он считал необходимым и в коммунистическом обществе, несмотря на его «естественность», самое мелочное вмешательство государства в личную жизнь граждан, до строжайшего регламентирования брака включительно. Вообще, в его коммунистическом государстве царит вполне иерархический и бюрократический режим, с весьма серьезными репрессиями для ослушников, вплоть до вечного одиночного заключения в особых «пещерах», устроенных при кладбищах.

Вот несколько цитат из четвертой части его «Кодекса природы», носящей характерное заглавие: «Образец зако-

нодательства, согласного с намерениями природы».

Прежде всего, «основные и священные законы, которые подрезали бы в корне пороки и всякое зло в обществе». Этих законов три: «1. В обществе ничего не будет принадлежать отдельно или в собственность кому бы то ни было, кроме тех вещей, которыми он будет, действительно, пользоваться для своих нужд и удовольствий, или для своего повседневного труда. 2. Каждый гражданин будет должностным лицом, прокармливаемым, содержимым и занимаемым работою на общественный счет. 3. Каждый гражданин будет содействовать с своей стороны общественной пользе, сообразно своим силам, дарованиям и возрасту. В зависимости от этого, будут определены его обязанности, согласно распределительным законам».

Далее идут эти «законы распределительные или хозяйственные», числом 12. «Для того, чтобы все происходило в образцовом порядке, без путаницы, без замешательства, всякая нация будет переписана и разделена по семьям, по родам и по городам, а если она очень многочисленная, то и по провинциям». При этом, как гласит закон № 2, «каждый род будет состоять из одинакового числа семей, каждый город — из одинакового числа родов и т. д.».

Затем идет регламентация распределения и потребления, гораздо более мелочная, чем у Мора.

В «законах городского благоустройства» предусмотрены все подробности постройки и расположения городов, вплоть до того, что «в наименее приятном и наиболее пустынном месте будет построено здание, окруженное высокой стеной и разделенное на несколько маленьких помещений, запертых железными решетками. Сюда будут заключаемы лица, заслужившие, чтобы их удалили на время из общества».

А еще дальше, как мы уже знаем, на кладбище будут «своего рода пещеры», куда будут на всю жизнь заключаться особо важные преступники, и где их будут после смерти хоронить. Такими преступниками, согласно «закона о наказаниях», являются все убийцы, а также те, кто «попытается посредством интриги или иным путем уничтожить священ-

ные законы, с целью ввести проклятую собственность».

Наконец, характерно, что правила, регламентирующие производство, названы «полицейскими законами», что «законы брачные» ставят себе целью «предупредить всякий разврат», а «законы о научных занятиях» «долженствуют помешать блужданиям человеческого ума и всяким трансцендентным мечтаниям».

Во всем этом сказывается свойственная всем общественным мыслителям Франции XVIII века вера во всемогущество закона и законодателя, вера в то, что мудрые законы могут создавать из общества, как из глины, любые формы, и, наконец, бюрократизм современного Морелли государственного строя и пассивность французского общества. Но, с другой стороны, «формула всякого общественного приказа», говорит Морелли, будет: «Разум требует, закон приказывает». Поэтому, конечно, его законы, при всем их формально-полицейском бюрократизме, по своему содержанию, являются полной противоположностью реальным законам и нравам современной ему Франции. Так, даже в жестокой, в общем, главе о наказаниях мы находим следующий гуманный параграф: «Так как бесчестит не наказание, а вина, то по отбытии положенной кары запрещено будет укорять в этом лицо, искупившее свою вину, равно как его родственников, а также рассказывать об этом людям, которые не знают о нем, или выражать малейшее презрение к этим лицам в их присутствии или заочно,—под страхом подвергнуться тому же наказанию».

В заключение следует также упомянуть, что законы о воспитании содержат в себе много разумных и — по тому времени—новых мыслей и отчасти даже предвосхищают идею Фурье о соединении обучения с производительным трудом (по Морелли, с 10-летнего возраста).

Во всем остальном французский теоретический коммунизм XVIII века, в лице его наиболее выдающегося представителя, ничего оригинального и нового, по сравнению с Мором, не дает.

---

2. Социальные стремления Великой революции.

Зато размах классовой борьбы и борьбы против крупной собственности и собственников, равно как и стремления широких масс к социальной справедливости, проявившиеся во время французской революции, неизмеримо превосходят по своим размерам и глубине те же явления революции английской.

Грандиозная конфискация дворянских и церковных земель и распродажа их частным лицам, разрушение всего прежнего политического, религиозного и общественного строя; наконец, восстание наиболее отсталых и обездоленных крестьянских масс,—все это произвело грандиозный, колоссальный сдвиг в умах и заставило самые широкие слои населения подвергнуть критической переоценке все прежние, сложившиеся веками и застывшие понятия о собственности.

Кроме того, во Франции конца XVIII века, по сравнению с Англией середины XVII, появился новый, хотя на первых порах мало заметный, фактор: довольно многочисленное рабочее (впрочем, главным образом, ремесленное и работающее на дому) население крупных центров, особенно Парижа и Лиона, оказывавшее в некоторые моменты решающее влияние на судьбу революции и ее социальную политику. И существование этого класса городских, промышленных рабочих заставило «свободолюбивую» буржуазию, выставившую лозунг равенства, с первых же недель революции 1789 года показать свое истинное классовое лицо: рабочие союзы и забастовки были запрещены, и по конституции 1791 г. пролетарии были лишены избирательных прав.

В то же время «Декларация прав» провозглашенная буржуазным учредительным собранием, устанавливала направленный против дворянских привилегий принцип равенства граждан, чем давала опору всем идеологам трудящейся бедноты в их требованиях действительного равенства. А дальнейшее развитие революции, в которой, после отмены королевской власти, боролись, главным образом, две партии — жирондисты, умеренная партия крупной буржуазии и буржуазной интеллигенции, и партия «горы», или якобинцы, представлявшие интересы мелкой буржуа-

зии,—заставляло неоднократно мелкобуржуазных идеологов обращаться к помощи народных масс, особенно городской бедноты, или «санкюлотов». При этом левое крыло якобинской партии вполне искренно защищало интересы этой бедноты. Наконец, хронический голод в больших городах, жадность новых богачей, захвативших бывшие дворянские земли, и спекулянтов, торговавших хлебом, а также неудачи на войне и монархические и буржазные восстания внутри страны—заставляли якобинское правительство в своей борьбе против частной собственности итти, под давлением народных масс, дальше того, что позволяли их мелкобуржуазные взгляды, и это об'ясняет двойственную политику конвента и правительства Робеспьера.

С одной стороны, частная собственность об'являлась якобинцами неприкосновенной, и за призыв к «аграрному закону», т.-е. к всеобщему разделу земель, грозила смертная казнь; а с другой,—велась беспощадная борьба со спекулянтами, введен был контроль за хлебной торговлей, установлены предельные твердые цены («максимум») и даже насильственная реквизиция сельско-хозяйственных продуктов.

Все эти меры, вместе с чрезвычайным налогом на богатых, раздражая буржуазию и значительную часть крестьянства, в то же время мало помогали голодающим массам и потому лишь усиливали смутные стремления к равенству, справедливости и — изредка — к общности имуществ.

В то время, как массы требовали дешевого хлеба, обуздания торговцев, вообще улучшения своего положения, а то и полного экономического равенства, при чем иногда, доведенные до отчаяния, начинали громить булочные, — левое крыло мелкобуржуазной интеллигенции, основываясь на философской критике XVIII века, доказывало, что одной политической революции недостаточно, что необходимы глубокие социальные реформы, глубокие перемены в отношениях собственности. С самых первых дней революции 1789 г., создавшей огромную литературу о лучших формах общественной жизни, появляются сочинения (в том числе и Бабефа), критикующие общественное неравенство и буржуазное право собственности. В числе таких писателей особенно выдавался Марат, прозванный «другом народа» и отличавшийся, на

ряду с глубоким сочувствием к страданиям бедняков, редкой политической проницательностью.

Но особенно усилилось это идейное антибуржуазное движение с 1792—3 г.г., с обострения революционного кризиса. Даже Дантон, не имевший ничего общего с коммунистическими идеями, мало того, бывший их злейшим врагом, восклицал в одной из своих речей в клубе якобинцев: «Если санкюлоты, в свою очередь, не получат пользы от революции, то мы снова начнем против богачей и финансистов ту самую революцию, которую мы вместе с ними совершили против духовенства и дворянства».

В новом проекте «Декларации прав», предложенном конвенту Робеспьером, была вступительная фраза, которую потом истолковывал Бабеф вполне коммунистически: «Цель общества является общее благо. Государство учреждено с целью обеспечить человеку пользование своими естественными правами». А § 1-й этой декларации, от которого впрочем, Робеспьер потом сам отказался, определял собственность, как «право каждого гражданина пользоваться и располагать той долей благ, которую за ним обеспечивает закон», т.-е. отменял неограниченное и бесконтрольное право собственности.

Еще дальше шли ближайшие сотрудники Робеспьера: Сен-Жюст и Бильо-Варенн, требовавшие, чтобы каждый пользовался продуктом своего труда, чтобы не было «ни бедных, ни богатых», и т. д. Марат рекомендовал беднякам самим расправляться с недобросовестными торговцами и спекулянтами. Если бы народ, говорил он, «ограбил несколько магазинов и у дверей повесил скупщиков, то тогда скоро прекратились бы эти спекуляции, доводящие 25 миллионов народа до отчаяния и убивающие тысячи людей голодом».

После смерти Марата, убитого жирондисткой Шарлоттой Кордэ, его идеи стали развиваться вождями революционной коммуны (т.-е. городского самоуправления) Парижа — Шометтом и Эбером, которые нападали на конвент за его снисходительность к крупным собственникам и требовали более крутых и решительных мер.

Но во всех этих речах и писаниях, какими бы крайними они ни казались и как бы им ни аплодировали рабочие парижских предместий, не было еще ничего социалистического, ибо требование равенства само по себе есть мелкобуржуазное требование раздела имущества, а отнюдь не лозунг общественной организации производства и распределения. Действительно, коммунистическая или полукоммунистическая пропаганда велась в 1793—4 г.г. не с трибуны конвента, не знаменитыми политическими деятелями, хотя бы и очень «левыми», а в народных глубинах, среди рабочих Парижа и особенно Лиона, где наиболее была развита промышленность, об'единявшая на фабриках шелка сравнительно большие массы людей.

Эти рабочие нашли себе и вождей, вышедших из их собственной среды или из среды низшего духовенства, бедных народных священников, духовных наследников Жана Мелье.

Таковы бывшие священники — Жак Ру, Шалье, Доливье и др., которые действовали в Париже, Лионе и некоторых других местах и пользовались любовью и доверием рабочих и крестьянских масс. Доливье написал интересное, богатое мыслями коммунистическое сочинение, под заглавием: «Исследование о первобытной справедливости, служащей началом, порождающим тот общественный порядок, который только и может обеспечить человеку все его права и пути к счастью». Вокруг действовавшего в Париже Жака Ру об'единились—молодой рабочий Варле и известная революционерка Роза Лакомб, организовавшая клуб революционных женщин.

Все эти группы подвергались отчаянной травле всех буржуазных и мелкобуржуазных партий, до Робеспьера включительно. Их называли анархистами, а также «бешеными» и об'являли их опасными для государственного строя. И, действительно, «бешеные» в Париже требовали—национализации торговли, а в Лионе — муниципализации промышленности, с тем, чтобы самоуправление само определяло заработную плату рабочих, которая давала бы им возможность существовать. Жак Ру организовал петиции и манифестации к конвенту — рабочих парижских предместий. Во время одной из таких манифестаций он сам произнес

речь, за которую его выгнали из здания конвента. Он говорил, что революция пошла на пользу одним только богатым, что «необходимо положить конец этой борьбе на жизнь и смерть, которую эгоизм ведет против рабочего класса».

Деятельность «бешеных» привела лишь к сравнительно незначительным народным вспышкам в Париже и Лионе. Но и этого было достаточно, чтоб на них обрушилась месть как буржуазных, так и мелкобуржуазных вершителей судеб революции. Шалье был казнен в Лионе захватившими временно власть жирондистами. Жак Ру и его друзья были гильотинированы в Париже Робеспьером, объявившим их агентами монархистов...

3. Заговор Бабефа.

Контр-революционный переворот 9—10 термидора (27—28 июля 1794 года), т.-е. сверженые и казнь Робеспьера, привел к власти новую буржуазию, разбогатевшую во время революции, «пристроившихся революционеров». Они не хотели восстановления монархии Бурбонов, которая принесла бы им месть и разорение за расхищение дворянских земель, за террор и преследование священников. Но еще больше боялись они и ненавидели «простонародье», «санкюлотов», этих страшных парижских рабочих, которые так травили спекулянтов и вообще богачей, которые одно время господствовали в парижской коммуне и, в лице своих наиболее крайних представителей, грозили даже страшным призраком «раздела имуществ».

От этой опасности восторжествовавшая буржуазия постаралась прежде всего избавиться. Была создана новая конституция с имущественным цензом для избирателей, устранявшим совершенно пролетариев от выборов. Положен был конец всяким заигрываниям с беднотой, всяким «твердым ценам», заботам о заработке и продовольствии для обездоленных масс. А когда весной 1795 г. предоставленные самим себе и доведенные до отчаяния голодом бедняки рабочих кварталов Парижа двинулись к правительству с лозунгом «хлеба и демократической конституции 1793 года»,—это восстание было разгромлено военной силой.

На почве крушения демократических идеалов якобинской революции и озлобления против захвативших власть богачей, спекулянтов и изменников из якобинского лагеря, введенной ими политической реакции и их цинического отношения к страшной нужде парижской бедноты—и возник в 1795—6 г.г. так называемый «заговор равных», или заговор Бабефа — первая в истории попытка революционного государственного переворота в целях введения социалистического или коммунистического строя. Франсуа-Ноэль Бабеф, присвоивший себе по тогдашнему обыкновению прозвище Гракха, по имени знаменитых древне-римских революционеров, братьев Гракхов, родился в 1760 году, в семье бедняков. В ранней молодости он был лакеем, что дало ему возможность хорошо изучить закулисную сторону жизни тогдашней знати. Затем, упорно занимаясь самообразованием, он сделался землемером и в этой должности тоже изучил все бесстыдные происки, обманы и расхищение крестьянских земель, практиковавшиеся дворянством и земельной буржуазией. С самого начала революции он всей душой примкнул к народному движению, принимал участие в крестьянских восстаниях, и за неутомимую революционную деятельность, за вечную борьбу с общественной несправедливостью его преследовали все время революции разные власти, от провинциальных дворян в 1789 г. до комитета общественного спасения в 1793 г. Его арестовывали и приговаривали к тюрьме как «врага общественного порядка», и, если не могли напасть открыто, то по клеветническому обвинению в подлоге, по которому он впоследствии был реабилитирован. Но, несмотря на то, что он подвергался преследованию и при якобинском правительстве, Бабеф в конце-концов остался все же поклонником Робеспьера и особенно его ближайшего сотрудника Сен-Жюста, которого он ставил очень высоко и любил цитировать.

С первых дней революции Бабеф занялся литературной деятельностью, в которой проводил сперва лишь смутную идею общего равенства и устранения социальной несправедливости. Так, уже в 1789 году он писал, что незаконно пользоваться непропорционально большей частью тех благ и преимуществ, которые дает данная страна. «Только благодаря

узурпации (захвату) владеют люди лично многими частями общего наследия». Подобно тому, как воспитанник, достигший совершеннолетия, имеет право потребовать у бесчестного опекуна отнятое у него добро, так и народ, который до сих пор держали искусственно в состоянии младенчества, имеет право пред'явить требование на свою долю общественных благ, имеет право добиваться уничтожения таких порядков, при которых одни «погибают от голода, тогда как другие утопают в излишествах и наслаждениях».

Примкнув к якобинцам и став на крайнем левом их фланге, Бабеф первое время продолжал лишь дело Марата. После низвержения Робеспьера он основал просуществовавшую около месяца «Газету Свободы Печати» (осенью 1794 года), в которой, между прочим, поместил следующие замечательные строки, как бы выхваченные из самой жгучей нашей современности.

«Железной рукой нужно подавить всех противников грядущей коммуны *). Мы освобождаем бедных от богатых, слуг от господ. Они готовы бросить нас в тюрьмы, мы сметем их с лица земли... Тирана (т.-е. Робеспьера. В это время Бабеф еще, может быть, был озлоблен против Робеспьера, или же он написал это, приспособляясь к контр-революционной цензуре) свалил народ. Но республика Жиронды — еще не спасение: все должны в поте лица зарабатывать хлеб, а не обманывать народ ложью о пользе сотрудничества с лакеями аристократов. Захватить власть — еще не все. В моей коммуне нельзя воровать, попусту тратить деньги, взваливать свой труд на чужие плечи. Только суровая дисциплина, упорный труд и беспощадная война ворам, какие проберутся к нам в коммуну, поможет мне осуществить истинное равенство во Франции. Вы уверяете, что диктатура меньшинства—опасность для свободы. Зачем свобода беднякам и нищим, раз ею пользуются и богачи? Наша свобода—рабство для богатых; мы обязаны сломить их и установить диктатуру бедных. Иначе диктаторами станут умные из аристократов. В борьбе

*) Здесь слово коммуна обозначает не коммунистическое общежитие, а просто революционную общину.

этой будут неудачи, но позорно терять бодрость духа. За нас народная беднота... Если мой план истинно свободных коммун не осуществится, я скажу одно: пролитая кровь врагов коммуны—хорошее удобрение для будущих опытов; кровь же народа — неизбежная жертва. Волноваться здесь нечего».

После закрытия «Газеты Свободы Печати» Бабеф стал издавать новую газету «Народный Трибун», выходившую с осени 1794 до весны 1796 г., т.-е. почти до последнего ареста Бабефа, и пользовавшуюся большой популярностью. Направление ее становилось все более определенно коммунистическим, особенно после того, как Бабеф, арестованный в феврале 1795 г., вышел в сентябре того же года из тюрьмы, где, под влиянием чтения и бесед с товарищами по заключению и будущими соучастниками заговора — Буонаротти и Дартэ, бывшими агентами революционного конвента, сам сделался вполне сложившимся коммунистом. Учителями его были Руссо, из взглядов которого Бабеф делал коммунистические выводы, затем великий материалист, душа энциклопедистов—Дидро и особенно коммунист Морелли *). В коммунистическом духе истолковывал Бабеф и робеспьеровскую декларацию прав и самый коммунизм стал обозначать заимствованным из нее термином — «общее благо», желая этим подчеркнуть, что он не вносит ничего особенно нового, а только продолжает углублять и доводить до логического конца якобинскую традицию, представленную Маратом, Робеспьером, Сен-Жюстом и другими виднейшими деятелями «Горы».

С октября 1795 г. Бабеф и группа его ближайших сообщников стали подготовлять будущий революционный переворот, который должен был отдать власть в руки коммунистов и создать условия для проведения ряда переходных социальных мероприятий на пути к коммунистическому переустройству общества. Работа Бабефа и его товарищей состояла в массовой агитации и в организации кадров будущего восстания. С этой целью прежде всего «Народный Трибун» проповедывал, что

*) Сочинения которого и Бабеф приписывал Дидро.

французская революция — это открытая война между богатыми и бедными, критиковал право собственности и право наследства, рисовал весь ужас нищеты тех народных масс, которые совершили революцию и вынесли к власти банкиров и спекулянтов, разорявших народ, и требовал решительных реформ и конституции 1793 г. А в дополнение к печатной агитации создан был клуб «Пантеон», насчитывавший несколько тысяч человек, который по внешности был вполне законным и мирным, но на самом деле — об'единял и сплачивал бывших якобинцев и других демократов, недовольных реакционной олигархией буржуазии.

Правительство поняло опасность. Генерал Бонапарт в конце февраля 1796 года закрыл общество «Пантеон», а чтобы отвлечь от агитации Бабефа голодных жителей предместий, которые стали внимательно к ней прислушиваться, парижским беднякам временно снова стали раздавать хлеб и мясо. После закрытия клуба организация «равных», как они стали себя называть, сделалась тайной, подпольной; это не мешало ей развиваться, и к маю 1796 года она насчитывала уже 17,000 членов.

Но состав ее был довольно пестрый и далеко не классовый. Рабочие составляли в ней лишь небольшое меньшинство, а главным ядром ее были прежние якобинцы, гонимые реакционным правительством, уволенные офицеры, чиновники и т. д.*). Многие из них не отдавали себе вовсе отчета в коммунистических целях общества, во всяком случае, мало о них думали, стремясь лишь снова ввести якобинскую диктатуру 1793 — 94 г.г. Неудивительно, что в организацию проник шпион, офицер Гризель, который приобрел доверие заговорщиков своей зажигательной революционной деятельностью и обещал им содействие армии. Он донес правительству о планах заговорщиков и выдал их. 10 мая 1796 г. Бабеф и его ближайшие сообщники были арестованы, при чем был захвачен весь план организации, заготовленные

*) Впрочем, многочисленные ячейки „равных" имелись и среди рабочих ремесленных мастерских и среди солдат, где агитация велась также в посещаемых ими кабачках (а среди рабочих—даже на их частных квартирах).

декреты будущего революционного правительства и т. д. Попытка уцелевших от арестов членов организации поднять военное восстание (так называемое дело Грепельского лагеря) потерпела полную неудачу.

Бабефа с товарищами предали суду в феврале 1797 года. при чем процесс продолжался целых три месяца. Обвиняемые держали себя мужественно и даже вызывающе, пели марсельезу и открыто излагали свои цели. Наоборот, буржуазные судьи осыпали их оскорблениями и пытались даже обвинять их в тайном союзе с монархистами. В результате Бабеф и Дартэ были приговорены к смерти, остальные, в том числе Буонаротти, к ссылке. После приговора Бабеф и Дартэ пытались заколоть себя кинжалами, но лишь ранили себя и были гильотинированы.

Кроме многочисленных статей Бабефа в «Народном Трибуне» и его речей на суде, главным материалом для характеристики «заговора равных» и его целей служит «Манифест равных», написанный Сильвеном Марешалем (хотя и отвергнутый Бабефом, вследствие несогласия с некоторыми пунктами «манифеста»), затем расклеенное незадолго до раскрытия заговора «Изложение учения Трибуна» и, наконец. самый план восстания и декреты и воззвания, заготовленные на случай победы.

«Французская революция, говорится в «Манифесте равных»,—лишь предтеча другой революции, более великой, более торжественной, которая будет последней»... Народ, победивший об'единенных против него королей и попов, должен теперь покончить с новыми тиранами. Равенство, провозглашенное в декларации прав, должно осуществиться реально, «хотя бы для этого должны были погибнуть все искусства». Не «аграрного закона», не простого разделения земель требуют «равные». «Мы стремимся к более возвышенной и справедливой цели: к общему благу или к общности имуществ. Пусть не будет больше частной собственности на землю, земля не принадлежит никому. Мы требуем и хотим общего пользования земными плодами: плоды эти принадлежат всем... Наступил момент основать Республику

равных... Стонущие семейства, придите и сядьте за общим столом, накрытым природою для всех ее детей!»

В «Изложении учения Трибуна», кроме известных уже нам мыслей Бабефа, мы находим еще следующее: «Природа наложила на каждого обязанность работать, и никто, не совершая преступления, не может уклониться от труда... И работы, и пользование благами должны быть общими... В правильно организованном обществе не должно быть ни богатых, ни бедных. Богатые, которые не хотят отказаться от своих излишков в пользу нуждающихся,—враги народа... Образование должно быть общим. Целью революции является разрушить неравенство и установить всеобщее счастье. Революция незакончена, так как богатые захватывают все имущества и неограниченно господствуют, в то время как бедняки трудятся, как настоящие рабы, прозябают в нищете и не играют никакой роли в государстве». И, наконец, «конституция 1793 г. есть подлинный закон французов, ибо народ ее торжественно принял».

Если мы сравним эту агитационную деятельность «равных» и особенно требование демократической конституции, т.-е. всеобщего избирательного права,—с их планом восстания и проектированными ими декретами, то мы увидим, что эта агитация не совсем соответствовала действительным замыслам Бабефа и его товарищей: они имели в виду не демократию, а диктатуру меньшинства, что было близко к мыслям Бабефа 1794 года, — диктатуру, опирающуюся на целую бюрократическую систему.

Действительно, самый заговор был организован вполне диктаторски: во главе его стоял тайный повстанческий комитет из четырех членов, которому подчинялись 12 «революционных агентов», не знавших друг друга. Тотчас после победы предполагалось диктаторскими мерами революционного правительства ввести обязательную трудовую повинность для всех граждан, общественную организацию работ и распределения продуктов, постепенное уничтожение частной собственности и денег, введение равенства, для чего началом должны были служить отмена права наследования и

распределение «имущества эмигрантов, мятежников и всех врагов народа... между защитниками отечества»; при этом «бедняки всей республики будут немедленно же помещены в домах мятежников». Впрочем, на ряду с мерами принудительными, коммунизм, по мысли Бабефа, должен был вводиться организацией добровольных коммунистических общин.

Вот важнейшие из мероприятий, которые, по словам Буонаротти, должны были быть опубликованы тотчас после переворота:

1. Непосредственное смещение всех гражданских и судебных властей и об'явление вне закона всякого лица, которое осмелилось бы нести функции таковых.

2. Немедленное восстановление исполнительных комиссий в управлениях департаментов и дистриктов *); восстановление муниципальных властей, революционных комитетов, мировых судов и уголовных судов, какими они были до 9-го термидора II года.

3. Приказ всем гражданам, занимавшим в то время какие-либо должности в вышеназванных установлениях, тотчас же занять их вновь, исключая случаи законных препятствий.

4. Исключение с какой бы то ни было общественной должности, под страхом смертной казни, всякого лица, известного своим обогащением при несении каких-либо общественных обязанностей.

5. Опубликование акта восстания по всей Республике.

6. Применение ко всей Республике параграфов 1, 2, 18 и 19 данного акта.

7. Наложение печатей на все национальные кассы.

8. Уничтожение всех прямых налогов и пошлин, начиная с 1-го вандемьера IV года, по отношению к гражданам, лично выполняющим земледельческие и ремесленные работы первой необходимости и имеющим только самое необходимое для себя и для своих семей.

9. Прогрессивное разложение на богачей всей совокупности вышеобозначенных прямых налогов.

10. Сбор этих налогов натурой.

11. Плата натурой за аренду национальных имуществ.

12. Устройство общественных магазинов в каждой коммуне и больших военных магазинов в 20 верстах от границ, где стоят армии.

13. Предложение всем гражданам дать отечеству одежду для его защитников.

14. Приказ муниципальным властям наблюдать за тем, чтобы ни один участок земли не оставался необработанным.

15. Отнятие у помещиков в пользу народа тех земель, которые они пренебрегли обработать по обычаям данной местности.

*) Т.-е. губерний и округов.

16. Прекращение продажи национальных имуществ.

17. Немедленная отмена в пределах Республики всякой денежной оплаты труда.

18. Снабжение натурой тех общественных деятелей, неимение которыми самого необходимого будет доказано.

19. Такое же снабжение неимущих семей защитников родины и всех стариков и немощных бедняков.

20. Предложение богачам добровольно уступить властному требованию справедливости и уберечь отечество от междуусобий, а самих себя от целого ряда бедствий и ограничиться только самым необходимым, великодушно отдав народу свой избыток.

21. Забвение всех поступков и мнений, противоречивших равенству, по отношению к тем, кто в определенный срок доказал бы недопускающим сомнения образом свое искреннее возвращение к истине и отечеству.

22. Возвращение в тюрьмы, под страхом об'явления вне закона, всех лиц, содержавшихся там еще 8-го термидора II года, если они теперь не уступили увещеванию ограничить себя в пользу народа самым необходимым.

23. Отмена всех декретов, изданных после 9-го термидора, в пользу эмигрантов или лиц, обвиненных в эмиграции, а также в пользу бунтовщиков или их наследников.

24. Арест всякого лица, о котором известно, что он после 9-го термидора совершал убийства республиканцев или подговаривал к таковым.

Наконец, после окончательной победы коммунизма, вся Франция должна была быть разделена на ряд коммунистических общин, в которых вся жизнь граждан, их труд, снабжение всем необходимым и даже удовольствия были бы строго регламентированы государственными чиновниками. За «лень, роскошь и дурное поведение» «высшая администрация посылает на принудительные работы»; за попытки обойти законы об уничтожении денег и запрещении внешней торговли частным лицам — виновные подвергались бы даже «вечному рабству».

Заимствуя многие подробности своей коммунистической системы у Морелли, Бабеф в то же время в основном, в признании равенства главной целью коммунизма, примыкает скорее к народным источникам коммунизма, чем к философским. Этим об'ясняется его неприязненное отношение даже к наукам и искусствам. Он опасался того, что их развитие может нарушить то равенство, которое он, опираясь на Руссо, считал «законом природы». В заготовленном им воззвании, высказываясь, подобно Морелли, за то,

чтобы таланты и гении за свою общественную работу оплачивались так же, как и рядовые граждане, Бабеф добавляет: «Да и неужели мы нуждаемся в блестках искусств и богатой мишуре, если мы настолько счастливы, что можем жить согласно законам равенства?»

Требуя всеобщего обучения, Бабеф, вместе с тем, ограничивал его самым необходимым, уменьем читать, писать, считать, знакомством с историей Франции, ее законами и географией. Занятия наукой и искусством сверх необходимых прикладных знаний он считал излишними и даже вредными. Во всем этом чувствуется отголосок той борьбы против роскоши, против ученых и науки, какая свойственна была всем народным движениям, начиная со средних веков, и которая проявлялась еще в эпоху революции.

Вот почему Маркс и Энгельс в «Коммунистическом манифесте» пишут по поводу сочинений Бебефа, что «революционная литература, сопровождавшая эти первые движения пролетариата, не могла не быть реакционной по своему содержанию. Она проповедует всеобщий аскетизм и грубую уравнительность» *).

Заговор Бабефа явился прямым продуктом революции. как бы попыткой завершения периода якобинской диктатуры. Планы Бабефа и рисовавшиеся ему формы социального переворота целиком воспроизводят те фазы революции, в которых он участвовал. И подобно якобинцам в первую эпоху их власти, сторонники Бабефа, или «бабувисты», как их стали называть, тоже рассчитывали, что их диктатура встретит поддержку бедноты. Только в отличие от якобинцев, которые не шли дальше мелко-буржуазного принципа равенства состояний, Бабеф сделал огромный шаг вперед, стремясь к коммунизму, к общественной организации производства и распределения. То, что еретический коммунизм пытался осуществить лишь в пределах своих религиозных общин и притом почти исключительно в обла-

*) Впрочем, по свидетельству Буонаротти, Бабеф считал, что при развитом коммунистическом строе произойдет новый расцвет искусств и наук. которые будут служить не отдельным лицам и группам, а всему обществу. Очевидно, свои ограничения он вводил лишь для переходного периода. когда должно было установиться равенство.

сти потребления, то, что всем почти первым теоретикам коммунизма и до и после Бабефа казалось лишь отдаленной мечтой, осуществления которой они ожидали от благожелательных правителей (а мы видели, что даже коммунисты времен английской революции ограничивались только своеобразной «пропагандой действием» да агитационными обращениями к Кромвелю),—то Бабеф решил осуществить путем смелой попытки восстания и государственного переворота.

Имел ли заговор Бабефа шансы на успех, даже в случае захвата власти в Париже? Мог ли этот переворот служить действительно, началом коммунистической революции во Франции?

Можно с уверенностью сказать, что эта попытка была обречена на неудачу, не только потому, что большинство участников заговора само не было подготовлено к коммунизму, но, главным образом, потому, что всякое стремление к коммунистическому переустройству общества встретило бы самое упорное сопротивление всех мелких собственников, составлявших огромное большинство тогдашней Франции, и не было бы поддержано в других странах. Поэтому, в лучшем случае, успех восстания только вновь привел бы к власти якобинцев.

Самый коммунизм Бабефа не был еще идеологией промышленного пролетариата, которого тогда было очень мало во Франции, а лишь идеологией бедноты вообще. И хотя в одной из его статей («Манифест плебеев») и имеется выражение «экспроприированные пролетарии», но под ним он разумел всех обездоленных; мы видели, что и идею коммунизма Бабеф применяет почти исключительно к земле и ее плодам. Тем не менее, заговор Бабефа открывает собою новую страницу в истории социалистических идей и движений. При всей своей преждевременности и неразвитости это движение явилось родоначальником всего боевого, революционного социализма XIX века, а, следовательно, и революционного марксизма. Только «диктатура бедноты», провозглашенная Бабефом, превратилась спустя полвека в марксовскую «диктатуру пролетариата».

V. ПРОМЫШЛЕННАЯ РЕВОЛЮЦИЯ КОНЦА XVIII ВЕКА И ВЕЛИКИЕ УТОПИСТЫ.

1. Характер и значение экономического переворота.

Еще раньше, чем в бурях и муках Великой французской революции, зародился на континенте Европы новый общественный и политический строй—господство буржуазии,—на родине новейшего капитализма, в Англии, в недрах самого буржуазного класса, незаметно совершалась другая революция, бескровная и бесшумная, но грандиозная по своим неизмеримым последствиям для истории человечества вообще и для социализма в частности. Эта революция носит название «экономического или промышленного переворота конца XVIII века» и знаменует собою начало новейшей, крупной, машинной промышленности.

В самом деле, вся предшествовавшая промышленность Европы, и Англии в том числе, носила характер ремесла или, в лучшем случае, мануфактуры, где, хотя и работали большие скопления людей при строгом разделении труда внутри самой мастерской, но где труд все же, как и в ремесле, был ручной и потому, конечно, медленный, мало производительный.

Во второй половине XVIII века в Англии, где к тому времени достигла особенно высокого развития текстильная мануфактура, т.-е. обработка шерсти и привозимого из Америки хлопка, возникла острая потребность в технических усовершенствованиях для увеличения производительности труда. Новое дешевое сырье, неизвестное раньше Европе, американский и индийский хлопок, доставлялось в изобилии и создавало огромный спрос среди беднейшего населения, так как хлопчатобумажные изделия были гораздо дешевле шерстяных и полотняных. Между тем, старые способы обработки, ручная прялка и ручной ткацкий станок не могли,

конечно, и в самой малой доле удовлетворить потребности обыта.

В ответ на эту нужду в технических усовершенствованиях и появляются одно за другим блестящие открытия и изобретения, совершившие прежде всего революцию в технике, т.-е. в способах обработки сырья. Механическая прядильная машина и механический ткацкий станок, которые первоначально приводились в движение силою падающей воды (как на водяных мельницах), и, наконец, применение двигательной силы пара — вот главные этапы этой революции.

А изобретение паровой машины, которая скоро вытеснила все естественные двигатели и привела к непрерывному росту производительности, в свою очередь произвело колоссальный переворот в транспорте, в средствах передвижения и сообщения, заменив к началу XIX века паровозом и пароходом лошадиную и парусную тягу.

Наконец, те же потребности развивающейся промышленности вызвали необыкновенный расцвет естественных наук вообще и применение их к технике, при чем особенное значение, кроме паровой машины, получило применение химии к земледелию и фабричному производству и использование для практических целей электричества (телеграф).

Для того, чтобы получить хотя бы некоторое представление о том гигантском прогрессе техники, который был следствием этой революции, воспользуемся следующим сравнением. В знаменитой французской «Энциклопедии», которая выходила в середине XVIII в. и о которой мы уже упоминали, имелись рисунки всех важнейших орудий труда, бывших тогда в употреблении. Так вот некоторые из этих рисунков, с одной стороны, немногим отличаются от таких же рисунков, находимых среди раскопок древнего Египта, т.-е. сделанных около 3000 лет до Р. Х., а, с другой стороны, от соответственных рисунков середины XIX века их отдаляет целая пропасть *).

*) Стоит указать хотя бы на прославившийся в свое время паровой молот на одном из заводов (о нем и упоминает Маркс в 1-м т. „Капитала“), который по желанию мастера мог своей страшной тяжестью совер-

Другими словами, благодаря открытиям и изобретениям конца XVIII и начала XIX века, в течение нескольких десятков лет в области техники, т.-е. в области производительных сил, в области господства человека над природой, сделан был больший прогресс, чем за всю прошлую историю человечества, начиная с египетских фараонов.

Уже в «Коммунистическом манифесте» Маркса и Энгельса, написанном в конце 1847 г., мы читаем об этой революции следующее: «За время своего классового господства, длящегося едва ли сто лет, буржуазия создала более многочисленные и более могущественные производительные силы, чем все предшествующие поколения вместе. Подчинение сил природы, машины, применение химии к промышленности и земледелию, пароходство, железные дороги, электрические телеграфы, превращение в пашни целых частей света, приспособление рек для судоходства, целые населения, как бы вызванные из-под земли,—какое из прежних столетий могло подозревать, что такие производительные силы дремлют на лоне общественного труда?»

Переворот в области техники, т.-е., прежде всего и главным образом, введение в производство машин с паровыми двигателями, вызвал такой же переворот в области экономических, общественных отношений. Прежние способы производства, ремесло и даже мануфактура, с их низкой производительностью труда, не способствовали быстрому росту промышленного капитала. Только в области крупной торговли, особенно заморской, а также и хлебной, наживались большие состояния. Поэтому ненависть беднейших масс городского и сельского населения направлялась, кроме дворян-аристократов и чиновников-вымогателей, главным образом, против торговцев. Против них же больше всего выступали и коммунисты, до Бабефа включительно, а во Франции, как мы увидим, и еще позже.

С возникновением машинной промышленности резко изменилось положение как капитала, так и труда. Фабричная

шенно сплющивать огромные по толщине железные брусья и в то же время мог раздавить муху на стеклышке часов, не разбив самого стеклышка.

промышленность, в которой производство могло продолжаться неограниченное время и не зависело от местных условий, стала давать большие барыши и росла неудержимо. Промышленный капитал сделался первенствующим фактором, т.-е. двигателем общественной жизни. И вместе с ростом капитала и его могущества росли нищета и необеспеченность городских рабочих, которые становились пролетариями, т.-е. людьми, лишенными какой бы то ни было собственности и вынужденными для своего пропитания продавать капиталистам—владельцам орудий и средств производства—свою рабочую силу.

Этот процесс происходил двумя путями. С одной стороны, крупная машинная промышленность выбрасывала на рынок большие массы дешевых изделий и тем разоряла прежних самостоятельных и полусамостоятельных ремесленников, кустарей и их подмастерьев, разоряла своей конкуренцией мелких торговцев и всех их бросала в ряды фабричного пролетариата. С другой стороны, капитал проникал и в деревню, своими дешевыми товарами отнимал и у крестьян их подобные промыслы и сгонял массы разоряющихся крестьян в города. А в некоторых случаях, как, например, в Англии, быстро расширявшееся производство, нуждавшееся в «рабочих руках», прибегало к эксплоатации маленьких детей, которыми снабжали капиталистов приюты, и, кроме того, в интересах того же капитала было закончено массовое насильственное обезземеление английского крестьянства, которое началось еще в конце XV и начале XVI веков, при первом великом социалисте нового времени Томасе Море.

Жадный капитал, желая полностью использовать машины, бездействие которых считалось прямым убытком, беспощадно эксплоатировал рабочую силу, удлиняя рабочий день до последних возможных пределов и низводя заработную плату ниже самого голодного минимума. А рабочие массы, выбрасываемые на улицу все новыми и новыми машинами, которые сокращали необходимое число рабочих рук, на первых порах ничего не могли противопоставить капиталу, кроме тупой покорности или стихийной злобы: они конкурировали друг с другом, сбивая и без того нищенскую плату, посылали на фабрику своих жен и детей, и лишь изредка,

доведенные до отчаяния, вымещали свою злобу на отдельных, особенно жестоких фабрикантах и на бездушных машинах, в которых они видели главных виновников своего несчастья. Новые экономические условия и новые общественные отношения таили в себе ряд грозных и безвыходных противоречий: рост богатства, могущества, роскоши и наслаждений на одном полюсе общества и рост нищеты, необеспеченности, физического и нравственного вырождения — на другом; небывалое увеличение производительности труда, чудеса науки и техники—и одновременно с этим темные, голодные, невежественные массы, которых всякий прогресс в умственном и техническом развитии человечества толкал не вперед и не вверх, а назад и в глубь еще большей нищеты. В то же время промышленный переворот произошел так быстро, что скоплявшиеся в городах пролетарские массы остро чувствовали резкое ухудшение своего прежнего, сравнительно спокойного существования; и эта переломная эпоха, этот кризис, особенно увеличившийся в связи с войнами и потрясениями, вызванными французской революцией, естественно, подобно прежним критическим эпохам Европы, подобно эпохе первоначального христианства и эпохе реформации, породил обилие социалистических идей *).

Только на этот раз социализм явился продуктом более развитых общественных отношений: более высокой производительности труда, более резкого деления на классы, более яркого противоречия богатства и бедности, при чем бедняками были именно те, которые создавали все богатство. Это делало и самый социализм более зрелым, более обоснованным и критику капитализма более наглядной, конкретной, убедительной, чем у основателя всего нового социализма— Мора.

Но основные черты моровского «утопизма», т.-е. беспочвенность и фантастичность тех средств, при помощи которых он надеялся осуществить свой идеал, в значительной мере сохранились и у социалистов начала XIX века. И они

*) Это не мешало, впрочем, огромному большинству буржуазных экономистов видеть в капитализме лишь его светлые стороны и прославлять вызываемый им рост богатств.

большее значение придавали готовым планам и схемам будущего общества, чем реальной классовой борьбе современности. И они верили в силу своего убеждения, в силу доводов разума, в красоту своего идеала, и еще в силу примера, которые должны были подействовать на заблуждавшееся человечество и заставить его добровольно перейти из царства эксплоатации и гнета в царство братства и справедливости.

При этом социалисты-утописты XIX века, подобно Томасу Мору, питали глубокое сочувствие к угнетенным и эксплоатируемым массам, но так же, как и он, меньше всего ожидали от этих масс осуществления социализма или хотя бы борьбы за него. Наоборот, под влиянием разочарования во французской революции и в заговоре Бабефа, эти социалисты питали отвращение ко всякой борьбе и даже ко всякой политике. И поэтому они со своими планами, проектами и мечтами обращались не к народным массам, не к новому промышленному пролетариату, в котором они видели лишь темную невежественную стихию, а к высшим классам, к правителям, на ум и благородство которых они возлагали все свои надежды.

Но эти их ошибки и увлечения об'яснялись неразвитостью самого рабочего движения, которое не проявляло еще почти никаких признаков классовой сознательности. Наоборот, те новые и блестящие идеи, которые они вложили в общую сокровищницу социализма, та глубокая и остроумная критика, которой они подвергли капиталистический строй, и та проницательность, с которой они угадали многие черты будущего общества, дают право присвоить трем, наиболее выдающимся из них, — Роберту Оуэну, Анри Сен-Симону и Шарлю Фурье, название великих социалистов-утопистов XIX века *).

*) Правда, как мы увидим дальше, сам Сен-Симон лишь условно может быть причислен к социалистам; настоящие социалистические выводы из его учения сделали только его последователи. Но он обогатил социализм массой новых идей и потому вполне заслуживает быть поставленным рядом с Оуэном и Фурье. С другой стороны, у Оуэна в Англии были предшественники. Промышленный переворот в Англии и Великая французская революция уже в конце XVIII века вызвали к жизни нескольких писателей, которые глубоко проникли в эксплоататорскую сущность капиталисти-

2. Роберт Оуэн.

Оуэн родился 14 мая 1771 г. в маленьком провинциальном городке, в многочисленной полукрестьянской, полумещанской семье (его отец был седельный мастер). По окончании плохонькой местной школы его отдали 11 лет в ученики к лондонскому купцу. Замечательные способности мальчика, который непрерывно учился по ночам, его трудолюбие и добросовестность помогли ему необычайно быстро подниматься по общественной лестнице, «делать карьеру». Переходя от одной торговой и промышленной фирмы к другой, Оуэн сделался последовательно приказчиком, управляющим

ческого строя и решительно выступили в защиту его жертв. Самыми замечательными из них были Годвин, Холл и Спенс. Сочинение Годвина „Исследование о политической справедливости и об ее влиянии на добродетель и счастье общества", появившееся в 1793 г., в разгар французской революции, все бедствия общества приписывает государству и правительству, почему Годвин и считается родоначальником анархизма. Но, отрицая государство, Годвин все же видел, что последней причиной, порождающей нищету народных масс и вопиющую несправедливость общественной организации, является частная собственность. Он требовал экономического равенства, верил в грядущий расцвет человечества, когда будут устранены препятствия, мешающие его развитию, „и огромное значение в этом развитии придавал машинам, которые временно приносят рабочим нужду и невзгоды, но впоследствии будут служить общему благу". Сын священника и сам бывший священник, Годвин дошел до отрицания церкви и даже брака, который, по его мнению, „является системою обмана, лжи и собственности. Поэтому его надо устранить, как надо устранить закон, государство и собственность".—Чарльз Холл, широко образованный человек, умерший в нищете, в своей книге „Влияние цивилизации на народные массы в европейских государствах" с гениальной глубиной вскрыл все противоречия промышленного переворота и классовый характер современного общества, в котором „богатство не могло бы быть орудием власти, не будь рабства, обусловливаемого бедностью". Наконец, что касается Спенса, вышедшего из рабочей среды, то, в ответ на окончательное обезземеление крестьян в конце XVIII в., он выступил с резкой агитацией в пользу аграрного социализма, т.-е. национализации земли и раздачи ее в пользование беднякам. Правительство обрушилось с репрессиями на этих социалистов; идеологи буржуазии, вроде Мальтуса (доказывавшего, что причиной бедности является чрезмерное размножение бедняков), выдвинули против них идейное оружие. Но все же их значение в истории социализма не может итти ни в какое сравнение с Оуэном.

бумагопрядильной (текстильной) фабрики и, наконец, даже компаньоном и совладельцем одной текстильной мануфактуры в маленьком угрюмом поселке Нью-Ленарк (в Шотландии), который, благодаря Оуэну, прославился на весь мир. Это было в 1800 г., на пороге XIX века.

Вот как описывают состояние Нью-Ленарка к тому времени, когда туда явился Оуэн: «Там жило около 2500 рабочих с семьями. Деревня представляла образец фабричного поселка того времени. Около 500 рабочих были дети, набранные в благотворительных приютах соседнего города. Они жили в громадном бараке, специально для них устроенном. Обыкновенно они начинали работать на фабрике с шестилетнего возраста; рабочий день продолжался с шести часов утра до семи часов вечера; те из них, которые выживали, оставались калеками и уродами в физическом, умственном и нравственном отношениях. Работа была так тяжела, а заработная плата так низка, что только низшие слои рабочего класса соглашались работать при таких условиях. В деревне царила невылазная грязь; население отличалось грубостью, пьянством, воровством и развратом и находилось в полной кабале у деревенского ростовщика, кабатчика и лавочника».

В это время Оуэн, благодаря своему собственному жизненному опыту, огромной наблюдательности и изучению великих философов XVIII века, уже пришел к тому убеждению, которое он потом проводил всю свою жизнь. Это убеждение можно определить следующими словами: человек есть продукт окружающей среды, условий жизни, особенно воспитания; если мы хотим исправить людей, надо их не наказывать, а поставить в такие условия, которые не толкали бы их к дурным поступкам и преступлениям. Это была новая теория воспитания и выработки человеческого характера, и эту новую теорию попытался Оуэн осуществить в Нью-Ленарке, став главным управляющим фабрики, от которого зависела судьба нескольких тысяч человек.

Он поставил всех рабочих в лучшие условия: сократил рабочий день, повысил заработную плату, устроил для рабочих лавочку, где продукты продавались по себестоимости,

отменил штрафы и всякие наказания, заменив их отметками о поведении рабочего, которые вывешивались на фабрике.

Кроме того, он перестал пользоваться трудом маленьких детей. Вместо этого он открыл для них школы и детские сады, пригласив хороших учителей и воспитателей. Чтобы отвлечь взрослых от кабака, Оуэн и для них устроил вечерние школы и читальню. Все это было тогда чрезвычайно новым и революционным. Оуэну пришлось долго и упорно бороться с другими компаньонами, которые не хотели тратить деньги на «сумасбродные затеи» Оуэна и боялись, что фабрика начнет приносить убыток. Мало того. Он столкнулся с недоверием и упрямством со стороны самих рабочих, которые подозрительно относились ко всему, что исходило от фабрикантов.

Но настойчивость, терпение и мягкость к людям, проявленные Оуэном, преодолели все препятствия. В начале дело шло плохо, но Оуэн слишком был уверен в правильности своих идей, и его не смущали неудачи. И действительно, через несколько лет, благодаря его настойчивым и упорным усилиям и любви к делу и людям, совершилось чудо. Нью-Ленарк стал неузнаваем. Он превратился в чистенький городок с здоровым, веселым и нравственно перерожденным рабочим населением. Он стал колонией, из которой Оуэн устроил мастерскую нового общества. И что больше всего удивляло фабрикантов и все тогдашнее буржуазное общество, это то, что доходы фабрики не только не уменьшились, но даже увеличились. Рабочие стали работать более производительно и добросовестно, больше вырабатывали и меньше портили товара, тем более, что Оуэн ввел для них постепенно и участие в прибылях.

Ободренный успехом своего начинания, Оуэн пошел дальше. В целом ряде книг, брошюр и докладов (важнейшие его книги этого периода — «Об образовании человеческого характера» и «О новом нравственном мире») он доказывал, на основании опыта Нью-Ленарка, что все преступления и несчастья современного человечества происходят от неправильной, ненормальной организации общества. Если дать детям правильное и разумное воспитание, говорил Оуэн, если взрос-

лых заинтересовать в результатах их общественного труда, если все будут участвовать в общей работе и будут вести достойный человека образ жизни, то человечество так же переродится, как переродился Нью-Ленарк. Для этого земля и другие средства производства должны стать общим достоянием, и современный строй капиталистической эксплоатации должен замениться обществом, построенным на товарищеских, артельных началах. Таким образом, Оуэн постепенно из филантропа и социального реформатора, из основателя и творца новейшей педагогики *), каким он являлся в Нью-Ленарке, сделался убежденным социалистом, или, как он сам называл себя, коммунистом. (Впрочем, коммунизм Оуэна, особенно подробно изложенный в книге «Всеобщая революция», написанной в 1849 году, может быть назван «земледельческим», так как опирается на создание сельско-хозяйственных коммун, организованных государством) **).

---

*) В этом отношении заслуги Оуэна громадны: это он изобрел детские сады, ввел наглядный метод преподавания, вообще совершенно по новому подходил к детской душе.

**) Вообще, хотя Оуэн признавал огромное значение машин в производстве и ждал от них в будущем облегчения человеческого труда и роста его производительности, но современная ему промышленная система, с ее разделением и механизацией труда, с ее превращением человека в придаток машины,—вызывали в нем отвращение. Поэтому Оуэн охотно противопоставлял промышленному капитализму городов—небольшие земледельческие коммуны, в которых обрабатывающая промышленность играет лишь подсобную роль. В качестве переходной меры, для уменьшения безработицы, он предлагал организовать сельско-хозяйственные поселки, которые, как он доказывал подробными расчетами, должны были обходиться государству гораздо дешевле, чем обычное содержание „пауперов", т. е. хронических безработных нищих. При этом в будущем коммунистическом обществе „производительный труд" должен был стать „здоровым и приятным занятием, так, чтобы и более высоко одаренные и ученые люди не считали его ни недостойным ни несовместимым с высшими интеллектуальными и художественными задачами, а также, чтобы предотвратить необходимость создания в новом обществе низшего рабочего сословия". Но всего этого, по Оуэну, можно достигнуть только мирным путем, путем убеждения и примера. В первом же своем публичном обращении к рабочим Оуэн писал: „Богатые и бедные, правящие и управляемые имеют в действительности одни и те же интересы". Поэтому бедным надо не бороться против богатых, а сообща

На первых порах чудо, совершенное в Нью-Ленарке, привлекло всеобщее внимание. Туда приезжали разные высокопоставленные особы и очень милостиво хвалили Оуэна. Поэтому и он вначале ждал осуществления нового общества не от усилий самих рабочих, а от покровительства высших классов и правителей. Он неустанно подавал докладные записки с изложением своих идей разным монархам Европы и даже русскому самодержцу Николаю I, но из этого, конечно, ничего не выходило. Его благодарили, а его проекты бросали в корзину. А когда Оуэн сделал последние выводы из своего учения, об'явил себя атеистом и решительно выступил против собственности, против лицемерной современной семьи и особенно против религии, как против величайшего зла и обмана, — от него отшатнулись и те, особенно представители духовенства, которые его как-будто одобряли: его стали травить и даже грозить ему *).

Разочаровавшись в сильных мира сего, Оуэн хотел на более широком примере, чем Нью-Ленарк, доказать осуществимость и благие последствия своих идей. В 1825 году он уехал на несколько лет в Америку, где было много свободных земель и где люди, как он думал, не заражены европейскими буржуазными предрассудками. Там он решил основать добровольную социалистическую колонию-коммуну. Он сделал несколько попыток, потратил на них все свои личные средства, но ни одна из них не имела прочного успеха. Отчасти это случилось потому, что подбор членов коммуны был неудачный, что это были люди далеко не всегда идейные, не выдержанные, а иногда даже корыстные; главным же образом потому, что нельзя среди капита-

---

найти выход из создавшегося положения. В этом отношении, в понимании законов классовой борьбы, Оуэн является шагом назад по сравнению со своими предшественниками Годвином и Холлом.

*) Еще раньше наивная вера Оуэна в то, что европейские государи, восхищенные опытом Нью-Ленарка, усвоят его взгляды на устройство общества, получила сильный удар под влиянием меткого и циничного замечания одного австрийского чиновника, сказавшего в ответ на пропаганду Оуэна: „Мы вовсе не хотим, чтобы массы стали зажиточны и независимы; как же мы тогда стали бы править ими?“

листического общества искусственно создавать островки социализма. Такие островки или погибают от капиталистической конкуренции, разлагаются внутренно, банкротятся, или сами постепенно превращаются в капиталистические компании, эксплоатирующие чужой труд. Такова за немногими счастливыми исключениями и была судьба (т.-е. их постигал первый или второй исход) большинства социалистических колоний в Америке, основывавшихся последователями Оуэна, а также позднее, учениками Фурье и Кабэ.

Но и при этой неудаче Оуэн не упал духом. Вернувшись в Англию, он затеял создание «менового банка», где рабочие обменивались бы своими продуктами, согласно затраченному времени, обходясь без посредников-эксплоататоров. Этот план, конечно, уже с самого начала обречен был на неудачу: обмениваться продуктами могут только мелкие самостоятельные ремесленники, а не рабочие больших фабрик и заводов, где продукты — результат работы многих людей, часто разбросанных даже по разным странам. Кроме того, даже у ремесленников правильный и справедливый обмен продуктами без регулирования всего производства невозможен: одни могут произвести слишком много, другие — слишком мало. Оуэн понял это только после неудачного опыта, который вызывался его горячим и страстным желанием осуществить план общества, не основанного на эксплоатации. И только тогда, в 30-х и 40-х годах, уже глубоким стариком Оуэн оценил все огромное значение начавшегося в Англии организованного рабочего движения, оценил и отдался ему всей душой. И хотя в грозном революционном движении английских рабочих, известном под названием чартизма (см. ниже), Оуэн не принимал участия, до конца оставаясь в стороне от политики, но в первых начатках рабочей кооперации, в организации профессиональных союзов, в борьбе за законодательную охрану труда, во всем этом было идейное влияние и участие Оуэна, во всем этом его ближайшие ученики и последователи, первые сознательные английские рабочие-социалисты играли очень большую роль *).

*) Впрочем, сам Оуэн, даже принимая участие в рабочем движении, так и остался на всю жизнь противником классовой борьбы, хотя бы и

В то же время до последнего дня своей долгой, 87-летней жизни (он умер в 1858 г.) Оуэн не переставал проповедывать перед всякими учеными, политическими и благотворительными обществами свои идеи о новом воспитании и о необходимости перестроить все общество на коммунистических началах. В этой среде его коммунистическая проповедь, конечно, успеха не имела. Но его взгляды на воспитание детей признаны всеми лучшими педагогами. А мощное английское кооперативное и профессиональное движение считает Оуэна своим духовным отцом и основателем; и ему же в значительной мере обязано своим возникновением английское фабричное законодательство, эта первая уступка, вырванная рабочими у правящих классов.

Для рабочих же всего мира Роберт Оуэн навсегда останется образцом, хотя и наивного, ошибавшегося часто, но глубоко идейного, бескорыстного и неутомимого борца за светлое будущее всего трудящегося человечества.

Учение Оуэна еще в 20-х и 30-х годах, т.-е. задолго до его смерти, породило целый ряд последователей, первую большую школу английского социализма. Самыми замечательными из них являются Вильям Томпсон, автор «Исследования о распределении богатства наиболее согласно с счастьем человечества». Годскин, написавший книгу «Защита труда против капитала» (впрочем, Годскин отчасти — последователь Годвина), Грэй, автор «Социальной системы» и Брэй, спе-

---

форме стачек, остался сторонником социального мира. Он не сочувствовал поэтому и политической борьбе рабочего класса, борьбе за избирательную реформу и пропаганде республиканских идей. По его мнению, все это отпугивало и озлобляло правительство и высшие классы вообще и тем затрудняло проведение той социальной реформы, отстаиванию которой он посвятил всю свою жизнь. Даже в наивысший момент своей агитации среди рабочих, в начале 30-х годов, когда по его инициативе разраставшиеся профессиональные союзы слились на короткое время в единый рабочий союз, Оуэн ставил перед этим союзом не задачи борьбы, а какой-то туманный план организации артельного или кооперативного производства без революции, без экспроприации собственников. Разумеется, и эта затея потерпела неудачу.

циально разрабатывавшие вопрос об обменном банке*). Учение же Оуэна в самом начале 40-х годов послужило мощным толчком к выработке социалистических взглядов молодого Энгельса, будущего друга и единомышленника Карла Маркса.

3. Сен-Симон.

Во Франции промышленный переворот сказался гораздо позже, чем в Англии, и новейший капитализм развивался в ней значительно медленнее и слабее. Во Франции гораздо дольше сохранилось во многих отраслях промышленности мелкое ремесло, в котором интересы хозяев и рабочих не так заметно противоположны, как на крупной фабрике: хозяин-ремесленник часто работает вместе со своими рабочими, которые, в свою очередь, надеются стать самостоятельными хозяевами.

Кроме того, великая революция, потрясавшая Францию в конце XVIII века, приведшая к диктатуре Бонапарта и наполеоновским войнам, естественно вызвала, именно, во Франции у многих даже благородных и мыслящих людей сильное разочарование в революции и ее способах разрешения общественных вопросов, недоверие к народным массам, страх перед их восстаниями и отвращение ко всякому насилию.

---

*) При этом именно английские социалисты, ученики и последователи Оуэна, впервые пытались требования и идеалы социализма вывести из основных положений величайших теоретиков буржуазной политической экономии, особенно Давида Рикардо, главное сочинение которого появилось в 1817 г. Рикардо твердо установил, что источником всей экономической ценности является труд. Из этого английские социалисты, особенно Томпсон, Годскин и Брэй, делали тот вывод, что раз труд создает все ценности, то только он и имеет право на них, и капиталистическая эксплоатация—простой грабеж. Отсюда родилось социалистическое требование „права на полный продукт труда". Хотя, как впоследствии доказал Маркс, эта теория была несостоятельна, так как она из об'ективного экономического закона делала „нравственные" выводы, тем не менее она имела большое агитационное влияние на рабочих, а, с другой стороны, заставила позднейших буржуазных экономистов всячески открещиваться от трудовой теории ценности, которую воспринял марксизм.

Поэтому учение первых французских великих социалистов *) XIX века еще меньше, чем учение Оуэна, опиралось на действия самих рабочих масс, еще больше проникнуто было мирным духом и еще больше возлагало надежд на просвещенный разум каких-нибудь правителей или благородных буржуа. Поэтому также оба знаменитых основателя первых социалистических систем во Франции XIX в.—Анри (Генрих) Сен-Симон и Шарль Фурье—резко отграживали себя от коммунизма (сознательно и в резкой полемической форме делал это Фурье) и в своих планах будущего сохраняли на ряду с трудом и капитал.

Вся их резкая и разрушительная критика направлена была против паразитических элементов капитала (а у Сен-Симона еще против элементов отживающего феодального строя). Капитал же промышленный, который в их время еще пробивал себе дорогу во Франции, еще был прогрессивным, творческим, считался ими нужным и полезным даже в будущем обществе.

Но, вместе с тем, от многих прошлых социалистов или коммунистов, в том числе отчасти и от Бабефа, оба они выгодно отличались более глубоким пониманием экономических и общественных условий жизни, руководствовались не простым стремлением к равенству, хотя бы при общей бедности, а стремлением к безграничному простору человеческой деятельности, к огромному развитию материальных и духовных богатств человечества и верили, что при правильно организованном производстве перед человеческим родом откроется самое блестящее и счастливое будущее.

---

*) Самое слово „социализм" появилось, повидимому, только в начале XIX в., тогда как слово „коммунизм" гораздо древнее. Социализм—значит „общественность", а коммунизм—„общность". Социализм в то время понимался, как противоположность индивидуализму и конкуренции, но оставлял свободу личности. На коммунизм же смотрели, как на мелочное вмешательство государства во все стороны личной жизни, как на полное уничтожение индивидуальности, что особенно отпугивало французских социалистов под влиянием навеллирующей (уравнивающей) деятельности якобинцев и террористических планов Бабефа. Теперь же между социализмом и коммунизмом, как идеалом, можно лишь ту разницу установить, что социализм—первая стадия развития коммунизма (см. также ниже, в главе о марксизме).

Впрочем, несмотря на эти сходные черты, Сен-Симон и Фурье действовали совершенно независимо друг от друга и резко различались как по своему происхождению и образу жизни, так и по созданным ими учениям.

Анри Сен-Симон (1760—1825) происходил из старинной аристократической, княжеской семьи. Жизнь его была полна приключений, не имевших никакого отношения к учению социализма. Разочаровавшись в тех удовольствиях, которые он искал в молодости в своем аристократическом кругу, возненавидев всю аристократию, все старое барство, как класс умирающий, паразитический, он один из первых понял все огромное значение совершавшегося промышленного переворота и с гениальным даром предвидения предсказал величие того экономического и умственного прогресса, которым, действительно, отличалось начавшееся XIX столетие. Он участвовал в Американской революции конца XVIII века, затем увлекался всеми видами наук, сделался инженером, в целом ряде промышленных проектов истратил все свое состояние и умер нищим.

В многочисленных сочинениях Сен-Симона*) разбросано много блестящих, замечательных мыслей (конечно, на ряду со многими устарелыми и странными взглядами), которые потом вошли в общую сокровищницу научных знаний человечества и особенно научного социализма Маркса и Энгельса. Сен-Симон установил понятие закономерности и прогресса в человеческой истории, т.-е. постоянной смены одних форм жизни другими, лучшими. Возникновение рабства, при котором плённым врагам оставляли жизнь и заставляли их работать на победителей, было уже прогрессом по сравнению с еще более дикими временами, когда всех пленников убивали. За рабством последовало крепостное право, этот смягченный вид рабства, за крепостным правом «свободный» наемный труд. За господством паразитического духовенства, дворянства и военщины (которое в свое время имело смысл, так как содействовало организации

*) Важнейшие из них: „Введение в научные труды XIX в.“, „Промышленность“, „Организатор“, „Промышленная система“, „Катехизис промышленников“ и „Новое христианство“.

тогдашнего производства), — предсказывал Сен-Симон, сам бывший дворянин и военный,—должен наступить век науки, промышленности, вообще полезного, производительного труда и творчества.

Если бы,—писал он в своей знаменитой «Притче» в 1819 г., т.-е. вскоре после реставрации Бурбонов со всей их свитой аристократов и попов,—если бы Франция в один прекрасный день потеряла своих лучших ученых, поэтов, художников, учителей, лучших рабочих-мастеров и наиболее деятельных и предприимчивых капиталистов-организаторов, то она умерла бы духовно, осталась бы телом без души. Зато, если бы она точно так же внезапно потеряла всех королевских принцев со всей их свитой, всех министров, бюрократов, высшее духовенство и всех вообще праздно живущих богачей, то страна и народ от этого ровно ничего не потеряли бы. «Эти предположения,—продолжал Сен-Симон,—показывают, что современное общество есть воистину мир, вывернутый наизнанку. Ибо... бедняки должны быть великодушными по отношению к богачам, и поэтому более нуждающиеся ежедневно лишают себя доли самого необходимого, чтобы увеличивать избытки крупных собственников. Ибо наибольшие преступники, главные воры, которые притесняют всю массу граждан и отнимают у них от трех до четырехсот миллионов в год, уполномочены наказывать маленькие проступки против общества. Ибо невежество, суеверие, леность и любовь к дорогим удовольствиям составляют свойство высших правителей общества, а люди способные, бережливые и трудолюбивые служат лишь в качестве подчиненных, являются как бы орудием».

В другом месте, в «Катехизисе промышленников», Сен-Симон говорит: «Труд есть источник всех добродетелей; самые полезные работы должны пользоваться наибольшим уважением; таким образом, божественная и человеческая мораль одинаково призывают промышленный класс играть первую роль в обществе» *).

*) Иногда Сен-Симон так увлекается этой ролью промышленников, что говорит: „Верую, что богатые промышленники, повелевая рабочими в ежедневных трудах, через это являются начальниками народа, которого они

Но в то же время, об'единяя в одном понятии «промышленников» («les industriels») и предпринимателей и рабочих, не будучи социалистом в прямом смысле этого слова, т.-е. не стремясь к уничтожению частной собственности, к обобществлению средств производства и сохраняя даже за предпринимателями руководящую роль в будущем обществе,—Сен-Симон один из первых видел отличительные черты пролетариата, как особого общественного класса, целью общества считал в конце своей жизни поднятие материального и духовного уровня именно этого класса, и самому пролетариату предсказывал блестящее будущее.

«Лучшее общественное устройство,—писал Сен-Симон в 1825 году, т.-е. незадолго до своей смерти, в своих «Рассуждениях литературных, философских и промышленных»,— лучшее общественное устройство — это то, которое делает жизнь людей, составляющих большинство общества, возможно счастливее, предоставляя им максимум средств и возможностей для удовлетворения их важнейших потребностей». «Средство же,—поясняет Сен-Симон в том же году в замечательных посмертных «отрывках»,—«Об общественной организации», — самым непосредственным образом содействующее моральному и физическому благоденствию большинства населения, состоит в том, чтобы отнести к важнейшим государственным расходам те затраты, которые необходимы для доставления работы всем здоровым людям в целях обеспечения их физического существования; сюда же следует отнести и расходы, имеющие целью возможно более быстрое распространение приобретенных

составляют необходимую часть; откуда следует, что они прямые, естественные руководители нации, единственные, нравственность и здравый смысл которых позволяют дать им права политические".

Или, в другом месте того же „Катехизиса промышленников": „Руководство государственными делами будет находиться в руках специалистов в промышленности и науках, между тем как сейчас ими управляют только любители; в самом деле, префекты и министры—только любители в деле управления, потому что расплачивается за их ошибочные расчеты и плохие комбинации всегда, в конце концов, народ. Не подлежит сомнению, что промышленники — единственные специалисты в деле управления, — потому что только они выучиваются ему на свой собственный счет".

позитивных знаний среди класса пролетариев, и, наконец, те расходы, благодаря которым индивидуумам этого класса смогут быть обеспечены увеселения и развлечения, способные развить их интеллект». (Курсив наш. Б. Г.).

Но мало этого. Пролетариат, по мнению Сен-Симона, должен перестать быть лишь об'ектом воздействия или попечения сверху. Он должен быть призван к совместному с предпринимателями управлению общественными делами, ибо обладает всеми нужными для этого способностями. Для того, чтобы доказать «способность французских пролетариев хорошо управлять собственностью», Сен-Симон приводит некоторые экономические следствия французской революции, наблюдавшиеся им лично, при чем его рассуждения носят прямо пророческий характер: «В начале революции большая часть владельцев торговых и промышленных предприятий потеряла свое благосостояние, благодаря грабежам, имевшим место при восстаниях. Те же, кто уцелел от грабежей, были разорены законом о максимуме, а благосостояние тех, кто счастливо избежал обоих этих бедствий промышленности или спас от них наличные деньги, было разрушено реквизициями и сожжением английских товаров.

Что произошло бы после этих бедствий, имеющих достаточно общий характер, если бы большое количество рабочих, занятых у разоренных промышленников и торговцев, не оказалось в достаточной степени способным заместить предпринимателей, нравственно раздавленных своими несчастиями? Французская промышленность и торговля потеряли бы на долгое время большую долю своего значения, и Франция выплачивала бы теперь иностранцам гораздо более значительную промышленную дань, чем та, которую она вносила до революции; одним словом, французское производство уменьшилось бы.

В действительности, наоборот, производство продуктов всякого рода бесконечно выросло после и даже во время самих бедствий; *в действительности люди, до того занятые во всех торговых и фабричных заведениях в качестве простых рабочих, стали предпринимателями и руководителями*

работ, при чем они оказались более интеллигентными и деятельными, чем их предшественники. Так что сейчас Франция гораздо более процветает, больше производит и имеет большее значение в земледелии, промышленности и торговле, чем до революции, хотя большая часть активных руководителей всеми этими предприятиями вышла из народа.

Может ли существовать более веское и более полное доказательство того, что класс народа, т.-е. громадное большинство нации, достит достаточно высокого умственного развития, вследствие чего во Франции, без всяких неудобств для государственного спокойствия, а наоборот, с громадными преимуществами для всех классов общества, может быть установлен общественный строй, имеющий своей непосредственной целью всеобщее благо».

Каков же тот общественный строй, который представляет себе в идеале Сен-Симон? Этот строй можно было бы назвать государственным капитализмом, так как, сохраняя частную собственность на средства производства, Сен-Симон требует централизации этого производства и внесения в него единства и плана в общегосударственном масштабе. Этим Сен-Симон далеко опережает и Оуэна и, как мы увидим, Фурье, с их маленькими социалистическими колониями. Далее, государственный социализм Сен-Симона стремится к максимально-возможному равенству, к уничтожению всякого экономического паразитизма, к максимальному об'единению, «ассоциации» всех производительных членов общества.

Эксплоатация человека человеком должна в конце-концов уступить место эксплоатации природы всем об'единенным трудовым человечеством. Управление людьми должно замениться управлением вещами. Вместо военных и дворян, во главе человечества должны стать инженеры и ученые. Всем человеческим стремлениям должен быть дан полный простор. Пролетариат, как последний вид рабства, должен исчезнуть, слившись со всем человечеством в одну трудовую семью.

Отрицая современную ему церковь, Сен-Симон оставался все же религиозным и хотел даже основать новую религию, не противоречащую науке (его последнее сочинение так и называется «Новое христианство»). «Эта религия,—писал он, — должна направлять общество к великой цели возможно быстрого улучшения участи самого бедного класса». И во главе новой церкви будут стоять люди, «наиболее способные содействовать своими трудами возрастанию благосостояния этого беднейшего класса».

Ученики Сен-Симона, сделавшие из его учения более определенные социалистические выводы (см. ниже), в то же время довели до смешного эту новую религию, с ее «первосвященниками», особыми обрядами и т. п.

Вообще социализм Сен-Симона и его последователей выражал не стремления и интересы рабочих масс, а смутные чаяния молодой буржуазной интеллигенции, среди которой он тогда, главным образом, и распространялся, и которая идеализировала грядущий расцвет промышленности, придавая ему социалистический или полусоциалистический оттенок. Этим об'ясняется также и тот энтузиазм и интерес, которые вызвало учение Сен-Симона среди зарождавшейся русской интеллигенции 30-х и 40-х годов. Но всем великим и ценным, что было в его учении, оплодотворившем европейскую науку многими блестящими идеями, в конце-концов воспользовался рабочий класс в лице его сознательных представителей и вождей.

4. Фурье.

Шарль Фурье (1772—1837) был во многих отношениях противоположностью Сен-Симона. Сын богатого провинциального купца, он должен был, согласно желанию отца, тоже заняться торговлей и поступил в приказчики. Но торговля вызывала в нем всю жизнь непреодолимое отвращение, как искусство лгать и обманывать, и это отвращение сыграло большую роль в выработке его социалистических взглядов, особенно, когда он убедился, что при всех общественных переворотах эпохи революции—классом, который сумел исполь-

зовать в своих интересах и самые перевороты и все политические режимы, неизменно наживаясь при этом насчет других классов,—являлись купцы. Правда, сам Фурье очень пострадал от революции, что, несомненно, повлияло на его будущую теоретическую нелюбовь к революции и революционному насилию. Получив от отца большое наследство, он потерял его во время усмирения якобинским правительством контр-революционного восстания в Лионе, при этом сам был арестован и едва избежал гильотины.

Огромный жизненный опыт, вынесенный им во время революции, Фурье увеличил тем еще, что в молодости, по поручению своих хозяев, он много путешествовал по Европе, и это чрезвычайно расширило его кругозор и дало ему массу полезных экономических сведений.

Сосредоточенный, замкнутый, молчаливый, он много читал и был, в противоположность Сен-Симону, кабинетным мыслителем. 30-ти лет от роду он начал писать, а в 1808 г. написал свое первое большое сочинение («Теория четырех движений»), где изложена в основных чертах его теория социализма. А когда, спустя несколько лет, он получил небольшое наследство от матери, то бросил ненавистную торговлю и занялся исключительно изучением социальных вопросов. Он издал еще несколько сочинений *), которые не только не обогатили его, но поглотили последние скудные средства.

Умер он в глубокой бедности и почти в полном одиночестве.

В отличие от Сен-Симона, который видел в капитализме, главным образом, его творческие стороны, Фурье дал замечательно меткую и яркую *критику* капиталистического строя и столь же яркую картину будущего общества, основанного на солидарности и «гармонии» (согласованности) всех человеческих стремлений и интересов.

В капитализме Фурье возмущался не столько неравенством, не столько эксплоатацией и нищетой народных масс

*) „Домашняя земледельческая ассоциация“, „Новый промышленный мир“, „Ложная промышленность“.

(как это делали прежние социалисты, особенно Бабеф), сколько его бессмысленностью, тем нелепым расточением сил и средств, которое вызывается системой отдельных частных хозяйств и их взаимной конкуренцией *). Главным средством к разрешению социального вопроса, к выходу из того жалкого положения общества, которое называется «цивилизацией» (это слово Фурье всегда употребляет с величайшим презрением), он считает не столько реформу в распределении богатств, сколько реформу способов их производства. Эта глубокая мысль легла в основу и марксовской теории социализма, с тем отличием, что по Марксу изменения способа производства сами вызывают изменения форм распределения.

«Первопричиной всех общественных бедствий» Фурье считал «раздробление промышленности или неорганизованый труд». В результате этой противообщественной промышленности, как и всего противоречивого строя нашей «цивилизации», «всякая отдельная личность находится в состоянии преднамеренной войны с массой».

Вот меткая и остроумная характеристика этой всеобщей войны, данная Фурье и сохранившая все свое значение до настоящего времени. «Врач желает, чтобы было как можно больше болезней, а прокурор и адвокат—судебных процессов. Архитектор и строитель мечтают о пожарах, которые бы унич-

---

*) С особенной ненавистью обрушивался он на торговцев, перекупщиков, посредников и т. п. Мы уже видели, что такую же ненависть к купцам проявил английский коммунист XVII в. Уинстэнли, тоже бывший купец, разоренный революцией. Вот одно место из ранних сочинений Фурье, касающееся торговли и имеющее большой злободневный интерес (в „Теории четырех движений“). „К числу странностей, связанных с цивилизацией, относится то явление, что всякие репрессии против бесспорно-вредного класса перекупщиков приводят только к увеличению бедствия, к окончательному исчезновению товаров и к панике среди покупателей. Из этого философы заключили, что надо предоставить полную свободу торговцам. Оригинальное лекарство—потворствовать злу потому только, что неизвестно его противоядие. Надо было искать это противоядие до тех пор, пока оно не было бы найдено, надо было преследовать торговцев за их козни, а не поощрять их, надо было найти прием для подавления таких интриг“.

тожили четверть города, а стекольщик—о граде, который перебил бы все стекла. Портной и сапожник очень довольны, если публика получает скверные ткани и непрочную кожу, так как в этом случае одежда и обувь изнашиваются втрое быстрее, к их вящшему благополучию. Духовенство радуется повышению смертности, в особенности среди богачей, за похороны коих можно иногда получить по тысяче франков. Судья потирает руки от удовольствия, видя, что число преступлений увеличивается; ведь для содержания судов во Франции необходимо, чтобы ежегодно совершалось 120.000 преступлений. Хлебный спекулянт жаждет неурожая, а виноторговец счастлив, когда град уничтожил урожай виноградников. Таков этот смехотворный строй цивилизации, где каждый индивид находится в состоянии непрерывной войны с коллективом, где счастье одних основано на неудаче и даже гибели других».

Если мы вспомним, что сто лет после того, как были написаны эти бичующие строки, в богатейшей капиталистической стране мира, Соединенных Штатах Америки, капиталисты сжигали или топили хлеб и другие продукты, чтоб искусственно вызвать их вздорожание, и это в то время, как значительная часть их собственного населения и половина всей Европы почти голодала, то все значение гениальной сатиры Фурье станет еще более ярким и выпуклым.

Издевается Фурье и над той мнимой «свободой», которой пользуются парии «цивилизации». «Люди угнетенные, говорит он, в современном обществе вовсе не пользуются свободами, которые за ними лицемерно признаны. Они имеют только одну свободу—жить, которая часто не что иное, как свобода страдать. Они могут располагать своим телом, и это все. Подобная свобода, абстрактная и пустая, лишенная всех гарантий, только карикатура, только ложь свободы!»

Вместе с тем, Фурье вычислял и доказывал, какая масса труда затрачивается в современном обществе непроизводительно, сколько в нем бездельников, паразитов, ненужных и бесполезных профессий: а также, сколько расходуется лишних средств, благодаря раздробленности производства и по-

требления *). С другой стороны, та же неорганизованность приводит к тому, что, по словам Фурье, «в эпоху цивилизации бедность рождается из самого избытка», т.-е. является неизбежным спутником богатства. При капиталистическом строе труд является проклятием, и прежние социалисты полагали, что в будущем обществе он останется повинностью. Фурье красноречиво доказывает, что при правильной организации общества труд стал бы радостью и наслаждением. Этой мысли, как и самому плану этой правильной организации, он посвящает главную часть всех своих сочинений (особенно подробно этим занимается «Домашняя земледельческая ассоциация», вышедшая в 1822 г. в 3 томах и переизданная после смерти Фурье под названием «Теория всемирного единства»).

Во всем мире, говорит Фурье, господствует гармония, т.-е. полная согласованность частей. Человек не может быть исключением из общего плана мироздания. Но нелепые законы, бессмысленное устройство общества извратили прекрасную человеческую природу. И он, Фурье, является тем пророком, которому удалось открыть истинные замыслы богатворца, тем вторым Ньютоном, который нашел основной закон общества, новый закон «тяготения», а именно—«теорию страстей».

Богом даны человеку различные «страсти», т.-е. желания, стремления, влечения, наклонности. Вместо того, чтобы их подавлять, чтобы жить не так, как хочется, и испытывать от этого страдания, надо только умело эти страсти направлять и соединять, и тогда общественная польза совпадает с личными желаниями каждого. По мнению Фурье, у человека от природы не может быть греховных, преступных или вредных желаний или наклонностей. Всякая человеческая страсть законна и может оказаться полезной, если ее надлежащим образом использовать («подобно землепашцу, в качестве удобрения для будущей богатой жатвы; все отбросы, вся грязь, весь мусор, который отравил и засорил бы наши жи-

*) Подробное, популярное и увлекательно написанное изложение этой стороны учения Фурье дал Чернышевский в знаменитом романе „Что делать“.

лица, в его руках превращаются в источники богатства и благосостояния»).

С этой целью известное число людей (по вычислению Фурье 1.500—2.000 человек) должны соединиться в один союз или ассоциацию, которую он назвал «фалангой» (а общежитие, где они живут, «фаланстером»). Туда входят люди самых различных профессий, способностей и наклонностей, соединенные между собой по однородным группам, при чем один и тот же член фаланги входит одновременно в несколько групп, так как людям свойственно стремление к разнообразию занятий. Все они образуют как бы одну сложную трудовую артель и один кооператив вместе. Фаланстер представляет из себя прекрасный дворец, где имеется все, что нужно для удобной, красивой и приятной жизни. Тут же находятся мастерские, склады и поля.

В такой фаланге каждый делает то, что ему приятно, без излишнего напряжения и легко может менять занятия, переходя из группы в группу. При такой постановке дела труд никогда не становится в тягость, тем более, что, как каждый знает, от его личного усердия или, вернее, от усердия его группы зависит и количество и качество тех благ, которыми он будет пользоваться. С другой стороны, из каждой склонности общество может извлечь пользу. Так, напр., дети, говорит Фурье, любят копаться в грязи; вот мы им и будем поручать все грязные работы.

Благодаря большой экономии сил и средств, продукты получаются в фаланстере с небольшой затратой труда и обходятся очень дешево, так что жизнь его обитателей проходит в полном изобилии всех благ земных. Но к равенству и коммунизму Фурье не стремится и даже резко выступает против этих идей. Он думает, что известное разнообразие в образе жизни и чувство собственности необходимы, что без них не было бы прогресса. Поэтому Фурье сохраняет право наследства. Мало того. Чтобы привлечь в свой фаланстер капиталистов и талантливых людей (инженеров, изобретателей, искусных мастеров), Фурье предлагает им особые премии за капитал, искусство или талант. Таким образом, жизнь в фаланге может быть устроена соответственно с любыми сред-

ствами и роскошно и скромно, и сообразно вкусам и наклонностям каждого.

Но при всем этом, фаланга является единым хозяйством, и в ней отсутствует эксплоатация человека человеком: отсутствует в фаланге и заработная плата, как унизительное напоминание о системе наемного рабства. Согласно вычислениям особых бухгалтеров, вся чистая прибыль, т.-е. все продукты, предназначенные для потребления фаланги, делятся между «сериями» (союзы групп) и группами, при чем на долю труда приходится $^5/_{12}$ всего продукта, на долю капитала—$^4/_{12}$ и на долю таланта—$^3/_{12}$.

Количество продуктов, причитающееся каждому виду труда (в зависимости от его сложности, большей или меньшей степени приятности и т. п.), вычисляется беспристрастно и справедливо, без неприятных споров, потому что одни и те же члены общества участвуют одновременно в нескольких, самых разнообразных видах труда и группах. Точно так же один и тот же человек может получать и проценты за вложенный в фалангу капитал, и свою долю за выполненный труд, и премию за талант, если он в какой-либо отрасли проявит особое искусство или изобретательность.

При такой организации будущего общества Фурье, в нем, конечно, нет места государственной власти, как нет места вообще насилию и принуждению. «Все, что основывается на принуждении, говорит Фурье, непрочно и свидетельствует об отсутствии гения».

Что касается экономической деятельности фаланги, то она, по мнению Фурье, должна, конечно, вестись в крупном масштабе, а затем должна быть направлена, главным образом, на сельское хозяйство, а не на промышленность, и притом преимущественно на плодоводство и огородничество, требующее меньше тяжелого труда и дающее больше питательных и вкусовых веществ, чем культура злаков.

До какой степени планы и мечты Фурье, при всей необузданности его фантазии, находились в зависимости от отсталого состояния французской промышленности, видно, между прочим, из того перечня промышленных предприятий,

которые он рекомендует «для пробной фаланги» («Новый промышленный мир»): это, в первую очередь, деревообделочная фабрика, парфюмерная и фабрика кондитерских изделий, а затем сыроварня, колбасная, фабрика консервов, семенная, струнная и т. п. Далее мы видели, что грязные работы Фурье рекомендовал поручать детям, не думая о механических приспособлениях в этой области. Наконец, Фурье мечтал о превращении моря в приятный пресный напиток, в роде лимонада, об изобретении «антильвов» и «антиакул», особых ручных животных, на которых грядущее человечество будет совершать путешествие по суше и по морю, но ему не пришли в голову ни подводные лодки, ни аэропланы.

Эта ограниченность технического кругозора не мешала, впрочем, Фурье делать гениальные пророчества о будущих «промышленных армиях», о прорытии Панамского и Суэцкого перешейка (это предсказывал и Сен-Симон) и т. п.

Ему же принадлежит мысль, усвоенная впоследствии всеми социалистами, о необходимости уничтожить разницу между городом и деревней, о создании «городов-садов». «Будущие фабрики, пишет он в «Новом промышленном мире», не станут концентрироваться в городах, превращающихся в лачуги для бедных, а рассеются по всем деревням и фалангам земного шара, для того, чтобы фабричные рабочие могли удовлетворять своему влечению к другим видам труда и помнили бы, что промышленность—только аксессуар (принадлежность) и вариант для сельского хозяйства, а не главная функция как для всего общества, так и для отдельных его членов».

Огромное значение придавал Фурье общественному воспитанию детей, изучению детского характера, соединению обучения с производительным трудом. Эта идея, воспринятая и Марксом, идея «трудовой школы» исходит именно от Фурье (как отчасти и идея потребительской кооперации). Он же проповедывал освобождение женщины от унизительного домашнего рабства, от всяких мелочных забот о домашнем хозяйстве.

Вместе с блестящими и глубокими мыслями, в сочинениях Фурье можно найти множество самых детских и при-

чудливых фантазий (кой-какие из них мы уже видели), над которыми его противники много смеялись. Но эти странности и чудачества забыты, тогда как все светлые идеи Фурье сделались давно достоянием мыслящих людей и особенно социалистов.

Гораздо серьезнее другая ошибка Фурье, свойственная ему, как и всем утопистам со времен Мора. Он так был уверен в истинности, красоте, выгодности, разумности и практичности своего плана, что до самой смерти ждал с нетерпением того богача, который соблазнится прекрасной картиной фаланстера и даст для его устройства необходимый первый миллион. Фурье не ждал, правда, ничего хорошего от правительства, которое он всегда признавал лишь злом. Но в то время, как в Англии и во Франции уже чувствовались первые взрывы революционного рабочего движения, Фурье его не замечал, или относился к нему с пренебрежением, с упрямством фанатика, предпочитая, попрежнему, того благодетельного банкира, который поможет ему осуществить его прекрасную мечту.

Впрочем, как мы уже говорили в начале этой главы, ошибки и странности Фурье, так же, как и других великих утопистов, предшественников современного социализма, об'ясняются тем временем, в котором они жили, недостаточным развитием науки и общественных, классовых отношений. А то, что в эпоху начинавшегося могучего расцвета капитализма они с гениальной прозорливостью оказались пророками идущего ему на смену социализма со всеми его особенностями, останется их бессмертной заслугой.

5. Сен-симонисты и фурьеристы.

И Сен-Симон, и Фурье оставили многочисленных и горячих последователей, создали целые школы. И хотя их литературная и вообще агитационная и пропагандистская деятельность происходила уже в новую эпоху, следовавшую за июльской революцией, тем не менее эту деятельность удобнее рассматривать теперь же, так как она больше связана с

теоретической работой их учителей, чем с начавшимся в новый период рабочим движением.

Огромный толчок, который дан был Сен-Симоном во всех областях человеческой мысли, об'ясняет тот факт, что из его непосредственных последователей вышли впоследствии такие знаменитые ученые и философы, как Огюст Конт, развивавший взгляды Сен-Симона на разные фазы человеческой истории и мечтавший о замене католической церкви новой иерархией ученых и философов,—технические гении капитализма, как инженер Лессепс, осуществивший мечту Сен-Симона и Фурье о прорытии Суэцкого перешейка и о близком морском пути из Европы в Азию, и даже, наконец, такие рыцари капиталистического накопления, как прославившийся при Наполеоне III банкир-спекулянт Перейра.

Но для нас важны те ученики Сен-Симона, которые сделали из его взглядов определенные социалистические выводы, содействовавшие развитию и укреплению социалистической теории и навсегда связавшие имя Сен-Симона с идеями новейшего социализма.

Среди этих учеников особенную популярность приобрели Анфантен и Базар; первый, как создатель своеобразной сен-симонистской религиозной общины или «семьи», проповедывавший освобождение женщины и культ свободной любви, за что община подверглась преследованию и распалась в начале 30-х годов; а второй, как главный теоретик и пропагандист так называемого «учения Сен-Симона». В ряде лекций, в официальных манифестах, в многочисленных книгах, брошюрах и журналах излагали сен-симонисты свое учение, которое в основных своих чертах сводится к следующим положениям, выраженным их собственными словами.

В «Изложении сен-симонистской доктрины» (учения), автором которого был Базар и которое появилось в результате публичных лекций, прочитанных сен-симонистами в 1828—1829 г.г., мы читаем, что род человеческий стремится «к всеобщей ассоциации или, другими словами, к постоянному ослаблению антагонизмов (противоречий), выраженному последовательно в словах: семья, каста, община, нация, человечество; откуда

следует, что общества, организованные первоначально *для войны*, стремятся слиться *во всеобщую мирную ассоциацию* *). И далее: «До сих пор человек эксплоатировал человека. Господа и рабы, патриции и плебеи, сеньоры и крепостные, собственники и арендаторы, тунеядцы и рабочие,—вот последовательная история человечества вплоть до наших дней; *всеобщая ассоциация*—вот наше будущее; *каждому сообразно его способностям, каждой способности по ее продуктам*,—вот новое право, которое должно заменить право *завоевания и рождения*; человек не эксплоатирует больше человека; люди, в союзе друг с другом, эксплоатируют весь мир, предоставленный их власти».

В обращении, направленном в палату депутатов вскоре после июльской революции 1830 г., в ответ на обвинения в коммунизме, сен-симонисты писали между прочим: «Конечно, сен-симонисты имеют свои идеи о форме собственности и положении женщины в будущем обществе; они верят в эти идеи и распространяют их, но эти идеи очень далеки от тех, которые им приписывают. Система общности имущества обыкновенно понимается, как равный раздел между всеми членами общества, безразлично, подвергается ли разделу земля или продукт общественного труда. Сен-симонисты отвергают этот равный раздел собственности, который, по их мнению, является большим насилием, более возмутительной несправедливостью, чем неравное ее распределение, явившееся первоначально результатом силы оружия и завоевания. Они верят в естественное неравенство людей и рассматривают это неравенство, как основу ассоциации; общность имущества была бы очевидным нарушением основного закона морали, заключающегося в том, что каждый должен занимать положение сообразно своим способностям и вознаграждаться сообразно своей работе; но в силу этого же закона они требуют *уничтожения всех без исключения привилегий рождения, следовательно, и уничтожения права на наследство—самой*

---

*) Курсив везде принадлежит автору „Изложения".

важной из этих привилегий... Сен-симонисты нападают на собственность только постольку, поскольку она освящает для некоторых безбожную привилегию тунеядства, т.-е. права жить на счет работы других».

Как видно из этих цитат, сен-симонисты, отрицая равенство, подобно Фурье, в отличие от него решительно высказывались против права наследования и этим значительно приближались к коммунизму *). Зато в своей тактике они столь же категорически, как и Фурье, выступали против революционных методов и проповедывали всеобщую христианскую любовь. В яркой форме это выражено в одном из их «посланий», направленных в провинцию (в мае 1831 года за подписями Базара, Анфантена и др.): «Задачей настоящего момента является провозглашение, проповедь нашего учения, просвещение отдельных личностей и целых наций... Единственным средством пропаганды сен-симонисты признают религиозное обращение в свою веру. Они действуют при помощи устного слова, печати, при помощи того примера, который они показывают миру... Нас обвиняют в желании низвергнуть общественный порядок... Но мы хотим строить, об'единять; если в таком деле будет пролита чья-либо кровь, это будет наша; если кто-либо пострадает, это мы; если кто-либо будет подстрекателем, это будем не мы. Пред богом и людьми мы об'являем себя апостолами мира; мир будет дан человечеству только любовью. Таково наше стремление, наш долг, наш расчет». (Курсив авторов «Послания»).

Из школы сен-симонистов вышел впоследствии Пьер Леру (бывший рабочий, наборщик), создавший оригиналь-

---

*) Вот как они в „Изложении учения Сен-Симона" доказывали это; выступая против тех, кто „неустанно повторяет нам, что собственность есть фундамент общественного порядка". „Мы также провозглашаем эту вечную истину. Но кто будет собственником? Праздный ли, невежественный и безнравственный сын умершего, или же человек, способный достойным образом выполнять его общественную функцию? Что такое переход состояния от родителей к детям без всякого другого основания, кроме кровного родства, что это, как не самая безнравственная из всех привилегий; привилегия жить в обществе, не работая, или быть вознаграждаемым в нем свыше своих трудов?"

ную систему философского и религиозного социализма, впрочем, вследствие туманности своих идей и своего изложения, встретивший незначительный отклик. Из их среды почерпнула свои идеи и знаменитая романистка 30-х и 40-х годов— Жорж-Занд, проповедывавшая освобождение женщины и справедливость ко всем униженным, угнетенным, эксплоатируемым. Через ее посредство, главным образом, и проникли гуманные идеи французских сен-симонистов в среду русской интеллигенции.

Таким образом, как мы уже указывали, не влияя непосредственно на эксплоатируемые массы, действуя исключительно среди недовольной господством денежного мешка интеллигенции, сен-симонисты все же создавали общественную атмосферу, благоприятную для того революционного брожения, которое начиналось в массах.

В отличие от учеников и последователей Сен-Симона— фурьеристы во Франции не разбрасывались в самых разнообразных областях общественной и умственной деятельности. Они замкнулись в небольшую секту, которая свято чтила заветы учителя и занималась дальнейшей разработкой и пропагандой его учения. Еще при жизни Фурье его ученики, из которых самым выдающимся и талантливым был Виктор Консидеран, стали издавать журнал «Фаланстер», замененный потом «Фалангой».

В 40-х годах они выпускали ежедневную газету «Мирная демократия» И хотя, тоже, в отличие от сен-симонистов, фурьеристы были ближе к рабочим, отличались более плебейским и демократическим духом, но и они не только не понимали всего значения начавшегося революционного рабочего движения, но смотрели на него, как на зло, своей задачей считали предупреждение социальной революции и все свои силы употребляли на то, чтобы примирить труд с капиталом, чтобы убедить правящие классы в необходимости признания за пролетариями «права на труд» и вообще новой, более справедливой организации общества.

Так, их газета «Мирная демократия» называлась «газетой, защищающей интересы правительств и наро-

дов». В ее программу входили, между прочим, такие лозунги, как «единство социальное, религиозное и политическое», «социальный прогресс без революции»; «всеобщее богатство», «осуществление порядка, справедливости и свободы», «право на труд» и «добровольный союз капитала, труда и таланта».

В «Политическом и социальном манифесте» Консидерана мы находим, правда, следующие замечательные места, которые были общими и революционным социалистам того времени и вскоре легли в основу учения Маркса и Энгельса: «Наш общественный порядок, будучи демократическим принципиально и юридически, в действительности является еще аристократическим. (Курсив автора. Б. Г.). По конституции, по закону, отвлеченно говоря, в нашей жизни нет более каст. Но на практике в реальной жизни у нас еще кастовый строй. Только уже не закон, не право, не политические принципы кладут эти барьеры между большими группами французского народа, но организация экономическая, организация общественная сама по себе». И далее: «Общество постепенно распадается все более и более явственно на два класса: маленькую группу, владеющую всем или почти всем, безусловно господствующую в области собственности, торговли и промышленности, и огромную массу, не владеющую ничем, живущую в полной совместной зависимости от владельцев капитала и орудий труда, вынужденную продавать за жалкую и все уменьшающуюся плату свои руки, свои таланты и свои силы феодальным сеньорам (господам) новейшего общества».

Но после этой меткой характеристики капиталистического строя мы читаем в том же «Манифесте»: «Подобный порядок вещей, противный всем человеческим правам, всем принципам современной общественности, не может развиваться далее, не вызывая новых революций, уже не политических, а социальных, направленных прямо против собственности и сопровождающихся криками: «Жить работая или умереть в бою *). Земля работникам!».

*) Лозунг Лионского рабочего восстания 1831 г., о котором в следующей главе.

Пугая, таким образом, буржуазию предстоящими революциями, Консидеран именно к ней обращается, к ее благоразумию взывает и заканчивает следующим рецептом: «Для предупреждения этих новых революций есть одно лишь средство: серьезное признание права на труд (т.-е. уничтожение безработицы при сохранении наемного труда! Б. Г.) и организация производства на основе тройственного союза капитала, труда и таланта».

В то время, как во Франции ученики и последователи Фурье занимались исключительно подобной мирной пропагандой среди буржуазной интеллигенции, в Америке, этой излюбленной стране социальных опытов, возникло в 40-х годах довольно громкое движение, начавшееся по инициативе страстного и убежденного фурьериста Брисбейна и имевшее целью практическое осуществление фурьеризма,« пропаганду действием, создание идеальных общежитий, фаланстеров. Но и здесь это движение захватило лишь небольшие кружки идеалистически настроенной буржуазной интеллигенции (в роде нашего «толстовства» 80-х годов), которые стремились среди развращенного погоней за наживой капиталистического мира создать островки социализма, где бы они могли вести трудовую жизнь, полную прелестей и красот, так замагчиво описанных Шарлем Фурье. И, конечно, как мы уже знаем, подобно предшествующим попыткам Оуэна и отчасти последующим коммунистическим колониям Кабэ, фурьеристские общины вскоре распались или вследствие экономического банкротства или благодаря охлаждению и разочарованию их членов.

Вот почему в «Коммунистическом Манифесте» Маркса и Энгельса мы находим следующие суровые слова осуждения последователям великих утопистов: «Если основатели этих систем и были во многих отношениях революционерами, их ученики образуют всегда реакционные секты. Они крепко придерживаются старых воззрений учителей, наперекор дальнейшему историческому развитию пролетариата. Они последовательно, поэтому, стараются опять притупить классовую борьбу и примирить противоречия. Они все еще мечтают о попытке осуществления своих общественных утопий, об организации отдельных фаланстеров, об основании внутренних

колоний, об основании маленькой Икарии—карманного издания нового Иерусалима*), и для осуществления всех этих воздушных замков они вынуждены обращаться к филантропии буржуазных сердец и кошельков... Они с ожесточением выступают против всякого политического движения рабочих, ибо (по их мнению) оно могло возникнуть из слепого неверия в новое евангелие».

Эти слова Марксовского «Манифеста», написанного в 1847 год, спустя 50 лет нашли себе подтверждение в яркой и прекрасной характеристике утопического социализма, данной знаменитым историком германской социал-демократии,—впоследствии коммунистом—Мерингом. Этой характеристикой мы и заканчиваем настоящую главу.

«Мыслящие головы буржуазии, говорит Меринг, скоро поняли, что экономическое развитие, покупавшее всякое увеличение общественного богатства ценою возрастающей нищеты масс, — что это развитие должно привести к гибели всякой человеческой культуры. Чем яснее, однако, выступали пред ними последствия капиталистического способа производства, тем больше от них удалялась также мысль, что этот исторический процесс может когда-либо изнутри себя самого изменить направление. Спасение, поворот был необходим, но он никогда не мог, по их мнению, притти из самих страждущих масс, численный рост которых сопровождался только ослаблением их силы. Сами имущие классы должны были понять, что так дело дальше итти не может; нужно было убедить их в невыносимости социальных зол. Нужно было только обратиться с призывом к их уму и сердцу; буржуазное общество надо было поставить на новое основание, или, по крайней мере, удержать только его светлые стороны; уничтожив, напротив, теневые; нужно было опытами в малом масштабе доказать возможность нового общества в большом: в особенности же нужно было устранить причину всяческого зла, резкую и с каждым днем все более обостряющуюся противоположность классов. С этой точки зрения, становящейся над классами, классовая борьба пролетариата казалась чем-то

*) „Икарией“, как мы узнаем в следующей главе, называлась коммунистическая страна в утопии Кабэ. „Новым Иерусалимом“ называли грядущее коммунистическое царство религиозные сектанты эпохи реформации.

безразличным или даже вредным. Она могла быть и безразличной, так как, в конце-концов, она, ведь, ни к чему не могла привести; она становилась вредной, когда озлобляла имущие классы и еще более обостряла классовый антагонизм, устранить который именно и нужно было.

Так возникло противоречие между классовой борьбой и социализмом (утопическим. Б. Г.), которого не удалось примирить ни в Англии, ни во Франции».

VI. НАЧАЛО САМОСТОЯТЕЛЬНОГО РАБОЧЕГО ДВИЖЕНИЯ и СОЦИАЛИЗМ 30-х и 40-х ГОДОВ.

1. Буржуазия и пролетариат в конце первой трети XIX века.

В то самое время, как великие утописты начала XIX века создавали свои социальные системы, словно находясь в стороне от классовой борьбы, не замечая ее, или же, наоборот, с целью ослабить ее, предупредить назревающие конфликты,—эта борьба разгоралась все сильнее, и притом на два фронта: как борьба всего нового буржуазного общества против дворянской реакции и как борьба буржуазии с восставшим против невыносимых условий жизни пролетариатом.

Так, в Англии, уже в эпоху французской революции, разгорелось большое революционное движение, об'единявшее радикальную буржуазную интеллигенцию и передовых рабочих и направленное против господствовавшей реакционно-помещичьей клики и послушного ей правительства. Лозунгами движения были: сочувствие французской республике, борьба против «тиранов», против войны с Францией и за всеобщее избирательное право. Движение проявлялось в печатной агитации и митинговой кампании. Образовалось, основанное бывшим сапожным подмастерьем Гарди, «Лондонское корреспондентское общество», об'единявшее все радикально-оппозиционные элементы и насчитывавшее десятки тысяч членов. Правительственными репрессиями движение было задушено.

После окончания наполеоновских войн, этого последствия революции, во всей Европе наступила глухая политическая и социальная реакция. При этом в двух наибо-

лее передовых государствах — Англии и Франции — при всем различии их общественных отношений и исторических судеб, реакция имела много общих черт. В Англии у власти было консервативное дворянство и лишь отчасти торговый капитал. Только их представители и ставленники имели доступ в парламент. Вся же вновь выросшая после экономического переворота промышленная буржуазия, не говоря уже о пролетариате, все новые большие и оживленные города, как Манчестер, центр хлопчато-бумажного производства, или Бирмингам, центр металлической промышленности, не имели депутатов в парламенте и были оттранены от политической жизни. Таким образом, устарелая английская конституция сделалась орудием класса землевладельцев, который под влиянием смертельного испуга, причиненного ему французской революцией, стал беспощадно подавлять все проявления недовольства низших классов. На самом пороге XIX века был уничтожен ирландский парламент, последний остаток ирландской автономии, а против волновавшихся английских рабочих был издан свирепый закон, запрещавший всякие союзы, коалиции и стачки.

Между тем, тотчас же по окончании войны с Наполеоном (в 1815 г.), войны, которая двадцать лет держала в напряжении всю Англию и обошлась ей чрезвычайно дорого, разразился опустошительный промышленный кризис, первый из тех кризисов, которые затем периодически, приблизительно каждые десять лет, потрясали весь капиталистический мир. В данном случае кризис был вызван внезапным переходом промышленности на мирное положение. Промышленные и торговые предприятия банкротились, фабрики закрывались, десятки тысяч рабочих выбрасывались на улицу. Доведенные до отчаяния рабочие, как мы уже знаем, громили машины, которые они считали виновниками своих бедствий, особенно безработицы, поджигали фабричные здания, но в то же время устраивали стачки, организовывали тайные союзы, члены которых при вступлении давали страшные клятвы верности. Правительство отвечало на этот стихийный взрыв отчаяния массовыми казнями и каторжными приговорами, но эти репрессии не останавливали движения, кото-

рое, на ряду с фабричным террором, принимало также форму грандиозных и упорных стачек *).

На ряду с экономической борьбой, многие рабочие ставили себе и чисто политические цели, образовывали тайные заговорщицкие общества, мечтали о свержении существовавшей власти. а также вели открытую политическую агитацию. Правительство обрушивалось на революционеров и «бунтовщиков» с бешеными репрессиями. Каторжные приговоры и смертные казни по отношению к политическим революционерам тоже стали обычным явлением.

В течение 1816—1817 г.г. вся страна была охвачена революционным движением, отчасти напоминавшим наш 1905 г.

Кроме безработицы, нищенской заработной платы и невероятно длинного рабочего дня, кроме беспощадной эксплоатации женщин и детей **), рабочие еще страдали от дороговизны, благодаря принятому парламентом хлебному закону, который запрещал ввоз в Англию дешевого заграничного хлеба и позволял, таким образом, английским помещикам назначать за свой хлеб монопольные цены. Тогда наиболее дальновидные и решительные представители промышленной буржуазии, особенно молодая буржуазная интеллигенция, выведенная из терпения политической реакцией и образовавшая партию радикалов, т.-е. партию коренных реформ, решили возмущение рабочих отвлечь в выгодное им политическое русло и направить его против господствующей реакционной партии. Они повели борьбу одновременно против хлебных законов и против политических привилегий помещиков и вступили для этого в союз с рабочими. Началась грандиозная, многолетняя политическая кампания—митинги, петиции, демонстрации. Эта же радикальная часть буржуазии поняла, что ей выгоднее, если у рабочих будет легальное

*) „Разрушители машин" известны в истории Англии под названием „леддитов", по имени их легендарного вождя Ледда. Одно время (1810—16 г. г. движение это приняло такие грозные размеры, что не на шутку обеспокоило) английское правительство, и оно посылало против „леддитов" целые карательные экспедиции.

**) Потрясающие картины ее дал Маркс в „Капитале" и Энгельс в „Положении рабочего класса в Англии".

право союзов, так как тогда, думала она, экономическая борьба рабочих с хозяевами станет более организованной и менее разрушительной.

В то же время среди крупных землевладельцев, в палате лордов нашлись люди, которые, отчасти в отместку фабрикантам, натравливавшим против них рабочих, отчасти из искреннего сочувствия к страданиям пролетариата, который они непосредственно не эксплоатировали, и из страха перед грядущим «вырождением нации», подняли шум о чудовищных условиях жизни рабочего класса и о необходимости обуздать хищническую эксплоатацию фабрикантов. Знаменитый поэт, борец за свободу, лорд Байрон произнес даже в палате лордов речь в защиту рабочих, разрушавших машины.

«Вы называете этих людей чернью, говорил он, отчаянной, опасной и невежественной, и полагаете как-будто, что единственное средство успокоить многоголовое чудовище, это— срезать несколько лишних его голов. Но даже чернь легче образумить миролюбием и твердостью, чем новым раздражением и удвоенной суровостью наказаний. Меч—самый плохой аргумент и должен бы быть также самым последним. Сознаем ли мы свои обязанности по отношению к черни? Ведь именно эта чернь работает на ваших полях и служит в домах ваших, она доставляет экипаж вашему флоту и из нее вербуется ваша армия: она дала вам возможность бросить вызов всему свету и может также бросить вызов вам, если ваша беспощадность и несчастья доведут ее до отчаяния. Вы можете назвать народ чернью, но не забывайте, что чернь лишь слишком часто бывает выразительницей народных взглядов. Я должен указать еще на то, с какой готовностью вы привыкли спешить на помощь стесненным военным союзникам, между тем как людей, бедствующих в вашей собственной стране, вы предоставляете заботливости неба или церковного прихода. Гораздо меньшая сумма, — одна десятая часть того, что вы подарили Португалии,—была бы достаточна для того, чтобы сделать дома излишним нежное милосердие штыков и виселицы. Между тем отечественная нужда настоятельнее, чем

когда-либо раньше. Я об'ездил театр военных действий на Иберийском полуострове, я побывал в некоторых из наиболее угнетенных турецких провинций, но ни разу я, при величайшем деспотизме магометанского правительства, не наблюдал такой невыразимой нищеты, какую увидел со времени своего возвращения в нашей христианской стране».

Лорд Эшли предпринял энергичное расследование эксплоатации детского труда. А впоследствии, уже в 30-х и 40-х годах, публицист и философ Карлейль и романист Дизраэли (ставший потом вождем консервативной партии и первым министром под именем лорда Биконсфильда) выступили резко в защиту обездоленных рабочих и проповедывали в то же время возвращение к старым патриархальным отношениям, к земледельческому труду под властью «доброго помещика» *). В защиту рабочих выступила и часть мелкобуржуазной интеллигенции, в лице популярного писателя Диккенса, поэта Гуда, написавшего яркую «Песню о рубашке» и другие **).

*) Это направление, встречавшееся и в других странах, Маркс в „Коммунистическом Манифесте" называет „феодальным социализмом".

**) А у знаменитого поэта того времени—Шелли звучат определенно социалистические ноты. Вот его „Песнь к британцам:"

Британцы, зачем вы волочите плуг
Для лордов, что в тесный замкнули вас круг?
Зачем вы готовите пышные платья
Тиранам, которые шлют вам проклятья?

Зачем бережете вы, жалко стеня,
От первого дня до последнего дня,
Шершней беззастенчивых, пот ваш сосущих,
Не пот ваш сосущих, а кровь вашу пьющих?

Зачем вы, о, Пчелы родимой страны,
Оружье и цепи готовить должны,
Чтоб шершни без жала, презревши заботы,
У вас отнимали добычу работы?

У вас есть достаток, досуг и покой,
Уют и слиянье с душой дорогой?
Чтож вы покупаете этой ценою,
Томленьем, и страхом, и мукой тройною?

В результате этих перекрещивающихся влияний, среди которых первое место занимало непосредственное давление самих рабочих (и, как уже нам известно, агитация Оуэна), были проведены первые фабричные законы, охранявшие отчасти труд детей и подростков (правда, сперва лишь на бумаге), а в 1824 г. отменен закон против рабочих союзов. Немедленно вся Англия стала покрываться сетью таких союзов, стали умножаться и забастовки. И вот радикальная буржуазия решила использовать эту организованную силу пролетариата для решительной борьбы с помещичьей партией за избирательную реформу, т.-е. за предоставление промышленной буржуазии права иметь своих представителей в парламенте.

И хотя рабочим эта реформа никаких прав не давала, но они решили поддержать требование буржуазии, чтобы потом выдвинуть свои собственные. Началась новая борьба. Дело доходило до вооруженных битв рабочих с полицией и войсками. По всей Англии рабочие ковали пики, чтобы итти на Лондон, если закон о реформе не пройдет. Наконец, в 1832 г., после упорного сопротивления лордов и лишь под страхом революции, закон был принят. Буржуазия добилась влияния на политику. Английская конституция была изменена в угоду промышленному капиталу, который становился хозяином положения. Но рабочим, усилиям и жертвам которых буржуазия только и была обязана своей победой, она не только ничего не дала, но использовала свое новое привилегированное положение против своих вчерашних союзников. Из этой многолетней борьбы рабочие вынесли поучительный урок.

Хлеба вы взрастили,—другой их пожнет;
Богатства нашли вы,—другой их возьмет;
Вы платья соткали—кому?—для чужого;
Оружье сковали—для власти другого.

Растите хлеба,—но не наглым глупцам;
Ищите богатства,—не дерзким лжецам;
И тките одежду,—но смерть паразиту,
И куйте оружье,—себе на защиту.

Во Франции реакция, после низложения Наполеона,—приняла еще более отвратительный характер, чем в Англии, так как она совершилась в форме реставрации, возвращения старой, дореволюционной династии Бурбонов, со всей их поповски-помещичьей свитой, с жестоким белым террором. Вернувшиеся из эмиграции и окончательно укрепившиеся с помощью иностранных штыков, дворяне-аристократы распоясались во всю. Они, как говорили про них впоследствии, «ничему не научились и ничего не забыли» и старались наверстать все то, что отняла у них революция.

Иностранные войска вели себя, как в завоеванной стране. А крупная буржуазия, которой страшно надоела и революция и наполеоновские войны, на первых порах встречала этих завоевателей, как избавителей, льстила им и подличала перед ними, зато сбывая «иностранным варварам» все залежавшиеся товары и наживая бешеные деньги.

И только в рабочем классе, в бедных парижских предместьях, а также в чуткой учащейся молодежи, вышедшей из рядов мелкой буржуазии, сохранилось чувство патриотизма, чувство собственного достоинства. Только рабочие и мелкобуржуазная интеллигенция со скрежетом зубовным смотрели на то, как топчут Францию, как издеваются над ней надменные и наглые дворянчики и вся эта орда иностранцев, этих королевских и царских холопов у себя на родине и господ здесь, в той Франции, которая 25 лет внушала им страх и трепет. Глядя на это, рабочие и учащиеся вздыхали о великой революции, даже о Наполеоне и тайно мечтали о мести. А народные массы голодали, и уже в 1817 году произошел ряд «хлебных бунтов».

Но постепенно беззастенчивое поведение дворянства и придворной камарильи начало раздражать и крупную буржуазию и особенно буржуазную интеллигенцию в лице журналистов, адвокатов, оппозиционных депутатов. Печать, то заглушаемая цензурой, то пользующаяся сравнительной свободой, резко протестовала против полицейского произвола, против белого террора и помещичьих аппетитов дворянства, требовавшего возврата отнятых во время революции иму-

ществ. Речи представителей парламентской оппозиции читались нарасхват.

А песни Беранже, восхвалявшего Наполеона и издевавшегося над дворянчиками, и язвительные сатиры и насмешки Поля Луи Курье, этого французского Щедрина, волновали самые широкие круги интеллигенции и всех более сознательных рабочих.

В этих кругах оппозиция от слов начала переходить к делу. Стали образовываться тайные общества заговорщиков, ставившие себе целью совершить революционный переворот. Самым известным между ними было общество «Карбонариев», т.-е. угольщиков, возникшее первоначально в Италии и в 1821 г. основанное в Париже. В разных местах Франции вспыхивали попытки восстаний, раскрывались заговоры, особенно в армии, где еще сильны были воспоминания о походах времен революции и Наполеона. Разумеется, все это подавлялось беспощадно, и этот террор, в свою очередь, увеличивал недовольство в стране, будил революционное настроение.

Это настроение особенно усилилось, когда в 1824 г., после смерти слабого, нерешительного Людовика XVIII, на престол вступил его брат Карл X, бывший граф Артуа, тупой и злобный реакционер, во время революции—вождь всей дворянской и поповской эмиграции. Он сразу сделался откровенным орудием в руках реакционной клики самых черных помещиков и попов-иезуитов. Был проведен закон о вознаграждении дворян за конфискованные революцией земли, при чем им преподнесли целый миллиард народных денег. Началась бешеная травля печати, в угоду попам стали усиленно преследовать за «оскорбление религии» и «нарушение нравственности». Все это вызывало страшное раздражение всей интеллигенции, особенно буржуазного студенчества, обычного предвестника буржуазной революции. А народные массы молчали, но ждали лишь случая по-своему проявить свою ненависть к Бурбонам и их режиму.

Весной 1830 г. правительство распустило слишком либеральную палату депутатов и назначило новые выборы. Несмотря на все средства правительственного давления и тер-

рора, в палату прошло еще больше оппозиционных депутатов, чем раньше. Тогда Карл X и его министры решили больше не стесняться и фактически отменить и ту жалкую конституцию, которую имела Франция времен реставрации. Палата была об'явлена распущенной раньше, чем она собралась, изменен был избирательный закон, и без того дававший избирательные права лишь ничтожному меньшинству граждан, и окончательно уничтожена свобода печати. Лишь после такой основательной «подготовки» правительство думало допустить новые выборы.

Соответственные королевские приказы, или «ордонансы» появились в правительственном вестнике 26 июля. А 30 июля не существовало ни этого правительства, ни самого короля Карла X. Он бежал, его министры были арестованы. Это была трехдневная и ю л ь с к а я р е в о л ю ц и я.

Но революция эта совершена была о т н ю д ь н е б у р ж у а з и е й. Наоборот, буржуазия, в лице депутатов распущенной палаты и редакторов богатых газет, смертельно боялась революции, народного восстания и всячески старалась удержать движение в рамках «законности» и «легального сопротивления»; а когда движение стало разрастаться, буржуазные вожди беспомощно метались из стороны в сторону и проявили самую жалкую трусость.

Одиннадцать редакций газет составили протест против королевских приказов. Но лишь две из них осмелились этот протест напечатать, вопреки новым законам о печати, и оказали сопротивление полиции, явившейся закрыть газеты и уничтожить станки. Другие газеты сами закрылись и р а с с ч и т а л и н а б о р щ и к о в, к о т о р ы е и я в и л и с ь п е р в ы м и а г и т а т о р а м и р е в о л ю ц и и в р а б о ч е й с р е д е. Затем поднялись революционно-настроенные студенты политехнической школы. Они добыли оружие, увлекли за собой студентов-юристов и медиков и даже гимназистов и с восторгом были встречены толпами рабочих и ремесленников, сбегавшихся из предместий к центру Парижа. В ночь с 27 на 28 июля, пока лидеры «легальной» и «конституционной» буржуазной оппозиции тщетно придумывали способы, как бы «и капитал приобрести и невинность соблюсти», т.-е. без ре-

волюции заставить короля соблюдать законный порядок, эта революция была уже в полном ходу. Париж с молниеносной быстротой покрывался баррикадами, и у народа нашлись настоящие революционные вожди: это были старые наполеоновские офицеры, ненавидевшие Бурбонов, и особенно члены тайных обществ, которые последние годы бездействовали, но теперь появились все на баррикадах и оказались очень кстати, со своими организационными способностями и привычкой к революционной дисциплине.

Три дня продолжался кровавый баррикадный бой рабочих и учащейся молодежи с королевскими войсками, бой, при котором рабочие потеряли около 6000 убитыми и ранеными.

Зато теперь, когда рабочие в наивной радости думали, что всем их несчастьям пришел конец, буржуазия, прятавшаяся во время боя, громко заявила о себе, стала вести себя, как власть имущая, как глава революции, как естественная наследница павшего режима. Начались интриги, тайные переговоры с герцогом Орлеанским, представителем младшей династии французских королей, бывшим в оппозиции Бурбонам. На сцену выступили хитрые и ловкие дельцы буржуазии, ее адвокаты, банкиры, журналисты. В результате народ был одурачен, и завоеванная его кровью революция свелась к перемене династии, к замене дворянского короля буржуазным, к некоторому расширению избирательных прав и политической свободы, особенно свободы печати. У власти стали верхи буржуазии, финансовая аристократия, банкиры. Банкиры Казимир Перье и Лафит сделались министрами.

Но народные массы, главным образом, рабочие и революционное студенчество, были глубоко разочарованы и возмущены таким результатом революции и пытались новым ударом по только-что возникшему правительству добиться республики и большей социальной «справедливости», т.-е. улучшения положения трудящихся. Дело в том, что рабочие не только не добились лучших условий жизни, благодаря революции, но, наоборот, стали терпеть еще большую нужду, так как значительная часть буржуазии, боясь революционного

времени, сокращала производство или вовсе закрывала свои промышленные заведения.

И вот, первое десятилетие, так называемой «июльской монархии», т.-е. монархии, возникшей в июле 1830 г., с королем-буржуа Луи-Филиппом во главе, полно уличных волнений, заговоров, восстаний, демонстраций и даже покушений на жизнь короля. Вообще, вся эпоха во многих отношениях в высшей степени напоминает состояние России перед первой революцией, с той лишь разницей, что во Франции высшая буржуазия уже получила власть, благодаря революции, и тотчас сама стала реакционной и употребляла против народа все те средства борьбы и подавления, которые она только что осуждала у правительства реставрации.

Таким образом, к началу 1830 годов и в Англии и во Франции у власти окончательно стала крупная буржуазия. И хотя она эту власть получила, благодаря революционной поддержке рабочих, видевших в реакционном дворянстве своего главного врага и надеявшихся, что победа над ним облегчит их невыносимое положение, наградой им и в Англии и во Франции была черная неблагодарность. Перед пролетариатом наиболее передовых капиталистических стран стоял теперь лишь один враг: та самая крупная буржуазия, которой он с огромными жертвами и идейным энтузиазмом помог стать у власти. Это необычайно содействовало классовому и политическому просвещению пролетариата. И вот почему 30-е годы и являются началом его самостоятельного классового движения.

2. Революционная и профессиональная борьба французского и английского пролетариата. Чартизм.

Наиболее яркими моментами этого движения давно уже признано Лионское восстание во Франции и чартизм в Англии, имевшие огромное влияние на все дальнейшее развитие социализма. Но эта эпоха характерна не только революционными выступлениями пролетариата, направленными против буржуазного общества и буржуазной власти, но и первыми попытками самостоятельной классовой

организации пролетариата на экономической почве, для длительной защиты своих экономических интересов, для борьбы с нищетой и вырождением, этими неизбежными следствиями и спутниками капитализма, особенно в раннюю пору его развития.

Первым грозным предвестником грядущих социальных бурь, первым выявлением нового величайшего вопроса XIX века, рабочего вопроса, было восстание в ноябре-декабре 1831 г. ткачей шелка в Лионе, в том самом Лионе, где, как мы знаем, уже в конце XII века зародилась религиозная коммунистическая секта «лионских бедняков» и где во время великой революции коммунистические идеи находили многочисленных сторонников. В конце первой трети XIX века старинная шелковая промышленность Лиона, дававшая заработок десяткам тысяч рабочих, переживала тяжелый кризис. Производство было организовано в значительной мере еще на кустарных началах. Мастера, работавшие на дому на своих станках, вместе с подмастерьями, зависели целиком от крупных окупщиков и заказчиков, которых называли «фабрикантами» и которые диктовали цены за труд. Этих крупных капиталистов было около 800, мастеров до 10,000 и около 40.000 рабочих. И хотя мастера эксплоатировали своих подручных, но их общая зависимость от грубой, свирепой эксплоатации «фабрикантов» делала эти две группы солидарными между собой и об'единяла их выступления против общих врагов. В этом особенно проявился отсталый характер французской промышленности, в которой применение машин начало развиваться лишь после наполеоновских войн.

Но уже в последние годы реставрации на ряду с новым экономическим кризисом в Европе начался кризис в лионской шелковой промышленности. Под влиянием иностранной конкуренции старинные, державшиеся веками формы производства начали разрушаться. И это в первую очередь отразилось на ткачах шелка, оплата труда которых стала систематически понижаться крупными хозяевами. Под влиянием все растущей нужды лионские мастера уже в 1828 году основали тайное общество «Взаимного долга» или мютюэлистов (mutuel—взаимный), которое ставило своей задачей взаимопомощь и

отстаивание профессиональных интересов. Революция 1830 г., с одной стороны, разбудила дремавшие у рабочих надежды на лучшее будущее, а с другой, резко ухудшила их положение. Заработок ручного ткача упал с 4 франков до полутора и даже до одного франка в день. Это обрекало рабочих и их семьи на голодную смерть.

В 1831 г., под давлением рабочей организации, фабриканты пошли на уступки. Была создана согласительная комиссия из хозяев и ткачей, которая выработала компромиссные расценки. Но большинство фабрикантов не подчинилось этому решению. Некоторые цинично заявляли: «Если нет в брюхе хлеба, мы набьем его штыками». Тогда рабочая масса лионского предместья «Красный Крест», доведенная до последних пределов отчаяния все растущей нуждой, а также наглым и предательским поведением фабрикантов, и, видя, что правительство, только-что получившее власть из рук парижских рабочих, целиком на стороне хозяев, поднялась, как один человек, и взялась за оружие.

Рабочие шли в торжественной мрачной процессии под черным знаменем, на котором были написаны знаменитые отныне слова: «жить работая или умереть сражаясь». Это движение было чисто классовым, стихийным, без вождей и руководителей из интеллигенции, без ясно осознанной цели, но в то же время строго организованным. Рабочим удалось в открытом уличном бою разбить буржуазную «национальную гвардию» из хозяйских сынков, они заставили отступить и выйти из Лиона правительственные войска и на несколько дней овладели городом. Но пока одетые в лохмотья рабочие в зимнюю стужу с героическим самоотвержением охраняли буржуазную собственность, поддерживая порядок в Лионе, буржуазное правительство прислало туда 20-тысячную армию под командой свирепого генерала Сульта. Рабочие были «усмирены», и началась жестокая расправа, поощряемая единодушным воем и улюлюканьем всей крупной буржуазии.

И буржуазия с своей точки зрения была права. Ибо лионское восстание в тот момент, когда она праздновала медовый месяц своей окончательной победы над воскресшей дворянской монархией, показало ей, как непрочно ее собственное

господство, какие опасности таит в себе тот новый класс, который вырос в недрах самого буржуазного общества и покорность которого является главным условием процветания буржуазии.

В самом деле, поражение 1831 г. не отняло у лионских рабочих ни их надежд, ни готовности к борьбе. Им удалось основать свою газетку — «Фабричное Эхо», в которой уже весной 1833 года мы находим, напр., следующий призыв к классовой солидарности, обращенный к рабочим каменщикам: «Рабочие могут улучшить свою участь только братским союзом. У них одни и те же интересы. Они не только не должны враждовать между собой, но, наоборот, должны помогать друг другу... Священный союз народов возникнет из не менее священного союза рабочих» *).

И хотя впоследствии вожди «мютюэлистов», повидимому, прониклись учением Фурье, так как они писали, что «богачи и бедняки все смогут шествовать с верой от настоящего к будущему, от нашей раздробленности и вечной борьбы — к ассоциации, и от ассоциации—к гармонии» (это специально фурьеристские выражения), хотя они были уверены, что на их стороне «бог, справедливость и человечность», тем не менее они придерживались правила «на бога надейся, а сам не плошай», энергично отстаивали право коалиции и в начале 1834 года организовали забастовку.

Против забастовщиков был начат судебный процесс, а, кроме того, буржуазное правительство воспользовалось этим предлогом, чтобы фактически отменить провозглашенное революцией 1830 г., но ненавистное буржуазии право союзов и собраний. Тогда сменившая «Фабричное Эхо» новая лионская газета «Предшественник» напечатала в апреле 1834 г. резкий протест против «убийственного для свободы закона», так как «ассоциация рабочих» есть «условие самого их существования», и решительно заявляла, что «они никогда не подчинятся такому бессмысленному ярму, не будут распускать

*) В этом замечательном пророчестве, так напоминающем коммунистические воззвания нашей эпохи, делается намек на тот „священный союз", который был основан в 1815 г. всеми реакционными монархами Европы.

своих собраний, и, опираясь на самое неприкосновенное право, право жить, работая, они будут сопротивляться со всей энергией свободных людей всяким насильственным покушениям и не отступят ни перед какими жертвами для защиты того права, которого не в силах будет лишить их никакая власть человеческая».

В результате этой агитации и в виде протеста против суда над забастовщиками, спустя несколько дней, 9 апреля, началось второе восстание лионских ткачей. На этот раз им помогло отделение тайного республиканского общества «Прав человека», организованного в Париже революционной мелкобуржуазной интеллигенцией, но имевшее в числе своих членов и многих рабочих. Пять дней продолжался упорный бой рабочих с 15-тысячной правительственной армией, выпустившей 170.000 пуль и 1.700 артиллерийских снарядов. Восстание было подавлено. Но оно встретило немедленно отклик в Париже и целом ряде провинциальных городов, где тоже произошли восстания рабочих, руководимые тайными обществами, при чем все они были усмирены сравнительно легко. Общим подавлением руководил министр Тьер, бывший либерал и будущий палач Коммуны 1871 года. Его приказ был «Никому пощады не давать», напоминая треповский приказ 1905 г.: «Патронов не жалеть». В частности восстание в Париже окончилось страшной резней безоружных людей, в том числе женщин и детей, так называемой «Кровавой баней на улице Трансноиэн», память о которой несколько десятилетий жила среди парижских рабочих. При этом, передают, Тьер приказал «истреблять по возможности молодое отродье, чтоб оно не явилось мстителем за павших борцов».

После того, как было надолго задавлено первое самостоятельное революционное движение французских рабочих, английский пролетариат вступил в полосу обостренной классовой борьбы, которая носит общее название чартизма и которая с такой силой потрясала Британское королевство с небольшими перерывами в течение целых 15 лет, что моментами социальная революция казалась в Англии неминуемой.

Мы не можем, конечно, на нескольких страницах дать сколько-нибудь полную и связную картину этого грандиозного движения, изобилующего множеством чрезвычайно интересных и драматических подробностей, и потому ограничимся лишь рассмотрением причин этого движения, его общего характера, форм и результатов.

Мы уже знаем, что промышленная буржуазия, получив, благодаря рабочим, доступ к власти в 1832 г., отплатила им черной неблагодарностью. Одним из первых законодательных актов нового «реформированного» парламента был изданный в 1834 г. закон о бедных; он отменял старинное постановление времен королевы Елизаветы, возлагавшее на городские и сельские общины поддержку своих бедняков, и вводил для безработных специальные «рабочие дома», где их изнуряли работой, морили голодом и обращались с ними хуже, чем с арестантами, при чем разлучались даже члены семейств, и маленькие дети бесчеловечно истязались. Этот закон вызвал страшный взрыв возмущения у рабочих всей Англии и был одной из важнейших причин обострения классовой борьбы. Но, кроме того, экономическое положение рабочих было ужасно. Оно ярко выражено в трогательных словах несчастной швеи из «Песни о рубашке».

О, боже, зачем это дорог так хлеб,
Так дешевы тело и кровь?

Это положение особенно ухудшилось во время больших промышленных кризисов 1837—39, 1847 и частичного кризиса 1841—1842 годов, и именно тогда обострялось революционное настроение рабочих.

Собственно, «чартизм», которым обыкновенно обозначают борьбу английского пролетариата 30-х и 40-х годов,—понятие более узкое и возникло позже, чем все охватываемое им движение. Уже с самого начала 1830-х годов под влиянием разочарования в парламентской реформе, стали образовываться громадные рабочие организации, об'единившие целый ряд профессиональных союзов, с целью коренных социальных реформ. Это движение находилось под влиянием выдающихся рабочих, последователей Оуэна, самым видным из которых был будущий основатель чартизма Вильям Ло-

ветт, гравер по профессии. В издаваемых ими газетах проводились определенно социалистические взгляды. В 1834 г. сам Оуэн, как мы знаем, организовал «Великий централизованный национальный профессиональный союз», задачей которого был непосредственный переход к социалистическому производству. Союз просуществовал всего несколько месяцев, но связанные с ним надежды остались. По словам одного наблюдательного современника,—«вожди этих союзов были, за немногими исключениями, убеждены в том, что недалеко то время, когда все рабочие будут готовы восстать всей массой и взять управление своими собственными делами, т.-е. управление всею страной, в свои руки».

Этот же современник (сторонник радикальной буржуазии, разбогатевший портной Плэс, крайне враждебно относившийся к революционерам и социалистам) писал в то же время по поводу «учений, при помощи которых народ совращается на ложный путь», т.-е. «доктрины, провозглашенной Робертом Оуэном и известной под названием социализма»: «Самая пагубная из проповедываемых нелепостей состоит в утверждении, что при помощи предлагаемых мероприятий бедность будет совершенно уничтожена, и что эти предсказания исполнятся в самом близком будущем. Эти печальные обманчивые заблуждения привели их к убеждению, что они могут соединить всех рабочих в одну большую федерацию, которая в самом близком будущем завладеет властью и всем имуществом страны и заставит всех подчиниться своему управлению, ни минуты не сомневаясь, что это управление будет самым мудрым и самым благодетельным, какое только возможно, золотым веком мира, благосостояния и счастья» *).

*) Что Плэс при этом не преувеличивал, что в некоторых социалистических кругах выдвинута была идея диктатуры пролетариата и чисто рабочего правительства, видно из следующего. В 1834 г. в журнале „Кризис" социалистический писатель Джемс Смит писал: „Истинной палатой общин будет палата тред-юнионов... Парламент дискредитирован и уже никогда не вернет себе прежнего доверия. Он будет заменен палатой тред-юнионов", при чем депутаты и будут избираться непосредственно от рабочих союзов. Тогда же строительный рабочий Джемс Моррисон писал в своем органе „Пионер": „Собственными своими силами тред-юнионы приобретут такое значение, что станут диктаторской властью в обществе... Палата

Когда для вождей движения выяснилось, что на непосредственный приступ против буржуазного общества рассчитывать не приходится, они как бы задумали *обходное движение*: добиться власти для рабочих путем завоевания всеобщего избирательного права и настоящей ответственности парламента перед народом. Эта цель стала особенно ясна массам после первых неудачных протестов против «каторжного» закона о бедных 1834 г. Если парламент, находившийся в руках жадных и безжалостных капиталистов, не хотел отменить этот закон, то рабочие должны были завоевать этот парламент. Так, под руководством Ловетта и его единомышленников и при содействии радикальной буржуазной интеллигенции, возникла в 1836 году «*Лондонская ассоциация рабочих*», из которой спустя год и вышла организация чартистов. Самое слово «чартисты» значит сторонники «хартии» (по-английски чартер), т.-е. основной конституции, основных требований, которые выдвигали чартисты. Эти требования выражались в следующих шести пунктах: всеобщее избирательное право, тайное голосование, ежегодное обновление парламента, равные избирательные округа, отмена имущественного ценза для членов парламента и вознаграждение членов парламента. Этими требованиями имелось в виду, во-первых, сделать, как участие в выборах, так и право быть избранным—доступным и равным для всех, т.-е. для рабочих, и, во-вторых, при помощи ежегодных перевыборов сделать самих депутатов более зависимыми от народных масс.

Осуществления хартии решено добиваться всеми возможными средствами, и если часть чартистов, более умеренная, с Ловеттом во главе, думала ограничиться лишь мирной агитацией, т.-е. митингами, демонстрациями, печатной агитацией, петициями и даже периодическими стачками, то другая часть, более решительная и революционная, под руководством фаб-

---

тред-юнионов будет ведать хозяйственными нуждами страны в согласии с волей юнионов... У нас всеобщее избирательное право начинается в местном юнионе, приобретает более широкий характер в районном и в общеанглийском юнионе, чтобы затем поглотить политическую власть и быть поглощенным во всеобщей хозяйственной организации трудящегося народа". Здесь в зародыше уже намечена советская система, окрашенная в синдикалистский, т.-е. профессиональный цвет.

ричного рабочего Марсдена и бывшего сапожника Купера, а особенно талантливого агитатора, матросского сына Гарни, кроме этого «морального воздействия», выдвигала и «физическую силу», т.-е. вооруженное восстание *).

Первоначально движение носило столь резко выраженный классовый характер, что на рабочих митингах с неудовольствием встречали выступления мелкобуржуазной интеллигенции. Но, когда эта интеллигенция, тоже обойденная парламентской реформой 1832 г., с своей стороны начала большую кампанию за расширение избирательных прав, между ней и рабочими чартистами началось сближение, и наиболее революционные ее представители, как ирландский радикал О'Коннор и выходец из консервативного лагеря, бывший сектантский священник Стивенс сделались любимыми ораторами на рабочих митингах и признанными вождями левого крыла чартизма, а популярными писателями стали ирландец Бронтер О'Брайен, а позднее английский аристократ Эрнест Джонс *).

---

*) Умеренная часть чартистов опиралась на более квалифицированных лучше оплачиваемых и организованных в союзы заводских и ремесленных рабочих. Левое, революционное крыло выражало стремления неорганизованной фабричной бедноты. К этому же крылу, как мы сейчас увидим, присоединилась и часть революционно настроенной интеллигенции. Кроме того, умеренные пользовались большим успехом в мелкобуржуазном Лондоне, а „левые" в провинциальных промышленных и фабричных округах.

**) При этом Джонс и Брайен были социалистами, а О'Коннор был решительным противником социализма.

И в то время, как О'Коннор в социальном вопросе не шел дальше мелкобуржуазной утопии скупать на рабочие деньги землю и раздавать ее маленькими наделами беднякам по жребию—Джонс усвоил даже марксовскую теорию непримиримой революционной классовой борьбы и после 1849 г., когда Маркс поселился в Лондоне, Джонс и Гарни сделались его друзьями. „Слияние классов, писал Джонс в начале 50-х г., невозможно там, где невозможно слияние интересов... Эти две части общества должны быть отделяемы друг от друга ясно, отчетливо и открыто, класс против класса (подчеркнуто автором Б. Г.); всякий другой образ действий бесполезен". Джонс был не только публицистом, но и поэтом. Он — автор революционной „Песни низших классов", которая кончается следующими боевыми стихами:

„Нет ничтожнее нас, но наступит тот час,
Когда клич борьбы прогремит,

Впрочем, несмотря на чисто политические требования хартии и на участие в чартистском движении части мелкой буржуазии, несмотря даже на попытки использовать его, как орудие в продолжавшейся борьбе между капиталистами и землевладельцами, в самой основе чартизма лежала именно социальная, классовая борьба рабочих против всего буржуазного общества. И это хорошо понимали как некоторые вожди чартизма, так и его противники. Так, уже в 1838 г. на громадном митинге в Манчестере, где собралось около 200.000 человек, Стивенс произнес знаменитые слова, которые потом часто повторялись: «Чартизм, друзья мои, не политическое движение, главная цель которого право голоса. Чартизм — это вопрос ножа и вилки: хартия означает хорошую пищу и питье, короткий рабочий день». А вот как в следующем году выразил ту же мысль известный писатель Карлейль, представитель антибуржуазной аристократии, иногда кокетничавшей с рабочими: «Чартизм является выражением глубокого, доходящего до безумия недовольства рабочих классов, их тяжкого положения и, вместе с тем, ложных стремлений... Хлеба, крова, разумного руководительства в оплату за труд,—вот что по совести означает чартизм и всякие такие измы».

В самом деле, в том общем революционном потоке, который обнимается названием «чартизм», как мы уже говорили, собственно борьба за хартию является лишь одной из струй. Рабочие одновременно боролись и за отмену закона о бедных

И ударом меча,
Нанесенным с плеча,
Старый мир будет в прах разбит".

Джонс мужественно, прямо героически держал себя в тюрьме. При самых ужасных условиях заключения, напоминавших наш Шлиссельбург, он настолько сохранил бодрость, что именно в тюрьме создал свои лучшие образцы революционной поэзии и вышел из нее убежденным и стойким революционером и социалистом. Наоборот, Стивенс был случайным человеком в чартистском движении. Как только его арестовали и предали суду, в 1839 г., он фактически отрекся от своей революционной агитации. Поэтому, хотя его и приговорили к $1^1/_2$ годам заключения в исправительной тюрьме, но обращение с ним было гораздо лучше, чем с остальными заключенными чартистами. По выходе из тюрьмы он совершенно отстранился от движения.

и за 10-часовой рабочий день и вообще за улучшение своего экономического положения.

Вот, например, любопытный образчик тогдашней агитации чартистов (из газеты «Лондонский демократ», от апреля 1839 года).

Чего добивается хартия.

Друзья, несомненный ответ на этот вопрос: достигнуть социального и политического равенства. Некоторые „мудрецы" могут, пожалуй, спросить, что мы, собственно, понимаем под политическим и социальным равенством. Они полагают (тупоголовые прохвосты), что им удастся опровергнуть всю нашу теорию, задавши этот вопрос. Однако, чтобы показать этим шутам, что на вопрос не только легко ответить, но что равенство далеко не так иллюзорно, как его изображают многие заинтересованные в том люди, я попытаюсь дать краткое и, на мой взгляд, правильное определение. Политическое равенство означает право каждого человека, без различия, его положения, не только принимать участие во всей политической жизни, будь то выборы члена парламента или приходского чиновника, но также право занимать любую должность в государстве, если большинством его сограждан он будет признан достойным занять ее; другими словами, политическое равенство означает, что один человек не может считаться лучше другого, если только он не был признан таковым большинством своих сограждан. Политическое равенство означает подчинение меньшинства большинству, с сохранением в то же самое время свободы слова и мнений для всех. Социальное равенство означает, что горы богатства должны быть разрушены для того, чтобы заполнить долины нужды. Социальное равенство означает, что тысячи голов крупного скота и свиней не должны ежегодно вывозиться из Ирландии в то время, как население ее умирает с голоду и погибает от недостатка одежды и крова. Социальное равенство означает, что слишком большая наглость иметь четыре блюда за обедом — напр., рыбу, мясо, дичь и пуддинг, с соответствующей выпивкой в придачу,—в то время, как бедные труженики, потом и кровью которых произведены все эти вкусные вещи, влачат самое жалкое существование, не имея возможности удовлетворить свои самые насущные потребности. Короче—социальное равенство означает, что каждый будет иметь хорошенький домик с садом впереди дома или позади его—как ему заблагорассудится; хорошую теплую одежду, которая будет придавать ему приличный вид, и достаточное количество еды и питья для того, чтобы выглядеть и чувствовать себя счастливым. Да, друзья мои, социальное равенство означает, что хотя все должны будут работать, но все будут счастливы. А теперь, после того, как я ответил на вопрос о том, что такое, по моему мнению, социальное и политическое равенство, позвольте и мне, дорогой читатель, задать вам один единственный вопрос: думаете ли вы, что описанного порядка можно достигнуть, ползая на коленях и моля о том, чтобы он пришел? Не обма-

нывайте самих себя. Наши тираны никогда не уступят справедливости если не будут к этому принуждены. Они не снизойдут к нашим просьбам, пока вы их не победите огнем и м чем и не сотрете с лица земли".

А с самого начала 40-х годов и вплоть до их середины с чартистским движением перекрещивается и затемняет его, иногда совершенно отодвигая на задний план, новая кампания промышленной буржуазии за **отмену хлебных законов**, которые обогащали землевладельческую аристократию, а фабрикантов, вследствие дороговизны хлеба, заставляли подымать заработную плату. Отчасти эта кампания и затеяна была, чтоб отвлечь рабочих от чартизма. Но, хотя значительная часть рабочих и была увлечена агитацией буржуазной «Лиги против хлебных законов», все же наиболее сознательные из них правильным классовым чутьем угадывали фальшь и лицемерие, как в агитации «Фритредэров» (сторонников свободной торговли), так и в неожиданной дружбе заискивавших у рабочих дворян-аристократов *).

А в самых глубоких рабочих массах преобладающим настроением во всю эту эпоху, особенно в моменты кризисов, было **страшное классовое озлобление**, вызывавшее даже тайно организуемый и поддерживаемый союзами **экономический террор**. Убийство фабрикантов и штрейкбрехеров, взрывы и поджоги фабрик,—все это мы наблюдаем и в 20-х. и в 30-х, и начале 40-х годов. Этим же настроением масс об'ясняется тот факт, что проповедь одного лишь «морального воздействия» встречалась довольно холодно, а наибольшим успехом пользовались те из чартистских ораторов, которые употребляли наиболее энергичные выражения и звали к насилию. Вот, напр., образчик одной из речей Стивенса, который бывал особенно в ударе и пользовался особенным успехом тогда, когда говорил по поводу ненавистного закона о бедных. Он произнес ее в 1838 г. в Ньюкестле и го-

*) Этих именно дворян, так называемую „молодую Англию" (Карлейля и др.) имеет в виду „Коммунистический Манифест" в главе о „феодальном социализме": „Они размахивали нищенской сумой пролетария, как знаменем, чтобы собрать за собой народ. Но всякий раз, как он следовал за ними, он замечал на их задней старые феодальные гербы и разбегался с громким непочтительным смехом".

ворил, что раньше, чем допустить применение этого закона, разлучающего мужей и жен, «Ньюкестль должен превратиться в пламя, потушить которое могла бы только кровь всех тех, кто поддерживает эту возмутительную меру. Он, оратор, стоит за революцию огнем, за революцию кровью, до ножа, до смерти... Каждый мужчина должен иметь при себе свое ружье, тесак, пару пистолетов или пику, а каждая женщина— пару ножниц, ребенок—булавки и иголки (здесь слова оратора были заглушены криками одобрения), и пусть эти люди, с факелом в одной руке и кинжалами в другой, убивают всякого и всех, кто покушается разлучать мужей и жен». Тогда же на митинге в Глазго он произнес следующую угрозу по адресу буржуазии, если она не пойдет на уступки: «Мы клянемся нашим богом, небом, землею и адом, что мы превратим всю страну, с востока и запада, севера и юга, в один ужасающий костер, которого ничто не в состоянии будет затушить, все фабрики бумагопрядильных тиранов и дома тех, кто создал их грабежом и убийством, разорив миллионы тех, кого бог, наш бог, бог Шотландии, сотворил для счастья».

При этом Стивенс доказывал в своих речах, что бедняки имеют полное право отнять обратно у богатых то, что они несправедливо приобрели. «Вам нечего бояться силы правительства,—добавлял он,—солдат, штыков и пушек, которые имеются в распоряжении ваших угнетателей: вы обладаете средством, гораздо более могущественным, чем все это,—оружием, против которого бессильны штыки и пушки, и этим оружием может орудовать даже десятилетний ребенок. Вам достаточно взять пару спичек и связку соломы, сунутую в смолу, и посмотрел бы я, что смогут поделать правительство и его сотни тысяч солдат против этого оружия, если оно смело будет пущено в ход».

Неудивительно, если в такой разгоряченной атмосфере дело много раз доходило до вооруженных столкновений с полицией и войсками и даже до прямых восстаний. Таково, например, было восстание в провинции Уэльс в 1839 г., где рабочие пытались захватить целый город и с трудом были отбиты войсками; такой же характер носил временный захват рабочими Бирмингэма в том же году, где полиция была изгна-

на, был сожжен ряд домов и фабрик, имущество фабрикантов было уничтожено, и войскам с трудом удалось ввести «порядок». Вооруженными столкновениями нередко оканчивались митинги и демонстрации, а также и стачки, как, напр., стачка рабочих кирпичных заводов возле Манчестера в 1843 году, окончившаяся настоящим правильным сражением с войсками. Энгельс в своей книге «Положение рабочего класса в Англии» писал в 1844 г., опровергая ходячее мнение о «трусости» и «покорности» английских рабочих, в противовес французским: «Смешно утверждать, что английский рабочий боится полиции, когда в Манчестере ежедневно избивают полицейских, а в прошлом году пытались даже атаковать участок, защищенный железными дверьми и ставнями».

Стачки рабочих отличались часто необычайным упорством и обнаруживали огромную степень мужества, выдержки и организованности со стороны рабочих. Но совершенно исключительный характер носила 40-тысячная забастовка углекопов в северной Англии, продолжавшаяся 19 недель, причем, когда владельцы копей выгнали рабочих (с больными детьми, даже с роженицами) из занимаемых ими хозяйских квартир, то «углекопы со своими семьями провели больше восьми недель под открытым небом в сырое лето, укрываясь со своими малютками только ситцевыми пологами и не получая никакой помощи, кроме небольших получек из союзной кассы и кредита у лавочников, которые становились все несговорчивее» (Энгельс). Рабочие вынуждены были уступить к концу 5-го месяца, так как хозяева выписали бессознательных штрейкбрехеров из Ирландии.

Что касается собственно борьбы за хартию, т.-е. чисто политической стороны движения, то она прошла через три этапа, имела три волны под'ема, высшая точка которых была в 1839, 1842 и 1848 годах. Борьба велась путем грандиозных, небывалых в истории митингов (которые в 1838 г. приняли особенно грозный вид, так как собирались по вечерам при свете факелов), путем печати, при чем центральным органом чартистов сделалась основанная в 1837 г. О'Коннором «Северная звезда», и путем петиций, непревзойденных в истории по количеству подписей.

Петиции парламенту подавались три раза, в указанные выше годы. Первая из них имела т р и м и л и длиной (если сложить все листы с подписями) и 1.300.000 подписей, вторая—около 3-х миллионов, третья около двух с половиной. Их везли к парламенту в нескольких повозках. И, несмотря на такую небывалую, такую внушительную манифестацию, в с е т р и р а з а п е т и ц и и б ы л и п а р л а м е н т о м о т в е р г н у т ы *). Другие, задуманные чартистами мероприятия, в роде «священного месяца», т.-е. полной всеобщей забастовки по всей Англии, — не удались. Неудачной оказалась попытка провести в парламент самочинно, «явочным», революционным порядком выбранных рабочими на общих собраниях депутатов, которые должны были бы самочинно же занять места в старом буржуазном парламенте.

Все эти неудачи об'ясняются, главным образом, отсутствием е д и н с т в а и единой тактики в среде самих чартистов, постоянными спорами правой и левой части о «моральном воздействии» и «физической силе», а также неспособностью вождей, их нерешительностью в нужный момент и постоянным взаимным соперничеством. Чартистским движением руководили несколько раз собиравшиеся с'е з д ы ч а р т и с т о в, так называемые «к о н в е н т ы», первые в истории с о в е т ы р а б о ч и х д е п у т а т о в, избиравшиеся на общих рабочих митингах. И вот эти конвенты сплошь и рядом превращались в арену внутренней борьбы, которая доходила до расколов и ухода одной части конвента **).

---

*) В петициях, на ряду с обоснованием шести пунктов „Хартии“ давалась яркая и беспощадная критика всей английской избирательной системы, классового характера парламента и даже общего социального неравенства, при чем не щадилась и молодая королева Виктория, жалованье которой сравнивалось с заработной платой рабочих. Это резкое и определенно-революционное содержание петиций (особенно второй) прикрывалось словесно-почтительной формой, которая иногда, в применении к явно презираемому в петициях парламенту носит характер иронии и даже прямого издевательства. (См. приложение в конце главы).

**) Этим расколам, несомненно, содействовала часть мелкобуржуазной интеллигенции, под влиянием которой находились умеренные, „соглашательские“ элементы рабочих и представители которой даже участвовали в первых „конвентах“.

Буржуазия, находившаяся еще в расцвете своей силы, гордая своей недавней победой над аристократией и уверенная в себе, видя нерешительность и постоянную внутреннюю борьбу в чартистском лагере, могла проявить то упорство, о которое разбились все старания чартистов, все волнения миллионных рабочих масс. Конечно, не без влияния остались и те преследования, те многочисленные тюремные и каторжные приговоры, которые правительство обрушивало на чартистов, надолго лишая их своих вождей, а также те внушительные военные приготовления, которые оно делало перед каждым предполагаемым выступлением чартистов, особенно перед их последним большим выступлением в 1848 г. Все это вносило дезорганизацию в среду рабочих, ослабляло их решимость и веру в свои силы и, наоборот, укрепляло парламентских представителей буржуазии в их позиции.

Кроме того, в 1846 г. буржуазия одержала большую победу,—добившись отмены хлебных законов, что должно было отозваться немедленным понижением цен на с'естные припасы и на время несколько ослабить нищету масс. А еще до того, в 1844 г., в значительной мере под давлением именно чартизма и рабочих стачек, радикальной части парламента, при поддержке многих представителей землевладельческой партии, удалось провести 10-часовой рабочий день для женщин, что фактически означало такое же сокращение рабочего времени и для работавших вместе с ними мужчин. Вот почему последняя вспышка чартизма, вызванная, главным образом, влиянием февральской революции в Париже, хотя и внушительная по своим размерам, все же не встретила такой широкой поддержки масс (особенно в Лондоне), на какую рассчитывали и какой грозили руководители, особенно О'Коннор (сам в последний момент смалодушествовавший), и движение потерпело поражение, когда против него были мобилизованы чуть не все военные силы Англии и масса буржуазных добровольцев*). После этого чартизм скоро сошел со сцены, и английское рабочее движение, по причинам, о которых будет итти речь впоследствии, и главная из кото-

*) В числе которых был и будущий император французов Луи-Наполеон Бонапарт, живший в Лондоне в качестве политического эмигранта.

рых — могучий расцвет капитализма в Англии, на многие десятки лет утратило свой революционный характер и замкнулось в так называемый, тред-юнионизм, т.-е. узкую, мирную и легальную экономическую борьбу.

Тем не менее, несмотря на кажущийся внешний неуспех всего огромного чартистского движения, оно имело величайшие последствия как для английского, так и для всего мирового рабочего движения. Английскому пролетариату оно дало 10-часовой рабочий день и фабричную инспекцию, заставило правящие классы считаться с ним и уважать его, укрепило его профессиональную организацию и подняло жизненный уровень, а также необычайно расширило его умственный и политический кругозор. Современники единогласно заявляли, что за десятилетие эпохи чартизма английский рабочий класс духовно и культурно вырос и изменился до неузнаваемости. А для рабочих других стран, только начинавших свою самостоятельную классовую борьбу, равно как и для их вождей и теоретиков, особенно Маркса и Энгельса, чартизм послужил великой школой, великим предметным уроком классовой борьбы пролетариата с буржуазией, уроком, который чрезвычайно помог им в выработке теории научного социализма.

Приложение.

Выдержки из второй национальной петиции.

Прочитана Палате Общин 2 мая 1842 г.

Достопочтенным общинам Великобритании и Ирландии, собравшимся в Парламент.

Петиция нижеподписавшегося народа Соединенного Королевства, из'ясняющая:

Если Ваше достопочтенное собрание (Палата) придерживается мнения, что народ Великобритании и Ирландии не должен пользоваться правом полного представительства, Ваши просители просят совершенно недвусмысленно высказать мнение по этому вопросу для того, чтобы народ мог точно знать, что он может и чего он не может ожидать от Вашей достоуважаемой Палаты; Ваши просители находят, что там, где отрицается право представительства, надо воздержаться от уплаты налогов.

Подкуп, устрашение, разврат, лжесвидетельство и столкновение преобладают во всех парламентских выборах. О размерах их лучше всего известно членам Вашей достопочтенной Палаты.

Ваши просители жалуются на то, что они обременены чудовищными налогами для уплаты процентов по так называемому национальному долгу, долгу, который в настоящее время составляет 800.000.000 ф. стерлингов и является только частью громадной суммы, растраченной в жестоких и расточительных войнах, направленных на подавление свободы. Суммы эти растрачены людьми, которых народ не уполномочивал и которые поэтому не имели ни малейшего права заставить потомство тяжким бременем налогов расплачиваться за обиды, которые они нанесли человечеству. Ваши просители громко жалуются на увеличение этого долга после 26 лет почти беспрерывного мира, в то время, как нищета и недовольство царят во всей стране.

В Англии, Ирландии, Шотландии и Уэльсе тысячи людей умирают от острой нужды. И Ваши просители, сознавая, что нищета есть самая главная причина всех преступлений, с чувством удивления, смешанного с тревогой, следят за нелепыми формами помощи бедным, престарелым и инвалидам.

С глубоким негодованием смотрят они на решение Вашей достопочтенной Палаты оставить в действии закон о бедных, несмотря на многочисленные доказательства неконституционности его принципа, на его нехристианский характер, а также его жестокое и убийственное влияние на заработную плату рабочих и на жизнь подданных этой страны.

Ваши просители считают нужным с должным почтением и лояльностью сравнить дневной доход Ее Величества с дневным заработком рабочего этой страны; и в то время, как Ваши просители узнали, что ее Величество ежедневно получает для своих частных нужд сумму в 164 ф. 17 ш. 10 п. (около 1600 р. Б. Г.), они также убедились, что многие тысячи рабочих семейств имеют дневной заработок $3^3/_4$ пенса (15 коп. Б. Г.) на человека.

Ваши просители с болью и скорбью узнали, что архиепископ Кентерберийский получает ежедневно 52 ф. 10 ш., в то время как тысячи бедных должны поддерживать существование своих семейств на доход, не превышающий 2 пенсов в день на человека.

Несмотря на ужасающее и беспримерное положение народа, Ваша достопочтенная Палата не выказала ни малейшего расположения сократить государственные расходы, уменьшить налоги и поднять общее благосостояние.

Ваши просители жалуются на то, что вопреки конституции право попрано, закон нарушен и 500 благонамеренных лиц было арестовано; непомерно высокий залог был запрошен за поручительство; допрос велся бесчестными судьями; они все были присуждены к тюремному заключению и с ними обращались, как с самыми злыми преступниками.

Ваши просители также обращают внимание Вашей достопочтенной Палаты на голодное жалование сельских рабочих и с ужасом и негодо-

ванием смотрят на ничтожный доход тех, чей труд доставляет главную массу пропитания для народа.

Ваши просители жалуются на то, что свыше десяти миллионов фунтов стерлингов в год несправедливо вытягиваются у них для поддержания церковных учреждений, с которыми они принципиально не согласны.

3. Возрождение идей Бабефа во Франции: Бланки и тайные общества 30-х и 40-х годов.

Если в Англии в эпоху чартизма социалистические идеи, как отголосок учения Оуэна и его последователей, не имели самостоятельного значения и не играли руководящей роли, проявляясь лишь как смутное классовое настроение, то Франция именно в эту эпоху стала настоящей лабораторией идей социализма, откуда они в течение целых десятилетий расходились по всей Европе, а свое влияние в России сохранили вплоть до конца 70-х годов. Но до середины 30-х годов, как мы уже знаем, преобладали во Франции теории мирного, утопического социализма сен-симонистов и фурьеристов, да и то почти исключительно среди интеллигенции, очень мало затрагивая рабочих. А начиная с этого времени, под влиянием того цинизма, с каким буржуазия июльской монархии подхватила лозунг своего вождя, историка-министра Гизо *) — «обогащайтесь», под влиянием свирепого подавления лионских и подобных им восстаний,— среди более сознательных рабочих и близкой им деклассированной интеллигенции возрождаются, казалось, навсегда похороненные идеи Бабефа, идеи революционного коммунизма.

Главной причиной этого является то огромное влияние на умы французских масс, которое имела великая революция конца XVIII в., то огромное идейное наследство, которое она оставила. Если под непосредственным впечатлением

*) Любопытно отметить, что оба главных буржуазных министра этой эпохи, прежние либералы, а потом реакционеры Гизо и Тьер,—подобно нашему Милюкову, были известными историками раньше, чем стали министрами.

порожденных ею разочарований возник мирный социализм первых утопистов, то, наоборот, теперь, на отдалении 40 лет, когда выросло новое поколение, само разочарований не испытавшее, притягательный характер могучей народной революции с ее решительными методами, с ее идеями диктатуры бедноты, сказался в полной мере. Якобинские идеи, на этот раз ярко окрашенные в социальный цвет, носящие пролетарский характер, стали овладевать всеми, кому ненавистен был июльский режим, т.-е. прежде всего сознательными рабочими, а затем значительной частью мелкобуржуазной интеллигенции, лишенной политического влияния, возмущенной наглым хозяйничанием новой «финансовой аристократии», банкиров и спекулянтов. Вот почему все многочисленные, сменявшие друг друга тайные общества 30-х годов, ставившие себе целью свержение Луи-Филиппа и провозглашение республики, об'единяли революционную интеллигенцию с рабочими и, кроме демократических политических требований, выдвигали с самого начала 30-х годов также и чисто пролетарские лозунги, становившиеся все более социалистическими.

Между идеями Бабефа и революционным социализмом 30-х и 40-х годов оказалась и живая связь, в лице единственного еще оставшегося в живых товарища и единомышленника Бабефа, — старика Филиппа Буонаротти, который, вернувшись из ссылки, издал в 1828 г. в Брюсселе книгу «История заговора равных». Когда он появился в начале 30-х годов в Париже, и он и его книга, распространявшаяся нелегально, захватили многие сотни, если не тысячи рабочих, среди которых в тайных кружках Буонаротти проповедывал идеи коммунизма и будущей пролетарской революции. Непосредственное влияние Буонаротти или «бабувизма», как стали называть взгляды Бабефа, сказывается у рабочих очень рано. Даже в Лионе их можно проследить, начиная с 1834 г. *). Но эти идеи захватили и значительную часть революционной интеллигенции, среди кото-

*) Идеи Бабефа сыграли, вероятно, некоторую роль и в чартистском движении, так как книга Буонаротти еще в 1836 г. была переведена на английский язык одним из чартистских вождей—О Брайеном.

рой на первый план выдвинулся один из величайших революционеров XIX века—Огюст Бланки, создавший целое направление в социализме, «бланкизм», влияние которого чувствуется до сих пор, и сыгравший большую роль в выработке первоначальных взглядов Маркса и Энгельса.

Бланки родился в 1805 г. Отец его был член конвента 1793 г. и, как жирондист, сидел в тюрьме вплоть до падения Робеспьера. Его рассказы о великой революции были первыми впечатлениями детства Бланки и внушили ему ненависть ко всем тиранам и привилегированным. А затем на него обрушилось падение Наполеона, реставрация Бурбонов и разорение семьи. Взятый в Париж старшим братом, впоследствии известным экономистом и либералом Адольфом, маленький Бланки уже на гимназической скамье проникся острой ненавистью к Бурбонам и решил отдать свою жизнь борьбе за освобождение всех угнетенных.

Действительно, тотчас же по окончании школы, в 1824 г., молоденьким студентом Бланки уже вступил членом в тайное республиканское общество «карбонариев». И с тех пор. вплоть до самой смерти (1 января 1881 г.), он не знал других интересов, кроме интересов революции, сперва только республиканской, а потом и социалистической.

В качестве неутомимого и бесстрашного революционера, активного участника всех французских переворотов XIX в., опасного вождя революционного социализма, он беспощадно в течение полувека преследовался всеми сменявшими друг друга режимами Франции и, на ряду со славой вечного бунтаря и заговорщика, вошел в историю с почетным именем вечного «заключенного», вечного политического арестанта. 37 лет своей жизни провел Бланки в тюрьмах. После ряда сравнительно непродолжительных арестов в 30-х годах, он просидел 9 лет сперва в мрачной тюрьме «Мон Сен-Мишель» («Гора св. Михаила»), а потом ,почти умирающий,—на юге Франции, откуда его освободила революция 1848 г. Но лишь три месяца воспользовался он свободой. Правительство буржуазной республики арестовало его в мае 1848 г., и после года предварительного заключения его осудили на 10 лет тюрьмы. Выйдя на свободу в 1859 г., при Наполеоне III, он уже в 1861 г. снова был арестован и просидел 4 года в тюрьме.

Эмигрировав в Бельгию, он подолгу тайно жил в Париже, готовил новое восстание и принимал активное участие в революции 1870—1871 г.г. и революционной обороне Парижа. Накануне провозглашения Коммуны его опять арестовали и в следующем 1872 г. приговорили к вечному заключению. В 1879 г., глубоким стариком, он был амнистирован и последние полтора года провел на свободе, в неустанной агитации за дело социализма, ставшее делом его жизни.

Несколько раз Бланки пытался бежать из тюрьмы, но неудачно. Но ни эти неудачи, ни крушение революционных планов, ни дикие преследования и клеветы врагов, в числе которых не раз оказывались его бывшие товарищи по революционной работе, — не могли сломить железной энергии этого человека и его преданности идеалам революционного социализма. Даже в тюрьмах он вел неустанную пропаганду своих взглядов, и не один десяток арестованных рабочих и интеллигентной молодежи вышел из тюрем убежденными «бланкистами», из которых и образовались первые кадры этой фракции французского социализма.

Таков был человек, имя которого больше всего связано с возрождением пролетарского коммунизма во Франции и потому в течение всего XIX в. было пугалом для всей французской буржуазии и знаменем для революционных рабочих. С деятельностью Бланки в 1848 г., а также в конце 60-х и 1870—71 годов нам еще придется встретиться. Теперь же остановимся на роли его в организации тайных обществ 30-х годов и на тех взглядах его, которые сложились уже тогда и стали известны под названием б л а н к и з м а.

В июльской революции 1830 г. Бланки принял самое непосредственное участие и все три дня дрался на баррикадах. Но он же был одним из первых, которые увидели обман и предательство захватившей власть буржуазии. И вот, с первых же дней июльской монархии мы видим Бланки во всех обществах, сперва открытых, как «Общество друзей народа», а потом тайных, направленных против буржуазной монархии Луи-Филиппа. Вначале деятельность Бланки носила исключительно мелкобуржуазный и республиканский характер. Но уже лионское восстание произвело, конечно, и на него огромное впечатление, заставило его задуматься

о социальном вопросе. В начале 1832 г. на суде за «организацию недозволенного общества» Бланки произнес большую политическую речь, в которой отразились взгляды значительной части тогдашней революционной интеллигенции. В этой речи имеются следующие замечательные слова, свидетельствующие о понимании им закона классовой борьбы и сущности буржуазного парламентаризма: «Это война между богатыми и бедными; ее вызвали богачи, так как они зачинщики; привилегированные питаются и жиреют соком бедняков. Палата депутатов—это безжалостная машина, которая давит 25 миллионов крестьян и пять миллионов рабочих ,чтобы выжать из них все жизненные соки и наполнить ими жилы привилегированных. Налоги—это грабеж, который тунеядцы совершают по отношению к трудящимся классам».

А по выходе из тюрьмы в 1833 г. Бланки познакомился с Буонаротти, и это окончательно содействовало развитию и укреплению в нем идей революционного коммунизма. Таким образом, через посредство Буонаротти, Бланки сделался прямым наследником и продолжателем социального учения и революционной тактики Бабефа.

Впрочем, этот коммунизм был еще неопределенным и расплывчатым. Политические цели, свержение правительства Луи-Филиппа и установление республики, хотя и с «социальным» характером, еще преобладали. Тайное «Общество прав человека и гражданина», участвовавшее в лионском восстании 1834 г. и вызвавшее тогда же восстание в Париже, было, главным образом интеллигентским. И лишь с середины 30-х годов состав тайных обществ становится все более пролетарским, а цели их все более социалистическими. Это особенно нужно сказать о знаменитом «Обществе времен года», названном так потому, что отдельные его кружки или ячейки, части и отряды носили специальные имена: «недели», «месяцы» и «времена года».

Это общество, основанное Бланки в 1837 г., ставило своей задачей «уничтожить аристократию», новую денежную аристократию, и потому об'явило войну всем «капиталистам, банкирам, поставщикам, монополистам, крупным земельным собственникам, биржевикам, словом, всем грабителям, жиреющим на счет народа»; т.-е.. как видно из этого пере-

числения, не всем капиталистам вообще, а лишь его наиболее паразитическим элементам, в руках которых была власть при июльской монархии и которые возбуждали особенную ненависть народных масс. Далее предполагалось путем «радикальной социальной революции» уничтожить все имущественные и родовые привилегии, создать диктаторскую революционную власть и постепенно ввести принцип равенства. Как мы видим, это было в значительной степени воспроизведением плана Бабефа, хотя и не шло так далеко в деле уничтожения частной собственности, как это предполагалось заговором «равных».

Состав общества был почти исключительно пролетарский. Прием новых членов обставлялся торжественными церемониями и присягами, которые должны были действовать на воображение участников. Организация велась так искусно, что полиция ничего не знала. Во главе общества, кроме Бланки, стояли: Барбес—богатый интеллигент, впоследствии ставший врагом Бланки, и бывший унтер-офицер Мартен Бернар. К началу 1839 г. в распоряжении общества было около тысячи человек, готовых восстать по сигналу вождей, и к этой тысяче, по их предположению, должны были присоединиться многие тысячи рабочих. Но назначенное на 12-е мая восстание окончилось полной неудачей (несмотря на временное отсутствие полиции, которая была на скачках), так как к заговорщикам никто не примкнул, и они действовали как бы в пустоте. Оказалось, что можно перехитрить полицию, но нельзя перехитрить историю; ибо революции не изготовляются по заказу. Вожди общества были арестованы и на долгие годы замурованы в каменные мешки.

Со времени этого восстания под бланкизмом, послужившим образцом для тайных рабочих обществ в Германии, а впоследствии для некоторых революционно-социалистических организаций в России, стали понимать заговорщицкую подготовку вооруженного восстания силами сплоченной революционной группы с целью диктаторского проведения социалистических или полусоциалистических реформ. Мы увидим из деятельности Бланки, в более поздние эпохи, что это определение не совсем верно; что Бланки не всегда был заговорщиком. Но проведение социалистических реформ

силами диктаторского правительства, опирающегося на революционный пролетариат, действительно, составляет сущность бланкизма, являясь в то же время переходной ступенью от диктатуры бедноты Бабефа к диктатуре пролетариата Маркса.

Этот переходный характер сказался еще и в том, что, в отличие от марксизма, социализм Бланки при всей своей революционности был и остался отражением более ранних и отсталых форм рабочего движения, полуремесленных особенностей парижского пролетариата, а прежде всего—идеологией низших групп интеллигенции, того интеллигентского пролетариата, к которому принадлежал он сам, и который он называл париями современного общества. Этим об'ясняется его всегдашняя вера в творческую силу диктаторской власти, во всемогущество знания и просвещения, как единственных действительных путей к коммунизму, его непонимание всего значения экономической борьбы и организации пролетариата и признание лишь двух видов социалистической деятельности: или восстания, или просветительной работы. Все эти особенности взглядов Бланки, вместе с восхвалением интеллигенции и вообще идеалистическим пониманием истории, т.-е. верой в силу личностей и идей, в окончательной форме сложились у него позже, в 50-х и 60-х годах, хотя в зародыше они уже появились в 30-е годы.

Но если эти взгляды резко отделяют бланкизм от марксизма, то об'единяет эти течения глубокое убеждение, что необходимой предпосылкой социалистического переворота является революционное завоевание власти пролетариатом.

Революционный социализм Бланки во 2-й половине 30-х годов преследовал практические цели: подготовку путем заговора немедленного восстания и политического переворота. Поэтому, чтобы преждевременно не привлечь внимания полиции, он избегал всякого публичного проявления своей деятельности: собраний, демонстраций и даже литературных выступлений. Но одновременно с тайными обществами, руководимыми Бланки, появились и другие тайные коммунистические кружки и общества, ставившие себе пропагандист-

ские и агитационные цели. Появилась и нелегальная подпольная литература, в виде брошюр и журнальчиков, с весьма непрочным и непродолжительным существованием.

После провала последнего предприятия Бланки, майского восстания 1839 г., демократическая интеллигенция, разочарованная неудачами и слишком социалистическим характером «Общества времен года», отказалась от заговорщицких попыток и окончательно порвала с коммунистами. В то же время часть рабочих, не без влияния либеральной буржуазии и «католического социализма» *), об'единилась вокруг легальных журналов «Мастерская» и «Улей», где проповедывалась чисто рабочая организация, без революционной интеллигенции, где велась ожесточенная борьба против социализма и коммунизма и предлагались рецепты взаимопомощи и мирной. «законной» экономической борьбы под руководством католической церкви **).

Все это вместе взятое сделало революционный коммунизм 40-х годов чисто рабочим течением, но в то же время сильно ограничило его распространение. Наиболее известным является общество «Рабочих-сторонников равенства» («Travailleurs-égalitaires»), имевшее несколько групп и разветвлений и требовавшее у вновь принимаемых членов присяг, за нарушение которых угрожала смерть. В манифесте этого общества, изданном в 1840 г., в качестве цели, к которой оно стремилось, указывалось «равенство действительное, осуществленное при помощи общей собственности на все блага», а средством для достижения этой цели являлась «сильная народная диктатура».

Еще раньше того, в 1838 г., журнал «Свободный Человек» считал себя прямым преемником Бабефа: «Мы требуем коммунизма в таком или почти в таком виде, как его понимал Бабеф, и, подобно ему, мы не перестанем проповедывать наши идеи, хотя бы нам до победы пришлось пасть жертвами гнусной королевской власти... Мы исполним свой долг, раз-

*) О христианском социализме вообще у нас будет итти речь ниже.

**) Эти рабочие организации как бы предвосхитили наших „зубатовцев“ или „независимых“ начала 1900-х годов, которые тоже проповедывали „законную“ экономическую борьбу и отрекались от политики.

рушая общественное здание до тла, чтоб строить затем на новых основаниях... Война на смерть между вами, живущими в наглой праздности, и нами, страдающими так долго». В ожидании будущего восстания журнал предлагает «без устали сеять семена братства среди солдат, которые, благодаря своему невежеству, являются поддержкой разбойников» и убеждать их направлять свои штыки против тиранов и их слуг.

В одном из «революционных катехизисов», найденных полицией в то же время, мы читаем: «Нам, рабочим, которые являются производителями, принадлежит право управлять». И далее: «Мы хотим установить рабочую коммуну, т.-е. уничтожение эксплоатации человека человеком; основать национальные мастерские, где продукт труда распределялся бы между рабочими, где не было бы больше ни хозяев, ни слуг». Программа выдвигает также всеобщее бесплатное образование, убежища для стариков, всеобщее благоденствие, наконец, всеобщее вооружение «для защиты отечества, пропаганды свободы и освобождения угнетенных народов».

Главным теоретиком революционного коммунизма в 40-х годах, впрочем, мало оригинальным, явился Дезами, автор книги «Свод законов коммунистического общества». Кроме него, писал еще бывший священник Пилло. Оба они издавали несколько сменявших друг друга журналов *).

Действуя в условиях сектантского подполья, некоторые, правда, немногочисленные коммунистические группы, присвоившие себе во 2-й половине 40-х годов название «коммунистов-материалистов», подобно многим нашим анархистским и максималистским группам эпохи 1905—7 гг., истолковывали отрицание собственности в смысле права на грабеж и

*) Дезами пытался об'единить идеи Фурье с революционными взглядами Бабефа и Бланки. Отрицая чисто заговорщицкие методы борьбы, он стоял за революционную деятельность пролетариата (при чем под этим словом понимал всех вообще трудящихся бедняков) и за революционную диктатуру после победы революции. Последовательный и убежденный материалист атеист и революционер, он резко полемизировал с легальным и полухристианским коммунизмом Кабэ и явился переходом от бабувизма к марксизму.

экспроприацию. Они проповедывали «отказ от предрассудков» и террор, не только политический, но и экономический. Так, еще в 1840 г. некий бывший учитель Констан в «Библии свободы» писал: «Кто убьет богача,—не убийца, но палач. Кто берет золото у этого богача,—не вор, но судебный пристав господа бога».

Таким образом, все те явления, как положительные, так и отрицательные, которые наблюдались в подпольной жизни русских революционеров и в русском рабочем движении накануне и в эпоху первой русской революции, начиная от «независимцев», врагов революционного социализма, и кончая бандитизмом и экспроприаторством, на ряду с революционным подвижничеством и глубокой преданностью идеалу социальной революции,—все это мы находим во Франции перед 1848 г.

4. Легальный социализм и коммунизм. Луи Блан и Кабэ.

Эпоха 40-х годов во Франции отличается не только проявлением революционного подпольного социализма. Как это было в России в 90-х и 900-х годах, перед первой революцией, на ряду с кружковой деятельностью сторонников возрожденного бабувизма, широкое распространение получил «мирный», легальный социализм; вследствие своего «мирного» характера он терпелся правительством, а вследствие своей легальности, захватывал самые широкие рабочие массы. В этой близости к рабочим, на которых отчасти рассчитывали опереться социалисты 40-х годов и к которым они обращались не меньше, пожалуй, чем к буржуазии, и заключается важнейшее их отличие от чисто интеллигентских групп сен-симонистов и фурьеристов.

В этом сказывалась более высокая стадия развития капитализма, большая сознательность классовой борьбы и значительно более высокий умственный, полтитический и культурный уровень французских рабочих, имевших за собой уже целое десятилетие борьбы с чисто буржуазным правительством.

В том самом 1840 г., когда за Бланки на долгие годы захлопнулись тяжелые двери одиночки, вышел целый ряд

сочинений по социализму и в том числе три самых замечательных книги, имевших наибольшее влияние на рабочих вплоть до революции 1848 года.

Эти книги: «Организация труда»—Луи Блана, «Путешествие в Икарию» Кабэ и «Что такое собственность» — Прудона.

Прудону посвящается следующая глава нашей книги. Теперь же мы займемся, конечно, лишь в самых общих чертах Луи Бланом и Кабэ.

Луи Блан, известный историк и блестящий публицист *), первый в истории социалист, ставший членом временного правительства (в 1848 г.), родился в 1811 г. в семье видного чиновника. Получив прекрасное образование, он занялся сперва учительской деятельностью, а потом стал журналистом и примкнул к левой демократической печати. В 1838 г. он основал собственную газету, в которой впервые занялся рабочим вопросом. В этой же газете в следующем году стала печататься фельетонами его «Организация труда», которая и вышла отдельной книгой в 1840 г. Успех книги был необычайный. В 10 лет она выдержала 9 изданий и сделала Луи Блана одним из самых популярных и самых любимых рабочими писателей. Поэтому, когда разразилась февральская революция 1848 г., Луи Блан, вместе с рабочим Альбером, одним из вожаков лионского восстания 1831 г., были, по настойчивому требованию огромной толпы рабочих, включены в только что образовавшееся коалиционное буржуазное временное правительство. С деятельностью Луи Блана в этом правительстве мы еще встретимся впоследствии. Пока же ограничимся тем указанием, что он занимал в нем двусмысленное, как бы теперь сказали, «соглашательское» положение, и разочаровал революционных рабочих. Тем не менее, буржуазия его возненавидела. После созыва Учредительного Собрания и попытки его разгона рабочими, Луи Блан был жестоко избит озверевшими национальными гвардейцами. А

*) Он написал 12-ти томную историю Великой французской революции, где защищал якобинцев, „Историю десяти лет“ (1830—1840), где бичевал июльскую монархию, и историю революции 1848 г. а также „Письма об Англии“.

после усмирения июньского восстания он был предан суду и бежал в Англию. В эмиграции он пробыл больше 20 лет, до свержения Наполеона в 1870 г., когда его выбрали от Парижа в Национальное Собрание. Но во время Коммуны Луи Блан не примкнул к восставшим парижским рабочим, а остался в реакционном Национальном Собрании, и на него, таким образом, легло позорное пятно сотрудничества с версальскими палачами Коммуны, хотя он и употреблял все усилия для смягчения зверства победителей.

Умер Луи Блан в 1882 г.

В историю социализма Луи Блан вошел, как член правительства и, особенно, как автор «Организации труда». Между тем, эта небольшая книжечка никаких особенно новых и оригинальных мыслей не заключает. Успех Луи Блана об'ясняется тем, что он в своем лице об'единил идеи прежних социалистов — мирных утопистов и революционеров и изложил их в форме определенного практического предложения, притом красивым, ясным и доступным языком, вполне приспособленным для сколько-нибудь интеллигентного рабочего. Луи Блан дал яркую и живую картину капиталистической эксплоатации в современной ему Франции; после тщательных и проверенных анкет он описал в точных цифрах нищету рабочих масс. Он указал на все грозящие нации последствия от этой эксплоатации, нищеты и вырождения *). Главной причиной этих явлений Луи Блан считает «конкуренцию», от которой страдают не только рабочие, но и капиталисты; а средством к устранению этой конкуренции — организацию труда на началах ассоциации, или, иначе, «общественные мастерские», организуемые на средства государства и под его покровительством и ставящие себе задачей постепенно вытеснить капиталистические предприятия, «конкуренцией убить конкуренцию».

Вначале социализм Луи Блана был очень скромный и умеренный. Подобно Фурье, он сохранял и собственность,

*) „Судьба человека из народа,—писал он, между прочим,—не могущего более ни сеять, ни жать, ни охотиться, ни удить рыбу, ни просить милостыню, ни спать на мостовой,—стала столь ужасной, что ему приходится убить себя или убить вас“.

и даже капитал. «Капиталисты будут приглашены участвовать в ассоциации и получат проценты с своих капиталов; проценты будут им гарантированы на счет государственного бюджета; но капиталисты будут участвовать в выгодах предприятия только в качестве рабочих». Но в позднейших изданиях своей книги, под влиянием критики, Луи Блан все более приближался к чистому коммунизму. Он требовал то равенства заработной платы, то даже установления принципа — «каждому по его потребностям, от каждого по его способностям». Если в начале государство, по мысли Луи Блана, лишь оказывало кредит рабочим ассоциациям и общественным мастерским, было лишь «банкиром бедняков», то впоследствии государство все более становилось у него организатором самого производства.

Своим оппонентам и критикам из буржуазного лагеря Луи Блан отвечал, между прочим, следующим остроумным примером. «Перенеситесь на минуту в такое положение вещей, при котором все занимались бы разноскою писем, и представьте, что правительство неожиданно об'являет: с этого времени только я буду заниматься разноскою и пересылкою писем. Сколько появится возражений! Как, скажут, правительство может достигнуть того, чтобы в назначенный час доставить все то, что 34 миллиона людей будут писать к 34 миллионам людей ежедневно, ежесекундно. И, между тем, известно, с какой удивительной точностью почтовое ведомство исполняет свое дело».

Главной заслугой Луи Блана нужно считать ясную постановку вопроса о роли государственной власти. Он знал, что «власть—это организованная сила. Власть опирается на парламент, суды и солдат, т.-е. на тройную силу законов, приговоров и штыков. Если не взять эту власть в качестве своего орудия, то столкнешься с ней, как с препятствием*)... Для своего освобождения пролетариям не хватает орудий труда; правительство должно это им доставить». Но для Луи Блана государство отнюдь не является вечным учреждением: «Будет время... когда исчезнет

*) Курсив наш. Эта формулировка звучит почти по-марксистски.

потребность в сильном и деятельном правительстве, так как не будет больше в обществе низших и несовершеннолетних классов».

Как же представлял себе Луи Блан возникновение правительства, покровительствующего пролетариату? Здесь самая слабая сторона книги и деятельности Луи Блана. Он, хотя обращался уже к рабочим, но звал их не на борьбу с буржуазией, а на сотрудничество с ней в деле преобразования общества, так как он верил в здравый смысл буржуазии и правильное понимание ею своих интересов. Дело бедняков, говорил он буржуазии, это ваше собственное дело. Правительство будущих социальных реформ должно выйти из всеобщего избирательного права. Оно будет каким-то внеклассовым или надклассовым. В этом наивном ожидании проявляются особенности чисто интеллигентской, т.-е. по существу мелкобуржуазной психологии Луи Блана, как отчасти во всем его плане «организации труда» без одновременного обобществления всего производства *).

Тем не менее, «Организация труда» дала рабочим определенный лозунг борьбы, сделалась знаменем массового движения и сыграла большую роль в революции 48 г., вызвав к жизни множество производительных товариществ.

И хотя эти товарищества обыкновенно держались недолго, все же они содействовали классовому воспитанию пролетариата **).

*) Резюмируя свои взгляды, Луи Блан пишет: „Надо попытаться произвести социальную революцию: 1. Потому что нынешний социальный строй чересчур полон неравенства, нищеты, безобразия, чтобы он мог долго существовать; 2. Потому что нет никого, кто бы не был заинтересован—независимо от положения, ранга, состояния — в торжестве нового социального строя; 3. Наконец, потому, что эту столь необходимую революцию можно и даже легко произвести мирным путем".

**) Близкими по взглядам к Луи Блану (даже его сотрудниками в 1848 г.), хотя мало влиятельными и мало оригинальными, были социалисты Видаль и Пеккер. Видаль был довольно близок к коммунизму, а в качестве переходной меры тоже рекомендовал устраивать на счет государства мастерские и даже земледельческие колонии (эту последнюю меру для борьбы с безработицей предлагал уже когда-то Оуэн), „организовать труд в этих колониях и создать ассоциацию рабочих". Пеккер занимал

Не меньшее, если не большее, влияние, чем Луи Блан, имел на французских рабочих Этьен Кабэ, со своей коммунистической утопией «Путешествие в Икарию». Кабэ был плебейского происхождения. Сын бочара, рожденный в 1788 г., он сам в детстве занимался ремеслом отца, который потом постарался дать ему хорошее образование. Став адвокатом, Кабэ подвергался преследованиям во время реставрации и явился одним из активных участников июльской революции. Правительство Луи-Филиппа, чтобы приручить способного адвоката, пыталось дать ему видный пост (прокурора). Но это не остановило его оппозиционной и демократической деятельности. Он вышел в отставку, был избран в депутаты, основал левую газету «Народник» («Le Populaire») и как с трибуны палаты депутатов, так и в газете, яростно нападал на июльскую монархию. Его дважды судили, и во второй раз, присужденный к двум годам тюрьмы, он в 1835 г. эмигрировал в Англию. Там он познакомился с коммунистическим учением по «Утопии» Томаса Мора и сочинениями Оуэна и

позицию между фурьеризмом и коммунизмом. „Самая плодотворная идея,—говорит он,—которую только может проповедывать социальная наука, это идея центральной администрации, необходимого и абсолютного, законно возглавляющего посредника между производителем и потребителем, учреждения, ведающего производством и распределением богатств". В их критике капитализма имеются ценные и остроумные замечания. Но в намечаемых ими путях к достижению социализма—оба они безнадежные утописты, оба боятся революции, оба верят в возможность сотрудничества классов, в силу разума и убеждения. „Революция в наше время,—говорит Видаль,—была бы ужасной, чудовищной; она бы повлекла за собой жертвы, разгром, развалины, не организовав нового строя". „Надо просвещать народ и высшие классы в одно и то же время, действовать и на разум и на чувство, пуская в ход убеждение, а не насилие". С своей стороны, Пеккер писал: „Если от высших классов нации, представленных хозяевами, зависит благосостояние рабочих и низших классов, то с таким же правом можно сказать, что и рабочие являются вершителями судеб безопасности высших классов. Вот в каком пункте солидарность сильных и слабых, малых и великих действительно реальна, интимна и серьезна". И лишь по какому-то непонятному недоразумению эти „высшие классы" всегда в истории выступали против низших. Наконец, и Видаль и Пеккер, как, впрочем, и сам Луи Блан, исповедывали какую-то расплывчатую, абстрактную и сентиментальную религию, которую они сближали с первоначальным христианством.

сделался до конца жизни пламенным и убежденным сторонником коммунизма. Вернувшись во Францию в 1840 г., он и издал, сперва под псевдонимом, свое знаменитое «Путешествие в Икарию» и ряд брошюр («Как я стал коммунистом», «Коммунистическое исповедание веры»), а с 1841 г. возобновил свою газету «Народник», на этот раз с определенно коммунистическим содержанием, которая просуществовала до конца 1848 г.

В программе газеты подчеркивается мирный и легальный характер проповедуемого ею коммунизма, которому, как и у многих тогдашних социалистов, придается даже религиозный оттенок. «Для нас братство есть религия... состоящая в следующих, поистине, божественных изречениях: люби ближнего, как самого себя» и т. п. «Первым долгом общества является обеспечить всем своим членам жизнь с материальной, умственной и моральной стороны... Но мы желаем осуществления всех этих перемен, согласно правилам справедливости, разума, братства, не экспроприируя и не угнетая никого; мы хотим не революции, но реформы... и мы глубоко убеждены, что всех этих счастливых результатов вполне можно достигнуть могуществом общественного мнения». Поэтому газета «будет защищать идеи коммунизма, но будет требовать его установления при помощи общественного мнения и лишь после подготовительного периода с переходным режимом» *).

Что касается главного сочинения Кабэ,—«Путешествия в Икарию», то по форме оно представляет увлекательный фантастический роман, где описывается со множеством интересных подробностей счастливая жизнь коммунистической страны Икарии. Особенности утопии Кабэ, отличающие ее от прежних подобных сочинений, как и от главного их образца, «Утопии» Мора,—следующие. В политическом отношении коммунистическое государство Кабэ является строго демократической республикой, где господствует большинство народа.

*) „Если бы я держал революцию в руке, писал Кабэ в своем „Путешествии в Икарию", то я бы не разжимал этой руки, хотя бы мне грозила смерть в изгнании".

Но опирающееся на большинство республиканское правительство до мельчайших подробностей регулирует всю жизнь граждан: их работу, жилища, одежду и даже пищу, т.-е. качество и количество блюд, их порядок и время еды. Свободы печати Икария не знает: издаются лишь официальные правительственные газеты, центральная и местные (в этом сказалась ненависть Кабэ к развращенной буржуазной печати). В отличие от фаланги Фурье, Кабэ сохраняет религию, хотя его священники скорее учителя нравственности, чем служители бога, и самая религия сводится к проповеди любви и братства. Сохраняет он и старую буржуазную семью, и в Икарии брак является нерасторжимым.

Зато, в отличие от этих мещанских предрассудков, ставящих Кабэ ниже Фурье и свидетельствующих о его мелкобуржуазных настроениях и некоторой узости взглядов, в одном отношении «Путешествие в Икарию» бесконечно опередило не только Мора и его подражателей, но и Фурье. Это — та огромная роль, которая в коммунистическом обществе приписывается машинам. Вся трудная, черная и грязная работа, для которой Мор вводил даже рабство и каторгу, а Фурье взывал к детям, все это у Кабэ исполняется машинами, достигшими высокой степени совершенства и необычайно облегчающими труд человека. В этом понимании будущей роли машин виден тот прогресс, которого к началу 1840 г.г. достигло развитие крупной промышленности, особенно в Англии, хорошо изученной Кабэ, и о которой Фурье, при всей необузданности своей фантазии, имел лишь очень слабое представление.

Кабэ понимал также, что сразу коммунистический строй ввести нельзя, и в его Икарии после ряда революций и гражданских войн, когда победивший окончательно народ передал власть коммунисту Икару, он установил переходный период в 50 лет*), в течение которого лишь постепенно, для нового поколения уничтожалась частная собственность (между прочим, путем резко-прогрессивного налога

*) Сокращенный впоследствии, по желанию граждан, до 30 лет.

на капиталы и наследства), вводилась трудовая повинность и устанавливалось равенство *).

Наконец, Кабэ, в отличие от всех прежних утопистов, хотя и стоял за мирный переход к коммунизму, но никаких особенных надежд не возлагал на высшие классы или отдельных благодетелей (он думал лишь, что начинать пропаганду надо среди богатых, как более влиятельных в общественном мнении), и осуществления своих взглядов ожидал, главным образом, от самих рабочих. Поэтому, и Маркс с Энгельсом, впоследствии, хотя и критиковали Кабэ, но все же с сочувствием относились к его коммунизму, который они называли первым проявлением чисто рабочего коммунистического движения.

И, действительно, книга Кабэ имела огромный успех именно среди рабочих. Число его сторонников, по мнению современников, доходило до многих десятков, если не сотен, тысяч. И на-ряду с маленькими группами или сектами подпольных, революционных коммунистов в духе Бабефа, образовалась многочисленная фракция «икарийских коммунистов», мечтавших о коммунистических колониях.

Поэтому, когда Кабэ в 1847 г. удалось получить в Соединенных Штатах концессию на большую площадь земли, и он обратился с воззванием к желающим поехать с ним в Америку для основания такой колонии, это воззвание было принято широкими массами с чрезвычайным увлечением и энтузиазмом.

Образовался комитет по организации переселения в Америку будущих колонистов. Кабэ был признан единоличным руководителем всего предприятия. Первая партия, без Кабэ, который временно остался в Париже, отправилась за океан в начале февраля 1848 г. А через три недели после их отплытия разразилась февральская революция, и провозглашена была республика, от которой пролетариат Франции ожидал своего социального освобождения. Это было первым ударом по задуманному Кабэ делу. Рабочих не тянуло больше

*) В утопии Кабэ имеются некоторые прямо пророческие места, напр. о победоносной войне икарийцев с окружающими реакционными государствами, о том, как благоговейно они чтили память Икара и п. т.

в далекую, неизвестную Америку, и даже уехавшие жалели, что не остались в новой революционной Франции. А затем начались обычные мытарства большинства коммунистических колоний в Америке. Прежде всего, местность оказалась неудачной, вредной для здоровья. Колонисты болели и умирали. Затем пошли раздоры, разочарования, экономические неурядицы. Еще раз оказалось, что нельзя в новые мехи влить старое вино, сразу пересадить людей из буржуазного общества в коммунистическую колонию. Приезд самого Кабэ не помог делу. Колонисты переселялись на новые места, раскалывались, восставали против диктатуры Кабэ. Измученный неудачами, глубоко огорченный, Кабэ умер в 1856 г. Но несмотря на все неудачи и расколы, чаще всего вызывавшиеся спорами о формах правления в общине, диктаторской или демократической, икарийские общины надолго пережили своего основателя.

Одна из них была распущена в 70-х годах, а другая, с несколькими десятками членов, просуществовала даже до 1895 года, т.-е. почти полстолетия. Это показывает, как крепка была вера в правильность коммунистических принципов у рабочих-икарийцев и их детей, как велика была их нравственная стойкость и как отличались эти идейные пролетарии-коммунисты от тех случайных, нередко авантюристских элементов, которые пошли в колонию Оуэна, или от тех, быстро разочаровывающихся интеллигентов, которые образовали фурьеристские фаланстеры в Америке.

Еще в 70 годах, т.-е. 20 лет после смерти Кабэ, один из посетителей икарийской общины, описывая ее простую, трудовую, но бодрую жизнь, прибавляет: «Всего интереснее побывать в воскресенье вечером. Тогда читают избранные места из сочинений великого икарийского апостола Этьена Кабэ, поют песни, и молодые люди говорят речи, полные энтузиазма к социализму».

5. Мелкобуржуазный социализм и анархизм. Прудон.

Еще в эпоху реставрации, в эпоху, когда вырабатывали свои учения Сен-Симон и Фурье, умевшие оценить все преимущества крупного производства, появился во Франции та-

лантливый писатель, который видел в капитализме только его отрицательные, разрушительные стороны, только приносимое им разорение и закабаление народных масс, прежде независимых крестьян и ремесленников. Это был Сисмонди, который по праву считается родоначальником так называемого мелкобуржуазного социализма. Мелкий буржуа страдает от конкуренции крупного капитала, который его разоряет, превращает в пролетария, заставляет служить себе. Поэтому он ненавидит крупный капитал и, с состраданием глядя на нищету рабочего класса, бичуя хищнические и разрушительные стремления буржуазии, не видит ее творческих революционных сторон; поэтому также он вздыхает, подобно вытесняемому капиталистом помещику, о добром старом времени, когда не было кричащих противоречий между богатством и бедностью, когда большинство народа жило бедно, скромно, но сыто и было уверено в завтрашнем дне. Таковы и были романтические мечтания Сисмонди, этого прообраза наших народников.

Но наиболее ярким, талантливым и многогранным представителем мелкобуржуазного социализма, имевшим весьма значительное влияние на дальнейшее развитие социалистических учений в некоторых странах, особенно в России, является Прудон.

Пьер-Жозеф Прудон родился в 1809 г., в глухой французской провинции Безансон, в семье бедного ремесленника, вышедшего из крестьян. Этим своим крестьянским происхождением Прудон гордился всю жизнь, охотно называл себя «безансонским мужиком» и говорил, что его происхождение наиболее аристократическое, ибо 14 поколений его предков пахали землю, т.-е. занимались честным трудом, чего далеко не могли сказать о своих предках его противники из правящих классов. Сам он перепробовал несколько профессий: был наборщиком, одно время даже содержал небольшую типографию, затем был частным секретарем, приказчиком, пока, наконец, не стал профессиональным писателем. С детства он самоучкой развивал свои знания, но все же систематического образования не приобрел и потому не избежал судьбы многих самоучек — открывать давно открытые

Америки, т.-е. своим умом доходить до того, о чем уже до него писали другие. В 1840 г., как мы знаем уже, он издал свое знаменитое сочинение, которое создало ему известность: «Что такое собственность?». В этом сочинении была та фраза, которая сразу сделала его пугалом для буржуазии, но которую еще 60 лет до него сказал деятель французской революции, вождь жирондистов Бриссо: «Собственность есть воровство».

В 1843—1844 г.г. Прудон познакомился с Бакуниным, который стал его последователем, а также с молодым Марксом. Маркс был тогда в восторге от него, проводил в беседах с ним целые ночи и писал о нем: «Прудон не только пишет в интересах пролетариата, он и сам пролетарий, рабочий. Его сочинение есть научный манифест французского пролетариата». Но недолго продолжалось это увлечение Маркса. Когда несколько лет спустя Прудон издал свое двухтомное сочинение «Экономические противоречия или философия нищеты», Маркс, который тогда уже совершенно выработал свое социалистическое учение, оценил всю ошибочность, спутанность и даже вред тех взглядов, которые проводил в своей книге Прудон, и ответил на нее резкой критикой, которую назвал «Нищета философии». Эта критика так обидела Прудона, что он с тех пор порвал всякие сношения с Марксом.

Во время революции 1848 г. Прудон, который тогда уже был известен рабочим, был выбран в Париже в Учредительное Собрание. После страшных июньских дней, когда буржуазия потопила в крови восстание рабочих, Прудон держался мужественно и с достоинством, пытаясь внушить буржуазии свои планы спасения общества. Когда однажды кумир и вождь буржуазии Тьер бросил оскорбление по адресу Прудона, тот спокойно ответил: «Я предлагаю следующий поединок г. Тьеру. Я расскажу публично перед всем собранием всю свою жизнь, ничего не утаивая. И пусть потом то же самое сделает Тьер». Понятно, низкий и злобный интриган Тьер не принял этого вызова. Но буржуазия нашла способ отомстить ненавистному ей «революционеру», который сказал когда-то, что собственность есть воровство,—и тем ударил по самому чувствительному месту буржуазии: в 1849 г.,

как раз тогда, когда Прудон открыл в одном из рабочих предместий свой «народный банк», которым он надеялся мирным путем разрешить социальный вопрос и уничтожить бедность, и акции которого рабочие охотно раскупали,—Прудона приговорили к 3 годам тюрьмы за «литературное преступление», т.-е. за статью в газете.

В то время, как он отбывал тюремное заключение, Наполеон III совершил свой государственный переворот, разгромил республику и об'явил себя императором. И Прудон, к удивлению многих, в тюрьме написал брошюру, в которой выражал надежду, что именно Наполеон осуществит его социальные идеи. Впрочем, Наполеон оказался неблагодарным: в 1858 г. за новую книгу Прудона снова приговорили к 3 годам тюрьмы. Но на этот раз он бежал в Бельгию. Умер Прудон в 1865 г.

Таковы важнейшие этапы жизни Прудона. Писал он очень много, до 30 томов, писал о самых разнообразных предметах и подчас о таких, о которых у него было очень смутное представление.

Каков же тот общественный идеал, которому служил Прудон? Что предлагал он трудящимся для улучшения их положения? Каково его отношение к социализму?

На эти вопросы очень трудно дать короткий и общий ответ, прежде всего потому, что сам Прудон противоречит себе на каждом шагу. Эти противоречия мы находим уже в первой его книге о собственности, несомненно, самой талантливой, полной блестящих и нередко, действительно, глубоких мыслей. В ней дается всесторонняя критика самого понятия о собственности с точки зрения экономической и юридической, и блестяще опровергаются все буржуазные аргументы и софизмы, созданные в ее защиту. Воровством считает Прудон не только присвоение в постоянную частную собственность таких общих благ природы, как земля, или таких продуктов коллективного труда, как орудия производства, но и всякое незаслуженное и чрезмерное увеличение платы за труд. Он требует равенства вознаграждения за единицу любого труда.

Но это не мешает ему в той же книге обрушиться на социализм и коммунизм. «Неисправимая несправедливость общности, насилие, совершаемое ею над симпатиями и антипатиями, железное ярмо, налагаемое ею на волю, нравственные пытки, причиняемые ею совести, слабость, на которую она осуждает общество, и, наконец, блаженное и тупое однообразие, которым она оковывает свободную, деятельную и непокорную личность человека, — все это восстановило против нее здравый смысл и бесповоротно осудило ее».

Таким образом, в то время, как вся буржуазия считала Прудона опасным социалистом, он, как мы видим, повторял все обычные буржуазные возражения против социализма и коммунизма. И, действительно, Прудон по существу был противником социализма. Нападая на собственность, он не отрицал собственности вообще, — он отрицал лишь собственность крупной буржуазии. Его идеалом был и оставался мелкий собственник, не эксплоатирующий других, но и сам не эксплоатируемый. Что касается пролетариата, то Прудон стремился создать такие условия, при которых за рабочими была бы обеспечена их собственность, продукт их труда, чтобы рабочие могли работать, не подвергаясь эксплоатации, но без экспроприации буржуазной собственности, без насильственной революции, без обобществления производства. Если «рабочий будет получать свою долю продукта, произведенного им совместно с хозяином за вычетом своего жалованья», то в результате такого «раздела», говорит Прудон в той же книге, «все условия будут равны, и не будет больше ни крупных капиталистов, ни крупных собственников» *).

Но впоследствии, поняв, очевидно, всю нелепость этого полюбовного и «справедливого» «раздела» продукта между рабочими и капиталистом, который добровольно отказывается от своих преимуществ, Прудон вновь вытащил испробованный и покинутый 15 лет тому назад Оуэном и его учениками план «обменного банка» и «рабочей биржи», при чем снабдил этот план идеей «дарового кредита». Если каждый рабочий будет получать кредит из «народного банка», думал

*) Курсив наш.

Прудон, то он сможет сам обзавестись нужными орудиями и сырым материалом и обойтись без капиталиста. Так и будет разрешен социальный вопрос мирным путем, путем как бы постепенного выкупа буржуазной собственности. Ибо «свободная ассоциация, свобода, довольствующаяся охраной равенства средств производства и равноценности обмениваемых продуктов, есть единственная справедливая, истинная и возможная форма общества».

Итак, Прудон совершенно не понимал законов капиталистического производства. Все его планы и проекты были приспособлены к обществу мелких производителей, ремесленников и крестьян, мелкобуржуазную психологию которых он отражал. Его мелкобуржуазный социализм, как и у Сисмонди, боролся с эксплоатацией крупного капитала, но он глядел не вперед, а назад, он хотел восстановить старые, докапиталистические отношения, с ассоциацией мелких ремесленников в качестве высшего идеала. Он не видел революционного значения капиталистического строя, с его колоссальным ростом общественного богатства и уничтожением векового застоя, как не видел революционного значения и пролетарской борьбы.

Вот почему, между прочим, Прудон и его последователи выступали против стачек рабочих, полагая, что стачки лишь расстраивают производство, удорожают продукты и потому ухудшают общее положение трудящихся. В этом сказывалось то недоверие к рабочему движению, которое свойственно часто крестьянам. Крестьянин верит лишь в свой труд, единственной формой борьбы за улучшение своего положения считает закрепление и увеличение своей собственности и на стачки рабочих смотрит, как на «беспорядок», который удорожает городские продукты и затрудняет сбыт его собственных продуктов.

В области политической Прудон относился резко отрицательно к государству и государственной власти и этим положил основание анархизму, охотно называя себя анархистом. «Вводя пропорциональный налог, государство становится, так сказать, главою разбойничьей шайки; оно дает пример правильно организованного грабежа, его следует посадить на скамью подсудимых во главе этих ужасных раз-

бойников, этой отвратительной сволочи, которую оно приказывает убивать из профессиональной зависти». О роли государства, как стража общественного порядка, Прудон все в той же своей первой книге писал: «Какое дело мне, пролетарию, до покоя и безопасности богатых? Общественный порядок так же мало озабочивает меня, как и благосостояние собственников. Я хочу жить, трудясь, в противном случае я умру, сражаясь».

Но впоследствии, считая попрежнему, что всякое правительство приносит лишь вред своим вмешательством в общественную жизнь, Прудон отказался уже от этих революционных фраз своей юности и, как после него Толстой, советовал лишь гражданам устраивать свою жизнь, бойкотируя государственную власть. «Необходимо победить власть, писал он, не требуя от нее ничего; обнаружить паразитизм капитала, заменив его кредитом; осуществить свободу личностей, организуя инициативу масс» *).

И в этом недоверии к государству, несмотря на гордую кличку пролетария, тоже проявилась мелкобуржуазная, крестьянская психология Прудона. Крестьянин до сих пор видел всегда в государстве лишь аппарат для высасывания из него налогов, при чем революционные правительства делали это особенно усердно. Поэтому и Прудон не делал исключения для революционных правительств и относился к ним, может быть, с особенной ненавистью. Наоборот, это отрицание государственной власти не помешало Прудону заигрывать с деспотизмом Наполеона III, поддержанного именно крестьянством, и ожидать от него осуществления своих мелкобуржуазных социальных утопий.

Наконец, требуя полной свободы человеческой личности, Прудон исключал из сферы этой свободы женщин. Он зло издевался над стремлением женщин к освобождению от семейного рабства и считал, что место женщины не в общественной жизни, а в кухне и детской **).

*) Впрочем, к концу жизни Прудон и от анархизма отказался и требовал лишь федеративного строя.

**) „Мужчина и женщина не товарищи“, писал Прудон в 1840 г. и, со свойственной ему решительностью и парадоксальностью, прибавлял, что вместо освобождения женщины, он „скорее склонен был бы... запереть енщин в тюрьму“.

Словом, во всем сказывался у Прудона узкий мещанский кругозор мелкого буржуа и его постоянные колебания между трудом и капиталом. Поэтому, идеи Прудона пользовались влиянием именно в тех странах, где преобладало крестьянское и ремесленное хозяйство, где крупный капитализм был мало развит и где в то же время государственный бюрократизм вызывал особенное озлобление населения. Таково было положение в Италии, Испании, отчасти в самой Франции и, как мы увидим во втором томе, особенно в России, где анархические взгляды Прудона долго господствовали в среде социалистической интеллигенции.

Но при всей неправильности и мелкобуржуазности многих идей Прудона, нельзя отрицать его больших заслуг в деле критики капиталистического строя и его защитников, как и критики буржуазной государственности. А своими нападками, беспощадными и язвительными, хотя далеко не всегда удачными, на буржуазную политическую экономию, нападками, содержащимися в его книге о собственности, Прудон, несомненно содействовал пробуждению экономической мысли Маркса, который развил впоследствии в «Капитале» некоторые из случайных замечаний, высказанных талантливым самоучкой и не доведенных им до логического конца.

6. Начало новейшего немецкого социализма: Вейтлинг.

Германия в первой половине XIX века была одной из самых отсталых стран Западной Европы. Новейший промышленный капитализм был в ней очень слабо развит. В деревне существовали еще остатки крепостного права. В городе царило мелкое ремесло. Даже в текстильной промышленности еще в 40-х годах господствовали кустарные формы производства и раздача крупными фабрикантами работы на дом рабочим-одиночкам, с семьями, подвергавшимся чудовищной эксплоатации и прозябавшим в ужасающей нищете. А первые машины, вытеснявшие самостоятельных рабочих, заставляли их, чтобы не умереть с голоду, соглашаться на еще более убийственные условия труда. Изредка, доведенные до отчаяния голодом и издевательствами фабрикантов-подрядчиков, рабо-

чие устраивали дикие, стихийные бунты, подобно английским рабочим начала века, с разгромом хозяйских машин и квартир. Самое грозное из таких восстаний было восстание силезских ткачей в 1844 г., жестоко усмиренное правительством. Оно увековечено в стихотворении знаменитого германского поэта Гейне — «Ткачи» и описано в известной драме Гергардта Гауптмана под тем же заглавием (дед Гауптмана сам был ткачем и участником восстания) *).

Но правительство обрушивалось жестокими репрессиями не только на стихийные восстания рабочих. Полицейское самодержавие больших и малых правителей раздробленной на множество владений Германии держало народные массы и интеллигенцию под самым бдительным надзором. Цензура свирепствовала, собрания были запрещены. Тем не менее, после французской революции 1830 г. революционные идеи, и в том числе идеи коммунизма и социализма, стали проникать в Германию, захватывая интеллигентную молодежь и наиболее развитых ремесленных подмастерьев. Демократическая интеллигенция, выдвинувшая таких поэтов и публицистов, как Гейне и Берне, добивалась для полусредневековой и самодержавной Германии тех «свобод», какими уже пользовались буржуазные Франция и Англия; наоборот, некоторая часть германской интеллигенции 40-х годов, под влиянием французских социалистов и идеалистической, запутанной и туманной германской философии, проповедывала такой же туманный «истин-

*) Вот отрывок из песни о „Праведном суде“, которую сложили ткачи и которая послужила отчасти поводом к началу восстания:

„Здесь пощады ты не жди,
Здесь не помогают,
Коль не нравится, иди,
Знай, как голодают.
Страшно вспомнить о нужде,
Что в домах у нас гуляет, —
Часто хлеба нет нигде,
Жалость грудь сжимает.
Жалость, ха, но не подстать
Жалость, знать, убийцам.
Вам бы шкуру с нас содрать,
Нашим кровопийцам!“

В самом деле, на основании официальных расследований того времени видно, что ткачи получали за свой каторжный труд от 4-х до 11 коп. в день на наши довоенные деньги. Эти сведения, попадая в публику после громкого восстания и бесчеловечного усмирения его военной силой, вызвали всеобщее сочувствие к ткачам среди мелкобуржуазной интеллигенции и даже части чиновничества.

ный» социализм, не понимавший всего жизненного значения политической борьбы и хотя бы буржуазных «свобод» для Германии и жестоко осмеянный за это Марксом в «Коммунистическом Манифесте» *).

Гораздо большее значение имело распространение социализма среди подмастерьев. Убегая от полицейских преследований, особенно мелочных и придирчивых по отношению к ремесленникам, многие из них уезжали за границу, главным образом в Париж, Лондон и Брюссель, где знакомились с европейским социализмом, образовывали кружки саморазвития и оттуда пытались вести агитацию в Германии. Самым замечательным из таких рабочих-социалистов, первый крупный германский социалист-писатель, агитатор и организатор, вышедший из народа, был талантливый портняжный подмастерье Вильгельм Вейтлинг.

Будучи «незаконнорожденным» ребенком (родился в 1808 г.), он вырос в страшной нужде и лишениях. Он поступил в обучение к портному и, в качестве портновского подмастерья, по тогдашнему немецкому обычаю, странствовал пешком по разным городам Германии. Возненавидев всей душой режим эксплоатации и насилия, он стал революционером и поехал в Париж, который в 1830 и 40-х годах был, как мы знаем, центром всех революционно-социалистических учений. Там он стал изучать французских социалистов и вступил в сношения с тайными рабочими обществами, руководимыми Бланки. Он сделался посредником между утопическим социализмом французской интеллигенции и насто-

---

*) Самыми известными из них были Моисей Гесс и Карл Грюн. Часть из них после революции 1848 г. навсегда отошла от всякого социализма. Часть, наоборот, признала учение Маркса. Совершенно в стороне от всех этих групп уже в конце 30-х и начале 40-х годов появился писатель-экономист, который из учения Рикардо о трудовой ценности сделал отчасти те же социалистические выводы, что и английские социалисты 30-х годов. Это — Карл Родбертус Ягецов, помещик, решительный враг революционной борьбы пролетариата, но сочувствовавший его страданиям, считавший справедливым улучшение его положения и мечтавший о том, что „через 500 лет“ в монархической Пруссии (Родбертус никогда не был республиканцем) постепенно воцарится социалистический строй.

ящим пролетарским социализмом, который вырос в Германии из учения Маркса и Энгельса.

В качестве ремесленного подмастерья он и сам по своему положению и своим взглядам стоял посредине между мелкой буржуазией и пролетариатом.

Эта промежуточная позиция отразилась и на выработанном им социалистическом учении, которое он проводил в трех своих важнейших сочинениях: «Человечество, каково оно есть и каким оно быть должно» (1838), «Гарантии гармонии и свободы» (1842 г.) и «Евангелие бедного грешника» (1845), а также в издававшемся в Швейцарии журнале «Молодое поколение». Вейтлинг уже не верил, как французские утописты, в благородство и разум высших классов и все свои надежды возлагал на восстание бедняков, всех униженных и оскорбленных. Но это восстание он представлял себе неясно, в виде какого-то заговора, при чем он предлагал даже коммунистам вступить в союз с шайкой смелых уголовных преступников и вместе с ней произвести разрушение всего буржуазного общества. Вместе с тем он придавал своему учению религиозный характер и постоянно ссылался на евангелие.

Будущее социалистическое общество он рисовал, как полное торжество человеческой личности, ее полную свободу, заимствовав при этом много из учения Фурье, но внеся много собственных, оригинальных и остроумных соображений, особенно по вопросу о том, как в коммунистическом обществе совместить свободу личности с работой для всего общества *). Во время грядущей социальной революции, Вейтлинг, подобно Бабефу, Бланки, Кабэ и другим коммунистам, подобно

*) В частности он считал полезным разграничить необходимые потребности и потребности роскоши. Изготовление предметов необходимости есть обязанность общества, и распределение их должно быть равномерно между всеми гражданами. Здесь и в производстве и в распределении господствуют принципы чистого коммунизма. Что же касается предметов роскоши или вобще не вызываемых необходимостью потребностей, то удовлетворение их достигается при помощи особого, дополнительного труда в пользу общества, при чем для оценки этого труда и даваемых им прав ведутся особые расчетные книги.

Марксу в «Коммунистическом Манифесте», предлагал ряд переходных мер, которые отличались у него большой решительностью и проводились диктаторской пролетарской властью. Бедняки должны были немедленно быть водворены в дома богачей. Временное правительство должно было состоять из верных и твердых сторонников коммунизма. Рабочие и ремесленники должны быть вооружены, все прежние заключенные амнистируются. Зато всякий, кто выступит активно против коммунизма, подвергается расстрелу. В экономическом отношении предлагалось выпустить бумажные деньги под обеспечение всего общественного достояния. Богачам, которые с самого начала революции добровольно отдали бы свое имущество, гарантировалась приличная пенсия и т. д.

Вообще взгляды Вейтлинга представляли собой смесь из учений мирных французских утопистов, особенно Фурье и Кабэ, с революционно-заговорщицким социализмом Бланки. Но эта смесь была окрашена в более яркий пролетарский (отчасти даже босяцкий) цвет, а с другой стороны отражала отсталые экономические и политические условия тогдашней Германии.

Вейтлинг был не только социалистическим мыслителем и писателем-пропагандистом, но и неутомимым и талантливым организатором. Он был одним из основателей немецкого рабочего «Союза справедливых», отделения которого возникли среди германских рабочих эмигрантов в Париже, Лондоне и Швейцарии. Из этого союза образовался впоследствии тот самый «Союз коммунистов», для которого Маркс и Энгельс и написали в 1847 г. свой знаменитый «Манифест коммунистической партии» *).

В начале 40-х годов Вейтлинг окончательно переселился в Швейцарию, где начал вести усиленную агитационную и организационную работу среди живших там немецких рабочих и среди самих швейцарцев. Он пользовался огромным влиянием и успехом среди немецких рабочих, которые помо-

*) Самыми активными, преданными и сознательными членами этого союза были жившие в Лондоне бывший студент Шаппер, сапожник Бауэр и часовщик Молль. Впоследствии к ним присоединился портной Эккариус и другие.

гали ему печатать его сочинения, отдавали на это дело свои последние гроши, тайно перевозили его книги через границу и тайно же, с большим для себя риском, распространяли в самодержавной Германии.

В Швейцарии Вейтлинг познакомился с молодым Б а к у н и н ы м, будущим знаменитым анархистом, и на него тоже произвел сильное впечатление, быть может, бессознательно для самого Бакунина и в большей мере, чем Прудон, заложив основы его босяцко-крестьянского бунтарства 60-х годов.

Между тем швейцарская полиция начала преследовать Вейтлинга. В 1843 г. его арестовали, судили и приговорили к 10 месяцам тюрьмы и высылке из Швейцарии. После отбытия наказания его отдали германским властям, которые отнеслись к нему сравнительно мягко, ограничившись тем, что после долгих мытарств отправили его на родину. Он уехал в Лондон и снова стал эмигрантом.

Успех первых сочинений Вейтлинга и преследования, которым он подвергался, вскружили ему голову. Он стал считать себя и все свои идеи непогрешимыми, стал смотреть на себя, как на пророка, как на мессию, нового Христа, которого бог послал для освобождения человечества. На этой почве у него произошел резкий разрыв с Марксом. В начале Маркс с восторгом встретил первые сочинения Вейтлинга, называя их «смелым и блестящим литературным выступлением немецких рабочих» и ставя их неизмеримо выше произведений тогдашних германских ученых и философов.

Но, когда Вейтлинг вообразил себя пророком, когда он стал, при встрече с Марксом в Брюсселе в 1846 г., упрекать его, что он слишком возится с образованием рабочих (в этом же обвинял Маркса в ту эпоху и Бакунин), что излишняя образованность может помешать их революционным чувствам, Маркс (по свидетельству присутствовавшего при этом русского писателя Анненкова) в гневе ударил кулаком по столу и закричал: «Н е в е ж е с т в о е щ е н и к о г д а н и к о м у н е п о м о г а л о!» Маркс не остановился перед полным разрывом с Вейтлингом, как он сделал это и по отношению к Прудону, которого, как мы видели, он тоже на первых

порах приветствовал и которого жестоко раскритиковал, увидев, что тот проповедует вредную путаницу понятий.

Между тем, Вейтлинг, замечая, что его популярность в Германии падает, что он вытесняется новыми людьми, уехал в Америку. Во время революции 1848 г. он вернулся в Германию и стал издавать газету; но она скоро должна была закрыться из-за недостатка подписчиков: очевидно, при открытой политической деятельности Вейтлинг не пользовался успехом. Преследуемый полицией при начале реакции, он уехал из Берлина в Гамбург и стал переиздавать свои сочинения. Когда реакция окончательно восторжествовала в Германии, Вейтлинг снова эмигрировал в Америку и на этот раз навсегда.

Там он стал издавать газету, пытался основать коммунистическую колонию из немецких эмигрантов, но она распалась. Вейтлинг терпел большую нужду, пока не получил место скромного служащего. Но его болезненное самолюбие все росло. Он писал слабые стихи, написал сочинение по астрономии, которое считал самым замечательным произведением человеческого гения, и удивлялся, что мир его не признает.

Умер он 25 января 1871 года.

Главная работа Вейтлинга была произведена в промежутке между концом 30-х и серединой 40-х годов. Именно эта работа создала ему славу и поставила его в ряды самых выдающихся предшественников новейшего германского социализма. Его первые сочинения написаны увлекательным языком и содержат, при всех своих странностях и ошибках, много глубоких мыслей.

Вейтлингу принадлежит почетная роль, роль пионера, прокладывателя путей в рабочем германском движении. Посеянные им семена не пропали даром. Их плодами воспользовались в 60-х годах великий германский социалист Лассаль и возникавшая германская социал-демократия.

Но еще в 40-х годах пропаганда Вейтлинга имела и другой важный результат. Рассеянные в разных странах ученики и товарищи его, члены «Союза справедливых» и «Союза коммунистов», завязали братские связи с революционно-настроенными рабочими этих стран, особенно Франции и Англии, и тем положили начало международному об'единению развитых рабочих-коммунистов.

Продолжить это дело на твердых научных основаниях, использовав для этого всю огромную теоретическую работу и весь практический опыт европейского социализма и рабочего движения 30 — 40 г.г., — выпало на долю Маркса и Энгельса.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

ЭПОХА МАРКСИЗМА.

Начиная со второй половины 40-х г. г., среди многочисленных течений и оттенков европейского социализма и коммунизма появляется новая струя, постепенно поглощающая все остальные путем критического преодоления всех утопических и мещанских элементов социализма и создания для него новой, научной основы. Эта струя—м а р к с и з м. Сперва, в течение первых десятилетий, он борется с другими течениями за влияние на рабочий класс и с самого начала этой борьбы приобретает наибольшую и притом мировую известность, становясь в то же время наиболее опасным для буржуазии и наиболее ей ненавистным. А с конца XIX века и вплоть до наших дней, когда марксизм окончательно оттеснил другие течения в социализме и сделался почти е д и н с т в е н н ы м учением сознательного и борющегося пролетариата, началась борьба в н у т р и с а м о г о м а р к с и з м а, борьба между его правым, оппортунистическим крылом, и левым, революционным.

Таким образом, вся история социализма за последние 75 лет носит на себе яркую печать марксизма, становящегося в глазах как друзей, так и врагов синонимом социализма вообще. Поэтому, вся эта эпоха с полным правом может быть названа э п о х о й м а р к с и з м а.

VII. ОСНОВАТЕЛИ НАУЧНОГО КОММУНИЗМА И ИХ УЧЕНИЕ.

1. Карл Маркс (1818—1883).

Такие великие люди, как Маркс, накладывающие печать своей яркой личности на целые исторические эпохи, рождаются раз в столетия, и для их появления и развития нужно исключительно благоприятное совпадение целого ряда условий.

Карл Маркс родился 5 мая 1818 г. в г. Трире, в Рейнской провинции. Эта область была в то время наиболее прогрессивной в Германии как в экономическом, так и в политическом отношении. В ней тогда уже существовала довольно развитая промышленность; она находилась под сильнейшим влиянием только что закончившихся бурь великой революции во Франции, в ближайшем соседстве с которой находится Рейнская провинция, и, в сравнении с остальной Германией, где царила самая мрачная реакция, в ней существовали уже зачатки политической свободы.

Отец Маркса был крещеный еврей, юрист по профессии, очень образованный человек, воспитанный на французских философах XVIII века. Мать его—родом из Голландии—была простое, но доброе и любящее существо. Ближайшими друзьями семьи Марксов была семья германского аристократа, потомка шотландских выходцев — ф о н - В е с т ф а л е н, глубокого знатока и любителя мировой поэзии.

И если отец внушил маленькому Карлу любовь к философии и к ясному и точному мышлению, свободному от предрассудков, то старик Вестфален передал ему ту любовь к европейской литературе, особенно к таким ее гигантам, как

Шекспир, Данте и Сервантес, которую Маркс сохранил на всю жизнь.

В этой же семье родилась у Маркса та детская любовь к красавице Женни фон-Вестфален, из которой возник впоследствии редкий по взаимной любви, дружбе и гармонии брачный союз.

Таким образом, детство и юность Маркса проходили в исключительно благоприятных условиях. Богато одаренный, с необычайной памятью, с юных лет знакомый с произведениями величайших мыслителей и поэтов, окруженный любовью родных и друзей, он был, как в шутку его называли, «дитя счастья», и его ожидала блестящая карьера на любом поприще деятельности.

Но он избрал тернистый путь борца за угнетенное человечество, путь учителя и апостола того нарождающегося класса - пролетариата, к которому лучшие люди того времени питали лишь жалость, но в котором Маркс прозрел грядущего освободителя всего человечества от всякого вида рабства и угнетения.

Прежде всего, поступив в Берлинский университет, Маркс жадно набросился на науку и философию, бросил сразу всякие мечты о карьере и со всем пылом своей страстной и кипучей натуры стал вырабатывать себе цельное философское миросозерцание. Он сделался поклонником величайшего германского философа Гегеля и примкнул к кружку молодежи, известной под названием «левых гегельянцев», которые истолковывали учение Гегеля о вечном движении идей и о борьбе противоречий — в революционном духе.

При этом молодой студент Маркс уже проявил в теоретических занятиях ту огромную трудоспособность, настойчивость и самозабвение, которые так удивляли впоследствии всех, знавших его, но которые уже в эти ранние годы подорвали его здоровье.

Вместе с философским и научным миросозерцанием, вместе с бунтом против всяких священых авторитетов складывались в эти студенческие годы Маркса и его политические взгляды. Воспитанный на идеях французской революции, всей душой ненавидя бездушный формализм и деспотизм

реакционной прусской бюрократии, он с ранних лет стал республиканцем и сошелся со многими представителями тогдашней «молодой Германии», т.-е. оппозиционно настроенной буржуазной интеллигенции, которые впоследствии играли видную роль в революции 48-го года.

Поэтому, по окончании университета Маркс отказался от профессорской кафедры, карьеры «официального» ученого, ради которой ему пришлось бы поступиться своими убеждениями, и решил посвятить себя журналистике, газетной работе; только в этой области тогда и можно было проявлять какую-либо политическую деятельность.

В 1842 г., двадцати четырех лет от роду, Маркс сделался сотрудником, а вслед затем и редактором «Рейнской Газеты» и сразу обнаружил замечательные способности журналиста.

В это время Германия, как мы знаем, переживала свою предреволюционную эпоху. Политическая жизнь оживлялась. Буржуазия организовывалась в политические партии. Интеллигентная молодежь мечтала о восстаниях и заговорах. Рабочий класс глухо волновался, устраивая время от времени стихийные забастовки.

Но политическая жизнь в Германии, наиболее отсталой стране Запада, и даже в Рейнской провинции была лишь слабым отзвуком той политической волны, которая поднималась во Франции и Англии, где буржуазия была уже у власти или боролась за нее, и начинал свою освободительную деятельность пролетариат.

Маркс в это время был лишь на левом фланге буржуазной демократии. Над основным социальным вопросом нашего времени, над вопросом о бедности народных масс, он еще мало задумывался. Но при редактировании «Рейнской Газеты», где он выступил, между прочим, с блестящей защитой свободы печати, крестьянские и рабочие волнения натолкнули его на изучение социальных и экономических вопросов. Маркс стал решительно на стороне угнетенных классов; хотя он не имел еще ясно выработанных взглядов в этой области, но он руководился чувством справедливости, которое очень сильно было в нем выражено.

Тон газеты становился все более резким, что, конечно, не нравилось властям предержащим, и газета была закрыта в 1843 г. Тогда Маркс переехал в Париж с молодой женой и там окунулся в самую гущу политической жизни. Он сошелся с виднейшими политическими деятелями, демократами и социалистами, принялся за серьезное изучение социалистической и экономической литературы. Он сотрудничал,—вместе с немецкими эмигрантами, в том числе со своим будущим другом Энгельсом и знаменитым поэтом Генрихом Гейне, с которым он близко сошелся, — в немецких изданиях, выходивших в Париже. Но рука прусского правительства настигла их и там, и, по его настоянию, эти издания были закрыты, а Маркс был выслан из Парижа и уехал в Брюссель, в Бельгию.

К этому времени Маркс был уже убежденным социалистом, и у него стали складываться очертания той стройной теории, которая впоследствии была названа **материалистическим пониманием истории** и согласно которой в основе развития всей общественной жизни лежит развитие **экономических** отношений и вызываемая им борьба классов.

Эта теория стала в руках Маркса и его учеников могучим орудием для изучения прошлого и понимания настоящего; она явилась также превосходным средством борьбы со всякими утопистами, заговорщиками и вообще всеми теми политическими знахарями, которые надеялись **обмануть историю**, надеялись свои личные желания поставить выше неумолимых требований и условий жизни.

Основы учения Маркса сложились под тройным влиянием: **германской философии**, главным образом, философии Гегеля, **французского социализма** и и **английского рабочего движения**. Германская философия дала Марксу **метод** изучения общественных явлений; французский социализм дал глубокую критику капиталистического строя и идеал гармоничной общественной жизни. Наконец массовое английское рабочее движение, добивавшееся конкретных реформ, указало Марксу и способы борьбы за социализм, указало ему будущего носителя социалистических идеалов.

В это же время, под влиянием изучения великих буржуазных экономистов Англии, Маркс во второй половине 40-х годов уже создал в общих чертах ту экономическую теорию, которая была потом с таким блеском развита в трех томах его знаменитого «Капитала».

Все эти мысли излагались Марксом в этот период его жизни в ряде брошюр, статей и лекций, которые он читал в немецком рабочем союзе в Брюсселе.

Из этих работ особенно замечательны: «Нищета философии»—ответ на «Философию нищеты» Прудона,—«Наемный труд и капитал» и, наконец, «Манифест коммунистической партии», где в ясных, точных и замечательных по своей силе и яркости выражениях Маркс и Энгельс определяют роль классов в современном обществе и великие задачи пролетариата, а также дают критику всех видов реакционно-мещанского и утопического социализма.

Этот «Манифест», который стал впоследствии евангелием всего борющегося международного пролетариата и который оканчивается знаменитым призывом «пролетарии всех стран, соединяйтесь!»— был в то же время результатом первой попытки международного об'единения передовых сознательных рабочих под знаменем социализма.

Он принят был зимою 1847 г. на втором с'езде «Союза коммунистов», основанного, при участии Маркса и Энгельса, жившими в Лондоне рабочими-эмигрантами из Германии и других стран. Манифест был напечатан в январе 1848 г., а месяц спустя вспыхнула во Франции революция и живительной бурей пронеслась потом по всей Европе.

В конце февраля Маркс уже был в Париже, где его с радостью и почетом встретили друзья; а когда революция разразилась и в Германии, Маркс принял в ней самое деятельное участие, став во главе «Новой Рейнской Газеты», отстаивая интересы демократии и пролетариата.

Наступила контр-революция, Маркса начали преследовать, привлекать к суду. А когда после блестящей речи присяжные его оправдали, его просто выслали из Германии, и он снова уехал в Париж, откуда реакционное республиканское правительство тоже заставило его уехать.

Маркс с семьей перебрался в Лондон (в 1849 г.) и остался там навсегда.

В это время в Лондоне скопилось много международных изгнанников, убегавших от преследований общеевропейской реакции. В душной эмигрантской атмосфере, среди раздутых самолюбий, заговорщиков и мечтателей, а то и просто авантюристов, носившихся с планами новых восстаний и заговоров, Марксу пришлось пережить много горечи. Ибо, если во время революции 48—49 гг. и ближайшего года, после нее, Маркс сам верил еще в то, что буржуазная революция в Европе непосредственно перейдет в революцию пролетарскую, то с начала 50-х годов он видел уже ясно, что революционный период кончился, что наступает долгий период мирного развития капитализма и собирания сил пролетариатом для новой борьбы. Маркс предостерегал поэтому от легкомысленных и бесплодных авантюр, которые должны дорого стоить рабочему классу; а его называли «трусом» и «изменником делу революции».

Зато, когда реакция восторжествовала окончательно и явно для всех, когда среди бывших революционеров началось ренегатство, когда даже такие люди, как знаменитый русский социалист Герцен, потеряли веру и в революцию, и в европейский социализм, и в силы европейской демократии,— Маркс не упал духом. Вооруженый своей исторической и экономической теорией, он в своих статьях о революции во Франции, в своей гениальной книге «18 брюмера Луи Бонапарта», дал блестящий анализ революции и выяснил причины ее крушения. В частности он доказал, что бонапартизм во Франции, торжество грубой силы и солдатского каблука могли победить лишь потому, что были поддержаны крестьянством, уставшим от революции и жаждавшим «порядка».

Но Маркс не падал духом, ибо он знал, что открытые им законы капиталистического развития неизбежно приведут к новому общественному под'ему, новому и на этот раз длительному выступлению международного пролетариата. Периодом реакции и общественного затишья Маркс воспользовался, чтобы заняться вплотную тем трудом, которому он

посвятил половину своей жизни: подготовке своего исследования об экономических законах капиталистического общества.

Это был поистине титанский труд, ибо Маркс изучал для него все отрасли общественой науки, изучал основательно, по первоисточникам, а буржуазную политическую экономию и явления экономической жизни исследовал с небывалой еще полнотой и глубиной. До какой степени Маркса не останавливали в этой работе никакие трудности, видно, между прочим, из того, что, когда ему при изучении земельной ренты понадобились работы земских русских статистиков, он в короткое время овладел необычайно трудным для европейцев русским языком и овладел так хорошо, что свободно читал русских поэтов.

Но, несмотря на всю свойственную Марксу трудоспособность и настойчивость, труд подвигался медленно, ибо условия, в которых пришлось жить Марксу в Лондоне, были крайне тяжелы и мучительны. Он и его семья терпели целыми годами ужасную нужду, нередко прямо голод. Вид страдающей семьи, болезни и смерть детей, отравляли покой Маркса. А его собственные болезни, вызывавшиеся переутомлением, надолго отрывали его от работы и еще более расстраивали экономическое положение семьи. Если бы не маленькие наследства, полученные в разное время женой Маркса и им самим, и не помощь друзей, особенно Энгельса, то главная работа Маркса так и не увидела бы света. Ибо те замечательные статьи - корреспонденции, которые он ради заработка посылал в американские журналы, очень плохо оплачивались, а с начала 60-х годов, когда в Америке разразилась война северных и южных штатов, и этот ничтожный, но постоянный источник доходов прекратился

В 1859 г. появилась «Критика политической экономии» Маркса, в 1867 году 1-й том «Капитала». Следующие томы Маркс, занятый снова лихорадочной общественной деятельностью и все более мучимый болезнями, не успел сам подготовить к печати, и их обработал из его черновых тетрадей и издал сперва Энгельс, а после его смерти Каутский.

Между тем приближался предсказанный Марксом новый под'ем общественной жизни и пролетарского движения. Во Франции, изнывавшей под пятой Наполеона III, опять зашевелились рабочие. В Италии началась война за освобождение от австрийского владычества. В Германии появился Лассаль, поставивший своей задачей вырвать немецких рабочих из-под влияния прогрессивной буржуазии, которая снова начала борьбу с реакционным правительством, и создать из них самостоятельную классовую партию. В Англии рабочие, оправившиеся после поражения чартизма, успели организовать могущественные профессиональные союзы, тред-юнионы. Наконец, польское восстание, разразившееся в 1862 г., еще более сгустило революционную атмосферу в Европе.

Лондон, где жил все эти годы Маркс, был центром всей международной политики и главной биржей мирового капитализма. Это давало Марксу чрезвычайно удобный наблюдательный пункт, раскрывало перед ним все тайные пружины внешней и внутренней политики буржуазного общества.

В то же время Англия была самой свободной страной в Европе, и Лондон привлекал к себе политических изгнанников и эмигрантов из всех стран. Поэтому, Лондон был тем местом, где естественнее всего должна была зародиться мысль о международном об'единении рабочих.

В 1864 г. на митинге протеста против усмирения польского восстания, на митинге, где были представлены рабочие многих государств, основано было «Международное товарищество рабочих», так называемый Первый Интернационал. Маркс был избран в генеральный совет общества и сразу начал играть в нем руководящую роль. При этом, как и в 47—48 г. г., ему пришлось бороться в этом обществе с мелко-буржуазными, с одной стороны, оппортунистическими, с другой — заговорщицкими и анархическими элементами. В составленных им воззваниях и резолюциях проводилась настойчиво та мысль, что рабочий класс должен организоваться в самостоятельную партию для борьбы за свое политическое и экономическое освобождение, за замену капиталистического общества обществом социалистическим. При этом

для Маркса, как он сам выражался, «каждый шаг действительного рабочего движения был важнее дюжины программ», придуманных досужими фантазерами, прожектерами и сектантами.

Работа, проделанная Марксом для Интернационала, была колоссальна. Он не любил выдвигать себя на первый план; вопросы мелкого самолюбия, столь свойственного многим руководителям общественых движений, были ему совершенно чужды. Маркс предпочитал оставаться в тени, но зато быть действительным руководителем, душой всего Интернационала. Он был лишь на одном из его с'ездов. Но в качестве секретаря генерального совета Интернационала Маркс был автором всех его воззваний и манифестов, подготовлял резолюции всех его с'ездов, вел громадную переписку с его отделами или секциями, всем давал советы и указания. И эта роль общепризнанного учителя и руководителя социалистического рабочего движения осталась за Марксом и тогда, когда распался Первый Интернационал, рамки которого оказались слишком узкими для быстро развивавшегося движения пролетариата разных стран.

После кровавого подавления Парижской Коммуны в 1871 г. Маркс, от имени Интернационала, обратился с пламенным воззванием ко всему цивилизованному миру («Гражданская война во Франции») и в этом воззвании указал на благородные цели и геройское поведение коммунаров и заклеймил вечным позором их усмирителей.

После распада Интернационала Маркс прожил еще 10 лет. Работая над следующими томами своего «Капитала», которых он так и не успел окончательно обработать, Маркс в то же время поддерживал переписку и личное общение с выдающимися рабочими вождями и социалистами всего мира, которые нередко приезжали в далекий Лондон, чтобы лично увидеть знаменитого «папу социализма».

Марксу довелось еще увидеть новое оживление среди французских рабочих, и он участвовал в выработке программы французской социалистической партии. Он видел быстрый рост германской социал-демократии и об'единение лассальянцев со сторонниками Бебеля и Либкнехта. При нем нача-

лось революционное движение в России, за которым он следил с огромным интересом и сочувствием и которое завершилось тогда убийством Александра II народовольцами.

Между тем, многочисленые старые болезни и упорная работа делали свое дело и разрушали могучий когда-то организм Маркса. Вскоре после смерти нежно любимой жены, 14 марта 1883 г., Маркса не стало. Он умер, сидя за своим рабочим столом.

«Человечество, — писал на другой день после его смерти Энгельс, — сделалось ниже на целую голову, притом на самую гениальную из всех тех, какими оно располагало за последнее время».

Как у всякого страстного и энергичного борца за свои убеждения, у Маркса было множество самых ожесточенных врагов, и не было той клеветы и нелепости, которых бы про него не распространяли как классовые и политические противники, так и всевозможные ничтожества и мелкие самолюбия в собственном лагере. И лишь после его смерти, когда появились воспоминания о нем его друзей и опубликованы были его письма, обнаружилось, что у сурового борца, беспощадного к врагам рабочего класса, равно как к его ложным или глупым друзьям, было мягкое и нежное сердце.

В кругу близких друзей он был весел и прост, как ребенок. Либкнехт рассказывает, что уже в весьма зрелом возрасте Маркс в веселой компании способен был на чисто мальчишеские студенческие выходки. И лучше всего он чувствовал себя в кругу детей, не только своих, но и чужих. С оравой уличных лондонских ребятишек Маркс готов был играть и шалить, и они вели себя с ним, как с равным. А собственные дети распоряжались им прямо деспотически.

Отношения Маркса к жене представляют редкий пример уважения и любви, которые не уменьшались в течение всей их долгой супружеской жизни. Да и она, женщина огромной душевной красоты, пожертвовавшая своим аристократическим положением ради бездомного политического эмигранта и его дела, дела всемирного пролетариата, которому она была предана всей душой, скрасила жизнь Маркса и была радостью и утешением всех их друзей. Она никогда почти не

роптала на тяжесть жизни, на бедность и нужду, уносившие в могилу детей, никогда не пыталась, ради жизненных удобств, отклонить мужа от его борьбы, дававшей ему одни лишения. И ее моральная поддержка помогла Марксу сохранить ту душевную стойкость и чистоту, ту щепетильность в денежных отношениях, которые так его отличали и были такой редкостью в среде опустившихся эмигрантов.

Много помогала Марксам в борьбе с нуждой и обрушившимися на них несчастиями жившая у них в качестве экономки Елена Демут, которая из прислуги стала другом, членом семьи, подчас даже неограниченным властителем, и о которой сам Маркс, а впоследствии его дети, отзывались с любовью и благодарностью.

Совершенно исключительный пример бескорыстной, глубокой, ничем никогда не нарушавшейся дружбы, завязавшейся едва ли не с первого знакомства и продолжавшейся целых сорок лет, представляют отношения Маркса к Фридриху Энгельсу. При всем различии их характеров, индивидуальных особенностей, происхождения и воспитания, их об'единяла необычайная общность взглядов, поддерживавшаяся постоянным личным общением и перепиской. Роль Энгельса в их совместной работе огромна, и Маркс охотно признавал, чем он ему обязан. Но скромный Энгельс никогда не любил выдвигать себя на первый план, и лишь после смерти Маркса значение его в международном рабочем движении выдвинулось во весь рост, и он стал общепризнанным наследником Маркса, продолжателем их общей работы.

Маркс глубоко ценил и уважал плоды многовековой человеческой культуры, той самой культуры, которую анархисты его времени, как и теперешние, презрительно отвергали, как «буржуазную». Маркс, который сам с необычайной яркостью и глубиною вскрыл темные стороны этой культуры, предлагал не разрушать ее, а, овладев нынешней культурой, превратить ее в социалистическую. «Невежество никогда еще никому не помогало», гневно восклицал он, как мы знаем, еще в 40-х годах в споре с Вейтлингом. Маркс верил в творческие способности и великое будущее рабочего класса, но он никогда не льстил рабочим,

не приспособлялся к их невежеству, предрассудкам и темным инстинктам.

Сам Маркс был превосходным пропагандистом и учителем, и в своих лекциях в рабочем клубе в Брюсселе и потом в Лондоне умел ясно, понятно, терпеливо раз'яснять самые трудные положения своей теории, не принижаясь никогда до упрощенной вульгарности.

Маркс любил и тонко ценил искусство, особенно поэзию. В молодости он сам писал стихи, но, убедившись, что ему не сравняться с великими классическими образцами, он мужественно отказался от соблазна стать посредственным поэтом. Но такой великий поэт, как Генрих Гейне, так высоко ставил художественное и критическое чутье Маркса, что во время их совместной жизни в Париже советовался с Марксом чуть ли не о каждом стихе своих произведений и не успокаивался до тех пор, пока Маркс не оставался вполне доволен и содержанием и формой.

Маркс изучил в подлиннике (он знал почти все европейские языки, и говорил и писал свободно на трех) всех великих поэтов древнего и нового мира, а многих из них, особенно Шекспира и Данте, знал наизусть и охотно цитировал. А в редкие часы досуга Маркс любил иногда заниматься даже такой отвлеченной наукой, как высшая математика.

Маркс не чужд был, конечно, и человеческих слабостей и в борьбе со своими противниками бывал нередко несправедлив и не стеснялся в средствах. Это обстоятельство охотно раздувается врагами Маркса и марксизма до настоящего времени. Но не ошибается лишь тот, кто ничего не делает, а кто умеет страстно любить, умеет столь же страстно — и потому иногда пристрастно — и ненавидеть.

Во всяком случае, Маркс был и остается образцом гениальной человеческой личности, цельным соединением человека, мыслителя и борца. И пока существует борющийся пролетариат, имя Маркса будет для него всегда путеводной звездой.

2. Фридрих Энгельс (1820 — 1895).

Имя Энгельса неразрывно связано с именем Маркса. Оба они творцы научного социализма, авторы знаменитого «Ма-

нифеста коммунистической партии». На долю Энгельса приходится значительная часть той огромной научной, пропагандистской, политической и организационной работы, которая совершена этими учителями и вождями пролетариата. И если все же имя Энгельса гораздо меньше, чем имя Маркса, известно широким кругам трудящихся, не только у нас в России, но и на Западе, если его считают в лучшем случае лишь другом и ближайшим помощником Маркса и не оценивают в достаточной мере его самостоятельного значения, то это об'ясняется, как это мы уже говорили, изумительной скромностью самого Энгельса. Он всегда, и при жизни Маркса и после его смерти, выдвигал его на первый план, а себя оставлял в тени.

Энгельс родился 28 ноября 1820 года. Как и Маркс, он происходил из буржуазной среды: его отец был немецким фабрикантом, владевшим также хлопчатобумажной фабрикой в английском городе Манчестере. И, подобно Марксу же, Энгельс стал революционером и социалистом не вследствие личных обид или тяжелых испытаний, а вследствие своего глубокого и ясного ума, видевшего все темные стороны капиталистического строя, и вследствие своей чуткой совести, живо откликавшейся на страдания угнетенных и эксплоатируемых масс. А торговые и промышленные дела его отца с детских лет познакомили его с миром капиталистической эксплоатации и ввели в самую гущу современных экономических отношений.

Еще на гимназической скамье Энгельс проникся революционными идеями, возненавидел тогдашнюю самодержавную Германию и стал знакомиться с представителями германской революционной интеллигенции. Вместе с тем, он проявил огромную любознательность, отличавшую его потом всю жизнь, и жадно пополнял чтением свое образование. Даже отбывая в Берлине военную службу в качестве вольноопределяющегося, он и в прусской казарме нашел, чему поучиться, и приобрел те военные сведения, которые он применил впоследствии во время революции и которые он уже в зрелом возрасте настолько расширил, что сделался неза-

урядным знатоком военного дела, считая, что революционеру это знание необходимо.

Еще не будучи знаком с Марксом, 22-летний Энгельс стал сотрудничать в журналах и сборниках, в которых писал Маркс, и в редактировавшейся им «Рейнской газете». Он напечатал свой «Очерк политической экономии» тогда, когда Маркс, получивший литературно-философское образование, о политической экономии еще и понятия не имел. И в этом «Очерке» Энгельс предвосхитил многие положения марксовской экономической науки. Посланный отцом в Англию для торгово-промышленной «практики», Энгельс с жадностью набросился на изучение английского капитализма, рабочего движения и социальной литературы *).

Результатом этого изучения явилась по возвращении Энгельса на родину, в 1845 г., его знаменитая книга «Положение рабочего класса в Англии», в которой ярко описывались чудовищная эксплоатация английского пролериата, его нищета и вырождение, как и начало его революционного движения, и делался призыв к социализму.

Проездом в Лондон, в 1842 г., Энгельс бегло познакомился с Марксом. Но при первой встрече они, как-будто, не понравились друг другу. Зато по возвращении из Лондона в 1844 г., когда Энгельс снова встретился с Марксом, бывшим уже в изгнании в Париже, они быстро оценили друг друга, сошлись и подружились. И с тех пор, вплоть до самой смерти Маркса, длилась эта необычайная дружба. Маркс и Энгельс, даже находясь в разных городах, были всю жизнь в непрерывной переписке, делились всеми своими мыслями, давали друг другу для прочтения все свои сочинения, обсуждали совместно все предпринимавшиеся ими политические кампании. А каждая встреча, каждое свидание были для

*) Там же он в первый раз познакомился с эмигрировавшими из Германии революционными рабочими комунистами, впоследствии членами Центрального комитета «Союза коммунистов», и они, по его собственным словам, произвели на него очень сильное впечатление (это—уже известные нам—Шаппер, тоже в эмиграции ставший рабочим, Бауэр и Молль).

них настоящим праздником, и они не могли наговориться досыта.

Во время революции 1848 г. Энгельс был близким сотрудником издававшейся Марксом «Новой Рейнской Газеты». А в 1849 г., когда восторжествовала реакция, Энгельс принял непосредственное боевое участие в последнем революционном партизанском восстании южно-германских мелко-буржуазных демократов и республиканцев. После подавления этого восстания он бежал в Швейцарию, а оттуда эмигрировал в Англию, где уже был в это время Маркс, и куда стекались побежденные революционеры из всех стран.

Энгельс поселился в Манчестере и стал управляющим на фабрике своего отца, что давало ему возможность не раз выручать в тяжелые критические моменты бедствовавшего в Лондоне с семьей Маркса.

Так же, как и Маркс, Энгельс использовал годы европейской реакции для изучения всех областей науки и сделался одним из наиболее разносторонне образованных людей в Европе. Уже в старости, ликвидировав фабрику и переехав в Лондон, он употребил сравнительно больший досуг на основательное изучение естественных наук, с которыми Маркс был менее знаком. Теперь Маркс и Энгельс поменялись ролями. Если Маркс начал свою деятельность как философ, а Энгельс (если не считать его юношеских литературных и философских попыток)—как экономист, то теперь Энгельс взял на себя обоснование общефилософских положений марксизма, главным образом, исторического материализма, тогда как Маркс в области теории посвятил себя главному труду своей жизни—отысканию экономических законов капиталистического общества. Результатом этой работы явился «Капитал» Маркса и такие труды Энгельса, как брошюра о немецком философе-материалисте Фейербахе, как книга «Происхождение семьи, частной собственности и государства», наконец, главное сочинение Энгельса, так называемый «Антидюринг», где он, резко критикуя путаного и реакционного немецкого социалиста Дюринга, изложил всю теорию революционного марксизма.

Кроме этих важнейших сочинений, Энгельс написал множество брошюр и статей с изложением марксистских взглядов на те или иные вопросы или с критикой анархистов и мелко-буржуазных социалистов *).

Но этим далеко не ограничилась деятельность Энгельса. Вместе с Марксом он был душой и руководителем 1-го Интернационала, вместе с Марксом он был учителем возрождавшегося после реакции рабочего движения. А по смерти Маркса Энгельс еще целых двенадцать лет был общепризнанным главой всего мирового марксизма, к голосу которого прислушивались вожди всех социалистических партий, как к голосу самого Маркса. Энгельс имел счастье быть свидетелем того, как осуществляется дело всей его жизни, как мощно развивается социалистическое движение во всех концах земного шара. Он приветствовал зарождение и первые успехи русского марксизма. Он предвидел и предсказывал революцию в России так же, как и мировую социальную революцию. И он умер весной 1895 г., за год до той знаменитой забастовки петербургских ткачей и прядильщиков, с которой началась новейшая полоса русской и всемирной истории. Пропагандируя идеи марксизма, которые были и его собственными идеями, руководя рабочим движением разных стран, Энгельс одновременно посвятил последние годы своей жизни окончанию великого труда Маркса. Черновые рукописи Маркса, доступные одному лишь Энгельсу, мог разобрать и обработать только он один, так близко знавший и трудный неразборчивый почерк Маркса, и весь ход его мыслей, и все сокровенные стороны его экономической системы. На этот огромный и кропотливый труд Энгельс затратил 10 лет своей жизни. В 1885 году, спустя два года после смерти Маркса, вышел 2-й том «Капитала», в 1894 году—третий. Только исполнив эту работу, только осуществив завещание Маркса, Энгельс мог умереть спокойно.

*) Ему же принадлежит приписывавшаяся до последнего времени Марксу брошюра «Революция и контр-революция в Германии», где дается блестящий анализ германской революции 1848—9 г.г. и бичуется поведение либералов.

Энгельс уступал Марксу в силе и глубине мысли, в широте и основательности исторических и экономических познаний. Но он дополнял его во многих других отношениях, и они в общем составляли ту гармоничную, неразрывную пару, тот идеал дружбы и сотрудничества, который может быть широко осуществим лишь в предсказанном ими будущем коммунистическом обществе.

3. Идейные корни марксизма.

В отличие от утопического социализма предшественников Маркса и Энгельса, их собственное учение получило название социализма (вернее, коммунизма, о чем дальше) научного. Ибо с точки зрения марксизма утопическим был не только социализм Сен-Симона, Фурье и Роберта Оуэна, но и заговорщицкий социализм Бланки и его последователей, и мирный коммунизм Кабэ, и государственный социализм Луи Блана, не говоря уже о мелко-буржуазном социализме Прудона. При всех глубоких разногласиях, разделявших всех этих социалистов, при всем разнообразии их систем и методов, при всей меткости и яркости той критики капиталистического строя, того анализа общественных отношений, который давали некоторые из них и в котором нередко проявлялись гениальные догадки,—всех их об'единяла одна общая черта: бедствиям, несправедливостям, жестокостям капитализма они противополагали идеал социализма или коммунизма, как справедливый, благодетельный, разумный, отвечающий человеческой природе, и тем или иным способом предлагали его осуществить.

С этой точки зрения безразлично, предполагалось ли покончить с капитализмом путем восстания или революционной диктатуры, как это делали Бабеф, Бланки или Вейтлинг, или путем мирной «пропаганды действием», в роде основания примерных коммунистических колоний, или, наконец, путем завоевания всеобщего избирательного права и давления народных масс на правительство для проведения социалистических реформ. При всем различии методов осуществления все до-марксовские социалисты в своей борьбе опирались на суб'ективный идеал, который стоило

лишь понять и оценить, чтобы захотеть провести его в жизнь. Этот идеал вытекал из голого отрицания капиталистической частной собственности, уже со времен Мора признанной главным источником переживаемых человечеством бедствий.

Как говорит Энгельс в своей книге «Антидюринг», в представлении первых социалистов XIX века «буржуазный мир является неразумным и несправедливым и поэтому подлежит упразднению так же, как и феодализм и все прочие существовавшие ранее формы общественного строя. Если истинный разум и истинная справедливость доселе не господствовали в мире, то лишь потому, что они еще не были правильно познаны. Не доставало гениальной личности, которая бы познала истину, но в их лице теперь эта личность явилась, и, благодаря ей, истина познана. Такое событие об'яснялось не результатом процесса исторического развития, как нечто неизбежное, а просто чистой счастливой случайностью. Гениальная личность точно так же могла родиться пятьюстами годами раньше, чем они, и в таком случае человечество избавилось бы от лишних пятисот лет ошибок, борьбы и страданий».

В отличие от этой идеалистической точки зрения Маркс и Энгельс искали осуществления социалистического идеала не в «разуме» или правильно понятой «человеческой природе», не в простом отрицании буржуазного мира, а в противоречиях этого самого мира, в его материальных условиях существования, в исторической действительности, на которую они опирались и изучение которой и легло в основу их социализма, потому и прозванного научным.

«Старый социализм,—говорит Энгельс в той же книге,—хотя и критиковал существующий капиталистический способ производства и его последствия, не мог, однако, об'яснить его, а, стало-быть, и покончить с ним; он мог только просто отрицать его, как негодный. А, между тем, дело было в том, чтобы, с одной стороны, представить этот капиталистический способ, как исторически обусловленный, необходимый для известного исторического периода, а, стало-быть, и преходящий, с другой же стороны—вскрыть внутреннюю

его природу, которая оставалась неизвестной, так как критика направлялась пока более на его вредные результаты, чем на ход самого развития».

Эту задачу, задачу доказать, что самый ход исторического развития ведет к замене капиталистического общества социалистическим, в частности, вскрыть внутренние законы самого капитализма и тенденции его развития,—эту задачу и осуществил научный социализм Маркса и Энгельса, дав этим твердую опору стихийным и смутным социалистическим стремлениям борющегося пролетариата.

Но великие идеи не возникают внезапно в голове мыслителя. Они являются продуктом долгого исторического развития, в том числе идейного развития, и могут возникнуть лишь при определенных исторических условиях. И, действительно, мы видели уже, как медленно и постепенно складывались у предшественников Маркса некоторые зародыши его учения. Мы знаем, что число их росло по мере развития самого капитализма и роста вызываемой им пролетарской борьбы. И мы помним из биографии Маркса, что его учение явилось непосредственным продуктом многообразных и сложных влияний: философии (французского материализма и германского идеализма), французского и английского социализма, английской буржуазной политической экономии и английского же организованного рабочего движения. На некоторых из этих идейных и исторических корнях марксизма мы прежде всего и остановимся в самых кратких и общих чертах.

В ранней молодости Маркс, как мы знаем, увлекался германской идеалистической философией, особенно философией Гегеля. Согласно этой философии, сущность мира и жизни, сущность человеческой истории—это идея, которая развивается путем внутренних противоречий и задача которой самопознание, при чем все, что происходит вне нас и в нас, есть лишь воплощение и отражение этого развития идеи или духа. Философия Гегеля, при всей своей туманности и коренной ошибочности своего исходного пункта, сыграла в высшей степени плодотворную роль в развитии человеческой мысли первой половины XIX века, так как к изучению всех явлений мира и человека применяла принцип

диалектики, диалектический метод, т.-е. умение видеть каждое явление не в отдельном, как бы выхваченном из общей цепи причин и следствий, как бы застывшем виде, а в движении, в развитии, полном внутренних противоречий и борьбы. По Гегелю, к развивающемуся явлению не всегда применимы обычные наши мерки и понятия; полезное сегодня может стать вредным завтра, а то, что кажется сегодня истинным, может завтра оказаться ложным. Всякое явление природы или человеческого общества, развиваясь, меняет свою форму и, наконец, отмирая, исчезая, дает место новому явлению, новой жизни. Так происходит во всем животном и растительном царстве, так бывает и в истории человечества. При этом накопляющиеся незаметные изменения приводят к «скачку», к резкому изменению формы явления: «количество переходит в качество». Таков, напр., процесс замерзания или кипения воды, таков акт рождения, таковы общественные революции, которые напоминают взрыв котла под давлением накопившихся паров и в результате которых на развалинах старого, разрушенного общества вырастает новое, как из разорвавшейся куколки вылетает бабочка.

Неудовлетворенный идеалистической основой гегелевской философии, Маркс, под влиянием германского философа-материалиста Людвига Фейербаха, принялся за изучение великих французских материалистов XVIII века и стал сам убежденным материалистом. Как известно, в противоположность идеализму, материализм в основу всего существующего кладет не идею, а материю, не дух, а природу, никем не созданную, существующую вечно, не знающую ни случайностей, ни «разумной цели». И в непрерывной цепи причин и следствий, которые связывают всю вселенную, находится и человек со своими идеями, которые являются лишь отражением и преломлением в нашем мозгу внешнего материального мира.

Но материалисты XVIII в., применяя свой материализм к об'яснению явлений мира и человеческой «души», оставались идеалистами в об'яснении исторических фактов, и, как мы уже знаем, этот исторический идеализм, ставящий развитие человеческого общества в зависимость от тех или

иных идей, от «разума» и т. п., был свойствен и всем до-марксовским социалистам. Другой слабой стороной старого материализма было отсутствие у него идеи развития, непрерывного закономерного развития всего существующего, и природы и человеческих обществ. Маркс же, с одной стороны, оплодотворил материалистическую философию гегелевским даилектическим методом, этим философским предвосхищением новейшей теории эволюции, а с другой—впервые применил принципы материализма к об'яснению не только природы, но истории человечества.

Таким образом, взяв у Гегеля его диалектический метод и наполнив его материалистическим содержанием. Маркс, по собственному выражению, поставил это «опрокинутое» головой вниз мировоззрение—снова на ноги, на твердую почву реальной действительности. И диалектический материализм Маркса и Энгельса стал прежде всего цельным и всеоб'емлющим миросозерцанием, боевым оружием революционного пролетариата против всех предрассудков и оков мысли, налагаемых на него старым, отживающим буржуазным обществом, а затем, в применении специально к общественной жизни,—действительно «алгеброй революции», как метко окрестил философию Гегеля Герцен, т.-е. формулой вечной борьбы, вечного развития и прогресса.

Но и в области исторического материализма, который является совершенно самостоятельным продуктом мысли Маркса и Энгельса, отдельные гениальные догадки, особенно о значении борьбы классов и имущественных отношений, как факторов исторического процесса, мы находим не только у многих французских социалистов первой половины XIX в., но и у ряда блестящих буржуазных историков, как Минье, Гизо, Огюстен Тьерри (ученик Сен-Симона) и др., использовавших в своих исторических построениях громадный опыт Великой революции. Но все эти догадки были только отдельными глубокими и остроумными замечаниями, не связанными общей системой и находившимися в противоречии с их же собственным историческим идеализмом с их верой в силу разума, в то, что «идеи правят миром».

В частности, буржуазные историки, признавая в прошлом борьбу классов, как основной двигатель истории, для бур-

жуазного общества этот двигатель решительно отвергали и на борьбу пролетариата с буржуазией смотрели, как на прискорбное явление, с которым надо беспощадно бороться. Точно так же и многие социалисты смотрели на эту борьбу не как на естественный результат исторического развития и в то же время фактор дальнейшего прогресса, а как на недоразумение, которое они призваны разрешить своими социалистическими рецептами спасения общества. Далее, если и историки и социалисты говорили иногда совсем «по-марксистски», что известные «идеи», например, законодательство, являются продуктом определенных общественных отношений, определенного сложившегося быта, то, с другой стороны, они же признавали огромное значение этих идей или законов в деле изменения этого быта. Из этого противоречия они так и не могли выйти, ибо они не видели той основой пружины общественного развития, которая в конечном счете влияет на быт, на общественные отношения, и на те «идеи», т.-е. понятия, нравы, законы и т. п., которые этому быту соответствуют. Эту основную пружину и нашел Маркс в развитии производительных сил, т.-е. орудий и способов производства, а затем уменья, опыта, технических навыков, которые в совокупности и определяют степень власти человека над природой и составляют основу человеческой культуры, а сами, в свою очередь, являются именно человеческой формой борьбы за существование, орудием человека в его борьбе с природой. При этом, следовательно, если в мире животных в борьбе за существование видоизменяются органы их тела, то у человека, этого «животного, изготовляющего орудия», в зависимости от географической среды, плотности населения и других условий, меняются именно орудия (т.-е. и способы производства), эти искусственные придатки его органов.

В развитии новейшего научного миропонимания имя Маркса стоит рядом с другими двумя знаменитыми именами —Коперника и Дарвина. Один из этих революционеров в науке установил правильное положение нашей земли в небесном пространстве и тем положил начало научному, материалистическому пониманию законов вселенной; другой

открыл главный закон всей жизни, всего органического мира; Маркс же дал нам ключ к пониманию всего развития человечества. Он сделал впервые историю настоящей наукой, где все важнейшие события связаны строгой закономерностью и об'ясняются с одной материалистической точки зрения, где становятся поэтому возможны, как и в других областях науки, научные предсказания, предвидение будущего. По странному совпадению, книга Маркса — «Критика политической экономии», где в предисловии в сжатой форме изложены основные мысли марксовского исторического материализма,—эта книга появилась в том же 1859 г., когда вышло и главное сочинение Дарвина «Происхождение видов». Это случайное совпадение как бы подчеркивает ту огромную революционную роль, которую сыграли оба учения—Дарвина и Маркса,—тот глубокий переворот, который они произвели в наших взглядах на мир и на человеческую жизнь.

То же, что мы говорили об идейных источниках марксизма в области общефилософской и философии истории, относится и к значению его предшественников в области экономической науки, где Маркс создал наиболее фундаментальную и величественную часть своей системы, и где он применил свой диалектический и историко-материалистический метод к открытию внутренних законов новейшей исторической эпохи, эпохи капитализма.

И здесь многое было сделано задолго до Маркса, в особенности великими классиками английской буржуазной политической экономии, Адамом Смитом и Давидом Рикардо. Важнейшие понятия марксовской экономической системы, понятия трудовой ценности и отчасти даже прибавочной ценности, были уже установлены, последнее во Франции—Сисмонди, в Англии—некоторыми последователями Оуэна.

Но и эти понятия не были положены никем до Маркса в основу цельной и последовательной экономической системы. И экономисты и социалисты бились в безысходных противоречиях, при чем социалисты из факта прибавочной ценности делали лишь предмет морального возмущения против эксплоатации.

Между тем Маркс это понятие сделал основной пружиной всех экономических законов капитализма. Он доказал неизбежность и «законность» прибавочной ценности при сохранении частной собственности на средства производства. Он впервые анализировал настоящий источник этой прибавочной ценности—особые свойства рабочей силы, как товара,—и дал, на основании грандиозного материала, «целого Монблана фактов», яркую, никем ни до, ни после него не превзойденную картину развития этой прибавочной ценности и всего основанного на ней капитализма, от «эпохи первоначального накопления» до грядущей фазы наивысшей концентрации капиталов, за которой последует «экспроприация экспроприаторов». В трех томах своего «Капитала» Маркс впервые рассмотрел все экономические отношения с точки зрения не хозяев, а рабочих, почему он дал своему труду подзаголовок не «политическая экономия», а «критика политической экономии», ибо ясно, что точка зрения эксплоатируемого создателя ценностей прямо противоположна точке зрения эксплоататора, эти ценности присваивающего. «Капитал» и является величайшим научным обоснованием (а не моральным, каким ограничивались прежние социалисты) правильности и осуществимости социалистических идеалов борющегося пролетариата.

Наконец, все предшествующее изложение истории социалистических учений и рабочего движения показало, какой уже был огромный материал для критики капитализма, частной собственности и эксплоатации, сколько важных и исторически ценных фактов в деле непосредственной борьбы рабочего класса с капиталом и капиталистическим государством успело накопиться к тому времени, когда на историческую сцену выступили Маркс и Энгельс. Несомненно, в этой области большая часть работы была проделана, и научному социализму оставалось лишь систематизировать ее и подвести под нее твердый научный фундамент философско-исторический и экономический. Но и это явилось целым переворотом в истории социализма. Со времени выступления марксизма он не был больше, как мы уже указывали, продуктом ума отдельных мыслителей, их суб'ективным идеалом, перестал он быть также выражением того смутного про-

теста против богачей, того стихийного стремления к равенству, которое проявлялось во всех революциях, при всех больших восстаниях рабочего класса. В марксизме социализм, как грядущий общественный строй, выступал с железной необходимостью в виде следствия самого капитализма, производимого им обобществления производства и организуемого им пролетариата.

Поэтому, если до Маркса социализм, как идейное течение, с одной стороны, и практическое рабочее движение, ставившее себе целью улучшить положение пролетариата,— с другой, шли по большей части раздельно, разными струями, то Маркс еще в 40-х годах, до революции 1848 г., подвел итог богатому опыту французского и особенно английского движения рабочих и окончательно слил борьбу за социализм с непосредственным массовым рабочим движением в один могучий поток; при этом он исправлял и дополнял свою теорию будущей социальной революции после опыта всех последующих движений, особенно революции 1848 г. и парижской Коммуны 1871 г.

Еще одна особенность отличала резко марксизм от других тогдашних течений европейского социализма: это его интернационализм. По своему воспитанию и впечатлениям молодости Маркс и Энгельс впитали в себя все лучшие и важнейшие элементы европейской культуры, все, что дали три величайших культурных нации: германскую идеалистическую философию и поэзию, английскую политическую экономию и чартизм, французские революции, французский материализм и социализм. И Маркс, для которого родными стали все три языка, который думал и писал, прихотливо перемешивая слова немецкие, французские и английские, был человеком, наиболее призванным для того, чтобы во главе всего международного пролетариата об'явить поход против всей международной буржуазии.

4. Теоретические основы научного коммунизма.

Итак, мы видим, что теория научного коммунизма Маркса и Энгельса, как она в своих основных чертах сло-

жилась уже в 40-х годах, состоит из трех неразрывно связанных между собой частей или элементов: материалистического понимания истории, учения о капитале и законах развития капиталистического общества и, наконец, теории социалистической революции. О подробностях будущего социалистического строя Маркс и Энгельс избегали говорить, отчасти потому, что на эту тему было достаточно сказано их предшественниками, отчасти же и притом, главным образом, потому, что они хорошо понимали всю бесплодность и беспочвенность всякой такой «музыки будущего», всяких детальных пророчеств. Они ограничивались установлением основных **принципов** будущего общества, которые в зародыше можно видеть уже теперь. О подробностях же, полагали они, грядущие члены мировой коммуны позаботятся сами. Поэтому, приступая теперь к сжатому изложению основ научного коммунизма, отчасти собственными словами его творцов, мы будем говорить лишь о главных элементах этого учения, больше всего опираясь на «Манифест коммунистической партии», как на наиболее яркий и наиболее распространенный документ научного коммунизма.

Вот, прежде всего, то знаменитое место из предисловия к «Критике политической экономии», где изложена сущность исторического материализма.

«В общественном отправлении своей жизни люди вступают в определенные, от их воли не зависящие отношения— производственные отношения, которые соответствуют определенной ступени развития их материальных производительных сил. Совокупность этих производственных отношений образует экономическую структуру (строение) общества, реальное основание, на котором возвышается правовая и политическая надстройка, и которому соответствуют определенные формы общественного сознания. Способ производства материальной жизни обусловливает процесс жизни социальной, политической и духовной вообще. **Не сознание людей определяет их бытие, но напротив, общественное бытие определяет их сознание.** На известной ступени своего развития материальные производительные силы об-

щества впадают в противоречие с существующими производственными отношениями, или, употребляя юридическое выражение, с имущественными отношениями, внутри которых они до сих пор действовали. Из форм развития производительных сил эти отношения становятся их оковами. Тогда наступает эпоха социальной революции. С изменением экономического основания более или менее быстро преобразуется и вся громадная надстройка над ним. При рассмотрении таких революций всегда следует иметь в виду разницу между материальным переворотом в экономических условиях производства, который можно определить с естественно-научной точностью, и юридическими, политическими, религиозными, художественными или философскими, словом, идеологическими формами, в которых люди воспринимают в своем сознании этот конфликт и во имя которых борются. Как нельзя судить об отдельном человеке по тому, что он о себе думает, точно так же нельзя судить о такой революционной эпохе по ее сознанию; скорее это сознание следует об'яснить из противоречий материальной жизни, из существующего конфликта между общественными производительными силами и производственными отношениями. Ни одна общественная формация не погибает раньше, чем разовьются все производительные силы, для которых она дает достаточно простора, и новые, высшие производственные отношения никогда не появляются на свет раньше, чем созреют материальные условия их существования в лоне старого общества. Поэтому человечество ставит себе всегда только такие задачи, которые оно может решить, так как при ближайшем рассмотрении, всегда окажется, что сама задача только тогда выдвигается, когда существуют уже материальные условия, необходимые для ее разрешения, или когда они, по крайней мере, находятся в процессе возникновения».

Другими словами, в борьбе за жизнь, которую люди, как животные общественные, ведут коллективно, вырабатываются определенные способы производства и, в зависимости от них, определенные отношения между людьми и отражение этих отношений в их идеологии: религии, нравствен-

ности, обычаях и т. п. С другой стороны, развитие производительных сил ведет к разделению труда и установлению неравенства. Первобытный родовой коммунизм заменяется обществом, разделенным на классы. С тех пор борьба классов становится главной движущей силой истории. «История всего предшествующего общества, — читаем мы в начале «Коммунистического Манифеста», — есть история борьбы классов. Свободный и раб, патриций и плебей, барон и крепостной, цеховой мастер и подмастерье, короче — угнетатель и угнетенный находились в постоянном противоречии друг к другу, вели непрерывную, то скрытую, то открытую борьбу, борьбу, оканчивающуюся каждый раз революционным преобразованием всего общества или же совместной гибелью борющихся классов».

С появлением классов и их взаимной борьбы возникает и государство, как «организация классового господства», как орудие подавления эксплоатируемого и трудящегося большинства народа эксплоататорским меньшинством. И государственный строй, и правовые понятия, и официальная религия, и нравственность, наука, философия и искусство, — все приобретает классовый характер, т.-е. отражает стремления и интересы того или иного класса, часто бессознательно для его членов, которые принимают свои классовые идеи и понятия за общечеловеческие истины и идеалы. С этой точки зрения легко разрешается то противоречие между «идеями» и «имущественными отношениями», над которым безрезультатно бились социалисты-утописты и буржуазные историки времен реставрации. Ибо определенные формы политической организации, равно как определенная идеология, являясь продуктом соответственных экономических отношений и — в конечном счете — определенной ступени производительных сил общества, сами в процессе борьбы классов становятся активными силами, влияющими на экономическое развитие общества.

В самом деле, внутри старого общества, с его экономическими отношениями и политическим строем, с его правовыми, моральными, религиозными или научными поня-

тиями, развиваются новые производительные силы, которые вызывают необходимость в перестройке всего здания, ибо в прежнем здании им становится тесно. Так, напр., внутри феодального общества с его господством дворянства и духовенства, с его цеховой организацией ремесла, — развилась торговля и промышленность, созрел капиталистический строй. Старое общество оказалось неприспособленным к новым формам производства, стесняло их развитие. Тогда новый прогрессивный класс, буржуазия, выдвинул новые идеи, идеи политической и религиозной свободы, уничтожения сословных привилегий, свободы торговли и промышленности. Эти идеи сыграли огромную роль в разрушении старого режима, в развенчании всех прежних авторитетов. Они помогли буржуазии совершить революцию и создать новый политический и правовой строй, строй буржуазный, который соответствовал новой ступени развития производительных сил.

При этом, как политические формы, так и идеи, являясь прогрессивными в одну эпоху, в свою очередь, по законам диалектического развития, сами становятся реакционными, когда внутри общества созревает новый переворот. Так, политические формы господства буржуазии, до буржуазной республики включительно, становятся реакционными, когда в рамках капиталистического строя созревают новые формы производства—социалистические—и выдвигается новый прогрессивный класс,—наследник буржуазии,—пролетариат, заменяющий идею буржуазной свободы идеей коммунизма и фактическую, хотя и прикрытую «демократическими» фразами диктатуру буржуазии — откровенной «диктатурой пролетариата».

С другой стороны, это обратное действие «надстроек», в частности политической силы, на экономический «фундамент» общества может проявиться лишь тогда, когда «надстройки» отвечают действительному развитию общества. Ибо хотя, как говорит Маркс, «сила является повивальной бабкой старого общества, беременного новым» (что и выражается в революциях, где «часть населения», по выражению Энгельса, «навязывает свою волю другой части посредством

ружей, штыков, пушек»), но тот же Маркс предупреждает, что нельзя «ни перескочить через естественные фазы развития, ни отменить их декретом» (предисловие к «Капиталу»). Иначе выражает ту же мысль Энгельс в «Антидюринге». Если политическая сила «действует наперекор экономическому развитию (как в некоторых случаях завоевания), она, за немногими исключениями, обыкновенно разрушает это развитие». «Где же—оставляя в стороне случаи завоевания—туземная политическая сила какой-либо страны вступала в противоречие с ее господствующими экономическими факторами... там борьба всякий раз оканчивалась поражением политической силы. Всегда, без исключений, неумолимое экономическое развитие пролагало себе путь; наиболее яркий в этом отношении пример представляет собою французская революция».

Так же, как на идеи и политические формы и силы, смотрит марксизм и на роль личностей в истории. В отличие от прежних социалистов, придававших, как мы знаем, личностям огромное значение, исторический материализм смотрит на так называемых великих людей не столько как на творцов, сколько как на орудия исторического процесса, отражающие те или иные борющиеся в нем силы. Лишь в редких исключительных случаях удается личности в истории отгадать ее путь, подслушать биение ее пульса и согласовать свои действия с общим направлением ее главных движущих сил. Это именно лишь дело случая или гениального, бессознательного чутья. Чаще же всего человека, даже сильного и талантливого, ждут на его пути тяжелые неудачи и разочарования. Так бывает со многими деятелями всякой революции, а также со всеми утопистами, со всеми историческими мечтателями и фантазерами. Грубый, стихийный исторический процесс опрокидывает все их расчеты, разрушает все их мечты и планы.

Но это несоответствие личных стремлений и идеалов с реальной, действительной общественной жизнью и ее законами существует лишь до тех пор, пока эти законы нам неизвестны, пока история кажется нам случайным, хаотическим сцеплением отдельных событий и фактов или капризом от-

дельных «великих людей». Напротив, с того момента, как, благодаря учению Маркса и Энгельса, нам стали известны внутренние законы, законы экономические, управляющие стихийным историческим процессом, с тех пор, как мы можем определить дальнейшее направление этого процесса, предсказывать, хотя бы в общих чертах, грядущий ход событий, роль личности в истории, роль идейного воздействия на массы становится огромной.

Впервые в жизни человечества человек постигает законы собственной истории, собственного развития. И как, познав законы природы, часть которой он составляет, человек из раба ее становится господином, научается подчинять ее своим коллективным целям, заставляет ее служить себе,—так, познав законы, управляющие развитием самого общества, человек начинает впервые направлять свои сознательные усилия к тому, чтобы это развитие приспособить к своим целям и идеалам. Ибо, как говорит Энгельс в «Анти-Дюринге», «из такого понимания истории само собою вытекает положение, что средства для устранения обнаружившихся недостатков (общественного строя) должны существовать в самих производственных отношениях, в их более или менее развитой форме. Эти средства не изобретаются из головы, но отыскиваются посредством головы в различных материальных условиях производства».

Но это может делать лишь тот класс, который в данный момент является носителем исторического прогресса, которому выпало на долю совершить величайшее преобразование, когда-либо виденное миром: на место борьбы и эксплоатации создать общество, построенное на братском труде. Этот класс — пролетариат. Поэтому именно его вожди и идейные руководители только и могли создать теорию исторического материализма, могучее духовное оружие в борьбе угнетенных классов за свое освобождение и освобождение всего человечества от всякого рабства, от всякой эксплоатации.

И когда это освобождение станет историческим фактом, когда на место капиталистического общества, с его анархией производства, с его безумной растратой сил и средств, с его борьбой всех против всех, — станет общество социали-

стическое, основанное на планомерной и разумной организации обобществленного производства и распределения, тогда впервые человек станет настоящим творцом своей истории. «Это будет прыжком человечества из царства необходимости в царство свободы», говорит Энгельс. «Пролог истории кончится», и начнется настоящая история человечества, как свободное и разумное творчество новых, лучших форм жизни.

«Совершить этот освободительный акт, — кончает Энгельс, — вот историческая задача современного пролетариата. Исследовать же его исторические условия и его характер и выяснить, таким образом, призываемому теперь к действию угнетенному классу условия и сущность его собственной деятельности, — это является задачею теоретического исследования пролетарского движения, научного социалзма».

«Условия и сущность» освободительной борьбы пролетариата, равно как и научные доказательства успешности этой борьбы, залог будущей победы коммунизма над капитализмом, открыл Маркс во внутренних законах и неумолимых противоречиях самого капиталистического общества. Вот почему исследованию о капитале он посвятил большую часть своей жизни, вот почему «Капитал» является до сих пор главной теоретической работой научного коммунизма.

С тех пор, как существует неравенство и деление общества на классы, эксплоатирующее меньшинство человечества жило на счет прибавочного труда огромного большинства, заставляя его так или иначе работать на себя. Но капиталистический строй, основанный на замене натурального хозяйства товарно-денежным, сделал рабочую силу товаром, превратил прежнего раба или крепостного в наемного рабочего, пролетария, «свободного» в двух отношениях: и в смысле распоряжения своей рабочей силой, и в смысле лишения каких бы то ни было средств производства. Ценность рабочей силы, как и ценность всякого товара, определяется количеством труда, необходимого для его воспроизведения, т.-е. по отношению к рабочей силе — количеством

средств существования, необходимых для того, чтобы рабочий мог жить и воспроизводить нужную капиталисту рабочую силу.

Покупая эту силу, капиталист «на законном основании» считает себя в праве извлекать из нее всю возможную выгоду, для чего он удлиняет рабочий день, увеличивает интенсивность и производительность труда. Все, что рабочий вырабатывает сверх оплаты собственных средств существования, и составляет прибавочную ценность капиталистического общества, единственный источник общественного богатства, роста капиталов. Вся масса прибавочной ценности распадается на доли отдельных групп господствующих классов: долю землевладельцев или ренту, ростовщический или банковский процент, торговую прибыль и прибыль промышленную, которая, в свою очередь, в результате конкуренции капиталистов, распределяется между ними пропорционально затраченным ими капиталам.

Эта же конкуренция заставляет капиталистов, в погоне за рынками, удешевлять продукты путем введения все новых машин и усовершенствованных способов производства, путем увеличения размеров производства, его концентрации. Крупнейшие капиталисты в бешеной борьбе побивают и разоряют мелких и средних буржуа. Свободная конкуренция, по законам диалектического развития, превращается в собственную противоположность, в монополию отдельных немногих магнатов капитала или их групп и об'единений над всеми средствами производства, над всеми источниками жизни.

В то же время погоня каждого капиталиста исключительно за барышом вызывает отсутствие планомерности, «анархию» в производстве, при которой одни капиталисты производят, не думая о других. В результате—периодические промышленные кризисы, массовые потрясения в торговле и промышленности, при которых на одном полюсе общества «перепроизводство», излишек богатств, не могущих быть проданными именно потому, что на другом полюсе растет необеспеченность и даже нищета эксплоатируемых масс.

Ибо вместе с увеличением богатства и могущества капиталистов увеличивается численно и рабочий класс, время от

времени выбрасываемый безработицей на улицу, неуверенный в завтрашнем дне, но начинающий чувствовать свое значение и силу. И борьба этого рабочего класса с капиталом, борьба против своего вырождения и за улучшение своего положения постепенно превращается в борьбу против всего капиталистического строя, против общества, разделенного на классы, в борьбу за передачу общественных средств производства, созданных трудом всего общества и присвоенных в частную собственность капиталистами, — за передачу их в руки всего общества, то-есть в борьбу за социализм.

То, что было немыслимо в прежние, докапиталистические эпохи, когда труд был индивидуальным и малопроизводительным, стало возможно и осуществимо теперь, при общественном характере всего производства, когда каждый отдельный товар является продуктом об'единенного труда целых масс, часто раскинутых в разных концах земного шара. Капитализм впервые создал предпосылки, необходимые условия для осуществления мечты о социализме: колоссальный рост общественного богатства, общественную организацию производства и целый класс, лишенный собственности, об'единяемый и дисциплинируемый этим производством, все растущий в числе, отделяемый все большей пропастью от господствующих классов и понимающий, что его спасение от нищеты и вырождения заключается лишь в том, чтобы взять в свои руки созданные этими руками средства производства и сделать их, таким образом, общественным достоянием.

Борьба пролетариата с капиталом и отражает то противоречие, которое существует в капиталистическом обществе между общественным характером производства и частным, индивидуальным присвоением. Это противоречие должно привести к взрыву, к социальной революции.

«Буржуазия сыграла в истории в высшей степени революционную роль»,—читаем мы в «Коммунистическом Манифесте». «Повсюду, где буржуазия достигала власти, она разрушала все феодальные, патриархальные, идиллические отношения. Она безжалостно порвала пестрые феодальные

нити, привязывавшие человека к его естественным начальникам, и оставила между людьми только одну связь — голый интерес, бесчувственный «наличный платеж»... Одним словом, она поставила на место эксплоатации, прикрытой политическими и религиозными иллюзиями, открытую, бесстыдную, прямую, сухую эксплоатацию». «Буржуазия не может существовать, не революционизируя постоянно орудий производства, а, следовательно, производственных отношений, а, следовательно, и всех общесвтенных отношений... Потребность в постоянно увеличивающемся сбыте продуктов гонит буржуазию по всему земному шару... Своей эксплоатацией мирового рынка она сделала производство и потребление всех стран космополитическим... Буржуазия подчинила деревню господству города... Она создала громадные города, она в высокой мере увеличила городское население по отношению к сельскому и, таким образом, освободила значительную часть населения от идиотизма деревенской жизни... За время своего классового господства, длящегося едва сто лет, буржуазия создала более многочисленные и более могущественные производственные силы, чем все предшествовавшие поколения вместе». Но, «создав, как бы по волшебству, такие могучие средства производства и обращения», буржуазия «уподобляется тому волшебнику, который не в силах больше заворожить вызванные им подземные силы... Достаточно указать на торговые кризисы, которые, периодически возвращаясь, все сильнее угрожают существованию буржуазного общества...

Во время кризисов разражается общественная эпидемия, которая во всякую предшествовавшую эпоху казалась бы бессмыслицей — эпидемия перепроизводства. Общество оказывается вдруг отброшенным на время назад к состоянию варварства, как-будто голод, всеобщая разрушительна война лишают его всех средств существования; промышленность, торговля кажутся уничтоженными,—почему? Потому что у него слишком много цивилизации, слишком много средств производства слишком много промышленности, слишком много торговли... Буржуазные отношения стали слишком узкими, чтобы вместить созданное ими богатство. — Чем побеждает буржуазия кризисы? С одной стороны, вынужденным

уничтожением массы производительных сил, с другой стороны, завоеванием новых рынков и более основательной эксплоатацией старых. Итак, чем? Тем, что она подготовляет более всесторонние и могучие кризисы и уменьшает средства избежать их».

«Оружие, которым буржуазия низвергла феодализм, направляется теперь против самой буржуазии. Но буржуазия не только выковала оружие, которое принесет ей смерть, она создала и людей, которые возьмут в свои руки это оружие,— современных рабочих - п р о л е т а р и е в».

«Из всех классов, противостоящих в наши дни буржуазии, только один пролетариат является действительно революционным классом. Остальные классы чахнут и гибнут под влиянием крупной промышленности, пролетариат же является ее характерным продуктом... Все предшествовавшие движения были движениями меньшинства или в интересах меньшинства. Пролетарское движение есть движение громадного большинства в интересах громадного большинства. Пролетариат, самый низший слой современного общества, не может подняться, не может выпрямиться, не взорвав на воздух всю надстройку слоев, образующих официальное общество».

«Буржуазия, — заканчивают Маркс и Энгельс первую главу «Манифеста»,—уже неспособна господствовать, потому что она неспособна обеспечить своему рабу существование даже в пределах его рабства, потому что она вынуждена дать ему опуститься до такого положения, когда она должна кормить его вместо того, чтобы он кормил ее... Таким образом, с развитием крупной промышленности, из-под ног крупной буржуазии устраняется само основание, на котором она производит и присваивает себе продукты. Она производит, прежде всего, своего собственного могильщика. Ее гибель и победа пролетариата одинаково неизбежны».

Или, как сказал Маркс 20 лет спустя после «Манифеста» в знаменитом месте своего «Капитала»: «Монополия капитала становится оковами того способа производства, который вместе с нею и благодаря ей достиг расцвета. Централизация средств производства и обобществление труда достигают уровня, при котором они становятся несовместимыми с их капи-

талистической оболочкой. Последняя разрывается. Бьет час капиталистической частной собственности. Экспроприирующих экспроприируют».

Противники марксизма нередко утверждают, что эта теория превращается в ф а т а л и з м, т.-е. веру в какой-то слепой рок истории, который, независимо от воли и сознания людей, «сам собой» неизбежно приведет их из царства капитализма в царство социализма, и что этому противоречат призывы к действию, образование партий и т. п. Но так говорить, значит совсем не понимать исторической теории Маркса. История ведь делается людьми. Правда, пока они распылены, пока каждый действует лишь за себя, из столкновения их индивидуальных воль и интересов получается с т и х и й н ы й процесс, подобный явлениям природы, и законы которого и изучает марксизм. Но раз эти законы познаны, раз основная т е н д е н ц и я, т.-е. дальнейшее направление исторического пути, в частности развития капитализма, изучено, то быстрота процесса и степень его безболезненности зависят от сознательности и организованных действий того класса, который наиболее заинтересован в замене капиталистического строя социалистическим. Внутренние противоречия буржуазного общества обрекают его на неизбежную гибель, но для того, чтобы эта гибель не превратилась в гибель всей европейской цивилизации, т.-е. в понижение общей культуры, необходимо, чтобы н а с л е д н и к буржуазии, пролетариат, был на высоте той гигантской задачи, которая выпала ему на долю. Поэтому просвещение и организация пролетариата из класса бессознательного в с о з н а т е л ь н ы й, руководимый боевой политической партией, партией коммунистов, ясно отдающей себе отчет в целях и средствах борьбы,—составляет неот'емлемую принадлежность научного коммунизма, как учения активного, действенного.

Поэтому также, создавая особую тактику революционной пролетарской борьбы, Маркс выработал и т е о р и ю п р о л е т а р с к о й р е в о л ю ц и и, резко отличаясь этим от всех предшествовавших ему и современных социалистов типа Бабефа или Бланки, для которых революция была делом

не класса, а сравнительно небольшой группы заговорщиков.

Учитывая опыт революций 1848 г., Маркс писал: «Буржуазные революции несутся быстрее от успеха к успеху, их драматические эффекты один сильнее другого, люди и вещи кажутся оправленными в огненные бриллианты, каждый день проникнут экстазом, но эти революции недолговечны, наступает скоро момент, когда они достигают апогея, и обществом овладевает продолжительное похмелье, раньше чем оно трезво усвоило себе результаты своего периода бурных стремлений. Напротив, пролетарские революции постоянно критикуют себя сами, беспрерывно прерывают себя в своем собственном течении, возвращаются назад к тому, что, повидимому, совершилось, чтобы начать его сызнова, основательно и жестоко высмеивают половинчатость, слабость и ничтожность своих первых опытов, повергают ниц своего противника как бы для того только, чтобы он почерпнул из земли новые силы и поднялся против них еще большим, чем прежде, исполином, отступают каждый раз вновь в страхе пред неопределенной громадностью собственных целей, пока не создается положение, которое делает всякий возврат невозможным, и условия сами призывают: Hic Rhodus, hic salta!» *).

Эта же мысль выражена Марксом в известных словах: «Мы говорим рабочим: вам придется пережить 15, 20, 50 лет гражданских войн и битв народов, не только чтобы изменить общественный строй, но чтобы изменить и себя самих».

Так как «всякая классовая борьба есть борьба политическая», т.-е. борьба против государственной организации господствующих классов, то революция пролетариата сводится прежде всего к завоеванию государственной власти. При этом, уже после парижской коммуны 1871 г., Маркс писал (в «Гражданской войне во Франции»), что «рабочий класс не может просто взять в свои руки готовую государственную машину и пу-

*) Т.-е., делай решительный скачок, принимай роковое решение. Эта блестящая картина становится особенно яркой теперь, в свете начинающейся эпохи мировой пролетарской революции.

стить ее в ход для своих целей». Другими словами, он должен сначала разрушить бюрократический аппарат буржуазии и затем уже создавать свою собственную организацию власти, отвечающую пролетарскому характеру нового государства. Эта государственная форма, названная впоследствии Марксом «диктатурой пролетариата», уже в «Манифесте» характеризуется, «как возвышение пролетариата до положения господствующего класса», как форма переходного периода, в течение которого «пролетариат, организованный, как господствующий класс», воспользуется своей властью для постепенной экспроприации буржуазии и организации социалистического производства.

При этом само собой разумеется, что диктатура пролетариата означает откровенное господство силы, неизбежное во всякой революции, которая является гражданской войной, — господство «вооруженных рабочих». Иначе говоря, диктатура и свобода несовместимы.

Подобно Бабефу, писавшему, как мы помним, в 1794 г.: «Зачем свобода беднякам и нищим, раз ею пользуются и богачи», — Энгельс уже в 1875 г. писал вождю германских рабочих Бебелю, критикуя лозунг «свободного народного государства» при социалистическом строе: «Пока пролетариат еще нуждается в государстве, он нуждается в нем не в интересах свободы, а в интересах подавления своих противников, а когда становится возможным говорить о свободе, тогда государство, как таковое, перестает существовать».

В самом деле, выступая всегда против анархистов, предлагавших «отменить» или «разрушить» государство, и ставя, наоборот, пролетариату задачу завоевания государственной власти в интересах социалистического преобразования общества, Маркс и Энгельс с самого начала и до конца своей деятельности неустанно повторяли, что диктатура пролетариата будет последней формой государственного господства вообще, что вместе с уничтожением классов исчезнет надобность и в организации классового господства, и государство, с его аппаратом власти и угнетения, «отомрет», превратившись в свободное общество.

Так, уже в «Манифесте» в конце 2-й главы мы читаем: «Пролетариат воспользуется своей политической властью, чтобы постепенно вырвать у буржуазии капитал, централизовать все орудия производства в руках государства, т.-е. пролетариата, организованного, как господствующий класс, и возможно скорее увеличить массу производительных сил». Перечисляя затем ряд переходных мер, которые сами они считали впоследствии «отчасти устаревшими» *), Маркс и Энгельс кончают: «Когда в ходе развития исчезнут классовые различия, и все производство сосредоточится в руках об'единенных в союзы индивидуумов, тогда публичная власть утратит свой политический характер. Политическая власть, в собственном смысле слова, является организованной силой одного класса в целях угнетения другого. Когда пролетариат, в борьбе против буржуазии, по необходимости об'единяется в класс, посредством революции делается господствующим классом и, в качестве господствующего класса, насильственно уничтожает старые производственные отношения, то вместе с этими производственными отношениями он уничтожает условия существования классовой противоположности, уничтожает классы вообще и тем самым свое собственное господство, как класса».

«Вместо старого буржуазного общества с его классами и классовыми противоположностями возникает ассоциация,

*) «Экспроприация земельной собственности и обращение земельной ренты на покрытие государственных расходов; высокий прогрессивный налог; уничтожение права наследования; конфискация имущества всех эмигрантов и бунтовщиков; централизация кредита в руках государства посредством национального банка с государственным капиталом и исключительной монополией; централизация средств передвижения в руках государства; увеличение числа национальных фабрик, орудий производства, расчистка под пашню и улучшение качества земель по общему плану; одинаковая для всех обязанность работать, организация промышленных армий, особенно для земледелия; соединение земледелия с промышленностью, содействие постепенному устранению различия между городом и деревней; общественное и бесплатное воспитание всех детей; устранение фабричной работы детей в ее нынешней форме; соединение воспитания с материальным производством и т. д.».

в которой свободное развитие каждого является условием свободного развития всех».

5. Революционная тактика марксизма.

Маркс и Энгельс называли себя коммунистами, а свое учение—коммунизмом. Правда, впоследствии слова социализм и коммунизм не раз употреблялись ими, особенно Энгельсом, как равнозначащие, и в своей книге «Анти-Дюринг» Энсом, как равнозначащие, и в своей книге «Антидюринг» Энгельс называет учение Маркса «научным социализмом». Но всякий раз, как им нужно было подчеркнуть свое отличие от других современных им социалистов, они сознательно возвращались к старому названию коммунистов и говорили, что слово «социал-демократ», каким стали обозначать себя их последователи в Германии,—не точное и хуже выражает нужное понятие, чем коммунист. Поэтому и историк германской социал-демократии Меринг везде называет марксизм «*научным коммунизмом*».

В чем же видели Маркс и Энгельс разницу между социализмом и коммунизмом? Социализм XIX в., как мы уже знаем, возник в рядах буржуазной интеллигенции и распространялся в 30-х и отчасти в 40-х годах, главным образом, среди интеллигенции же; он противопоставлял большую организованность и общественность производства и распределения безудержной капиталистической конкуренции и анархии производства, а также сочувствие к эксплоатируемым массам—бездушному эгоизму буржуазии. Коммунизм же с давних пор выражал народное стремление к *равенству*, шел *снизу* и понимался, как революционное ниспровержение всех основ существующего общества, собственности, семьи, государства, а в позднейшее время и религии. Поэтому в то время, как коммунизм внушал ужас и отвращение всем господствующим классам и даже мелкой буржуазии, социализм не раз становился «модным» учением, «принятым в салонах»; он означал иногда лишь необходимость радикальных общественных реформ, идущих *сверху*, улучшение положения рабочего класса, обуздание аппетитов крупного капитала и т. п., и все это в *интересах самосохранения всего бур-*

жуазного общества в целом, в интересах предупреждения пролетарской революции. Поэтому такие «левые» деятели буржуазии, как английский министр Гладстон, могли бросать крылатые фразы, в роде того, что «мы все теперь социалисты»; мелко-буржуазные демократы во Франции в 40-х годах и во время революции 1848 г. называли себя «социал-демократами», а одна из мелко-буржуазных французских партий до сих пор называет себя «радикал-социалистами». Поэтому также, как мы увидим впоследствии, могли появиться такие выражения, как «социализм» христианский, государственный и т. д.

Но именно поэтому Маркс и Энгельс присвоили себе пугавшее все буржуазные партии и фракции название коммунистов. Этим они подчеркивали не только цельность и последовательность своего общественного идеала, не только полный разрыв со всеми буржуазными отношениями в будущем обществе, но и непримиримую, решительную и принципиальную тактику в настоящем, тактику революционную и в то же время не утопическую, а опирающуюся на реальные общественные силы и возможности. Итак, марксистскую тактику можно определить словом «революционный реализм».

В самом деле, для партии, желающей опираться на массы, тактика, т.-е. искусство вести политическую борьбу, как и военное искусство, является делом сложным. У социалистов-утопистов не было никакой тактики, так как они не вели борьбы, а лишь пропагандировали свои идеи; тактика коммунистов-заговорщиков, как Бабеф или Бланки, была очень проста и сводилась к организации тайных обществ для захвата власти небольшим революционным меньшинством. Наоборот, марксистская тактика, тактика массовой борьбы пролетариата, ставящая себе ближайшей целью революционную диктатуру пролетариата, как класса, с одной стороны, должна уметь соединить конечную цель—коммунистическую революцию—с повседневными нуждами, интересами и требованиями рабочих, а с другой — использовать в борьбе все слабые стороны и внутренние противоречия капиталистического строя.

И мы видим, что уже в «Нищете философии», т.-е. в 1846—7 году, Маркс, в противоположность Прудону и другим тогдашним социалистам, под впечатлением грандиозной борьбы чартистов, умел оценить все значение экономической борьбы пролетариата за увеличение заработной платы, сокращение рабочего дня и т. п., все значение стачек и рабочих союзов или «коалиций». Эту же элементарную классовую борьбу отметил Маркс и в «Манифесте», как первый этап борьбы за социализм. Организуя и сплачивая рабочих, воспитывая в них чувство товарищеской солидарности и «классовое самосознание», т.-е. противоположение себя как класса всем другим классам, экономическая борьба может принести рабочим непосредственное улучшение их положения (напр., десятичасовой рабочий день в Англии); а с другой стороны, она показывает им ограниченные пределы этих улучшений в рамках капиталистического общества, она сталкивает их с основными законами капиталистической эксплоатации, с классовым характером государственной власти и постепенно приводит их к социализму, как единственному радикальному решению невыносимых социальных противоречий. Маркс был одним из первых (после Оуэна) коммунистов, которые придавали огромное значение профессиональным союзам, названным им впоследствии «школами социализма».

В отличие от Бланки, например, который ограничивал деятельность социалистов политической подготовкой будущей революции, Маркс видел в экономических организациях пролетариата не только превосходную школу борьбы, связывающую его повседневные интересы с грядущим коммунистическим переворотом, но и школу самоуправления, вырабатывающую из рабочих будущих организаторов производства и хозяев общества.

С другой стороны, в отличие от оппортунистов всех видов, для которых практика сегодняшнего дня и текущие успехи борьбы являются главным, если не единственным содержанием их деятельности, Маркс и Энгельс ни на одну минуту не забывали конечной цели движения. Вместе с тем они знали, что «борьба пролетариата против буржуазии является прежде всего национальной борьбой», и «пролета-

риат каждой страны должен, конечно, прежде всего покончить со своей собственной буржуазией» («Манифест»), тем не менее по сути дела при капиталистическом строе «у рабочих нет отечества», и поэтому их борьба в конечном счете должна стать международной.

Поэтому, читаем мы там же, «коммунисты отличаются от остальных пролетарских партий лишь тем, что, с одной стороны, в борьбе пролетариев разных национальностей они выдвигают и отстаивают общие, независящие от национальностей интересы всего пролетариата, с другой стороны, тем, что на различных ступенях развития борьбы пролетариата с буржуазией они всегда представляют интересы движения в целом. Коммунисты, следовательно, являются на практике самой решительной, стремящейся все дальше частью рабочих партий всех стран; теоретически, они имеют перед остальной массой пролетариата то преимущество, что понимают условия, ход и общие результаты пролетарского движения».

Опираясь на реальное рабочее движение, «являясь лишь выражением действительных условий существующей классовой борьбы», коммунисты, по мнению «Манифеста», должны уметь использовать и всякую борьбу внутри буржуазного общества. Они поддерживают поэтому буржуазию в ее борьбе против самодержавной королевской власти и феодального дворянства (в Германии), мелкую буржуазию против крупной (во Франции), крестьян против помещиков (в Польше). «Одним словом, коммунисты повсюду поддерживают всякое революционное движение, направленное против существующего общественного и политического строя», но при всех условиях, «ни на минуту не перестают вырабатывать у рабочих возможно ясное сознание враждебной противоположности между буржуазией и пролетариатом».

«Манифест» кончается всемирно известными словами: «Коммунисты не считают нужным скрывать свои взгляды и намерения. Они открыто заявляют, что их цели могут быть достигнуты лишь путем насильственного низвержения всего существующего общественного строя. Пусть господствующие классы дрожат перед коммунистической революцией. Пролета-

риям нечего терять в ней, кроме своих цепей. Приобрести же они могут целый мир. Пролетарии всех стран, соединяйтесь!.»

Свою революционную тактику, свое убеждение, что переход от капитализма к коммунизму может совершиться только путем ряда революций, сохранили Маркс и Энгельс до конца жизни. Правда, они не были революционерами «из любви к искусству». Они знали, что революции дорого обходятся народам. Уже в 70-х годах Маркс писал однажды Энгельсу, что «пролетариату всего выгоднее было бы откупиться от этой банды», т.-е. мирным путем выкупить у капиталистов орудия производства. Но они понимали, что это неосуществимая мечта, что буржуазия до последней крайности будет бороться за свои богатства и власть, и что взять их у нее сможет пролетариат только силой. Не отказывались никогда Маркс и Энгельс и от использования «легальных возможностей»: открытой пропаганды, легальных союзов и партий, избирательной борьбы и выборов в парламент.

А Энгельс даже писал почти накануне смерти *), оценивая трудности будущих пролетарских революций, что хотя «наши товарищи за границей не отказываются от своего права на революцию, ибо право на революцию—единственное действительно «историческое право», но в «Германии — по крайней мере, для ближайшего будущего — мы, «революционеры», «потрясатели основ», вернее идем к своей цели законными путями, нежели незаконными» **). Но и Энгельс (который, кстати сказать, тогда же в частных письмах указывал, что эта «легальная» тактика имеет в виду лишь самое близкое будущее, вызывается особеностями тогдашней Германии, и отнюдь не должна рассматриваться, как принципиальный отказ от революции) и Маркс, признавая, в отличие от анар-

---

*) В известном предисловии к марксовской «Классовой борьбе во Франции в 1848—50 г.г.».

**) Впрочем, это предисловие Энгельса было самым существенным образом «смягчено» и даже искажено Ц. К-том германской соц.-демократии при печатании его в Берлине. Из опасения полицейских репрессий, из него были выброшены места, где говорилось о грядущей революции, об уличных боях и т. п.

хистов, все значение использования «легальных возможностей», в частности, агитационное значение избирательной борьбы и парламентской трибуны, всегда были уверены, что решающим моментом в грядущем социалистическом преобразовании общества все же будет насильственная революция и ее завершение—диктатура пролетариата. И проведя большую часть своей жизни в эпоху бурных социальных конфликтов и революций (1830, 1848—1850, 1870—1871 годов), основатели научного коммунизма посвятили усиленное внимание самой тактике будущей пролетарской революции.

Как же представляли себе Маркс и Энгельс будущую революцию?

Прежде всего, отрицая всякий заговорщический авантюризм, всякую игру в конспирации и революции, они все же отнюдь не отказывались от подготовки и организации восстаний, отнюдь не полагались лишь на слепую стихию революции. «Восстание», писал Энгельс в конце 1852 г. в своей «Революции и контр-революции в Германии», «восстание есть такое же искусство, как война или что-либо другое, и подчиняется известным правилам, пренебрежение которыми приводит к гибели пренебрегшую ими партию». Далее, овладев властью, победоносный пролетариат, по мнению Маркса и Энгельса, в борьбе с противниками вынужден будет прибегнуть к террору. Вот что писал Маркс в своей «Новой Рейнской Газете» в самый разгар революции, в мае 1849 г.: «Когда придет наш черед, мы не будет прикрашивать терроризм» (в противоположность монархическим террористам, «зверским и подлым на практике, трусливым и лицемерным в теории, бесчестным в обоих случаях»). И дальше: «Есть лишь одно средство сократить, упростить, сосредоточить смертные муки старого общества, болезненые роды нового, и это единственное средство—революционый терроризм». А 22 года спустя, в написанной тотчас после кровавого усмирения Коммуны «Гражданской войне во Франции» Маркс от имени Генерального Совета Интернационала оправдывал расстрел коммунарами заложников, произведенный ими в момент падения Коммуны. «Когда Тьер... еще в начале войны ввел гуманный обычай расстреливания плен-

ных, Коммуне не оставалось больше никаких средств для спасения жизни этих пленных, как прибегнуть к прусскому обычаю брать заложников... Неужели и последняя защита от неостанавливавшегося ни перед чем зверства буржуазии—взятие заложников, должна была остаться только шуткою?». Наконец, Энгельс, уже в 1873 г., в полемике с прудонистами, которые требовали отмены государства, как первого акта социальной революции, доказывал, что самая революция немыслима без власти, и прибавлял: «И победившая партия по необходимости бывает вынуждена удерживать свое господство посредством того страха, который внушает реакционерам ее оружие».

Вообще Маркс и Энгельс понимали, что во время революции, как и во время войны, где главная задача—победить, нельзя во имя отвлеченных принципов затруднять эту победу. Так, в «Гражданской войне», ставя в заслугу Коммуне, что она была правительством, выбранным на основе всеобщего избирательного права, правительством, ответственным перед избирателями и сменяемым, Маркс, тем не менее, не возводил этого факта в демократический принцип. Всеобщее избирательное право должно было обнимать, по его мнению, пролетариат и сочувствовавшую ему мелкую буржуазию, но никоим образом явных врагов, всю реакционную «партию порядка», сгруппировавшуюся вокруг «спасителя» буржуазной собственности Тьера. В этом отношении Маркс не расходился с Бланки, который незадолго до 1870—1871 г.г. писал, что в будущей революции, в отличие от 1848 г., не будет «никакой свободы врагам». В самом деле, упрекая коммунаров в том, что они с самого начала не пошли походом на Версаль и не покончили «раз навсегда с конспирациями Тьера и его помещичьей палаты», Маркс считает «роковой ошибкой» не только эту военную беззаботность, но и то, что «партию порядка» допускали снова попытать свои силы на выборах в Коммуну 26 марта. В этот день «люди порядка» усердствовали... с речами примирения, давая себе, разумеется, втайне торжественную клятву кроваво отомстить своим чрезмерно великодушным победителям».

Но, по мнению Маркса и Энгельса, в момент революции пролетариату придется вести борьбу не только против крупной буржуазии. По мере того, как революция будет разворачиваться и принимать все более решительный социалистический характер, в рядах врагов пролетариата может оказаться и мелкая буржуазия, особенно такая жалкая, трусливая и политически невоспитанная, как германская. Отношение пролетариата к этой мелкой буржуазии в грядущей революции подробно разобрали Маркс и Энгельс в замечательном циркулярном письме Центрального Комитета Германского Союза коммунистов от марта 1850 г., когда они еще ждали новой вспышки революции в Европе и в частности в Германии. Это обращение представляет собою целую, подробно разработанную, программу революции, программу, как мы увидим, в основных своих чертах неотвергавшуюся Марксом и Энгельсом и впоследствии. В виду этого значения ее для характеристики революционной тактики марксизма и того огромного интереса, который она имеет, как пророчество, для современного революционного момента и споров социалистов с коммунистами о тактике революции, мы приведем из нее целый ряд выдержек.

«Роль, которую немецкие либеральные буржуа 1848 года играли по отношению к народу, эта предательская роль перейдет в предстоящую революцию к демократической мелкой буржуазии... Эта демократическая партия... для рабочих гораздо опаснее, чем прежняя либеральная» *), при чем она состоит не только из более прогрессивных элементов крупной буржуазии и демократических мелких буржуа, но и из крайних республиканцев, «идеал которых — германская федеративная республика по образцу швейцарской, и которые теперь называют себя красными и социал-демократами, так как они питают благочестивое желание уничтожить давление крупного капитала на мелкий». — «Мелко-буржуазная демократическая партия Германии весьма сильна, она обнимает не только огромное большинство буржуазных обитателей городов, мелких торговых и промышленных людей и ремесленных мастеров; она

*) Курсив везде наш.

насчитывает в своей свите крестьян и сельский пролетариат, пока последний не нашел еще своей опоры в самостоятельном пролетариате городов *).

Отношение революционной рабочей партии к мелко-буржуазной демократии таково: она идет вместе с нею против фракции, низвержение которой является ее целью; она выступает против нее во всем, чем бы та хотела укрепить себя самое».

Ибо в то время, как демократическая партия стремится лишь к полному уничтожению феодализма и ограничению крупного капитала, сохраняя наемный труд и лишь улучшая положение рабочих, — «наши интересы и наша задача— в том, чтобы сделать революцию непрерывной на все время, пока все более или менее имущие классы не будут вытеснены из своего господствующего положения, государственная власть — завоевана пролетариатом, и союз пролетариев — не только в одной стране, но и во всех господствующих странах всего мира — подвинется настолько далеко, что в этих странах исчезнет конкуренция пролетариев, и в их руках будут сконцентрированы, по меньшей мере, главнейшие производительные силы». Поэтому «мелкие буржуа в массе будут держаться как можно долее медлительно, нерешительно и пассивно, чтобы затем, когда победа («благодаря мужеству, решимости и самоотверженности» рабочих) будет решена, захватить ее в свои руки, призвать рабочих к спокойствию и возвращению к своему труду, предупредить так называемые эксцессы и лишить пролетариат плодов победы» **). Наоборот, рабочие с своей стороны должны затруднить мелко-буржуазным демократам господство над вооруженным пролетариатом и продиктовать им такие условия, чтобы их господство с самого начала носило в себе зерно гибели, и их последующее вытеснение пролетариатом из господствующего положения было бы значительно облегчено». В частности, рабочие, «далекие

*) Эта характеристика замечательно напоминает нашу партию с.-р-ов в первой половине 1917 г.

**) Здесь и дальше как бы буквально описывается ход февральской революции 1917 г.

от того, чтобы выступать против так называемых эксцессов, примеров народной мести против ненавистных индивидуумов или общественных зданий, с которыми связаны только ненавистные воспоминания, — должны не только относиться терпимо к этим примерам, но и брать руководство ими в свои руки».

Далее, добиваясь от правительства таких обещаний и уступок, «какие только возможны» — «самое верное средство скомпрометировать его», рабочие должны рядом с новыми официальными правительствами учреждать «собственные революционные рабочие правительства, в виде ли общинных советов, городских дум или рабочих клубов и комитетов *), так что буржуазные демократические правительства не только сейчас же потеряют опору в рабочих, но с самого начала увидят себя под наблюдением и угрозой властей, за которыми стоит вся рабочая масса. Одним словом, с первого момента недоверие должно направляться уже не против побежденной реакционной партии, но против своих прежних союзников, против партии, которая одна только хочет эксплоатировать общую победу». Наконец, для того, чтобы успешно бороться с мелкобуржуазной партией у власти, «измена которой рабочим начнется с первым часом победы», рабочие должны быть вооружены и хорошо сорганизованы. При выборах в национальное собрание рабочие «должны выставлять собственных кандидатов» и «не должны при этом дать подкупить себя никаким демократическим фразам, как, напр., что этим раскалывается демократическая партия и реакции открывается возможность победы». Ибо «при всех таких фразах дело сводится, в конце концов, к тому, что пролетариат оказывается обманутым». — «Подобно тому, как демократы вступают в союз с крестьянами, рабочие должны об'единяться с сельским пролетариатом». В своих требованиях рабочие должны толкать мелко-буржуазное правительство «возможно всесторонне вторгаться в существующий общественный порядок, нарушать пра-

*) Наши советы рабочих депутатов 1917 г.

вильный ход и компрометировать самих себя», а также добиваться экспроприации крупных промышленных предприятий без выкупа и введения таких крупных налогов на капиталистов, «что крупный капитал при этом погибнет». Все это вместе взятое и составит содержание лозунга «непрерывная революция» *).

Что эта программа не явилась случайным продуктом увлечения Маркса и Энгельса только что пережитой революцией 1848—1849 г.г., что она вполне вытекала из их понимания пролетарской революции, видно из следующего. В 1885 г., т.-е. через два года после смерти Маркса, в предисловии к его книге «Кельнский процесс коммунистов» (где в приложении и напечатано обращение ЦК Союза коммунистов от марта 1850 г.) Энгельс писал: «Редактированное Марксом и мной обращение еще и теперь представляет интерес, так как мелко-буржуазная демократия в Германии и теперь еще является той партией, которая при ближайшем европейском потрясении... безусловно сначала должна стать у власти, как спасительница общества от коммунистических рабочих. Многое из сказанного там годится, следовательно, и для теперешнего времени».

А год перед тем, в частном письме к Бебелю (от 11 декабря 1884 года), письме, лишь недавно опубликованном, Энгельс предсказывал, что во время будущей германской революции «чистая демократия» выступит в «роли последнего якоря спасения всего буржуазного и даже феодального хозяйства». При этом «нельзя ожидать, чтобы к моменту кризиса за нас было большинство избирателей, большинство нации. Весь буржуазный класс, остатки феодального владеющего класса, большая часть мелкой буржуазии и сельского населения группируются тогда вокруг той крайней буржуазной партии, которая тогда на словах выставляет себя крайне революционной».

---

*) Эта марксовская программа революции полностью воспринята русскими большевиками как до февральской революции, так и после нее.

При таких условиях Энгельс рекомендует пролетарской партии «перескочить через чистую демократию», опираясь на мобилизованную в армии пролетарскую молодежь, лишенную по молодости избирательных прав, т.-е., другими словами, Энгельс предлагает, очевидно, учредить пролетарскую диктатуру, хотя бы она и не вытекала из всеобщего избирательного права, хотя бы даже «большинство нации» в тот момент и не было еще на стороне пролетариата. Из всего этого следует с несомненностью, что революционные взгляды Маркса и Энгельса, сложившиеся у них в эпоху 1848 г., в общем и целом не изменились до конца их жизни.

Разобранная нами программа революции Маркса и Энгельса, написанная в 1850 г., замечательна еще с одной стороны. Она является памятником той изумительной, поистине пророческой, исторической прозорливости, какой отличались основатели научного коммунизма, благодаря применявшемуся ими материалистическому пониманию истории. В самом деле, тот предполагаемый ход будущих революций, который, на основании опыта 1848 г., был намечен Марксом и Энгельсом в 1850 г., осуществился отчасти и в русской революции 1917 года (до октября) и в последовавшей затем революции германской. Общий путь развития капитализма, предсказанный в «Коммунистическом Манифесте», оказался совершенно правильным, хотя и более длинным и сложным, чем это казалось авторам «Манифеста». Оправдались в точности и отдельные предсказания. Например, после франко-прусской войны 1870—71 г. Маркс писал: «Теперешняя война ведет... с неизбежностью к войне между Германией и Россией... Эта война № 2 сослужит также службу неизбежной социальной революции в России». Энгельс предсказывал общеевропейскую войну со всеми ее последствиями. Оба они в предисловии к русскому изданию «Манифеста» в 1882 г. писали, что будущая революция в России вызовет взрыв «рабочей революции на Западе» и т. д.

Правда, противники революционного марксизма упрекали его творцов в том, что они не раз ошибались, ожидая близ-

кого наступления социальной революции, которая все не приходит.

Но история в конце концов показала, что правы были именно Маркс и Энгельс, а не их скептические противники. Если же основатели научного коммунизма действительно ошибались несколько в темпе, в быстроте исторического хода событий, если желанная социальная революция действительно представлялась им ближе, чем оказалось на самом деле, то это об'ясняется, кроме их горячего революционного темперамента, именно их исторической дальнозоркостью. Подобно тому, как в пространстве дальнозоркому человеку отдаленные предметы кажутся ближе, чем близорукому, так и во времени люди с исторической дальнозоркостью отличают очертания таких грядущих событий, которых рядовые люди не видят, и которые они поэтому считают миражем...

VIII. 1848-й ГОД и ЕГО ПОСЛЕДСТВИЯ.

1. Февральская революция в Париже и июньские дни. Луи Блан и Бланки.

В своем изложении теории и тактики марксизма мы поневоле вынуждены были не раз забегать на целые десятилетия вперед. Теперь нам необходимо вернуться к прерванной хронологической последовательности в истории социалистических идей и движений и остановиться на первом из предсказанных Марксом событий: на «безумном» — как его назвала буржуазия — 1848 годе и тех огромных последствиях, какие он имел для дальнейшего развития рабочего движения. При этом, само собой разумеется, мы не можем в кратком курсе излагать ход европейской революции 1848 г., а лишь ту роль, которую играли социалисты и рабочие в революционных событиях двух важнейших государств— Франции и Германии.

Февральская революция во Франции была подготовлена недовольством против бесстыдного и циничного хозяйничания финансовой олигархии, т.-е. кучки банкиров и спекулянтов, с «королем-буржуа» Луи-Филиппом и его бездарной и продажной администрацией во главе. Недовольство это проявляли не только рабочий класс (в значительной части еще ремесленный и полуремесленный) и вся мелкая буржуазия, но и масса средней буржуазии и буржуазной интеллигенции, которым становилось тесно в рамках июльской монархии.

В течение 40-х годов промышленность Франции сильно развилась. Страна стала покрываться сетью железных дорог. Но именно промышленная буржуазия оттеснялась на задний план высшей финансовой аристократией. А неудач-

ная внешняя политика монархии и ее заискивание перед Англией, этим исконным конкурентом и экономическим врагом французской буржуазии, еще усиливали ее недовольство. Последним ударом, переполнившим чашу терпения, был страшный экономический кризис 1847 года, сопровождавшийся неурожаем: он больно ударил буржуазию по карману, разорил массу мелкой буржуазии, а для рабочих и части крестьян явился настоящим бедствием, вызвав в Париже и других больших городах все ужасы безработицы. Впервые во Франции и вообще на материке Европы внутренние противоречия капиталистического строя ставили перед рабочим классом во весь рост вопрос жизни и смерти и давали ему наглядный урок социально-политической мудрости.

В результате, в то время, как масса буржуазии требовала лишь избирательной р е ф о р м ы, которая дала бы ей возможность участвовать в управлении и заменить неспособное правителство Луи - Филиппа, в то время, как мелкая буржуазия мечтала о демократической республике, — пролетариат, особенно парижский, впитывавший целое десятилетие идеи Луи Блана, Кабэ и Прудона, выставлял лозунг «с о ц и а л ь н о й р е с п у б л и к и».

Впрочем, под этим лозунгом масса рабочих разумела неопределенные мечты о социальной справедливости, о равенстве и особенно об устранении вопиющей нищеты и безработицы, «о праве на труд» и лучшей организации этого труда. А среди социалистов, которые должны были бы стать руководителями этой массы, как мы знаем, царила разноголосица, и большинство их, вдобавок, питало недоверие к классовой революционной борьбе пролетариата.

Вот почему, когда в феврале 1848 г. мелко-буржуазная интеллигенция начала большую митинговую кампанию за «р е ф о р м у», эта кампания, неожиданно для нее самой, так всколыхнула рабочие массы и близкие к ним слои мелкой буржуазии, что вспыхнула р е в о л ю ц и я. После трехдневного баррикадного боя, во время которого часть буржуазной «национальной гвардии» перешла на сторону народа, король бежал, его трон был торжественно сожжен, и на развалинах июльской монархии возникло временное революционное правительство, самочинно образовавшееся из буржуазных и

мелко-буржуазных журналистов, писателей, адвокатов, смертельно боявшихся революционного пролетариата и его социальных требований. Опять как и в 1830 г., пролетариат своей кровью привел к власти представителей других классов, коалицию либералов и демократов-республиканцев. Но в то время, как в 1830 г. масса парижских рабочих немедленно после победы сошла с политической арены и целиком уступила место прожженным буржуазным дельцам, теперь эта масса господствовала на улице, волновалась и непрерывно толкала правительство к словесным обещаниям и уступкам.

И вот, колеблясь все время между буржуазией, требовавшей порядка и охраны собственности и в большинстве своем ненавидевшей самую республику, — и пролетариатом, добивавшимся обеспечения от голода, права на труд и обуздания буржуазной эксплоатации, правительство бросалось из стороны в сторону и давало рабочим обещания с тем, чтобы не исполнять их. Под давлением рабочих провозглашена была республика. По их требованию в состав правительства были введены крайние радикальные республиканцы (как Ледрю-Роллен) и даже социалисты — Флюкон, Луи Блан и рабочий Альберт. Но когда 25 февраля грандиозная толпа рабочих, осаждавшая ратушу, где заседало временное правительство, потребовала введения красного флага, как официального знамени республики, правительство проявило твердость, и его главе, поэту и историку Ламартину (игравшему в первые месяцы революции отчасти ту же роль, что наш Керенский в 1917 г.), удалось сладкими речами убедить толпу отказаться от этого требования.

В ответ на другое требование рабочих — организовать министерство труда — правительство издало декрет об образовании комиссии, с выборными от рабочих и с Луи Бланом и Альбертом во главе, которая должна была заняться рассмотрением проектов об улучшении положения рабочих. Это значило при данных условиях — требования рабочих положить под сукно *).

*) Вот текст декрета об образовании рабочей комиссии, показывающий, как умело временное правительство высокопарными фра-

В самом деле, когда одна из рабочих делегаций к временному правительству заявила, что рабочие дают голодный вексель на три месяца, т.-е. согласны три месяца голодать в ожидании, пока правительство проведет необходимые социальные реформы, — это не было пустой фразой. Рабочие голодали в буквальном смысле слова, так как многие фабриканты, отчасти опасаясь тревожного революционного времени, отчасти с сознательно провокационными целями, сокращали производство или совсем закрывали фабрики, и десятки тысяч рабочих оставались без работы. Правда, под давлением Луи Блана и его «Люксембургской Комиссии» (названной так потому, что она заседала в бывшем Люксембургском дворце в Париже) правительство издало декрет о 10-часовом рабочем дне и об уничтожении мелких подрядчиков-посредников, особенно эксплоатировавших рабочих. Но эти законы в значительной мере оставались на бумаге. А организованные правительством «национальные мастерские» для безработных, как мы еще увидим, преследовали определенные реакционые цели. Против буржуазии и ее эксплоатации не было предпринято ни одного решительного шага. Наоборот, французскому банку, напр., правительство пришло даже на помощь рядом финансовых мер, падавших всей тяжестью на государственную казну. Зато оно ввело новый налог на крестьян и этим их чрезвычайно озлобило, подготовив в то же время почву для реакционной монархической и поповской агитации против республики, которой якобы овладели коммунисты, «разделители», желающие отнять у них их земли.

зами усыплять бдительность рабочих: «Принимая во внимание, что революция, произведенная народом, должна совершиться в его пользу; что пора положить конец долгим и несправедливым страданиям рабочих; что вопрос о труде имеет величайшую важность; что нет вопроса более высокого и более заслуживающего заботливости республиканского правительства; что Франции в особенности надлежит изучить и разрешить проблему, поставленную в настоящее время перед всеми промышленными нациями Европы; что необходимо безотлагательно принять меры для обеспечения народу законных плодов его труда,—Временное правительство республики постановляет: учреждается постоянная комиссия, под названием Правительственной Комиссии для рабочих, со специальной и определенной задачей заботиться об их участи».

Так, с самого же начала революции коалиционное правительство своей колеблющейся, половинчатой и противоречивой политикой подрывало почву своего собственного существования и губило республику. И особенно печальную роль сыграл в этом правительстве социалист Луи Блан, этот первый в истории социалист в буржуазном правительстве, который нашел спустя 50 лет подражателя в лице французского социалиста Мильерана (недавнего президента реакционной Франции), а затем, в эпоху войны и послевоенную, в лице ряда оппортунистов социализма на Западе и в России. И этот опыт всегда проделывался с одинаковым успехом, т.-е. всегда приносил лишь величайший вред рабочему классу.

Посылая Луи Блана во временное правительство, парижские рабочие надеялись, что он там будет отстаивать их интересы. Но наивный Луи Блан никакой власти, даже никакого министерского поста в правительстве не получил и был лишь одурачен своими буржуазными коллегами, выступая, как мы увидим, в решительных случаях даже против рабочих и их революционных вождей в защиту правительства, членом которого он состоял и действия которого он, таким образом, покрывал против воли. Наивно обрадовавшись созданию Люксембургской Комиссии, куда вошли выборные от парижских заводов, фабрик и мастерских, Луи Блан вместо того, чтобы сделать из нее боевой орган, совет рабочих депутатов, превратил ее, по насмешливому выражению Маркса, в «синагогу», где занимались длинными теоретическими дискуссиями о наилучших способах решения социального вопроса и улучшения положения рабочих.

Таким образом, самое существование Луи Блана в правительстве, а тем более его деятельность внушали рабочим ложные надежды, усыпляли их революционную энергию и облегчали работу реакции.

«Прежде всего, Луи Блан, — говорит о нем Поль Луи в своей «Истории социализма во Франции», — чтобы он ни говорил и ни писал, был просто игрушкой в руках своих коллег. Его роль, бессознательно для него самого, состояла в дурачении пролетариата; он служил посредником между бунтовщиками и временным правительством, а также заклю-

чал и подписывал соглашения, всегда невыгодные для той стороны, интересы которой он искренно хотел защищать. Если бы там не было Луи Блана, если бы своей коммунистической фразеологией, действовавшей на рабочие клубы гораздо сильнее, чем лирические полеты Ламартина, он не обезоруживал недовольной массы, то во многих случаях рабочий класс выставлял бы свои требования с гораздо большей энергией и вместо пустых слов и лживых обещаний потребовал бы дела».

Это отрицательное влияние Луи Блана на рабочих облегчалось еще тем, что все социалисты 40-х годов, пользовавшиеся популярностью в широких массах, как мы уже знаем, были врагами классовой борьбы, а тем более революционного насилия и внушали рабочим или мелко-буржуазные идеи взаимопомощи и артельных мастерских или же соглашательские идеи сотрудничества с буржуазией. Вот почему, между прочим, и Люксембургская Комиссия, хотя и заступалась за рабочих и вырабатывала проекты декретов, защищающих их от чрезмерной эксплоатации (а раз даже заставила временное правительство выпустить прокламацию, признающую право на покровительство и за жившими во Франции иностранными рабочими), но в то же время, «в интересах беспристрастия» пригласила в свой состав и х о з я е в фабрик и мастерских и брала на себя примирительное посредничество в экономических конфликтах рабочих с капиталистами *).

*) Но, несмотря на эти отрицательные стороны, Люксембургская Комиссия имела большое историческое значение, как первая публичная трибуна социалистических идей, речи которой печатались в правительственной газете и расходились, след., далеко за пределы самой комиссии и даже за пределы рабочего класса. Вот что пишет об этом Маркс в своей «Классовой борьбе во Франции в 1848—50 г.г.»: «За Люксембургской Комиссией, этим детищем парижского пролетариата, останется та заслуга, что она с высоты европейской трибуны провозгласила тайну революции XIX стол.: «освобождение пролетариата». Moniteur (правительственная газета) с пеной у рта должен был официально пропагандировать „дикие бредни“ до тех пор погребенные в апокрифических сочинениях социалистов и лишь время от времени доносившиеся до ушей буржуазии в виде каких-то смутных легенд, не то страшных, не то смешных».

Кроме того, у рабочих ко времени революции не было никакой об'единенной, руководящей организации. Не образовалась она и во время революции. Роль рабочей партии играли клубы, руководимые популярными социалистами, плохо разбиравшимися в окружающей социально-политической обстановке и притом нередко соперничавшими между собою. Наконец, клубы эти не были чисто пролетарскими, об'единяя рабочих с частью мелкой буржуазии и революционной интеллигенцией. Одним из самых популярных клубов был клуб Барбеса (бывшего заговорщика 30-х годов, ставшего теперь обыкновенным мелко-буржуазным демократом), в котором участвовали, между прочим, такие знаменитости, как Пьер Леру и Прудон.

Среди всех вождей тогдашних французских социалистов нашелся лишь один, который не боялся ни классовой борьбы, ни революционных действий и который в то же время обладал не только страстным революционным темпераментом, страстной ненавистью к господствующим классам и либерально-демократическим болтунам, но и глубокой проницательностью подлинного политического вождя. Это был Бланки, которого февральская революция освободила из тюрьмы и поведение которого в течение 2½ месяцев его революционной деятельности в некоторой степени напоминает поведение Ленина при правительстве Керенского в 1917 г. Поэтому он заслуживает того, чтобы на нем остановиться подробнее, тем более, что во всех почти историях социализма деятельность Бланки в 48-м году почти совершенно замалчивается.

С первых же дней и недель февральской революции Бланки занял совершенно особое, исключительное положение среди республиканцев, демократов и даже социалистов тогдашней Франции, многие из которых, в том числе и некоторые члены правительства, были его прежними товарищами или единомышленниками по 30-м годам. Его нельзя было ни подкупить материальными выгодами, ни испугать угрозами, ни усыпить полумерами или революционными фразами. Бесстрашно логичный, проницательный, недоверчиво относившийся к людям и глубоко революционный, он

твердо стоял на-страже интересов пролетариата. И парижские рабочие это инстинктивно чувствовали. Они больше, может-быть, любили других революционных вождей, особенно Барбеса, прозванного Баярдом (т.-е. рыцарем без страха и упрека) революции. Но беззаветно доверяли они одному Бланки, которого и Маркс называл истинным вождем партии пролетариата.

Вот как характеризует его Герцен, бывший во время революции в Париже: «Разрывая связи с правительством, он разрывал их окончательно; он никого и прежде не любил из этих слабых людей; теперь он их ненавидел и подозревал. Бланки, человек сосредоточенный, нервный, угрюмый, изнуренный и больной от страшного тюремного заключения, сохранил невероятную энергию духа; Бланки — революционер нашего века, он понял, что поправлять нечего, он понял, что первая задача теперь — разрушать существующее. Одаренный совершенно оригинальным красноречием, он потрясал массы; каждое слово его было обвинением старого мира. Его меньше любили, нежели Барбеса, но слушали больше. Правительство было испугано этим беспощадным человеком. Что бы оно ни делало, злой и иронический взгляд Бланки был у них перед глазами, и они бледнели. Извести его старались все: Ледрю-Роллен и Коссидьер *) так же, как и другие; с Барбесом они надеялись поладить». Так, напр., по поводу лицемерной республиканской формулы французской мелкой буржуазии — «свобода, равенство и братство» Бланки уже в марте писал в выпущенной им прокламации: «нет свободы для того, кому не хватает хлеба. Нет равенства там, где излишества выставляются напоказ рядом с нищетою. Нет братства, когда женщина из народа плетется голодная со своими детьми к дверям богачей. Тирания капитала безжалостнее тирании военной и духовной власти, нужно ее разбить... Не нужно бесплодных формул».

Кроме прокламаций и выступлений в своем клубе, носившем название «центрального республиканского общества»

*) Коссидьер, бывший когда-то товарищем Бланки по тайным обществам, в это время был революционным префектом (начальником полиции) в Париже.

и ставшем, по свидетельству одного историка, «страшилищем мирных парижских буржуа, для которых Бланки являлся как бы воплощением революционного терроризма», Бланки организовывал ряд политических кампаний пролетариата в форме массовых демонстраций и петиций.

В начале марта временное правительство опубликовало декрет о выборах в Учредительное Собрание и назначило их на 9-е апреля. Бланки решил всеми силами воспротивиться этому. Он боялся, что новое правительство, которое будет опираться на избранное общим голосованием собрание, станет более прочным и устойчивым, что этим будет положен конец дальнейшему развитию революции. Кроме того, по его мнению, нельзя было приступать к выборам, не подготовив к этому усиленной революционной пропагандой отсталые и консервативные крестьянские и мещанские массы и не примирив их с революцией путем глубоких и благодетельных социальных реформ. Впрочем, он знал, что данное правительство на это не способно, и рассчитывал, что при отсрочке выборов удастся еще правительство свергнуть и заменить его более революционным Поэтому он повел кампанию за отсрочку выборов и обновление бюрократического аппарата. С этой целью он, между прочим, отправился в ратушу во главе всего своего клуба и изложил там свои революционные требования (в том числе полной свободы собраний и союзов). Правительство отделалось незначащими фразами и отговорками. Тогда Бланки стал готовиться к новой, более внушительной демонстрации.

Поводом к ней послужило явно контр-революционное поведение буржуазии, которая демонстративно закрывала фабрики, устраивала враждебные манифестации против левых членов правительства и, наконец, потребовала выделения из общей национальной гвардии, в которую входили все граждане Парижа, особой буржуазной гвардии (такая только и существовала при Луи-Филиппе) для противодействия притязаниям рабочих. Все это вызвало наружу давно накопившуюся злобу у парижских рабочих. Решено было ответить огромной контр-демонстрацией в защиту левых членов правительства и для поддержания прежних требований, к

которым Бланки еще прибавил удаление войск из Парижа. Этим он надеялся спровоцировать реакционную часть правительства на выход в отставку.

17-го марта образовалось грандиозное шествие, в котором участвовало не меньше 200.000 человек. Огромное большинство манифестантов было мирно настроено и желало лишь поддержать правительство против враждебных демонстраций богатой буржуазии. Но революционное меньшинство, во главе с Бланки, хотело толкать правительство влево. Когда депутация от толпы вошла в ратушу и Луи Блан увидел в ее среде мрачное лицо Бланки и его ближайших товарищей-рабочих, он решил выступить против них в защиту всего правительства в целом. После него говорили также Ледрю-Роллен и Ламартин, и все уговаривали делегатов отказаться от их революционных требований.

Всем им в резкой речи, сказанной повелительным тоном, ответил Бланки. Он настаивал на немедленном выполнении требований народа, а также на том, чтобы правительство решительно встало на путь радикальных демократических и социальных реформ. И вот тут-то сказалась ненависть к нему со стороны Барбеса, который тоже был в числе делегатов. Если бы он поддержал Бланки, то союз этих двух наиболее популярных вождей народа сыграл бы в этот день, может-быть, решительную роль. Но Барбес, которому вдобавок льстили и задабривали его некоторые члены правительства, выступил в защиту этого правительства. Это разбило настроение делегации и отразилось на настроении уличной толпы. Правительство сослалось на то, что по вопросу о сроке выборов оно ждет необходимых материалов из провинции. Делегация ушла ни с чем, и демонстрация в том же порядке повернула назад по бульварам.

Но главная причина неудачи демонстрации 17 марта, от которой Бланки ожидал образования более революционного правительства, была, конечно, гораздо глубже предательского поведения Барбеса и коренилась в сложности самого положения. Как говорит Маркс в своей брошюре «Классовая борьба во Франции», «17-е марта показало всю двусмысленность положения пролетариата, не допускающую никаких

действий. Для того, чтобы выступить против буржуазии, ему пришлось встать на сторону буржуазной республики. Вместо того, чтобы подчинить себе временное правительство, он укрепил его позицию».

Бланки, с одной стороны, Луи Блан и Барбес — с другой, и явились выразителями этих противоположных тенденций, этой внутренней борьбы настроений среди рабочего класса: классовой непримиримости и революционности на ряду с мелко-буржуазной привязанностью к данной республике, которой грозят контр-революционные силы старого режима и крупной буржуазии. Это те самые противоречивые стремления и настроения, которые с гораздо большей силой и во всемирном масштабе сказываются в нашу революционную эпоху.

Озлобленные политические противники Бланки, вероятно, не без подстрекательства со стороны членов временного правительства, решили убить его морально в глазах рабочих при помощи клеветы, а именно, сфабрикованного документа, который будто бы уличал старого революционера в предательстве во время ареста 1839 г. Эта низкая клевета, блестяще опровергнутая и самим Бланки и целым рядом общественных комиссий, тем не менее, во многих душах заронила сомнение, способствовала расколу среди революционных рабочих и многие еще годы, чуть не до самой смерти, отравляла душевный покой Бланки *).

Но и этот удар не остановил его кипучей революционной деятельности. На 16-е апреля, в ответ на вызывающее поведение правительства, революционные клубы назначили внушительную демонстрацию рабочих с петициями к временному правительству. При этом, между мелко-буржуазными демократами и социалистами, с одной стороны, и последователями Бланки, которые мечтали о государственном перевороте и об образовании диктаторского комитета обще-

*) И здесь опять некоторое сходство с кампанией против Ленина летом 1917 г. по обвинению в „немецком шпионстве", где тоже фигурировали подложные документы и тоже приняли участие некоторые члены правительства Керенского.

ственного спасения — с другой, резко обнаружилась уже смертельная вражда.

16 апреля многотысячная толпа рабочих, среди которых был Бланки и его ближайшие товарищи, была на Марсовом поле и собиралась итти к ратуше. Несмотря на агитацию Бланки, толпа, повидимому, не была особенно расположена к решительным действиям. Зато буржуазия, не только крупная, но и мелкая, горела ненавистью к революционерам и организовала внушительную контр-демонстрацию. Ледрю-Роллен, под предлогом, что правительству грозит опасность со стороны крайних левых, по совету Ламартина, велел дать сигнал тревоги и собрать национальную гвардию. Все буржуазные полки и даже часть ремесленных рабочих послушались приказа. Буржуа дико кричали на улицах: «Да здравствует временное правительство! Долой коммунистов! Долой Бланки!» К довершению торжества правительства, в тот момент, когда рабочая демонстрация подошла к ратуше, на помощь правительству подошел и Барбес, который был выборным полковником национальной гвардии, вместе со своим легионом. В последний момент он снова решил выступить против Бланки и бланкистов, на этот раз с оружием в руках.

Правительство чувствовало себя победителем. Ламартин надменно отказался принять рабочую делегацию. Едва добились от него разрешения пропустить манифестацию, пройти мимо ратуши. Рабочие шли между направленными на них штыками буржуазной гвардии и с опущенными головами выслушивали насмешки и оскорбления буржуа, опьяненных торжеством.

После этого начался разгул буржуазной реакции, при чем главная злоба буржуазии была направлена против Бланки. Толпа врывалась в его клуб, искала его, арестовала его ближайшего товарища и помощника, рабочего Флотта. Но Бланки уже скрывался.

Между тем, наступили выборы, на которых везде почти побеждала буржуазная реакция, и хотя от Парижа попало в Учредительное Собрание несколько «мирных» социалистов, но Бланки не был избран, до такой степени находилась

еще парижская рабочая масса под идейным влиянием демократов и мелко-буржуазных социалистов. Зато, когда Учредительное Собрание 4 мая открыло свои заседания и выявило всю свою реакционность, когда оно встречало воем и улюлюканием выступление социалистических депутатов и самое слово социализм, это вызвало под'ем революционного настроения у рабочих. Под предлогом помощи прусской Польше, где только что усмирено было восстание, 15 мая организована была новая демонстрация к Учредительному Собранию. На этот раз Бланки решительно был против нее, так как видел разношерстность ее состава, отсутствие единой и ясно сознанной классовой цели и чувствовал участие в ней провокаторов и вообще темных личностей, в роде агентов будущего президента и императора Луи-Бонапарта. Вынужденный тем не менее участвовать в ней и быть свидетелем того, как ворвавшаяся толпа разогнала депутатов Учредительного Собрания, Бланки произнес чисто классовую речь, которой были недовольны мелко-буржуазные демократы, и в дальнейших событиях не участвовал, так как ясно сознавал, что они приведут к трагикомедии. Действительно, лишь небольшая часть толпы, во главе с Барбесом, отправилась в ратушу; образовалось-было новое временное правительство, но оно тотчас было арестовано буржуазной гвардией, которую привели Ледрю-Роллен и Ламартин. Скрывшийся Бланки был арестован несколько дней спустя. Рассвирепевшая буржуазия хотела броситься в тюрьму, чтоб растерзать своих врагов. Как мы уже знаем, через год Бланки был осужден на 10 лет тюрьмы.

Итак, в мае 1848 г., стоявшая у власти буржуазия *) избавилась от всех сколько-нибудь революционных рабочих вождей, лишила парижский пролетариат его возможных руководителей и могла теперь с развязаными руками расправиться с самим этим пролетариатом, вызвав его на восста-

*) В новое временное правительство, избранное Учредительным Собранием, конечно, уже не попал Луи Блан, который, как мы помним, 15-го мая был жестоко избит буржуазными национальными гвардейцами (так довольно часто кончается карьера сидящих между двух стульев соглашателей; вспомним судьбу наших эсеров при Колчаке).

ние и потопив это восстание в крови. Эта бойня известна в истории под названием июньских дней, а поводом к ней послужили так называемые национальные мастерские.

С самого начала февральской революции, под давлением рабочих и для ослабления безработицы, организованы были правительством в Париже «национальные мастерские», якобы по плану Луи Блана, но на самом деле, с явно реакционными целями и для дискредитирования в глазах рабочих социалистических идей Луи Блана об «организации труда». Прежде всего, во главе мастерских поставлен был откровенный и озлобленный реакционер. Затем правительство сознательно принимало все меры, чтоб, с одной стороны, восстановить против национальных мастерских общественное мнение буржуазии и массу крестьянства, а с другой стороны, озлобить занятых в мастерских рабочих. Для достижения первой цели рабочим мастерских платили, не заставляя даже работать или посылая их на совершенно бессмысленные и не соответствовавшие их профессиям работы; при этом распространялись слухи, что это социалистические затеи и что ради них народ должен кормить бездельников.

Что же касается рабочих, то сперва правительство надеялось в этих рабочих воспитать и вымуштровать реакционную рабочую гвардию против революционеров. Но, убедившись, что это не выгорит, что рабочие в массе своей на такую роль не пошли бы, правительство начало систематически сокращать заработную плату, чтоб натравить рабочих, озлобленных этим сокращением, а также бесцельностью и бессмысленностью самой работы, против социалистов вообще и Луи Блана в особенности. Между тем, благодаря росту безработицы и в Париже, и в провинции, приток в мастерские все усиливался. Если в начале марта в них было 17.000 человек, то к 15 мая это число достигло до ста тысяч, и все росло количество кандидатов, раздраженных, что их не допускают в мастерские.

И вот, после 15 мая, под давлением реакционной буржуазии правительство стало готовиться к закрытию мастерских, прекрасно понимая, что доведенные до отчаяния рабочие

поднимут восстание, и даже сознательно провоцируя это восстание. Сперва издается запрещение провинциальным рабочим приезжать в Париж, если у них нет там обеспеченной работы. Затем начинают распускать из мастерских отдельные группы рабочих, а так как встревоженные за свою судьбу рабочие глухо волнуются, происходит ряд многочисленных арестов. Раздраженный пролетариат парижских предместий отвечает на это избранием на дополнительных выборах в Учредительное Собрание — Прудона и Пьера Леру. Тогда реакционная буржуазия торопится. Не помогают ни робкие протесты социалистических и демократических депутатов, ни делегации рабочих к министру общественных работ, который грубо им заявляет, что против неподчиняющихся будет употреблена сила. 23 июня мастерские были закрыты с угрозой выслать рабочих в провинцию или отдать в солдаты.

Рабочие, мужчины и женщины, ходили по улицам с криками «хлеба или свинца», «свобода или смерть». А на следующий день, 24 июня город и, особенно рабочие кварталы, были покрыты баррикадами. Началось то знаменитое восстание, тот знаменитый трехдневный бой рабочих со всем буржуазным обществом, который носит название июньских дней. Рабочие были совершенно одни. Их давно уже покинула мелкая буржуазия, бывший союзник в феврале. Их революционные вожди были упрятаны в тюрьму, а вся плеяда «мирных», «умеренных», словом, мелко-буржуазных социалистов, в частности, социалистические депутаты Учредительного Собрания, растерялись и остались в лагере буржуазии, которая со зловещей радостью приняла весть о начавшемся восстании. Фурьерист Консидеран предложил даже обратиться с увещательным и успокоительным воззванием к «заблудшим» рабочим, так ярко и резко разошлись в этот момент утопический социализм и классовая борьба пролетариата. Но и на это предложение буржуазные депутаты ответили ревом: «это—убийцы». Буржуазия не хотела успокоения рабочих, она хотела их крови, их истребления.

Поэтому город был объявлен на осадном положении, диктаторская власть вручена генералу Кавеньяку, который

должен был стать спасителем буржуазного «порядка» и буржуазной «собственности». И этот генерал нарочно выжидал первые дни, нарочно дал разрастись восстанию и укрепиться баррикадам, чтобы сделать усмирение более кровавым, упорным и беспощадным. Он лишь систематически сжимал кольцо войск вокруг района восстания, и, держа бессменно солдат на походном положении, озлоблял и натаскивал их против рабочих. В то же время правительство организовало хулиганскую босяцкую молодежь в особую «подвижную гвардию» или «мобилей» и тоже натравило ее против пролетариата *).

Пролетариат был одинок, без вождей, без организации, без ясно сознанной цели, руководимый лишь классовой ненавистью, жаждой социальной справедливости и чувством отчаяния. И, тем не менее, он проявил в эти три исторических дня изумительную организованность, сплоченность, мужество и упорство. Мужчины дрались на баррикадах, женщины готовили провизию баррикадным борцам и ухаживали за ранеными, дети несли разведочную службу и лили пули. Пядь за пядью отстаивали свои районы рабочие перед наступавшими солдатами Кавеньяка. Особенно упорно держался район св. Женевьевы (возле Пантеона) и главный рабочий центр Парижа—Сент-Антуанское предместье. Наконец, все было кончено. Многие тысячи рабочих были убиты во время боя и немедленно после него. Десятки тысяч были арестованы. Их запирали в душные подземелья парижской канализационной сети, не давали пить просящим воды, убивали через окна. При этих зверствах буржуазная гвардия проявила гораздо больше утонченной жестокости, чем обыкновенные солдаты. Затем начались суды, расстрелы, наполнились тюрьмы, 15.000 человек отправлено без суда в ссылку за океан, в болота Новой Гвианы (в Ю. Америке) и в Новую Каледонию (остров возле Австралии).

«Все классы и партии, писал Маркс, в июньские дни соединились в одну партию порядка против пролета-

*) Эти «мобили» представляли прообраз нашего «союза русского народа» и теперешних «фашистов», у котоых тоже, как и в 1848 г. в Париже, небольшая часть рабочей и особенно босяцкой молодежи служит орудием реакции.

риата, как против партии анархизма, социализма и коммунизма, они спасали общество от «врагов общества». «Братство, провозглашенное в феврале, громадными буквами написанное на челе Парижа, на каждой тюрьме, на каждой казарме, это братство нашло свое истинное, неподдельное, прозаическое выражение в гражданской войне в самой страшной ее форме, в войне между трудом и капиталом. Это братство пылало во всех окнах Парижа 25 июня, когда буржуазный Париж устроил благодарственную иллюминацию, между тем, как рабочий Париж истекал кровью и испускал последние вздохи. Братство продолжалось ровно столько времени, пока братски совпадали интересы буржуазии и пролетариата... Февральская революция была революцией красивых порывов, она пользовалась всеобщим сочувствием, потому что противоположности между элементами, сообща восставшими против королевской власти, еще не успели развиться и мирно уживались рядом, потому что социальная борьба, составлявшая фон этой революции, не вышла еще из туманной области фраз и громких слов. Июньская революция была гадкой, отталкивающей революцией *), потому что здесь фразу заменило дело, потому что республика обнажила самую голову чудовища, сорвав с нее корону... Порядок!—кричит Кавеньяк, грубое эхо французского национального собрания и республиканской буржуазии. Порядок!—гремела его картечь, разрывая в клочья тело пролетариата. Ни одна из многочисленных революции французской буржуазии с 1879 г. не была покушением на порядок, так как они оставили нетронутыми господство буржуазии и рабство рабочих, не касались буржуазного порядка и изменяли лишь политическую форму этого господства и этого рабства. Июньское восстание посмело коснуться этого порядка. Горе июню!».

Эти слова были написаны 75 лет тому назад, а между тем, кажется, что они были сказаны вчера; до того велико сходство между взаимными отношениями февраля и июня 1848 года, с одной стороны, февраля и октября 1917 г.

*) Эти слова Маркс употреблял в ироническом смысле, так как их на всех перекрестках провозглашали идеологи буржуазии.

—с другой. Но в то время, как русский пролетариат, руководимый могучей и опытной партией, победил в октябре 1917 г., благодаря поддержке крестьянства и армии, озлобленных затянувшейся войной, парижский пролетариат потерпел ужасающее поражение в одной из величайших классовых битв, какие знает история.

Это поражение послужило началом откровенной реакции и во Франции, и во всех европейских странах, переживавших революцию 1848 г. *). Во Франции крупная буржуазия оттеснила от власти мелкую и, в конце концов, сама должна была уступить власть диктатуре авантюриста Бонапарта взамен за обещанный им «порядок». В Германии буржуазия бросилась в об'ятия старому режиму, чтобы спастись от угрозы пролетарского восстания.

Что касается дальнейшего развития социализма и рабочего движения во Франции, после июня 1848 г., то о них достаточно сказать несколько слов, так как обезглавленный июньской бойней пролетариат почти сошел со сцены, с мрачным отчаянием в душе вернулся в свои лачуги и мастерские, а с началом промышленного под'ема после 1849 г. и прекращением безработицы стал залечивать экономические раны, нанесенные ему эпохой кризиса, и собирать силы для новых боев.

Тем не менее, когда предавшая пролетариат в июне мелко-буржуазная демократия в своей борьбе с президентом Бонапартом обращалась к поддержке парижского пролетариата, он оказался незлопамятным и эту поддержку оказал и на выборах в Законодательное Собрание, и в демонстрациях. Но силы его были подломлены, и мстительная буржуазия могла беспрепятственно преследовать и «мирных» социалистов, как Луи Блана, убежавшего в Англию, или Прудона, посаженного в тюрьму, и отнимать даже бумажные завоевания пролетариата в феврале. Уже в сентябре 1848 г. снова введен 12-часовой рабочий день, отменено платоническое

*) Впрочем, таким поворотным пунктом можно отчасти считать и более раннее событие: поражение последней вспышки чартизма в Англии, в апреле и мае 1848 г., которое окрылило надежды всех контр-революционных партий на континенте.

«право на труд», а впоследствии уничтожено даже всеобщее избирательное право. Последней вспышкой пролетариата была попытка парижских рабочих оказать сопротивление государственному перевороту Бонапарта в 1851 г. Но эта попытка была расстреляна картечью.

2. Рабочий класс и коммунисты в Германской революции.

Германская революция 1848—49 гг. резко отличалась от французской. Во Франции ко времени революции у власти уже стояла крупная финансовая буржуазия. Франция уже пережила свою буржуазную революцию, и теперь против крупной буржуазии поднялась демократическая мелкая буржуазия и особенно пролетариат. В Германии, наоборот, только теперь, с огромным опозданием происходила ее буржуазная революция, которая должна была смести остатки феодального строя и открыть простор капиталистическому развитию. Между тем, чем дальше на восток, говоря словами Манифеста Росс. Соц.-Дем. Раб. партии 1898 г., тем трусливее и подлее становится буржуазия. Это значит, что чем дальше на восток, тем **позже** происходила буржуазная революция, и потому тем сложнее бывала политическая обстановка, тем более диференцированным, расчлененным, разбитым на борющиеся классы было все новое буржуазное общество. В частности в Германии, как и в русской революции 1905 г., в тот момент, когда буржуазия вступила в борьбу со старым дворянско-бюрократическим режимом, кроме буржуазии, крестьянства и ремесленников, в некоторых центрах имелся уже довольно многочисленный пролетариат, который так пугал буржуазию, особенно после опыта французских революций, что она в решительные моменты предпочитала компромисс, соглашение со старой монархической властью—союзу с пролетариатом.

С другой стороны, германский промышленный пролетариат, сосредоточенный, главным образом, в Берлине, Рейнской провинции и отчасти в Вене, был достаточно уже многочислен и активен, чтобы пугать буржуазию, но в то же время слишком малочислен и недостаточно сознателен, чтобы

быть способным на серьезные и самостоятельные революционные действия, на длительную и организованную классовую борьбу. Германия оставалась по преимуществу страной крестьянской и патриархально-ремесленной, и пролетариат еще не отделился окончательно от ремесла, еще не выкристаллизовался в особый резкий класс, сохранял в себе множество мелкобуржуазных пережитков и не успел вдобавок получить такого длительного социалистического воспитания, как французские, особенно парижские рабочие.

Наконец, Германия, в отличие от Франции, была разбита на множество больших, малых и крошечных государств, с таким же множеством королей, князей и князьков, с большим разнообразием политических, социальных, национальных (если включать и Австро-Венгрию) и культурно-бытовых условий.

И потому, если во Франции вся революция сосредоточилась в Париже, и борьба пролетариата с буржуазией приняла особенно трагический характер, то в Германии, наоборот, революция распылилась на множество ручейков, приняла, следовательно, более мелкий и мелочный характер, а в Австро-Венгрии сложным и прихотливым образом борьба классов переплелась с борьбой национальной.

Вследствие этих причин германская революция осталась политически незавершенной. Ни в одном германском государстве ни на один момент не была провозглашена республика, и нигде почти буржуазия не осталась у власти. А в Австрии после революции надолго снова восторжествовал старый абсолютизм в его почти неприкрашенном виде.

И все же именно пролетариат, промышленный и отчасти ремесленный, был в течение всей германской революции единственной активной силой. Это рабочие в Вене 13 марта, при первых известиях о февральской революции в Париже и начавшихся революционных волнениях в южной и юго-западной Германии, — это рабочие в Берлине 18 марта стали строить баррикады, вступали в сражения с войсками и заставили бежать австрийского министра Меттерниха, бывшего душой всей европейской реакции в течение более 30 лет, а также реакционного прусского наследника, будущего импера-

тора Вильгельма I *). И, наконец, только потому, что решительное выступление рабочих превратило оппозиционное движение буржуазии в настоящую революцию, и австрийский император, и прусский король вынуждены были пойти на уступки, дать конституцию, согласиться на созыв учредительных собраний и т. д., словом, временно помириться с господством буржуазии, чтоб этим парализовать опасность, грозящую со стороны рабочих. Правда, с первых дней революции по всей Германии прокатилось и крестьянское движение, но оно не было очень опасным для господствующих классов, так как не носило политического характера и не направлено даже было против собственности помещиков, а лишь против остатков крепостного права, разных феодальных повинностей и т. п., и в наиболее решительных столкновениях приводило к сжиганию феодальных помещичьих архивов. Получив то, что ему было нужно и притом почти без сопротивления, крестьянство обыкновенно отходило от революции, а иногда, как это было в Австрии, становилось даже враждебным революционному пролетариату.

Выступая на баррикадах против старого режима (в Берлине все убитые были из рабочей среды), берлинские и венские рабочие в тот момент не выставляли своих собственных классовых требований и не имели своих классовых вождей, они сражались за конституцию, за политическую свободу, словом за идеалы буржуазной революции. Они были лишь наиболее левыми и последовательными, наиболее мужественными искренними и демократическими элементами этой революции. Но, как это было в борьбе за избирательную реформу в Англии и после июльской революции во Франции, германская буржуазия испугалась революционной поддержки рабочих и тотчас после победы выступила против них. Так было особенно в Пруссии. В Берлине после 18 марта образовалась добровольческая буржуазная полиция, которая охраняла «порядок» не менее ревниво и ретиво, чем дореволюци

*) А в Кельне, в Рейнской провинции, где у Маркса и Энгельса было много личных связей, и где уже до революции существовала «община» Союза коммунистов, еще 3-го марта произошла руководимая коммунистами внушительная революционная демонстрация рабочих

онная, и очень скоро буржуазия сама стала хлопотать о возвращении в Берлин войск, удаленных по требованию революционных рабочих.

В Вене же, где дореволюционный деспотизм был особенно отвратителен и ненавистен и где буржуазия была еще очень мало искушена и опытна в борьбе с пролетариатом, союз рабочих с буржуазной интеллигенцией, особенно ее наиболее передовым и смелым отрядом—студенчеством, держался гораздо дольше. И когда императорские генералы начали разгром революционной Венгрии, против которой ловко были направлены угнетавшиеся венграми славяне, в Вене вспыхнула (в конце октября) новая революция. Город был осажден войсками, а внутри его власть на несколько дней почти целиком перешла в руки рабочих и студенческого легиона. При этом надо отметить поведение крестьян. Немедленно после этого революционного переворота, подгородные крестьяне перестали подвозить в город продукты сельского хозяйства, обнаружив этим свой страх и свою мелко-буржуазную ненависть к пролетарской революции. Разумеется революционная вспышка венских рабочих обречена была на неудачу. Город был взят штурмом и отдан во власть полуварварских и озверелых славянских солдат, сводивших здесь свои национальные счеты, мстивших революционным рабочим за вековые притеснения со стороны немецких и венгерских высших классов...

Бешенство контр-революции в Вене обрушилось на пролетариат и демократическую интеллигенцию и повторило в уменьшенном размере парижские июньские дни. Вместе с тем эта контр-революция послужила началом общего похода старого режима в Германии против завоеваний буржуазной революции, при чем во главе этого похода стояла Пруссия. Трусливая буржуазия пожинала плоды своего предательства по отношению к поддерживавшим ее рабочим.

Но когда эта же буржуазия сделала—слишком поздно—попытку сопротивления наступавшей реакции, пролетариат везде оказывал буржуазии искреннее и энергичное содействие. А там, где это сопротивление принимало характер вооруженного восстания (как это было весной 1849 г. в неко-

торых местах южной Германии и Дрездене), рабочие опять, как и в первые дни революции, жертвовали своей жизнью. В неудачном восстании южно-германских мелко-буржуазных демократов участвовал целый ряд виднейших коммунистов, в том числе и Энгельс, при чем старый член «Союза коммунистов», часовщик Иосиф Молль, был даже убит, а в Дрездене, по словам того же Энгельса *), «битва продолжалась четыре дня на улицах города. Дрезденские лавочники, «городская гвардия» не только не дрались, но во многих случаях помогали войскам против восставших. Последние состояли почти исключительно из рабочих окрестных промышленных округов. Они нашли способного и хладнокровного командира в русском эмигранте Михаиле Бакунине **)... Вмешательство многочисленных прусских войск сокрушило это восстание».

В самые последние дни Дрезденского восстания во главе его стал Стефан Борн, бывший рабочий-наборщик, один из талантливейших и энергичнейших вождей германского рабочего движения 48—49 гг., прошедший до революции хорошую марксистскую школу в брюссельской секции «Союза коммунистов».

Само собой понятно, что роль германских рабочих в революции не ограничилась баррикадными боями с монархической реакцией. Вырванная у нее на время свобода слова, печати, собраний, союзов и стачек широко использована была рабочими в своих классовых целях. По всей Германии прокатилась волна стачек, и во многих местах рабочим удалось улучшить свое положение, пока восторжествовавшая реакция не отняла обратно этих завоеваний. Профессиональные союзы и всякие иные об'единения рабочих росли, как грибы. Выходил целый ряд рабочих газет и журналов. Во всей этой

*) «Революция и контр-революция в Германии».

**) До этого Бакунин носился с фантастическими планами революции в Праге, в Богемии, где он мечтал, опираясь на бедноту, особенно на рабочих, создать диктаторское революционное правительство, во главе которого должен был стать он сам.

деятельности в качестве агитаторов, пропагандистов и организаторов, огромную роль играли вернувшиеся из эмиграции рабочие-коммунисты, члены марксистского «Союза коммунистов», рассеявшиеся по всей Германии и старавшиеся придать движению реальный, практический характер, характер поддержки всех демократических требований буржуазии, с одной стороны, и самостоятельной классовой организации пролетариата, — с другой. Эта пропаганда имела такой успех, что, как мы уже знаем, вернувшийся из Америки Вейтлинг, застывший в прежнем утопизме, никакого массового отклика не встретил.

С другой стороны, коммунистам пришлось бороться с общей умственной отсталостью, политической наивностью и особенно ремесленными пережитками и предрассудками германских рабочих. В этом отношении наибольшую отсталость проявили многочисленные ремесленные подмастерья (эта единственная опора дореволюционного германского коммунизма). Так, с'езд ремесленных и рабочих союзов, заседавший в июне 1848 г., хотя и не пошел так далеко, как бывший до него с'езд ремесленников, выставивший целый ряд совершенно реакционных в экономическом отношении требований (как борьбу с распространением крупного капитала, восстановление старых цехов и даже борьбу с «еврейским засильем»), все же и он был проникнут целым рядом цеховых предрассудков и имел весьма слабое представление о классовой борьбе. Гораздо прогрессивнее в смысле классового самосознания был другой, чисто рабочий конгресс, заседавший в Берлине в августе 1848 г. и подготовленный, и организованный вышеупомянутым Стефаном Борном.

Этот Борн играл такую крупную роль в рабочем движении 48-го г., что на его деятельности стоит остановиться. Уже в апреле Борн вместе с рабочим-ювелиром Бисцки образовал в Берлине Центральный Рабочий комитет из представителей разных рабочих организаций. С июня комитет стал издавать газету «Народ», выходившую три раза в неделю под редакцией Борна и ставившую себе целью, «с одной стороны, поддерживать буржуазию в ее борьбе против аристократии, против средневековья, против властей милостью божией, и, с другой сто-

роны, притти на помощь мелкому промышленнику и рабочему против силы капитала и свободной конкуренции и всегда быть в первых рядах там, где надо будет завоевывать народу то или иное политическое право, дабы он получил средства возможно скорее достигнуть социальной свободы и независимого существования». Конечно, как видно даже из этой цитаты, в газете далеко не было полной марксистской ясности понятий и терминов, и насчет ближайших целей движения царила иногда путаница. Но это об'яснялось не столько ошибками самого Борна, сколько отсутствием резких граней между многими рабочими и теми «мелкими промышленниками», которых на ряду с рабочими бралась защищать газета Борна. Это, однако, не мешало ему, как указывает Меринг в своей «Истории германской социал-демократии», приветствовать и газету Маркса, и июньских борцов, и чартистов и этим вносить классовое революционное сознание в умы рабочих.

По инициативе Центрального Рабочего комитета и собрался 23-го августа «рабочий парламент» или с'езд, на котором участвовало 40 человек от 35 рабочих обществ Берлина, Бреславля, Гамбурга, Лейпцига, Кенигсберга, Мюнхена и других городов.

Экономическая отсталость германского рабочего движения и разношерстность состава конгресса об'ясняют целый ряд путаных и бесплодных решений, проникнутых мелкобуржуазным утопизмом (в роде того, чтобы при помощи добровольных вычетов из заработной платы создать фонд для выкупа у помещиков имений и раздачи их рабочим мелкими участками). Но, несмотря на это, конгресс двинул значительно вперед дело классовой организации германского пролетариата, положив начало общегерманской организации — «Братство рабочих» со множеством местных отделений и центральным органом союза «Братство», который начал с октября выходить в Лейпциге под редакцией Борна.

Росту рабочих организаций был положен конец реакцией 1849 г., которая понемногу уничтожила все завоевания рабочего класса и привела его вновь в распыленное и бесформенное состояние.

Что касается Борна, то этот талантливый рабочий-оратор, редактор и организатор, после Дрезденского восстания спасся в Швейцарию, где он впоследствии сделался профессором университета. Множество других выдающихся рабочих, уцелевших от преследования реакции, эмигрировали в Соединенные Штаты Америки, где они положили начало социалистической пропаганде.

Что же делали во время германской революции сами Маркс и Энгельс и их ближайшие товарищи? Немедленно после февральской революции члены Центрального Комитета Союза коммунистов — Маркс, Энгельс, Вольф, Шаппер, Бауер и Молль, собравшись в Париже, издали манифест в котором изложили «требования коммунистической партии Германии» в 17 пунктах. Эти «требования» сводились к превращению Германии в «единую, нераздельную республику» с всеобщим избирательным правом и оплатой труда депутатов, к «всеобщему вооружению народа» и превращению в будущем армий военных также в «рабочие армии», «чтобы войско не просто потребляло, как было раньше, но производило бы больше, чем составляют издержки по его содержанию», что было бы также «средством организации труда» *). Далее выдвигалась бесплатность судопроизводства, отмена без выкупа всех феодальных повинностей, конфискация королевских и феодальных имений и организация в них крупного общественного хозяйства, национализация земельной ренты, банков, путей сообщения. Наконец, предлагалось уравнять оплату чиновников, изменяя ее лишь в зависимости от многосемейности, отделить церковь от государства, ограничить право наследования, ввести усиленно-прогрессивный налог, организацию национальных мастерских и всеобщее и бесплатное народное образование. «В интересах германского пролетариата (так заканчивалось воззвание, впервые снабженное эпиграфом «пролетарии всех стран, соединяйтесь»), мелкой буржуазии и крестьянского сословия — со всей энергией способствовать проведению в жизнь указанных выше мероприя-

*) Ср. „трудовые армии“ в нашей революции.

тий. Ибо только посредством их осуществления миллионы людей, которые до сих пор эксплоатировались в Германии небольшим числом лиц, и которых постараются и впредь держать в угнетении, сумеют добиться своего права и той власти, которая подобает им, как производителям всех богатств».

Как видно из этого воззвания, в начале германской революции Маркс рассчитывал на полную победу народа и предлагал ряд переходных мер к социализму, которые отчасти составили впоследствии программу октябрьской революции 1917 г. Но так как революция приняла половинчатый характер, то задачей Маркса в основанной им в Кельне «Новой Рейнской Газете» (она просуществовала с июня 1848 г. до средины мая 1949 г.), сделалось—толкать буржуазию к более решительным действиям и в то же время раз'яснить сознательному авангарду пролетариата исторический смысл происходящих событий и трусость, праздную болтливость и предательство либеральных и демократических депутатов, особенно прусского национального собрания и общегерманского парламента во Франкфурте. Таким образом, «Новая Рейнская Газета» была одновременно органом самого левого крыла буржуазной демократии и органом революционно-классового коммунистического просвещения пролетариата. Редакция и сотрудники представляли собою блестящее соединение ярких литературных талантов (особенным успехом пользовались боевые стихотворения революционного поэта Фрейлиграта), с глубоким и острым, научным и революционным одновременно, анализом всех политических, социальных и международных отношений тогдашней Европы. В области международных отношений Маркс, между прочим, требовал революционной войны с Россией, этим жандармом Европы, и освобождения Польши *).

Но он не ограничивался литературной пропагандой и агитацией, которая давала руководящие указания всем рассеянным по Германии членам Союза коммунистов. Он лично посещал в решительные моменты все важнейшие пункты ре-

*) Как известно, Россия Николая I, которая помогла в 1849 г. австрийскому императору усмирить венгерскую революцию, вполне оправдала это название.

волюции. Так, в сентябре 1848 г. Маркс пробыл неделю в Вене и, несомненно, отчасти идейно подготовил октябрьский революционный взрыв. Позднее, зимой, он был в Берлине.

Вместе с тем, беспощадно разоблачая либеральную буржуазию, Маркс решительно и активно поддерживал каждый сколько-нибудь смелый шаг этой буржуазии в ее борьбе с наступавшей реакцией. Так, когда разогнанное прусское национальное собрание обратилось к народу с воззванием не платить налогов *), Маркс в своей газете и в находившемся под его руководством «Демократическом обществе» повел усиленную агитацию в пользу этого предложения. Преданный суду, он, как нам уже известно, произнес блестящую речь, где доказывал революционную законность своего поведения, и был оправдан.

После разгона германской революции и после эмиграции Маркса и Энгельса в Лондон, «Союз коммунистов» продолжал некоторое время нелегально действовать в Германии. Мы знаем, что до начала 1850 г. Маркс еще ждал нового под'ема революции (как Ленин до 1907 г.); мы помним также циркуляр лондонского Центр. Комитета Союза, где даются указания и советы для будущей «перманентной» (непрерывной) революции. Но летом того же года ряд признаков убедили Маркса, что революция кончена, и на этой почве он разошелся с двумя близкими товарищами, уже известным нам Шаппером и бывшим офицером Виллихом (как Ленин в 1909 г. с большевистской группой «отзовистов», «бойкотистов» или «впередовцев», с А. А. Богдановым во главе) **). Наконец, когда год спустя полиция по доносу

---

*) Ср. «Выборгское воззвание» после разгона первой Государственной Думы в 1906 году.

**) Вот как сам Маркс характеризовал причину раскола: «На место критического воззрения меньшинство ставит догматическое, на место материалистического—идеалистическое. Вместо действительных отношений двигателем революции является для него одна воля. Мы говорим рабочим: Вы должны 15, 20, 50 лет вести международные и междоусобные войны не только для того, чтобы изменить внешние условия, но и для того, чтобы изменить самих себя и сделать себя способными к политическому господству; вы, наоборот,

провокатора и отчасти на основании сфабрикованных документов, арестовала ряд коммунистов в Германии, и они по Кельнскому процессу были приговорены к разным срокам тюремного заключения, Союз коммунистов был распущен и перестал существовать. Таков был последний эпилог германской революции.

3. Политические и экономические следствия 1848 года и эпоха реакции.

С чисто политической точки зрения революция 1848 г. потерпела полное поражение. Во Франции республика была растоптана солдатским сапогом авантюриста Бонапарта, и на целое десятилетие воцарился фактически самодержавный режим, главной опорой которого были полиция и попы-иезуиты. В Пруссии введена была конституция, напоминавшая нашу 3-е июньскую конституцию 1907 г., созданную Столыпиным после разгона 2-й Государственной Думы, и где фактически вся власть была отдана дворянству и бюрократии, а за буржуазией оставалось лишь право платонических протестов. В той или иной степени так же обстояли дела и в остальной Германии, за исключением Австрии, где полностью было восстановлено самодержавие.

Но если велико было политическое поражение буржуазии, то неизмеримо большее поражение потерпел пролетариат и его социалистический авангард. Все его революционные завоевания были уничтожены, его организации были разбиты, он был лишен своих лучших борцов, наиболее активной и

говорите: мы должны сейчас же достигнуть власти, иначе мы можем ложиться спать. В то время, как мы указываем специально немецким рабочим на неразвитое состояние немецкого пролетариата, вы самым грубым образом льстите национальному чувству и сословным предрассудкам немецких ремесленников, что, конечно, популярнее. Подобно тому, как демократы превратили слово народ в какое-то священное существо, так вы делаете им слово пролетариат. Подобно демократии, вы подсовываете на место революционного развития революционную фразу».—70 лет спустя этот спор повторился в международном масштабе, в борьбе III Интернационала с бланкистскими элементами так называемого «левого» коммунизма.

сознательной части: во Франции после июньской бойни и декабрьского переворота 1851 г. тысячи, если не десятки тысяч были убиты, десятки тысяч были в тюрьмах, ссылке и эмиграции; в Германии, как мы знаем, часть революционных рабочих томилась в тюрьмах, другая—эмигрировала в Америку. Даже в Англии, после неудачи чартистского движения, множество энергичных и предприимчивых рабочих заселило английские колонии в Австралии и Новой Зеландии, где заложило основы будущих демократических республик.

Все это понижало общий уровень оставшихся рабочих, увеличивало охватившую их апатию и разочарование в борьбе. А если вспомнить при этом, что правительства делали все возможное, чтобы уничтожить необычайно разросшуюся во время революции социалистическую литературу (ее массами захватывали при обысках и арестах, при разгроме рабочих газет и организаций, а во Франции даже скупали у букинистов, с целью уничтожения), то станет понятным замечание одного историка, что спустя десятилетие после революции, даже слово «социализм» вытравилось из сознания масс, было забыто, атрофировалось в языке от неупотребления.

Но исторические события имеют свою неизбежную диалектическую логику, логику противоречий. Та самая реакция, которая уничтожала самое воспоминание о социализме, таила в себе зародыши его близкого возрождения. В самом деле, потерпев поражение в политике, не добившись (как в Германии) или лишившись (как во Франции) непосредственного участия во власти, буржуазия важнейших стран европейского материка, благодаря революции 1848 г., одержала экономическую победу, добилась для себя свободы развития капитализма. И это обстоятельство, в конечном счете, и могло лишь примирить ее с потерей политической власти. Во Франции Наполеон своей экономической политикой содействовал гигантскому развитию промышленности. В частности, затеяв перестройку Парижа, замену узеньких и кривых улиц—широкими и прямыми проспектами, Наполеон не только уничтожал возможность баррикад в будущем, но в то же время

давал заработок множеству буржуа и рабочих, чем, несомненно, временно примирял их с режимом. В Германии отмена остатков крепостного права и цеховых ограничений впервые создала почву для беспрепятственного развития капитализма, который и расцвел пышным цветом, изменив в два десятка лет до неузнаваемости социальную физиономию страны, превратив ее из крестьянско-ремесленной в буржуазно-пролетарскую. Даже в отсталой Австрии произведенное революцией (т.-е. крестьянством во время революции) основательное уничтожение всех феодальных повинностей осталось прочным завоеванием и тоже содействовало (хотя и в меньшей степени, чем в Германии) развитию капитализма.

Наконец,—и это важнее всего—с 1849 г. окончился большой, общеевропейский промышленный кризис 1847 г., еще обостренный революцией. Вместе с «успокоением» начинался новый промышленный под'ем, при чем эти два явления взаимно друг друга обусловливали. И на этот раз промышленный под'ем был воистину гигантским, быть может, равнявшимся по своим последствиям промышленной революции в Англии, так как ему сопутствовало неожиданное обстоятельство: открытие в Калифорнии и в Австралии богатейших золотых приисков, которое влило свежую золотую кровь в капиталистический организм и необычайно ускорило и стимулировало (подстрекало) все его жизненные отправления, весь обмен веществ. Маркс приписывал этому открытию такое же значение, какое имело открытие Америки, и тут же гениально предсказал, что оно прежде всего, превратит самую Америку в могущественное капиталистическое государство и впоследствии перенесет мировой экономический центр с Атлантического океана на Тихий.

Но рост капитализма с железной необходимостью ведет за собой рост его неизбежного спутника и будущего могильщика — промышленный пролетариат. А рост пролетариата столь же неизбежно вызывает рост его недовольства и новую борьбу за улучшение своего экономического положения, — со всеми дальнейшими последствиями, вплоть до нового,

более расширенного и углубленного (в результате расширения капиталистической основы и уроков прошлого опыта) развития социализма. Если рабочее поколение 1848 г., лишенное своих вождей и уставшее от борьбы, и могло на время, в годы промышленного под'ема, примириться со своей участью, то за годы реакции подросло новое поколение, молодежь, не испытавшая на себе непосредственно всего ужаса поражения, всей горечи разочарования. А главное—самое благополучие капиталистического под'ема оказалось не вечным и не прочным. Установив, что революция кончилась, так как кончился промышленный кризис, Маркс уже летом 1850 года писал, что вслед за новым кризисом начнется новая революция. Предсказанный Марксом кризис разразился с математической точностью в 1857 г. И что же? Новой европейской революции, правда, не было, но началась новая революционная полоса во всей мировой истории, в частности, в рабочем движении, и новый под'ем в развитии социализма.

IX. ЭПОХА ПЕРВОГО ИНТЕРНАЦИОНАЛА.

1. Начало германской социал-демократии и Ф. Лассаль.

Кризис 1857 г., снова вызвав массовую безработицу в Европе и усилив нужду рабочего класса, в то же время вывел и буржуазию Германии и Франции из ее политически пассивного состояния, заставил ее опять стремиться к вмешательству в дела государственной власти, к контролю ее, усилил в ней дух оппозиции. И не случайным совпадением являлся тот факт, что почти в одно и то же время, во Франции — в 1859 г. (том самом 1859 г., когда, как мы знаем, появилась марксовская «Критика политической экономии», результат углубленной теоретической работы научного коммунизма в эпоху реакции), а в Пруссии—в начале 1861 г. «даровано» была амнистия политическим «преступникам», т.-е. мелкобуржуазным и пролетарским борцам 1848 г. Это означало, что в виду начавшегося общественного оживления (особенно в связи с войной между Францией и Австрией в 1859 г.) и прусское правительство, и Бонапарт желали показать буржуазии, что и они способны на «прогресс», что и им не чужды либеральные стремления; с другой стороны, требовавшая этой амнистии буржуазия стремилась «примириться» с сознательными элементами мелкой буржуазии и пролетариата, чтобы можно было опереться на них в предстоящей борьбе за расширение своих политических прав и политической власти. Эта дата—1859 г.—и является той чертой, которая отделяет эпоху реакции от эпохи оживления, завершившегося созданием I Интернационала.

В эту эпоху первую роль в возрождающемся социалистическом движении Европы начинает играть Германия, так как

именно она выдвинула и величайших теоретиков рабочего движения и социализма—Маркса и Энгельса— и одного из величайших агитаторов, трибунов и организаторов этого движения Фердинанда Лассаля. Личность и деятельность Лассаля занимают такое место в германском рабочем движении, что заслуживают подробной характеристики, в связи с которой выяснятся и подробности этого движения в 60-х годах.

Лассаль, родившийся в 1825 г., был сын богатого еврейского купца в Бреславле. Одаренный блестящими способностями, кипучей энергией и несокрушимой волей и верой в свои силы, он мог бы себе создать прекрасную «карьеру» на любом поприще науки и государственной деятельности. Он был бы баловнем судьбы, одним из наиболее выдающихся представителей буржуазии. Но он предпочел выступить против этой буржуазии, предпочел путь борца за дело рабочего класса.

Еще совсем молоденьким юношей он ощутил в себе какие-то необыкновенные силы, проявлял редкую среди тогдашней германской и особенно еврейской буржуазии гордость и сознание собственного достоинства, понял, что ему не место среди «ликующих, праздноболтающих, обагряющих руки в крови», что его ждет иное, высшее назначение. Во второй половине 1840-х годов он уже проникся ярко революционным настроением и стал склоняться к социализму. «Коммунистический манифест» Маркса и Энгельса произвел на него глубокое впечатление. Вместе с тем он усиленно изучал философию Гегеля, а также юридические науки и историю. Философия Гегеля привлекала его, как и Маркса, своей революционной стороной, своим учением о непрерывном движении и борьбе, как основных законах мира и человеческого общества. И он еще студентом начал свою знаменитую философскую работу, законченную лишь десять лет спустя и посвященную древнему греческому мудрецу Гераклиту, который первый провозгласил закон вечного движения, изменения и борьбы.

Революция 1848 г. бросила Лассаля в водоворот политической борьбы. Он познакомился с Марксом и Энгельсом и

окончательно стал коммунистом. Вместе с тем, рыцарски вступившись за одну женщину из высшего круга, графиню Гацфельд, оскорбляемую и разоряемую мужем, Лассаль со всем пылом борца ввязался в продолжительную борьбу со всем темным и гнилым миром германской аристократии, с гнусной бюрократией, подлыми и трусливыми судьями и т. д. В этой борьбе, которую он вел совершенно бескорыстно, и которая стоила ему огромной траты сил, Лассаль сразу обнаружил и свои сильные и свои слабые стороны: всякая несправедливость выводила его из себя, и борьбе за нарушенные права отдельной женщины Лассаль посвятил, может-быть, не меньше сил и нервов, чем борьбе общественной. При этом он слишком втянулся в так называемую светскую жизнь, слишком полюбил ее соблазны, слишком дорожил мнением о себе того самого высшего общества, которое он так глубоко и справедливо презирал.

Когда прусская реакция разогнала выбранную во время революции буржуазную палату депутатов, Лассаль обратился к народу с воззванием не платить налогов и поднять восстание. Его арестовали и привлекли к суду, где он проявил все свои блестящие способности агитатора и борца. Присяжные его оправдали, но полицейский суд приговорил его к 6 месяцам тюрьмы.

После 1849 г., с наступлением германской и общеевропейской реакции, Лассаль ушел в личную жизнь и весь отдался науке. Кроме своей философской работы, он написал огромное двухтомное юридическое сочинение: «Система приобретенных прав», где доказывал право революции творить новую жизнь и создавать новые законы. Написал он также драму из времен германской реформации. Все это время Лассаль поддерживал переписку с Марксом.

Но настоящая его деятельность, которая сделала его знаменитым, которая доставила ему любовь германского пролетариата, началась лишь с 60-х годов, с пробуждением общественной жизни. На первых порах Лассаль вмешался в борьбу либеральной и прогрессивной буржуазии с полусамодержавным дворянским правительством Бисмарка *). Он толкал бур-

*) Это был так называемый «конституционный конфликт», в ко-

жуазию перейти от робкой словесной оппозиции к смелым и решительным действиям. Он читал на буржуазных собраниях и издал свою замечательную речь «О сущности конституции», где доказывал, что народные права опираются не на бумажные обещания королей, а на действительную силу, и звал буржуазию не бояться народных масс. Но германская буржуазия, как впоследствии и русская, показала свою истинную природу, и Лассаль заклеймил ее презрением.

Что же касается германских рабочих, то они еще в массе были очень отсталыми, и классовое сознание в них, несмотря на пережитую революцию, еще не пробуждалось. Даже передовые и развитые из них еще находились под идейным влиянием прогрессивной буржуазии, которая устраивала среди рабочих кооперативы, кассы взаимопомощи и общества самообразования и приучала их смотреть на нее, как на союзника и друга *).

Тем не менее в наиболее промышленных центрах, как Саксония и Рейнская провинция, где имелся уже в больших количествах настоящий фабрично-заводский пролетариат, в самом начале 60-х годов нашлась небольшая часть рабочих, которые стали понимать игру буржуазии и обратились за советом и помощью к Лассалю **).

В частности, после того, как он произнес свою знаменитую речь в одном берлинском рабочем собрании, изданную потом брошюрой под заглавием «Программа работников», к нему обратился лейпцигский (в Саксонии) рабочий комитет

тором либеральные депутаты прусского парламента («Ландтага» или сейма) боролись с Бисмарком из-за нарушения им конституции и собирания и расходования государственных средств помимо сейма.

*) Особенную энергию в этой буржуазной помощи рабочим и буржуазном их „просвещении“ проявили банкир Зонneман и мировой судья Шульце-Делич, усиленно насаждавший производительные артели ремесленников и общества взаимопомощи и в ряде брошюр доказывавший рабочим, что прибыль капиталистов—результат «сбережения», к которому он звал и рабочих.

**) Большой толчок классовому и политическому развитию некоторых групп германского пролетариата дала поездка их делегатов на всемирную промышленную выставку в Лондон 1862 г., о чем подробнее в дальнейшем.

по созыву предполагавшегося рабочего с'езда с просьбой высказать свое мнение о задачах рабочего класса. Лассаль немедленно ответил брошюрой «Гласный ответ лейпцигскому центральному комитету» и с тех пор со всем пылом и энергией своей страстной, боевой натуры бросился туда, где было его настоящее место, как борца за право и убежденного социалиста: на политическую агитацию среди рабочих и на организацию самостоятельной рабочей партии.

В течение двух лет он без отдыха говорил речи на рабочих собраниях, издавал их отдельными брошюрами, беспощадно бичевал и разоблачал либеральную буржуазию, ездил с агитационными поездками по всей Германии и занимался организацией «Всеобщего германского рабочего союза», председателем которого он был избран.

Лассаль учил рабочих, что все, что им дает и предлагает либеральная буржуазия, есть обман и не может избавить рабочих от их тяжелого и унизительного положения. Он доказывал, что рабочие имеют свои отдельные, самостоятельные интересы, противоположные интересам буржуазии: что если в свое время французская буржуазия или «третье сословие» (после дворянства и духовенства), действительно, была прогрессивной, боролась за свободу и творила новую жизнь, то теперь выступает на сцену «четвертое сословие», т.-е. рабочий класс, и с этого момента начинается новый поворот в истории человечества. Поэтому Лассаль советовал германским рабочим создать собственную партию и добиваться всеобщего избирательного права, чтобы, попав в парламент, получить влияние на правительство. Только таким путем,—говорил Лассаль,—рабочие получат единственное средство избавиться от угнетения и эксплоатации: этим средством явится государственная помощь артельным рабочим мастерским и фабрикам, которые понемногу вытеснят частных капиталистов-фабрикантов и сделают рабочих хозяевами орудий производства *).

*) Это было повторением утопического плана Луи Блана, который сам заимствовал его у бывшего сен-симониста, ставшего католическим „социалистом",— Бюше. Вот почему Маркс и Энгельс называли сторонников Лассаля — „бюшетистами".

Хотя правительство Бисмарка было очень довольно, что агитация Лассаля ссорит прогрессивную буржуазию с рабочими и тем уменьшает ее силу и влияние и облегчает реакционную политику власти, все же оно начинало бояться этой агитации. На Лассаля посыпался ряд преследований: его брошюры конфисковывали и запрещали, его самого арестовывали и непрерывно таскали по судам. Но он и из всякого судебного разбирательства умел извлекать пользу в своей борьбе: его защитительные речи были грозными и ловкими агитационными ударами по всему существующему строю. Он их печатал отдельными изданиями и они массами расходились среди рабочих.

Из его речей к рабочим самой замечательной является «Программа работников», а из судебных—«Наука и работники» и «Косвенные налоги». Кроме того, он написал агитационную экономическую книгу: «Капитал и труд», где высмеивал буржуазную экономическую мудрость Шульце-Делича.

Но несмотря на сверхчеловеческую энергию, проявленную Лассалем, число членов основанного им «Всеобщего союза» было очень невелико и увеличивалось крайне медленно. Кроме того, если в одних местах *) рабочие встречали Лассаля с энтузиазмом, то в других (как в Берлине), где они все еще плелись в хвосте за прогрессивной буржуазией, ненавидевшей Лассаля и всячески клеветавшей на него, его встречали враждебно и на рабочих собраниях. Все это страшно волновало и огорчало Лассаля, но он не поддавался унынию и не отказывался от борьбы, хотя его уже мучила горловая чахотка и силы его подходили к концу. Он бы, по всей вероятности, не долго мог выдержать этот образ жизни, особенно предстоявшее ему на основании последнего судебного приговора, продолжительное тюремное заключение. Но трагическая случайность, связанная, впрочем, с характером личной жизни Лассаля, внезапно оборвала его короткую и бурную жизнь как раз тогда, когда сочувствие рабочих к его агитации начало, наконец, явно увеличиваться.

---

*) Именно в Саксонии и Рейнской провинции.

В разгар самой страстной агитации и политической борьбы Лассаль не покидал своих «светских» знакомств. Красивый и обаятельный, с мужественной фигурой и могучим голосом, которым он мог владеть без перерыва несколько часов подряд, он пользовался большим успехом среди светских барынь, и это льстило его самолюбию.

В августе 1864 г., отдыхая и лечась в Швейцарии, он познакомился с некоей аристократической девицей, бездушной и пустой кокеткой, которая сознательно дурачила его, заставила влюбиться в себя, а потом спровоцировала на дуэль со своим бывшим женихом, надутым чванством венгерским офицером.

И вот от руки этого жалкого представителя отживающего общества, на почве мещанской любовной истории пал один из величайших вождей и идеологов освободительной борьбы пролетариата.

Во взглядах и деятельности Лассаля было много ошибочного, почему Маркс, признававший огромное значение начатого им дела организации германского пролетариата, тем не менее отказывается стать сотрудником в его борьбе и резко критиковал впоследствии и его, и его сторонников. Лассаль преувеличивал значение всеобщего избирательного права для рабочих и слишком верил в возможность мирного и постепенного перехода к социализму. В то же время он почти не придавал значения экономической борьбе и профессиональной организации пролетариата, считая, что при капиталистическом строе рабочие не смогут даже отчасти улучшить свое положение *). В области общей теории он, будучи в значи-

*) Лассаль неустанно проповедывал так называемый «железный закон заработной платы», заимствованный им у Рикардо, согласно которому заработная плата рабочих определяется всегда минимумом средств существования, необходимых для поддержания жизни рабочего класса и его семьи. Лассаль доказывал при этом, что заработная плата не может надолго ни упасть ниже этого минимума (так как это приведет к вымиранию рабочих, предложение труда уменьшится, по сравнению со спросом, и заработная плата снова повысится), ни подняться выше его (чему мешает конкуренция разросшегося вследствие лучших условий жизни рабочего населения). Эту фаталистическую теорию Маркс опровергал следующими соображениями. В капиталистическом обществе имеется всегда

тельной мере учеником Маркса, так до конца и не понял марксовского материализма и оставался идеалистом, т.-е. верил в самостоятельное значение идей, как право, справедливость и т. п. Наконец, в своей борьбе с прогрессистами он иногда прибегал к нетактичным приемам, в роде жалобы министру Бисмарку на произвол либерального городского головы. А страстное желание скорее добиться всеобщего избирательного права заставило его даже вступить в переговоры с Бисмарком.

Все это при жизни Лассаля отталкивало от него многих рабочих, а после его смерти, как мы увидим, содействовало образованию среди германских социалистов двух боровшихся между собой фракций: марксистской, во главе с Либкнехтом и Бебелем, и лассалевской во главе с Швейцером.

Но не ошибается лишь тот, кто ничего не делает. А Лассаль в своей борьбе не жил, а буквально горел. При этом вся его деятельность руководилась лишь одним желанием: помочь германскому пролетариату стать на собственные ноги и освободиться от всякого гнета и всякой эксплоатации. И действительно, из созданного им «Союза», как должны были признать даже его идейные противники, фактически выросла будущая могучая германская социал-демократия.

Поэтому, несмотря на все слабости и ошибки Лассаля, у всякого сознательного германского рабочего сохранялась в течение долгих десятилетий благодарная память о нем, как о любимом вожде, и портрет его украшал стены рабочих жилищ рядом с портретом Маркса, Вильгельма Либкнехта и Бебеля.

После смерти Лассаля в основанном им «Общегерманском рабочем союзе» начались внутренние трения, борьба разных лиц за влияние и даже расколы. В конце-концов, как мы

огромная «резервная армия безработных» (разоряющиеся крестьяне, ремесленники, рабочие, вытесняемые машинами и т. п.). И как бы ни упала заработная плата, хотя бы она вела к вымиранию, если у рабочих нет организации, всегда найдутся безработные, готовые на любые условия. Так было везде в первую эпоху развития капитализма. Наоборот, именно организация рабочего класса в профессиональные союзы, уменьшающая конкуренцию между рабочими, может надолго поднять заработную плату выше минимума.

уже знаем, во главе снова окрепшего «Союза» стал Швейцер, выходец из аристократической семьи, человек ясного ума и сильной воли, но с диктаторскими замашками. Он, правда, исправил важнейшую ошибку Лассаля и признал значение профессиональной организации пролетариата. Но зато он борьбу Лассаля с либеральной буржуазией продолжал таким образом, что политические противники даже подозревали его в тайных сношениях с Бисмарком, тем более, что в общей всем прогрессивным партиям борьбе за об'единение Германии Швейцер высказывался за гегемонию, т.-е. главенство Пруссии, наиболее реакционного из всех германских государств.

Против Швейцера и его лассалевского союза выступила, таким образом, другая рабочая организация, руководимая В. Либкнехтом и Бебелем. Либкнехт, отец убитого во время последней германской революции Карла Либкнехта, происходил из интеллигентной семьи чиновников и ученых. Он был участником революции 1848 г., сидел в тюрьмах, потом эмигрировал в Лондон, где стал близким учеником Маркса и преданным его последователем, что, впрочем, не мешало ему не раз делать политические ошибки. Вернувшись в Германию в начале 60-х годов, он сперва стал сотрудничать с левым крылом южно-германских мелко-буржуазных демократов и, следовательно, оказался во враждебном Лассалю лагере, так как для Лассаля вся буржуазия была «сплошной реакционной массой».

Что касается Бебеля, то, в отличие от Лассаля и Либкнехта, он был сын прусского солдата и рабочий — токарь. Талантливый и жадно ищущий знаний, он попал в образовательный кружок, руководимый буржуазными прогрессистами, и долго с упорством защищал их либеральную платформу, ненавидя Лассаля за то, что тот «раскалывал» единый прогрессивный лагерь. Но пролетарское чутье все же привело его к социализму, чему особенно способствовало знакомство его с Либкнехтом, горячим, пылким, увлекающимся «солдатом революции», как он себя называл. С тех пор Бебель и Либкнехт стали неразлучными друзьями и в течение десятков лет руководили об'единенной германской социал-демократией.

Между тем, в том же 1863 г., в котором основан был лассалевский «союз», по инициативе и при энергичном участии Бебеля произошел с'езд рабочих обществ самообразования, организовавший «Союз немецких рабочих союзов». Сперва этот союз был лишь рабочим придатком мелко-буржуазной демократии, но постепенно социалистическая, классовая струя в нем побеждала, пока на с'езде в Нюренберге, в 1868 году он не признал принципов Интернационала и не стал официально социалистическим, а в следующем году на с'езде в Эйзенахе не преобразовался в Социал-демократическую рабочую партию (после этого члены этой организации стали называться «эйзенахцами», в отличие от «лассальянцев»).

Между этими двумя фракциями германского социализма началась жестокая междоусобная борьба, в которой обе стороны бывали часто неправы и несправедливы. Несомненно, «эйзенахцы» первоначально особенно обрушились на лассальянцев и Швейцера, вследствие своей близости к буржуазным демократам. От этой близости Либкнехт долго еще не мог отделаться. Затем в этой борьбе, кроме отсталости и политической незрелости самого рабочего класса, играла большую роль раздробленность Германии и ненависть мелких государств к Пруссии. И если Швейцер отражал централизаторские тенденции полусамодержавной Пруссии, то Либкнехт слишком поддавался «сепаратистским» стремлениям (т.-е. стремлениям к большей независимости) либеральных южных государств. Поэтому, когда после австро-прусской войны 1866 года и победы Пруссии был образован, по инициативе Бисмарка, «Северо-Германский Союз», Швейцер его признал, как шаг к об'единению Германии, а Либкнехт об'явил ему непримиримую войну.

Между тем, Бисмарк, желая в борьбе с буржуазным либерализмом опереться на политически отсталые темные крестьянские и мещанские массы, при выборах в Учредительное Собрание, а потом в законодательный сейм этого «Северо-Германского Союза» ввел всеобщее избирательное право. Рабочие впервые участвовали в выборах, и в сейм вошло несколько социалистических депутатов обеих фракций, в том числе Либкнехт и Швейцер. На почве парламентской

деятельности борьба между ними загорелась с новой силой, на этот раз несколько напоминая борьбу русских большевиков и меньшевиков после 1905 г. из-за Государственной Думы. В самом деле, Либкнехт, как впоследствии большевики, смотрел на парламентскую деятельность социалистов только, как на публичную агитацию, не допускал при этом «никаких компромиссов, никаких соглашений» (так озаглавлена одна его брошюра) и не считал возможным всерьез участвовать в законодательной деятельности буржуазного парламента. Швейцер, наоборот, участвовал в «положительной» законодательной работе. Маркс и Энгельс идейно поддерживали «эйзенахцев» и сотрудничали в их органах, хотя частным образом в письмах упрекали их за те или иные ошибки и отклонения. Во время франко-прусской войны эйзенахцы стояли на «интернационалистической» позиции, лассальянцы скорее на «оборонческой».

Борьба фракций в течение 60-х годов принимала порою крайне острый характер. Она проявлялась даже на выборах, в рабочих собраниях, не говоря уже о печати. Но после войны 1870—71 г. и удаления Швейцера, который за свое диктаторство был особенно ненавистен эйзенахцам, началось понемногу сближение, сперва в низах среди рядовых членов обеих фракций, а затем и в центрах, на которые одинаково обрушивалось правительство и у которых постепенно стала проводиться одна и та же тактика. После долгих переговоров, на с'езде в Готе в 1875 г. произошло слияние обеих фракций, имевших почти равные силы и пользовавшихся одинаковым влиянием в массах.

2. Рабочее движение во Франции при Наполеоне III. Прудонизм и бланкизм.

Наполеону III принадлежит честь быть изобретателем той «рабочей политики», которая потом у нас, в конце XIX века и начала XX века получила название «зубатовщины», по имени талантливого московского охранника Зубатова. Эта «политика», как известно, состоит в том, чтоб в одной руке держать для рабочих плетку, а в другой пряник, т.-е. чтобы, прикидываясь друзьями рабочего класса и как-будто разре-

шая им, правда, в самых скромных и невинных размерах и формах, добиваться улучшения своего экономического положения, в то же время беспощадно преследовать малейшие попытки рабочих вмешаться в политическую борьбу, потребовать себе политических прав, создавать политические организации. Ставя себе задачей вносить идейный разброд и даже разврат в рабочую среду, привязывать рабочих к самодержавной власти, подчинять их деятельность непрерывному контролю полиции, отвлекать их от широкой классовой, т.-е. политической борьбы и восстанавливать рабочую массу против ее, действительно, революционных вождей,—эта политика одновременно преследовала и другую цель: под угрозой натравить рабочих на капиталистов, разрешив им экономическую борьбу, держать в узде недовольную буржуазную оппозицию и сохранять, таким образом, в неприкосновенности самодержавный или полусамодержавный режим.

Но, как впоследствии у нас при Зубатове и его идейном ученике Гапоне, так и во Франции 60-х годов эта хитроумная политика потерпела крах. Ибо, раз начавшись в каких бы то ни было формах, рабочее движение имеет свою неизбежную логику и в конце-концов, после ряда колебаний и уклонов, непременно приводит к революционному столкновению и с буржуазией, и с той политической организацией буржуазии, с той государственной властью, которая, при всей оппозиционности буржуазии в данный момент, все же защищает именно ее основные интересы и не может надолго своей лицемерной полицейской опекой приручить рабочий класс.

Сам Наполеон, еще будучи претендентом на престол, еще сидя в тюрьме при Луи-Филиппе за опереточную попытку государственного переворота и стараясь придать себе вид мученика за интересы народа, написал книгу, в которой выдавал себя за ученика Сен-Симона, защищал идеи рабочих производительных товариществ и вообще высказывался за широкую «социальную политику». Правда, вероломно захватив власть и став императором, картечью задушив последнюю попытку сопротивления среди рабочих и сослав на ка-

торгу всех «подозрительных», Наполеон из всех своих «социальных» обещаний сохранил за рабочими лишь право образовывать «общества взаимопомощи», числом не больше 20 человек каждое, и, кроме того, как мы уже знаем, общим содействием оживлению промышленности и, в частности, грандиозными строительными работами старался дать рабочим заработок, уничтожить безработицу, и тем отвлечь их от «беспокойных» революционных воспоминаний и от стремлений к борьбе.

На первых порах ему это, действительно, удалось. Правда, не все воспоминания и не все революционные симпатии удалось ему вытравить у рабочих.

Между ними тайно делались сборы в пользу их заключенных и сосланных товарищей, а иногда смерть какого-либо рабочего, пострадавшего от политических преследований, собирала за его гробом внушительную толпу и вызывала, таким образом, молчаливую демонстрацию. А в легальных «обществах взаимопомощи» неизбежно обсуждались вопросы экономического положения рабочих и их классовой борьбы, и впоследствии, в начале 60-х годов, эти общества стали зародышами и опорными пунктами профессиональной борьбы, превратившись понемногу в стачечные кассы. Но все же во второй половине 50-х годов, после победоносной крымской войны, наполеоновский режим казался чрезвычайно прочным, и опасность со стороны рабочих—совершенно устраненной. Неслыханный разврат всего «высшего» общества, духовенство и иезуиты в роли воспитателей юношества, наглая и циничная бюрократия, покорное и продажное законодательное Собрание, с жалкой и робкой оппозицией, спекулятивная горячка на бирже, крестьянство, ничем, кроме своей земли, не интересующееся и, наконец, рабочий класс, обескровленный, обезглавленный, лишенный всех своих вождей, который правительство хочет задобрить «рабочелюбивой» политикой, взамен лишения политических прав,—вот картина расцвета второй империи, так ярко описанная впоследствии в романах Золя.

И во главе всего этого царства наживы и разврата гордо стоял бывший жалкий авантюрист и клятвопреступник, пе-

ред которым уже заискивали европейские дворы, и которого раболепно приветствовали народные толпы самой Франции.

Но, как мы уже знаем, опустошительный промышленный кризис 1857 г. сразу показал всю непрочность этого режима, подорвал благополучие широких масс средней и мелкой буржуазии и резко ухудшил положение рабочего класса. Чтобы отвлечь внимание общества от внутренних дел империи в сторону «внешней славы» и чтобы примирить с собой либералов лицемерной защитой «угнетенных народов», Наполеон затеял в 1859 г. войну с Австрией, якобы во имя освобождения северной Италии от австрийского владычества, а на самом деле, с целью не только возобновить популярную традицию великой революции и Наполеона I, но и захватить себе итальянскую провинцию Савойю и город Ниццу *). Все это ему удалось полностью. Но, с другой стороны, необходимость примирения с либералами вызвала амнистию 1859 г., которая вернула Франции много борцов из тюрем и ссылки, в том числе непримиримого и неутомимого революционера Бланки (впрочем, виднейшие лондонские эмигранты, как Луи Блан, Виктор Гюго и другие, не пожелали воспользоваться «милостью» Наполеона и не вернулись до самого 1870 г.). А с другой, чтобы противопоставить «зазнавшейся» буржуазии ее самого опасного противника—пролетариат, который тоже начал просыпаться под влиянием кризиса и войны, и чтобы удержать его движение в своих руках, Наполеон вынужден был пойти на целый ряд уступок и послаблений и в своей рабочей политике.

Один из бонапартовских «принцев» специально занялся политическим развращением рабочих путем внушения им мысли о благожелательности императора к их действительным нуждам. Для подтверждения этой «благожелательности» Наполеон иногда давал «помилование» рабочим, осужденным уголовными судами за стачки и участие в «незаконных со-

*) Случайным поводом, ускорившим вмешательство Бонапарта в итальянские дела, было террористическое покушение на него итальянца Орсини, который будто бы на допросе об'яснил это покушение именно равнодушием Наполеона к итальянским делам.

обществах» *). И если некоторые рабочие «вожди», «обласканные» вниманием бонапартовского принца, действительно, попались в расставленную им сеть «полицейского социализма» (как и у нас в начале 900-х годов многие рабочие поддавались на зубатовскую удочку), то для огромного большинства рабочих императорское «рабочелюбие» привело к обратным результатам, т.-е. послужило началом в развитии их классового самосознания и в расширении сознательной классовой борьбы.

Так, в 1862 г. Наполеон содействовал отправке делегаций французских рабочих на лондонскую всемирную выставку. Он надеялся, что делегаты не только усвоят более высокую английскую технику промышленности, но и научатся от английских рабочих их «умеренности и аккуратности». Мы увидим в дальнейшем, что это свидание английских, французских и (как мы уже знаем) немецких рабочих сильно разочаровало тех, кто ему содействовал, т.-е. и Наполеона и германскую либеральную буржуазию, так как из него родилась идея I Интернационала.

Но во Франции и выборы делегатов (в одном Париже было устроено 50 избирательных собраний), и печатные отчеты вернувшихся делегатов,—все это необычайно всколыхнуло пролетариат и в первую очередь усилило его профессиональную организацию и стачечную борьбу. А на выборах в законодательное собрание в 1863 г. Париж послал представителей либеральной и демократической оппозиции, что достигнуто было почти исключительно голосами рабочих. Мало того, на этих же выборах группа рабочих выставила собственные кандидатуры и выпустила, за 60-ю подписями, избирательный манифест, о котором нам еще придется говорить. И хотя рабочие кандидатуры собрали ничтожное число голосов, но все же эта попытка самостоятельного выступления испугала буржуазию. В результате всего этого движения Наполеон вынужден был пойти на дальнейшие уступки. В 1864 г. издан был закон о свободе коалиций, т.-е. стачек.

*) А таких осужденных было очень много: за время с 1853 по 1866 год было приговорено к разным наказаниям около 4.000 рабочих за участие в 749 сообществах и стачках.

Правда, он был обставлен такими полицейскими оговорками, что «свобода» сводилась почти к нулю, но, тем не менее, рабочие использовали его для колоссального развития профессионального и стачечного движения. С образованием Интернационала во Франции возникает целый ряд его отделений, которые становятся идейными и организационными руководителями все разраставшейся волны стачечного движения.

На первых порах правительство, в своей сложной игре между буржуазией и пролетариатом, сквозь пальцы смотрело на деятельность парижской секции Интернационала, тем более, что в начале эта деятельность была весьма «мирной» и легальной. Но, начиная со второй половины 60-х годов, оно само испугалось ее растущего влияния и растущей революционности. Поэтому, выступив с рядом «либеральных» реформ, как свобода союзов и собраний, ослабив цензурный гнет, бонапартовское правительство одновременно обрушилось полицейскими и судебными преследованиями на социалистические рабочие организации и, прежде всего, на секции Интернационала, которые были запрещены во Франции и стали нелегальными. Но это не остановило роста рабочего движения и, наоборот, все более окрашивало его в политический, революционный цвет. Этому еще содействовал новый промышленный кризис, разразившийся в 1866 г. Росли забастовки, захватывая самых отсталых в то время рабочих, как, например, углекопов *). Умножались столкновения с полицией и войсками. А в самом начале 1870 г. на похоронах журналиста Виктора Нуара, на личной почве убитого одним из бонапартовских принцев, произошла величественная манифестация, в которой участвовало около 200.000 человек, в огромном большинстве рабочих. Империя шла явно к гибели, и могильщиками ее были, главным образом, рабочие.

Под чьим идейным влиянием находились сознательные французские рабочие в эпоху 60-х годов? Другими словами,

*) Грандиозная забастовка углекопов художественно изображена в известном романе Золя—„Жерминаль“ („Углекопы“).

каково было развитие социализма в это время? Два имени оспаривали друг у друга руководство пролетарской борьбой, два противоположных течения вели непримиримую идейную борьбу между собой: прудонизм и бланкизм. Сам Прудон, как мы знаем, находился в эмиграции, в Брюсселе, где он и умер в 1865 г. Но его сторонники преобладали в новом поколении рабочих, выросшем за время реакции и ощупью искавшем путей для освобождения рабочего класса. Их отличал на первых порах страх перед политической борьбой, вражда к коммунизму и вера в единоспасающие прудоновские рецепты, как взаимопомощь, даровой кредит и образование производительных товариществ. Они подчеркивали мирный характер своей деятельности, отсутствие революционно-политических задач и не брезгали брать помощь у императорского правительства, как, например, деньги на посылку делегации в Лондон в 1862 г. Вот, напр., в каких смиренных выражениях написан вышеупомянутый избирательный манифест «группы 60» (в 1863 г.), которые все были прудонистами: «Политическое равноправие включает в себе социальное равноправие. Буржуазия, наша старшая сестра в деле освобождения, должна была в 1789 г. поглотить дворянство и разрушить несправедливые привилегии. Нашей задачей является не отмена прав, которыми справедливо пользуются средние классы, а завоевание такой же свободы действия... Мы не хотим аграрного закона... Свобода, кредит, солидарность — вот о чем мы мечтаем... Нищета не есть божественное установление. Мы хотим не милостыни, а справедливости. Мы не чувствуем ненависти к людям, а хотим изменить вещи».

Неудивительно, что при такой умеренности взглядов и стремлений рабочих-прудонистов наполеоновское правительство первые годы относилось к ним терпимо и даже надеялось совсем их приручить. Но неудивительно также, что против этого прудонизма 60-х годов, против отказа от политической революции и принижения революционных задач, против веры в мирное разрешение социального вопроса, до низвержения Наполеона и всей его шайки,—с самой решительной и беспощадной критикой выступил Бланки. Осво-

божденный амнистией 1859 г. и вернувшись в Париж, Бланки начал в тлетворной обстановке 2-й Империи, справлявшей свои пышные оргии, искать ростков новой жизни, элементов протеста и грядущей революции. На первых порах он нашел себе сторонников среди демократической интеллигенции, возмущенной продажным режимом Бонапарта, особенно среди студенчества, к которому примыкали лишь немногочисленные группы рабочих, в большинстве «стариков», деятелей 1848 года, вернувшихся из ссылки. Арестованный в 1861 г., Бланки стал в тюрьме встречаться с рабочими-прудонистами и имел на них большое влияние. В результате этого взаимного «тюремного» общения, многие прудонисты, для которых уже самый факт тюремного заключения, как награды за их умеренность и легальность, должен был послужить уроком, начинали больше ценить политическую борьбу. И из их среды вышли впоследствии такие убежденные социалисты и революционеры, как Малон, ставший теоретиком и историком социализма, Варлен, один из героев Парижской Коммуны, и другие. Наоборот, многие последователи Бланки или бланкисты, которые сперва ничего не признавали, кроме политической революции и подготовки вооруженного восстания, постепенно начинали участвовать и в профессиональной борьбе пролетариата.

Впрочем, это частичное идейное сближение сказалось лишь впоследствии, в конце 60-х годов, в момент обострения политической борьбы. И все время организации бланкистов и прудонистов существовали отдельно, и между их руководителями шла жестокая идейная борьба, сильно напоминавшая борьбу русских «искровцев» (во главе с Лениным и Плехановым) против «экономизма» в начале 900 г.г., или позднейшую борьбу большевиков с меньшевиками-«ликвидаторами». Сам Бланки, эмигрировав в Брюссель в 1865 г., повел кампанию против прудонистов, членов Интернационала, встретив в этом полную поддержку Маркса. Он пришел в ужас от их «легализма» и приспособленчества, считал, что они развращают французских рабочих, примиряя их с режимом 2-й Империи. Кроме того, Бланки в теоретическом, программном отношении был убежденный коммунист, а многие прудони-

сты отстаивали индивидуальную экономическую «свободу» и мелкую собственность.

Все это обостряло отношения между Бланки и бланкистами, с одной стороны, прудонистами, — с другой. Прудонисты считали бланкистов буржуазными интеллигентами, которые снова, как в 1848 г., хотят на спинах рабочих добиться власти; бланкисты, в свою очередь, обвиняли своих противников в прислужничестве перед Наполеоном и его правительством.

Между тем, Бланки стал тайно наезжать в Париж, где он занялся, как в 30-х годах, подготовкой вооруженного восстания и организацией для этого боевых дружин. И характерно, что если число организованных членов прудонистской секции Интернационала доходило лишь до 1,200 человек, то тайная боевая бланкистская организация, состоявшая преимущественно тоже из рабочих, к концу 60-х годов достигла 2.000 членов. Это значило, что боевой революционный социализм Бланки к концу царствования Наполеона стал больше по душе озлобленным рабочим, чем мирный, доктринерский социализм прудонистов.

Одновременно с организацией тайного общества, Бланки вырабатывал идейное обоснование своих взглядов и программу грядущей социальной революции. Большая часть написанного им тогда была напечатана лишь после его смерти, в 1885 г., в 2-х томах, под названием «Социальная критика». Бланки считал необходимым после революции установить «диктатуру Парижа», т.-е. революционного правительства, опирающегося на парижских рабочих. При этом, помня урок 1848 г., он выставлял лозунг — «никакой свободы врагам», требовал изгнания духовенства и непокорных капиталистов и коренной реорганизации всего управления, а также «вооружения рабочих и республиканцев». Зато в области экономической он рекомендовал постепенность и осторожность и особенно предостерегал от конфискации крестьянской собственности и насильственного введения коммунизма вообще и в деревне, в особенности. Тут же он, конечно, проявлял присущую ему всю жизнь наивную веру в могущественную роль идей и просвещения. По его мнению, именно всеобщее

просвещение и должно было после революции принести с собой коммунизм.

Бланки резко нападал на всех проповедников мирной экономической эволюции, мирного «врастания» социализма в капиталистический строй — теперь, еще до социальной революции, которая лишит власти религию и капитал (их он считал злейшими врагами человечества). Поэтому он обрушивался и на всякие кооперативные иллюзии. Все три вида кооперации, по его мнению,—потребительская, кредитная и производительная,—не только не являются путями к социализму, но, наоборот, усыпляют рабочих и действуют в пользу реакции. Это непонимание воспитательного и организующего значения кооперации, как и вообще экономической борьбы, непонимание, сближавшее Бланки с Лассалем, он переносил отчасти и на профессиональные союзы, за которыми признавал лишь возможность охраны труда от чрезмерной эксплоатации капитала, но отнюдь не организацию рабочих для активной, наступательной борьбы с капиталом.

Между тем, тайная организация Бланки в Париже требовала дела, и нетерпеливые сторонники его торопили с попыткой восстания. Бланки уступил им и снова повторил свой неудачный маневр 1839 г. Во главе своего отряда, в котором оказалось на месте лишь сто человек, Бланки хотел разоружить казарму в рабочем предместье в воскресный день, летом 1870 г., когда уже началась франко-прусская война и первые поражения явно пошатнули трон Наполеона. Но на этот раз результат был так же печален, как в в 1839 г. Гулявшая по бульвару толпа шарахнулась во все стороны. Ибо главная ошибка всей деятельности Бланки была та, что революцию нельзя «сделать», как он думал, нельзя вызвать искусственно. Революция вспыхивает сама, когда назреют известные условия.

И, действительно, всего несколько недель спустя после неудачной попытки Бланки, 4-го сентября 1870 года, во Франции об'явлена была республика.

3. Расцвет английского тред-юнионизма.

50-е годы в Англии не были эпохой реакции в том смысле, как это было на континенте, в результате подавления революции. В отличие от рабочих Франции и Германии, английские рабочие, как мы знаем, несмотря на внешний неуспех чартистского движения, завоевали очень много. В текстильной промышленности введен был законом 10-часовой рабочий день для женщин, что повело за собой такое же сокращение и для мужчин, притом не только в текстильной, но и в других важнейших отраслях фабрично-заводской промышленности Англии. Кроме того, английский пролетариат имел завоеванное 10-летиями упорной борьбы право коалиций, свободу союзов и стачек. Правда, право это было, в смысле закона, весьма непрочно и могло вызывать разные толкования, что впоследствии не раз и случалось, особенно по отношению к правам союзов, как юридических лиц, т.-е. праву иметь кассу, заключать договоры и т. п. Но в течение 50-х годов английский капитализм развивался гигантскими шагами. Англия становилась всемирной фабрикой, и ее буржуазия, получая огромные барыши, не особенно упорствовала в экономической борьбе с рабочими, квалифицированная часть которых значительно улучшила свое положение. Не выступала буржуазия и против тред-юнионов, так как они вели мирную пассивную политику. Это была эпоха не реакции, но апатии, усталости рабочего класса (наиболее энергичная часть которого к тому же эмигрировала за океан) *), эпоха равнодушия к политике. Мирно угасал последний журнал чартистов, редактированный одним из наиболее социалистических чартистских писателей — Эрнестом Джонсом. Сторонники престарелого Оуэна занимались, главным образом, антирелигиозной пропагандой.

Но и в Англии с конца 50-х годов начинается пробуждение и оживление рабочего класса под давлением неумолимой экономической необходимости. Кризис 1857 г. больше всего

*) С 1846 по 1854 г. из всех частей Англии (включая и Ирландию эмигрировало более $2^1/_2$ миллионов человек.

поразил именно Англию, как страну наиболее промышленно развитую. А затем, с самого начала 60-х годов, разразилась междоусобная война в Соединенных Штатах, вызвавшая продолжительный «хлопковый голод» в Англии (хлопок ввозился и теперь ввозится, главным образом, из Америки) и массовую безработицу текстильных рабочих.

В то же время у английской буржуазии, хотя и в слабой еще форме, стала появляться конкуренция, в лице развивавшейся европейской промышленности. И английский капитал стал переходить в наступление по отношению к своим наемным рабам.

Все это заставило встряхнуться наиболее организованную и сознательную часть пролетариата, заставило ее перейти к более активной политике, заинтересоваться европейскими и американскими делами, вспомнить, что главная цель чартизма — избирательное право для рабочих — до сих пор не достигнута. Наконец, не малое значение для английского рабочего движения имело то обстоятельство, что в Лондоне был центр европейской эмиграции, там жили революционеры всех стран, в том числе Маркс, придававший этому движению огромное значение, пристально его изучавший и особенно со времени возникновения Интернационала, через его Генеральный Совет непосредственно руководивший им.

В это время английские тред-юнионы выдвинули ряд новых, энергичных вождей, вышедших из среды самих рабочих, которые и образовали тред-юнионский Совет действия. Самыми выдающимися из них были: Аллан — от машиностроительных рабочих, Эплгарз — от плотников, Люкрафт—от столяров, Кремер — от каменьщиков, Оджер—от сапожников. К ним присоединился еще бывший член союза коммунистов Эккариус, ученик Маркса, — от портных. Они предпринимали ряд больших политических кампаний, имевших иногда не только английское, но и международное значение, кампаний, вовлекавших большие массы рабочих и тем содействовавших их политическому и классовому воспитанию. Так, английские тред-юнионисты бурно приветствовали итальянского революционера-патриота Гарибальди и столь же бурно протестовали, когда английское правительство вознамерилось

вмешаться в американскую войну с тем, чтобы оказать помощь южанам-рабовладельцам. Протестовали они и против усмирения русским царем польского восстания.

Но особенно энергичную кампанию повели тред-юнионы, когда суды хотели нарушить их права в угоду фабрикантам, а также, когда началась борьба за избирательную реформу.

В 1866 г. либеральное министерство Гладстона внесло законопроект о предоставлении избирательного права рабочим, занимающим отдельную квартиру. Но законопроект был отвергнут в парламенте, и либеральное министерство было заменено консервативным.

Тогда, под руководством тред-юнионов и при энергичном идейном содействии Интернационала во главе с Марксом, началась грандиозная митинговая кампания, напоминавшая самые бурные времена чартизма (этому содействовал и кризис 1866 г.). На митинге в Трафальгар-сквере, одной из важнейших площадей Лондона, где собралось 20.000 человек, вождь трёд-юнионистов Люкрафт, член совета Интернационала, звал итти на площадь королевского дворца, «где мы в свое время снесли голову одному из наших королей» (Карл I). На другом митинге, в Гайд-парке, где было 60.000 демонстрантов, дело дошло до кровавой схватки с полицией. Правительство испугалось размеров движения и уступило.

С необычайной для английских порядков быстротой, новый закон прошел через обе палаты парламента, и, таким образом, значительная часть английских рабочих (правда, в качестве квартиронанимателей, наиболее состоятельная и, следовательно, наиболее консервативная) получила право выбора в парламент. Через 20 лет после конца чартистского движения одно из главных требований этого движения было частично осуществлено.

Наконец, в эту же эпоху английские рабочие (опять-таки при идейном участии Маркса) впервые вмешались в борьбу английского правительства с ирландскими революционерами, требуя более мягкого обращения с заключенными и амнистии приговоренным к смерти. Из всех классов английского общества, эксплоатировавшего несчастную Ирландию, одни лишь сознательные и организованные рабочие

выступили в защиту ирландских националистов. Маркс считал это выступление в высшей степени важным, так как, по его мнению, пока Ирландия находится в рабстве у английских помещиков и капиталистов, до тех пор не может получить свободу и английский пролетариат.

Но все это движение английских рабочих не носило в себе никаких элементов социализма, никакого сознательного стремления коренным образом реорганизовать современное общество. Оно преследовало чисто практические, ближайшие цели, осуществимые в рамках капиталистического строя. Мало того, даже получив избирательные права, английские рабочие не создали немедленно собственной политической партии и еще десятки лет отдавали свои голоса на выборах одной из двух больших буржуазных партий Англии.

Так же практически смотрели английские трэд-юнионисты и на Интернационал, созданию которого они, тем не менее, содействовали больше, чем кто-либо.

4. Международное товарищество рабочих. Маркс и Бакунин.

60-е годы представляют собою эпоху в высшей степени бурную и революционную и притом во всемирном масштабе. Значение ее безусловно превышает значение европейских революций 1848 г. и еще раз подтверждает, как прав был Маркс в своем предсказании нового, более серьезного, революционного под'ема после ожидавшегося им и, действительно, разразившегося кризиса 1857 г. В самом деле, отмена крепостного права в России в 1861 г. означала вступление этого «жандарма Европы» в число капиталистических государств. И с этого момента в ней не прекращается революционное движение, подготовившее 1905 и 1917 г.г. А варварски усмиренное польское воостание 1863 г., как и революционная борьба Италии за свое единство и независимость, будоражили общественное мнение Европы, вызывали в рабочем классе интерес к международным делам. 4-летняя упорная гражданская война в Соединенных Штатах Америки, имевшая, как мы знаем, такое огромное непосредственно-

экономическое значение для английского пролетариата, означала революцию прогрессивного, промышленного Севера против отсталого, реакционного, рабовладельческого Юга. И от этой революции Маркс ожидал такого же толчка для пролетарского революционного движения Европы, каким послужило для буржуазных революций—восстание американских колоний против Англии в конце XVIII века, восстание, которое и положило начало великой заатлантической республики. Наконец, национальные войны в Европе—на ряду с быстрым ростом капитализма—заставляли реакционные правительства итти на ряд либеральных уступок, хотя бы частично давать своим народам те права, какие не удалось сохранить в 1848 г. Так, кроме уже известной нам «либеральной эры» во Франции и Пруссии, вызванной отчасти войной 1859 г., прусско-австрийская война 1866 г., закончившаяся полным разгромом австрийской армии, и страх перед новой венгерской революцией заставили и реакционнейшее правительство Франца-Иосифа благоразумно внять «духу времени» и дать в 1867 г. куцую конституцию, которая, в свою очередь, ускорила начало рабочего движения в Австрии.

Неудивительно поэтому, что именно в эту революционную эпоху, полную смутных чаяний чего-то нового, вместе с возрождением и ростом рабочего движения и социализма в главных странах Европы, должна была возродиться и идея международного об'единения, международной организации борющегося пролетариата, идея, которая не умирала с тех пор, как возникло новейшее рабочее движение. Первый Интернационал был лишь осуществлением в грандиозном масштабе ряда попыток, которые делались передовыми борцами пролетариата и его идеологами с конца 30-х и начала 40-х годов. Ибо международный характер капитализма, для которого отечество там, где больше прибыли, неизбежно должен был вызвать сперва смутные, а затем все более сознательные интернациональные стремления и у передовых рабочих, которых притом реакционные правительства, вынуждая эмигрировать, сами сталкивали с рабочими стран более прогрессивных.

Первые попытки международного об'единения, как нам уже известно, сделаны были эмигрировавшими немецкими ремесленными подмастерьями 30-х и 40-х годов, которые в Париже, Брюсселе и, особенно, в Лондоне, вступали в оживленные сношения с местными революционными, демократическими и пролетарскими организациями. Из созданных таким образом групп—«Союз опальных» и «Союз справедливых»—возник впоследствии знаменитый «Союз коммунистов», с ярко интернациональной и классово-пролетарской окраской, заменивший, под влиянием Маркса и Энгельса, расплывчатый, полу-христианский лозунг—«все люди братья»—боевым и революционным международным кличем — «пролетарии всех стран, соединяйтесь!» Главным местопребыванием Союза на много лет сделался Лондон, как потому, что он был центром мирового капитализма и наиболее развитого рабочего движения—чартизма,—так и потому, что Лондон и до 1848 г. и, особенно, после него являлся сборным пунктом революционой эмиграции со всех концов Европы и представлял из себя наиболее удобную арену для всяких международных выступлений, демонстраций и организаций.

И в Лондоне же, при ближайшем участии остатков чартистской партии, ровно за 20 лет до основании Первого Интернационала, в сентябре 1844 г., основан был союз «Братских Демократов», который во многих отношениях являлся прямым и непосредственным предшественником «Международного товарищества рабочих». Наиболее активными членами этого Союза были вначале известный нам немецкий коммунист Шаппер, поляк Оборский и чартист-коммунист Гарни. Близкое участие в нем принимал другой чартист — социалист Эрнест Джонс. Союз проповедывал социалистические и интернационалистические идеи, организовал в Лондоне ряд международных митингов в память Великой французской революции, революции 1848 г. и польского восстания 1831 г. С наступлением реакции и апатии 50-х годов Союз просуществовал недолго и был распущен в 1852 г.

Но попытки об'единения продолжались. В 1854 г. возник новый, гораздо более скромный по размерам и влиянию, чем «Братские Демократы», Международный комитет, с харти-

стом Джонсом во главе. И он устраивал ряд публичных митингов, между прочим, в том самом зале св. Мартина («Сент-Мартинс-Холл»), в котором основан был Первый Интернационал. Наконец, уже в середине 50-х годов, в Лондон приезжали из Парижа рабочие-прудонисты с проектом образования «всемирного рабочего союза».

Таким образом, идея Интернационала прямо носилась в воздухе. И когда, с оживлением рабочего движения в начале 60-х годов, дело дошло до практического осуществления этой идеи, то оказалось, что предшествующее развитие подготовило для нее и внешние поводы и отчасти организационные формы.

На этот раз инициатива исходила, главным образом, от англичан, именно, от вождей профессиональных союзов. Дело в том, что в походе, который начала английская буржуазия против тред-юнионов, после кризиса 1857 г., одним из средств давления и воздействия на рабочих во время экономических конфликтов и забастовок была угроза—ввезти в Англию континентальных рабочих, неорганизованных, отсталых и довольствовавшихся меньшей заработной платой. Крайне обеспокоенные такой перспективой вожди английских тред-юнионов, по чисто-практическим соображениям, чтобы не дать использовать континентальных рабочих в роли штрейкбрехеров и не допустить понижения завоеванного с таким трудом жизненного уровня организованных в тред-юнионы английских рабочих,—пришли к заключению, что организацию пролетариата надо расширить за национальные рамки, сделать ее международной и тем устранить опасность конкуренции со стороны иностранных рабочих. В этом духе и велись переговоры с французской и немецкой рабочими делегациями, посетившими Лондон во время выставки 1862 г. Польское восстание 1863 г. (как и во времена «Братских демократов») послужило новым поводом приезда французской делегации и обмена воззваниями и адресами, причем на ряде митингов и собраний вновь и вновь выплывал вопрос о необходимости единения рабочих разных стран и согласования их борьбы за улучшение своего положения.

Наконец, 28-го сентября, на большом международном митинге в Сент-Мартинс-Холле, куда снова приехала французская делегация во главе с умеренным прудонистом Толеном и куда устроителями был также приглашен и Карл Маркс, после ряда речей было решено основать «Международную ассоциацию рабочих», которая для краткости стала называться просто «Интернационалом». Тут же на митинге был выбран временный организационный комитет, куда вошли в большинстве английские тред-юнионисты, затем немцы, французы, итальянцы; от немцев были, между прочим, Эккариус и Маркс. До какой степени этот комитет был разнороден, до какой степени он еще не имел твердой, принципиальной классовой позиции, видно из того, что устав нового общества поручили написать знаменитому итальянскому революционеру-эмигранту Маццини, пламенному республиканцу с религиозным оттенком, но злейшему противнику коммунизма. Написанный им проект никого не удовлетворил. Тогда за дело взялся Маркс и написал не только устав, с введением к нему, но и обширное воззвание или манифест, обращенный к рабочим всех стран. В этом манифесте, в осторожной форме, чтоб не отпугнуть отсталых рабочих, давался блестящий разбор положения рабочего класса после 1848 г., в связи с основными тенденциями капитализма, и делался вывод о необходимости об'единения и организации пролетариата во всех формах экономической и политической борьбы для защиты его самых жизненных интересов, самого его существования. И лишь в качестве вывода из ряда неопровержимых положений высказывалась мысль, что «великий долг рабочего класса—это завоевание политической власти» для реорганизации общества на началах всеобщей кооперации, т.-е. социализма. При этом, в качестве одной из ближайших политических задач пролетариата, указывалось на необходимость зорко следить за международной политикой господствующих классов и их правительств, противопоставить их внешней политике — свою и решительно выступать против всяких насилий над слабыми народностями. Заканчивался манифест старым призывом—«пролетарии всех стран, соединяйтесь!».

И манифест и устав, после незначительных поправок, внесенных французами, были приняты единогласно и отныне стали основными руководящими документами Интернационала. Вот главные положения вводной части устава, которые печатались на оборотной стороне всех членских карточек.

«Освобождение рабочего класса должно быть делом самого рабочего класса. Борьба за освобождение рабочего класса есть борьба не за новые классовые преимущества, а за уничтожение всякого классового господства. Экономическое подчинение рабочего собственнику средств труда, т.-е. источников жизни, лежит в основе всех форм рабства, социальной нищеты, духовного одичания и политической зависимости. Экономическое освобождение рабочего класса является поэтому великой целью, которой всякое политическое движение должно быть подчинено, как средство.

Все попытки, направленные к достижению этой цели, до сих пор не удавались из-за отсутствия солидарности между рабочими различных отраслей труда в каждой отдельной стране и между рабочими классами различных стран. Освобождение рабочих является не местной, не национальной, а социальной задачей. Она охватывает все страны, в коих существует современное общество, и может быть разрешена лишь путем планомерной работы всех стран».

Интернационал ставил себе задачей об'единение рабочих разных ступеней культуры, разных политических взглядов, лишь бы они хотели бороться за интересы своего класса. Поэтому и манифест и устав были составлены Марксом в осторожных выражениях, чтоб под ними могли подписаться все представители тогдашнего рабочего движения, при всем различии его форм и уровня политического сознания. Поэтому о социализме говорилось глухо, как о кооперации, расширившейся до пределов государства. Маркс считал, что, раз начавшись, раз вылившись в форму международной организации, рабочее движение неизбежно придет ко всем революционным выводам, придет к коммунизму. И, действительно, на первых порах Интернационал не только не испугал буржуазию, но привлек даже к себе симпатии многих мелко-

буржуазных интеллигентов. Даже буржуазно-демократическая международная «Лига мира и свободы» готова была вступить в Интернационал, если бы он ее принял. Но по мере роста его силы и влияния, по мере того, как руководимое им рабочее движение разных стран Европы все более революционизировалось, у буржуазии появился страх перед Интернационалом, тот страх, у которого, согласно поговорке, «глаза велики», и она стала преувеличивать его мощь и значение, количество его членов, его страшные разрушительные намерения. Интернационалом начали чуть ли не детей пугать.

На самом деле организация Интернационала была такова. Несколько лиц в любом месте, признававшие его устав. образовывали первичную ячейку, или секцию, а союз секций составлял федерацию. Областные или национальные федерации утверждались Генеральным Советом, который избирался на общих с'ездах или конгрессах Интернационала и находился в Лондоне. Число секций росло непрерывно, при чем главная масса их была в Англии, Франции и Швейцарии *). В Германии закон с самого начала запрещал официальное присоединение к Интернационалу; поэтому оно было только идейным. В целом ряде стран рабочее движение впервые началось в 60-х годах под непосредственным идейным и организационным влиянием Интернационала и его агентов. Так появились социалистические группы в Бельгии, где выдвинулся талантливый агитатор и организатор Цезар де-Пап, врач по профессии, для сближения с рабочими ставший наборщиком. Началось рабочее движение в Австрии. Целый ряд групп образовался в Италии и Испании под влиянием Бакунина и его единомышленников (в Испании также и Лафарга), при чем в Италии Бакунин с успехом выступал против мелкобуржуазного революционизма Мац-

*) В Англии важнейшими деятелями Интернационала были лидеры тред-юнионов; во Франции, кроме рабочих-прудонистов Толена, Фрибура, настроенных в высшей степени умеренно, и более революционных, как Варлен, действовали еще интеллигенты Лонге и Лафарг, будущие зятья Маркса. В Швейцарии выдвинулись немец Беккер, француз Гильом, а впоследствии и сам Бакунин.

ции. Наконец, к концу 60-х годов, появляется впервые социализм и в скандинавских государствах *). Кроме того, русские эмигранты в Швейцарии образовали и русскую секцию Интернационала **).

Деятельность международного товарищества рабочих и его секций выражалась в агитации и пропаганде, устной и печатной, а также в руководстве экономической и политической борьбой пролетариата. Генеральный Совет через своих секретарей переписывался со всеми странами, давал советы и указания и по поводу всех важнейших событий выпускал воззвания. Когда, со второй половины 60-х г.г., по Европе прокатилась большая стачечная волна, при чем особенно крупные и упорные забастовки происходили во Франции, Швейцарии и Бельгии (где правительство жестоко расправилось со стачечниками), Генеральный Совет организовал при помощи сборов денежную поддержку бастовавшим рабочим. Эта неожиданно являвшаяся из-за границы помощь производила всегда на рабочих громадное впечатление, увеличивала их готовность к борьбе и ослабляла сопротивление хозяев. Вообще же на буржуазию это невиданное до сих пор явление—реальная классовая поддержка рабочих их товарищами из других стран—действовало так сильно, что ей мерещилась в Лондоне грандиозная тайная организация, владеющая несметными богатствами.

Между тем, число действительных членов Интернационала было гораздо меньше, чем это казалось перепуганному воображению буржуазии, полиции и прокуратуры, а его денежные средства были ничтожны.

Кроме того, деятельность Интернационала с самого его основания протекала в атмосфере внутренних трений, непрерывной идейной и организационной борьбы. Борьба эта ве-

---

*) Вот любопытный доклад Интернационалу, посланный из Копенгагена в апреле 1870 г. «Вчера вечером было здесь первое собрание из 9 социалистов; в первый раз с тех пор, как существует королевство Дания, имело здесь место подобное собрание. Целью собрания было основать секцию Интернационала» и т. д.

**) Во главе ее стоял бывший студент Утин, впоследствии подавший царю прошение о помиловании и вернувшийся в Россию.

лась, главным образом, сперва между марксистами и прудонистами, а затем, с еще большим ожесточением, между Марксом и его последователями, с одной стороны, Бакуниным и бакунистами, — с другой. Борьба происходила и внутри Генерального Совета, и в секциях, но больше всего на конгрессах.

Французские прудонисты (сами они себя называли «мютюэлистами» от слова mutuel, взаимный; взаимопомощь, взаимный кредит) на первых порах имели большинство на конгрессах, и им удавалось проводить свои мелкобуржуазные резолюции. Но, уже начиная со 2-го конгресса, марксисты постепенно стали одерживать верх. Сам Маркс был лишь на последнем настоящем конгрессе, в Гааге, в 1872 г. Но он подготовлял все важнейшие доклады и резолюции и вел неустанную писменную агитацию в защиту своих взглядов, т.-е. в защиту коммунизма против мелкобуржуазного социализма, а впоследствии и против бакунинского анархизма.

Всего до 1872 г. у Интернационала было 5 конгрессов или с'ездов (в 1866 г.—в Женеве, в 1867 г.—в Лозанне, в 68 г.—в Брюсселе, в 69 г.—в Базеле, в 72 г.—в Гааге) и 2 конференции в Лондоне, в которых, конечно, Маркс участвовал. Число депутатов на этих конгрессах колебалось приблизительно от 50 (на 1-м) и до ста (на 3-м). Представлены были все важнейшие государства Европы.

Прудонисты высказывались против политической деятельности пролетариата, против стачек, против национализации земли, против участия женщин в производстве (подобно своему учителю Прудону, они считали, что место женщин—в кухне и детской). С своей стороны, они выдвигали свои излюбленные средства: взаимопомощь, кредит и обменные банки.

Важнейшие вопросы, расcматривавшиеся на конгрессах Интернационала, были: о женском и детском труде, о кооперации и профессиональных союзах, об отношении пролетариата к войне, о борьбе за политическую свободу, о коллективной собственности на землю и другие. Пользуясь поддержкой англичан, сторонники Маркса провели резолюции о необходимости профессиональных союзов и неизбежности

стачек, а также о необходимости борьбы за политическую свободу. Война встретила единодушное осуждение. Вопрос о коллективной собственности на землю вызывал особенно ожесточенные споры и откладывался с конгресса на конгресс, пока, наконец, на Базельском с'езде, при поддержке Бакунина, марксисты одержали победу над прудонистами, проведя резолюцию о коллективной собственности на землю. Это была победа социализма над мелкобуржуазным индивидуализмом.

Но на том же конгрессе, где марксизм окончательно вытеснил прудонистов, он встретился с новым и более опасным противником, борьба с которым, в конце концов, содействовала разложению Интернационала. Этим противником и был знаменитый русский анархист Бакунин. Личность и деятельность Бакунина и борьба его с Марксом играют такую большую роль в истории социализма, что на них нужно остановиться подробнее.

Знаменитый основатель революционного, боевого анархизма Михаил Александрович Бакунин происходил из старой дворянской семьи (родился в 1814 г.). Он воспитывался в духе преданности царю и религии, по окончании юнкерского артиллерийского училища служил одно время офицером в городах и местечках Зап. Края (Литвы и Белоруссии). Но с ранних лет в нем бродили какие-то могучие умственные силы, какое-то смутное предчувствие предстоящей ему великой роли. Не вытерпев пустой и бесцветной жизни провинциального офицера, Бакунин уже 21 года вышел в отставку против воли отца, а потом тайно уехал из отцовского имения в Москву, где близко сошелся с кружком тогдашней передовой интеллигенции (Станкевич, Белинский, знаменитый впоследствии критик, и др.). Ведя безалаберную жизнь деклассированного интеллигента, каким он всю жизнь и оставался, не имея ни определенных занятий, ни способности к усидчивому труду, Бакунин в эту эпоху страстно увлекся идеалистической немецкой философией, особенно учением Гегеля, и тогда же проявил тот необычайный пропагандистский жар, то уменье увлекать в свою веру, которым он так

впоследствии отличался. Сестры его боготворили. Белинский, хотя нередко ссорился с ним из-за его несносного и деспотического характера, но был все же под сильным его влиянием.

Но в это время Бакунина занимали только отвлеченные философские и нравственные вопросы. Политика его не интересовала, и к ужасам Николаевской России он был равнодушен. Только после того, как он в 1840 г. на средства своего нового друга Герцена попал за границу, сперва в Германию, а потом в Швейцарию, Францию и Бельгию, Бакунин стал революционером и в области мысли и в политике. Только там, в бурлящей атмосфере предреволюционной Европы, в то самое время, когда складывалось миросозерцание Маркса и Энгельса, когда и в Германии и во Франции выступил ряд блестящих революционных писателей, Бакунин нашел благоприятную почву для дремавших в нем сил. Уже в 1842 г. он напечатал под псевдонимом статью, где подверг резкой критике свои прежние идеалистические взгляды, и где впервые появился знаменитый потом лозунг анархистов: «страсть к разрушению есть в то же время творческая страсть».

Преследуемый германской полицией, Бакунин уехал в Швейцарию, где познакомился с Вейтлингом, произведшим на него сильное впечатление. В это время русское правительство обратило внимание на его «предосудительные» связи за границей и потребовало его возвращения в Россию. Бакунин не послушался, был за это заочно приговорен к каторге и сделался, таким образом, политическим эмигрантом.

В Париже Бакунин подружился с Прудоном, от которого потом заимствовал его ненависть к государству, сошелся с Марксом, который, впрочем, слишком резко расходился с ним характером. Там же он впервые пытался сблизиться с поляками и в 1847 г. на собрании в память польского восстания 1831 г. произнес свою первую публичную речь против русского правительства, за которую его выслали из Франции.

В 1848 г. Бакунин с головой ринулся в водоворот революционных событий, больше всего мечтая поднять и об'единить в одну республику всех славян. Для этого он поехал

в Богемию, в Прагу, строил планы создания революционной диктаторской власти с ним во главе.

В это время против него, по тайному подстрекательству русского посольства в Париже, была пущена, долго потом повторявшаяся клевета, будто он агент русского правительства. Этому многие верили, так как странной и загадочной казалась фигура этого русского дворянина, с необычайной пылкостью бросившегося в революцию, предлагавшего самые крайние меры и проповедывавшего об'единение всех славян, чего добивался и Николай I, желавший подчинить их всех своей власти.

Между тем, революция во всей Европе, и особенно в Германии, была подавлена. Бакунин, как мы знаем, принял личное участие в одной из ее последних вспышек, в Дрездене, весной 1849 г. Попав в руки реакционного правительства, он был замурован в тюрьмах, сперва в Саксонии, потом в Австрии, был дважды приговорен к смертной казни и «помилован», наконец, в 1851 г. выдан России, где его посадили сперва в Петропавловскую крепость, потом в Шлиссельбург.

В русских тюрьмах с неукротимым Бакуниным произошло событие, которое он потом скрывал всю жизнь и которое стало известно лишь благодаря революции 1917 г., когда открылись тайные архивы царского департамента полиции. Державшись мужественно и стойко в германских и австрийских тюрьмах, когда еще не отзвучали последние раскаты революционной бури, Бакунин упал духом, попав в глухую и мертвую тишину царских казематов. Отчасти под влиянием разочарования в неудавшейся европейской революции и нелюбви к немцам, врагам славянства, отчасти из страха перед ожидавшей его вечной одиночкой, которой он бы не вынес, Бакунин написал обширную «исповедь» Николаю I, где раскаивался в своей революционной деятельности. А после смерти Николая он подал его наследнику, Александру II, унизительное прошение о помиловании. И лишь после того мстительный царь заменил ему крепостную тюрьму ссылкой в Сибирь. В Сибири Бакунин ожил, и когда годы реакции кончились, и в Европе и в России повеяло

свежим ветром, в Бакунине проснулся старый революционер. Он бежал через Японию и Америку и приехал в 1861 году в Лондон к своим друзьям, Герцену и Огареву, издававшим революционный журнал «Колокол».

Став, таким образом, вторично эмигрантом, Бакунин на первых порах со всей своей энергией снова занялся революционными славянскими делами. Он мечтал о создании федеративной славянской республики, при чем вначале считал даже возможным, что во главе славянского дела станет царь Александр II. В своей брошюре «Народное дело, Романов, Пугачев или Пестель» Бакунин выдвинул программу национализации земли, «так, чтобы не было ни одного русского, который не имел бы части в русской земле»; далее он требовал народного самоуправления сверху донизу, «с царем или без царя, все равно, и как захочет народ Но чтобы не было в России чиновников». «Отношение наше к Романову ясно. Мы не враги и не друзья его, мы друзья народно-русского, славянского дела. Если царь во главе его, мы за ним. Но когда он пойдет против него, мы будем его врагами».

И, действительно, когда началось польское восстание 1863 года, Бакунин стремился помогать ему чем только мог. И лишь после его подавления, разочаровавшись на время в надежде вызвать славянскую революцию, Бакунин с середины 60-х годов целиком посвящает себя возрождавшемуся европейскому рабочему движению, особенно в так называемых романских странах: Италии, Франции, французской Швейцарии, а впоследствии и в Испании. В эту именно эпоху вполне слагаются анархистские взгляды Бакунина, и начинается его знаменитая борьба с Марксом в I Интернационале.

Вступив в руководимое Марксом «Международное товарищество рабочих», участвуя на его с'ездах и организуя его отделения или секции, Бакунин в то же время образовал внутри Интернационала тайное общество из своих последователей и начал энергично бороться против идей Маркса. Будучи, в сущности, учеником Маркса в экономических

вопросах и в материалистическом об'яснении истории *), Бакунин резко расходился с ним в отношении к государству и государственной власти, а также в методах борьбы с существующим строем.

Правда, и в глазах Маркса современное государство есть лишь организация классового господства, есть орудие в руках привилегированного меньшинства для подавления и угнетения трудящихся масс. И по Марксу, с исчезновением классов исчезнет и государство. Но для марксистов не безразличны разные формы государственного строя: для них конституционное государство вообще, а особенно республика, есть та форма, которая предоставляет пролетариату больше свободы и организационных возможностей для борьбы за его окончательное освобождение. Наконец, первым решающим этапом на пути к этому освобождению марксисты считали и считают завоевание рабочим классом политической власти, «диктатуру пролетариата». Для Бакунина, наоборот, всякое государство есть абсолютное зло. Если он и является республиканцем, то для него слово «республика не имеет другой цены, кроме цены чисто отрицательной: оно означает разрушение, уничтожение монархии». Государство демократическое может оказаться даже хуже монархии: «именно потому, что оно будет облечено в широкие демократические формы, оно сильнее и гораздо вернее будет гарантировать хищному и богатому меньшинству спокойную и широкую эксплоатацию труда». — «Нет большой разницы между дикой всероссийской империей и самым цивилизованным государством Европы».

Поэтому Бакунин был самым решительным противником участия рабочих в парламентских выборах и участия в каких бы то ни было представительных учреждениях. Но мало того. Отрицая всякую власть, он столь же решительно отрицал и чисто рабочую власть, диктатуру пролетариата. Ибо, по его мнению, и рабочие, сделавшись правителями или представителями народа, «перестанут быть работниками и станут смотреть на весь чернорабочий мир с высоты госу-

*) Хотя и в этих областях Бакунин проявлял большую упрощенность и ряд противоречий.

дарственной». Таким образом, Бакунин рекомендовал не завоевывать государственную власть, а уничтожить ее и в корне разрушить всякое государство, «всякую политическую организацию», которая «всегда ведет роковым образом к отрицанию свободы».

Полное и немедленное уничтожение государственного строя и свободный союз свободных общин—вот общественный идеал Бакунина, ставший идеалом анархистов.

Мы уже видели, что отрицательное отношение ко всякой государственной власти у предшественника и отчасти учителя Бакунина—Прудона, являлось выражением той злобы, которую питает к государству крестьянин. Но в то время, как Прудон предлагал лишь бойкот государственной власти, Бакунин в свой анархический период страстно проповедывал полное разрушение государств. В этом отношении он опирался не только на ненависть крестьянина к эксплоатирующему его городу, но и на низшие, неорганизованные, особенно деклассированные, босяцкие слои пролетариата, которые являются париями современной цивилизации и ничего, кроме озлобления и желания ее гибели, питать не могут. Бакунин, действительно, считал, что квалифицированные рабочие уже заразились буржуазным духом, и что лишь в «нищенском пролетариате», «в нем и только в нем, отнюдь же не в вышеозначенном буржуазном слое рабочей массы, заключается и весь ум и вся сила будущей социальной революции». Вообще же, «буржуазному и доктринерскому социализму городов» Бакунин охотно противопоставлял «примитивный, дикий социализм деревни».

Таким образом, если Маркс все свои надежды возлагал на передовые, более организованные слои пролетариата, которые он звал к завоеванию государственной власти, то Бакунин хотел опереться на стихийную крестьянскую массу и на отсталую часть рабочих, которые и должны были, по его мысли, сразу уничтожить все устои буржуазного общества. Поэтому его очень мало интересовали как будущая организация производства, так и медленная, кропотливая работа над воспитанием и организацией рабочего класса для подготовки его к будущей диктатуре.

Неудивительно, что, при такой противоположности взглядов и характеров, между Бакуниным и Марксом возгорелась страстная борьба, в которой обе стороны доходили до крайнего ожесточения и не стеснялись в средствах, а Бакунин опустился даже до грубого, вульгарного антисемитизма, приписывая все, что ему не нравилось в Марксе, его европейскому происхождению.

В этой борьбе внутри Интернационала на стороне Бакунина были социалисты более отсталых стран, особенно Италии и Испании.

Впрочем, хотя обвинение Маркса и марксистов в «умеренности» и отсутствии «революционного инстинкта» было смешным преувеличением со стороны бакунистов, тем не менее, им нередко, действительно, приходилось на местах, особенно в Швейцарии, сталкиваться с явно оппортунистическими мелко-буржуазными элементами, так что, при всем своем анархизме и непоследовательности, бакунисты бывали иногда представителями настоящей классовой, революционной политики.

Это, впрочем, не мешало им своим отрицанием государства и политической борьбы в других случаях в той же Швейцарии или во Франции привлекать к себе сторонников мелко-буржуазного социализма Прудона или стоявшие вне всякой пролетарской борьбы деклассированные, выбитые из колеи элементы буржуазной интеллигенции.

Как бы то ни было, но в борьбу между Бакуниным и Марксом были вовлечены все передовые, сознательные рабочие Европы. Бакунин в эти первые годы борьбы внутри Интернационала, т.-е. в 1868—70 гг., проявлял огромную, кипучую энергию, писал десятки и сотни писем и ряд статей в анархистских журналах, рассылал своих агентов по Швейцарии, Италии, Франции и Бельгии. Всюду у него появились пылкие и преданные сторонники, которые посылали своих представителей на общие с'езды и конференции Интернационала и вели там борьбу с марксистами.

В некоторых странах, как, напр., в Испании и отчасти в Италии, самое основание секций Интернационала принадлежит инициативе и энергии Бакунина, который посылал

туда своих людей, письма, инструкции. В этих странах рабочие познакомились впервые с идеями социализма в их бакунистской форме, и это, на-ряду с экономической отсталостью этих стран и почти полным отсутствием в них организованного промышленного пролетариата, послужило причиной того, что идеи анархизма приобрели там такое распространение и так долго держались. Это предвидел Энгельс, который писал Марксу в 1870 г. о бакунистах, что «Испанию и Италию придется им предоставить, по крайней мере, на время».

Между прочим, Бакунин и его сторонники в Интернационале выдвигали против Маркса обвинение в диктаторском господстве из Лондона над всем «Международным товариществом» и требовали наибольшей автономии, т.-е. свободы действий для отдельных групп. Но в то же время сам Бакунин в организованном им внутри Интернационала тайном обществе вводил строгий централизм. Эта раскольническая деятельность его, равно как и сношения с русским революционером Нечаевым, который от имени Бакунина совершил ряд некрасивых поступков, и послужили поводом к исключению Бакунина из Интернационала в 1872 г. Но это исключение вызвало общий раскол, при чем бакунинский Интернационал на несколько лет пережил тот, который руководился Марксом.

Еще до этого, во время франко-прусской войны осенью 1870 г. Бакунин принял участие в попытке восстания во французском городе Лионе. Восстание, впрочем, кончилось неудачно, продолжалось всего несколько часов, и Бакунин снова уехал в Швейцарию. Победа Германии, которую он возненавидел, произвела на него удручающее действие. Он предсказывал долгий период европейской реакции, на целых 50 лет.

Сам он последние годы своей жизни снова отдался русским делам. Он написал книгу «Государственность и анархия», ставшую на несколько лет настоящим евангелием русских народников-бунтарей. Он звал учащуюся молодежь бросать науку и итти «в народ», чтобы подымать его для восстания.

В 1874 г. усталый, разочарованный Бакунин сделал еще одну попытку, по крайней мере, умереть красиво. Он принял участие в организованном его последователями итальянцами восстании около итальянского города Болоньи. Но эта попытка окончилась плачевною неудачей, и Бакунин был тайно увезен друзьями через границу. После этого он окончательно поселился на маленькой дачке в итальянской Швейцарии и ушел в частную жизнь. Он крайне нуждался и невыразимо страдал от болезней. Одинокий, окруженный лишь несколькими восторженными поклонниками из итальянских рабочих-эмигрантов, ставший свидетелем того, как исчезло революционное настроение в Европе, медленно угасал этот неукротимый бунтарь. Летом 1876 г. он умер в Берне, куда поехал лечиться.

Еще до исключения Бакунина из Интернационала борьба с бакунистами принимала на местах не только идейный, но и организационный характер. В отдельных секциях, особенно в Швейцарии, происходили расколы; бакунистов исключали, а они образовывали самостоятельные группы. Осенью 1871 г. в Лондоне была созвана конференция Интернационала, которая постановила увеличить власть Генерального Совета по отношению к отдельным секциям. Это еще более усилило кампанию Бакунина и его сторонников против «диктатуры Маркса». А Маркс, в свою очередь, составил и разослал от имени Генерального Совета «секретный циркуляр» о деятельности бакунистов, где обвинял их в стремлении разрушить Интернационал. Мнение тогдашних марксистов о Бакунине может быть ярко выражено следующими словами, написанными в одной швейцарской социалистической газете пять лет спустя, т.-е. уже после его смерти: «На Бакунина смотрели многие хорошие социалисты, люди беспристрастные, как на русского агента; это подозрение, ложное без сомнения, основывалось на том, что разрушительная деятельность Бакунина приносила только зло революционному движению и в то же время была очень полезна для реакции».

В этом суровом приговоре имеется, несомненно, сильное преувеличение, вызванное ожесточенной фракционной борь-

бой. Но как бы то ни было, самая борьба эта содействовала распаду Интернационала. На конгрессе в Гааге, в 1872 году, где за марксистами было большинство и где выступали сами Маркс и Энгельс, кроме вопроса об исключении Бакунина, стоял еще огромной важности вопрос о перенесении местопребывания Генерального Совета в Нью-Иорк. Этим предложением Маркс хотел предохранить его от разлагающей внутренней борьбы фракций. Но если исключение Бакунина вызвало откол целого ряда секций и федераций Интернационала, то перенесение главной деятельности в Нью-Иорк оттолкнуло живших в Лондоне эмигрантов-бланкистов, а также вождей тред-юнионов, которых кроме того, Маркс публично обвинил в соглашательстве с буржуазией. А главное, из Нью-Иорка, конечно, нельзя было руководить европейским рабочим движением, которое и так переросло узкие организационные рамки первого Интернационала. Поэтому, переезд в Нью-Иорк означал фактическую смерть его. После нескольких неудачных попыток оживить его деятельность, он был официально распущен в 1876 году.

Тем не менее, Интернационал доказал свою жизненность, свою глубокую связь с основными интересами и задачами рабочего движения, которому он дал мощный толчок, которое обогатил, главным образом, благодаря гению Маркса, целым рядом истинно-революционных, творческих идей, которое он поднял с самых первых, смутных проявлений классового самосознания и классовой борьбы на высоту революционно-научного и интернационального коммунизма. Недаром так боялась Интернационала буржуазия всех стран. И если он погиб, то не только из-за внутренней борьбы, которую ему быть-может удалось бы преодолеть, но также из-за нового удара буржуазной реакции, проявившегося в форме франко-прусской войны и разгрома Парижской коммуны.

5. Франко-прусская война и Парижская коммуна.

Наполеон III давно уже смотрел с беспокойством на все усиливающуюся мощь и значение Пруссии, которая после победы над Австрией в 1866 г. сделалась важнейшим государством в Германии и стремилась к ее об'единению под своим главенством. Отчасти это уже удалось сделать Бисмарку в форме Северо-германского союза в 1868 г. И теперь ему выгодно было спровоцировать Францию на войну в надежде, что эта война заставит сплотиться под гегемонией Пруссии и остальные германские государства. Наполеон же легко поддался на провокацию отчасти из тщеславия, но, главным образом, потому что надеялся путем войны парализовать либеральную оппозицию и революционное движение пролетариата и тем отвратить уже нависшую над империей угрозу революции.

В результате летом 1870 г. определенно запахло порохом. Как же отнеслись к этому сознательные рабочие, социалисты и Интернационал? За несколько дней до начала войны, Парижская Федерация Интернационала опубликовала воззвание к германским рабочим, где между прочим говорилось: «Немецкие братья, во имя мира не слушайте продажных или холопских голосов, пытающихся обмануть вас насчет истинного настроения Франции. Оставайтесь глухи к бессмысленным провокациям, ибо война между нами была бы братоубийственной войной... Наше столкновение повлечет за собою лишь усиление деспотизма по обе стороны Рейна... Воинственным возгласам тех, которые сами избавились от налога кровью или которые находят в общественных бедствиях источник новых спекуляций, мы противопоставляем наши протесты, мы, которые хотим мира, труда и свободы». Берлинские социалисты ответили: «Одушевленные братскими чувствами, мы... заявляем, что в наших сердцах нет ни малейшей национальной вражды... Мы торжественно обещаем, что ни грохот барабанов, ни гром пушек, ни победа, ни поражение не совратят нас с пути наших усилий, направленных к об'единению пролетариев всех стран».

По этому поводу Маркс писал в манифесте Генерального Совета: «В то время, как официальная Франция и официальная Германия бросаются в братоубийственную войну, немецкие и французские рабочие обмениваются мирными и братскими посланиями. Один этот великий факт, не имеющий себе подобного в истории, позволяет нам надеяться на более светлое будущее». Но в то же время Маркс считал, что война для Германии является оборонительной и предупреждал лишь, что «если немецкий рабочий класс допустит, чтобы война потеряла свой оборонительный характер и выродилась в войну против французского народа, тогда и победа и поражение будут одинаково гибельны».

Когда война фактически началась, среди германских рабочих и социалистов появились колебания и разногласия. Мы знаем уже, что в Северо-германском рейхстаге Бебель и Либкнехт воздержались от голосования военных кредитов, а лассальянцы даже голосовали за. Французские рабочие, ненавидевшие Наполеона, отнеслись к войне без особого патриотизма. В некоторых нейтральных странах, особенно в Бельгии и даже в Испании произошли демонстрации против войны.

Но вот продажная и насквозь прогнившая империя Наполеона, с никуда негодным интендантством и службой связи, с неспособными или продажными генералами стала терпеть одно за другим колоссальные поражения. С молниеносной быстротой, в течение одного месяца, вся армия была разбита, а 2 сентября, в битве у Седана, сам Наполеон сдался в плен со всей своей армией. Как только это стало известно в Париже, 4 сентября империя рухнула в крови и грязи, так же, как возникла. Провозглашена была республика. Опять, как в 1830 и 1848 г.г., образовалось самозванное временное правительство, назвавшее себя «правительством национальной обороны», в которое вошли «левые» депутаты Законодательного собрания, т.-е. ловкие буржуазные дельцы и либеральные говоруны.

Между тем наступление германской армии продолжалось и явно превращалось в разгром уже республиканской Франции. В первый же день республики парижская федерация

Интернационала вместе с представителями проф. союзов вновь обратилась с воззванием к германскому народу. А на завтра центральный комитет эйзенахской партии в Германии выпустил написанный Марксом манифест, который резко протестовал против продолжения войны и требовал заключения с Францией почетного для нее мира. Через несколько дней весь комитет был арестован и в кандалах увезен в крепость. Все это сплотило обе фракции в рейхстаге, которые на этот раз дружно голосовали против кредитов.

В то же время Генеральный Совет Интернационала и ряд его секций выпустили воззвания, протестующие против намерения германского правительства захватить Эльзас и Лотарингию. Такая же резолюция была принята даже в Вене, на митинге, где присутствовало 8.000 рабочих.

Но все эти резолюции и протесты не помогали, и германская армия приближалась к Парижу. Положение парижских рабочих стало трагическим, ибо они не хотели сдавать город пруссакам, а во главе страны стали люди в роде гнусного лицемера Жюля Фавра, кричавшего в прокламациях, расклеенных по городу: «Не отдадим ни пяди нашей земли, ни камня наших крепостей», и в то же время тайно сговаривавшегося с неприятелем, или в роде коменданта Парижа, реакционнейшего бонапартовского генерала, иезуита Трошю, который явно саботировал оборону Парижа.

Это трагическое положение революционного парижского пролетариата, который во имя защиты страны терпел правительство предателей, отразилось также и на социалистах и, прежде всего, на Бланки. Хотя после переворота 4 сентября у власти стали прожженные буржуазные дельцы и негодяи, многие из которых были ему известны еще по 1848 г., однако, он поверил в их искреннее желание спасти Францию от пруссаков, не понимая, что в борьбе против рабочих они готовы итти на любое предательство.

Что же сделало столь доверчивым этого старого и опытного революционера, так хорошо знавшего цену либеральным говорунам из парламентской оппозиции? Это сделала в о й н а, которая обнаружила в Бланки пламенного патриота и заставила его принять, как мы бы теперь сказали, «обо-

ронческую» позицию со всеми ее последствиями. Как только пало правительство Наполеона III, которое Бланки считал врагом народа, перед ним был лишь один враг: пруссаки, и перед этим врагом должны были на время смолкнуть все «раздоры», классовая и политическая борьба должны были уступить место всеобщему единению против неприятеля. Правда, в это время даже Маркс в одном из воззваний Интернационала писал, что «всякая попытка ниспровергнуть новое правительство, тогда, как неприятель уже почти стучится у ворот Парижа, была бы безумием отчаяния». Правда, один лишь Бакунин оказался тогда проницательнее всех, уверяя, что новое буржуазное правительство Франции является предательским, что для него рабочий класс Франции ненавистнее прусского господства и что только в новой, социальной революции действительное спасение Франции. Но в то время, как Маркс все же предлагал социалистам в первую голову использовать республику для организации рабочего класса, Бланки отрицал всякую оппозицию и выдвигал только один лозунг: все для войны.

В своей газете «Отечество в опасности», выходившей три месяца, Бланки начал с выражения полного доверия правительству «национальной обороны», лишь постепенно, под влиянием кричащих фактов (которых, однако, не видела загипнотизированная толпа), начал в нем разочаровываться, а кончил тем, что проклял его, как предателей и изменников, когда уже было поздно и когда, как показал опыт Коммуны, ничем уже нельзя было предотвратить поражения. Читая его статьи, написанные во время осады, мы видим, как, под влиянием разочарования и все растущего недоверия, с глаз Бланки сходит созданная его бурным и пылким патриотизмом пелена, и к нему возвращается его обычная проницательность и революционная трезвость мысли.

Началась осада Парижа. Рабочее население страшно страдало. Жены рабочих целые ночи простаивали в очередях у лавок. А богатая буржуазия наживалась и прожигала жизнь. Бланки давал целый ряд в высшей степени дельных военных советов, и, кроме того, в числе прочих мер для увеличения обороноспособности Парижа предлагал рекви-

зицию предметов необходимости и введение карточной системы.

В Париже образовалась национальная гвардия с значительным преобладанием пролетариата и близкой ему мелко-буржуазной бедноты. Эта национальная гвардия несла караульную службу вокруг Парижа и иногда даже вступала в боевые схватки с осаждавшим Париж неприятелем. И вот старик Бланки, не довольствуясь ролью пламенного агитатора, сделался даже командиром одного из батальонов.

Но все его красноречие, знания и проницательность, вся боль его души тратились напрасно и являлись наглядным опровержением идеалистического взгляда Бланки на роль идей и личности в истории. А когда он стал резко нападать на правительство и буржуазию, начались столь знакомые ему картины 1848 года: его стали систематически травить. Несмотря на слабое распространение его газеты, он все-таки казался опасным, так как правительство хорошо знало, как энергично и страстно этот старик умеет бороться. А он ведь не только писал в газете, но и организовал депутацию 72 командиров национальной гвардии, во главе которой был он сам, и вручил правительству петицию с требованием отложить проектировавшиеся им выборы и вести войну до конца.

И вот сперва закрыли его клуб; потом какие-то буржуазные офицеры национальной гвардии пытались арестовать служащих его газеты; гвардейцы, собранные для охраны правительства, называли немногочисленных враждебных правительству манифестантов разбойниками, ворами, изменниками и пруссаками и кричали: «Долой Бланки». Наконец, его отстранили от своего батальона.

Между тем, поражения шли за поражениями, и парижские массы начали глухо волноваться. Сдача сильной крепости Мец и новое предательство Трошю, который оставил без защиты горсть храбрецов, устроивших вылазку из Парижа и изрубленных пруссаками, переполнили чашу. 31 октября произошла стихийная и грандиозная манифестация, едва не приведшая к революционному перевороту.

Огромные толпы народа и национальных гвардейцев двинулись со всех концов Парижа к ратуше, где заседало правительство и куда собрались взволнованные районные мэры. Требовали у правительства назначения городских выборов и следствия по поводу поведения Трошю. Толпа хлынула в здание ратуши, но туда уже успели войти верные правительству буржуазные полки.

Произошло всеобщее замешательство. Часть правительства вместе с Трошю успела выбраться из ратуши, другая часть осталась под надзором революционных гвардейцев. Правительство было об'явлено низвергнутым, и при криках одобрения или порицания толпы был составлен список нового революционного правительства, куда вошли и некоторые «старики» 1848 года, вернувшиеся из эмиграции, как Луи Блан, Виктор Гюго, Распайль, Ледрю-Роллен, а также и Бланки.

Сам он в толпе не был, узнал об этом довольно поздно и поспешил в ратушу, встреченный гулом одобрения со стороны тех, которые его знали или слышали о нем. В ратуше он тотчас же проявил свойственные ему в таких случаях хладнокровие, присутствие духа и распорядительность и издал целый ряд приказов. Но, как и 15 мая 1848 года, дело уже было проиграно. Толпа с приближением ночи и под влиянием проливного дождя, узнав, что выбрано новое правительство, успокоилась и разошлась, а убежавшие члены правительства вернулись с новыми верными отрядами национальной гвардии. В самой ратуше Бланки был отделен от других революционеров правительственным батальоном и, при попытке прорваться, был узнан и едва не задушен озверелыми буржуазными гвардейцами. Произошло столкновение между революционными и правительственными солдатами, но Бланки, который едва пришел в себя после обморочного состояния, стал между ними и уговаривал не начинать междоусобия. После того революционным вождям, вместе с Бланки, удалось сговориться и выработать текст компромиссного соглашения о назначении выборов и переизбрании правительства. Эти условия были приняты оставшимися в ратуше членами правительства, и было, кроме того, дано

торжественное обещание — во всяком случае не подвергать никаким преследованиям вождей революционной попытки.

Но в это время к ратуше подошла свежая правительственная охрана, и дело едва не кончилось трагически. Впрочем. всем революционным вождям удалось уйти благополучно. Но их имена были мало популярны и известны в массах. Поэтому, когда старое правительство, нарушив все условия заключенного договора, осталось у власти и устроило лишь плебисцит (народное голосование) по вопросу, нужно ли переизбрание правительства, огромное большинство высказалось против.

С этого момента, вполне справедливо не доверяя обещаниям правительства не преследовать деятелей 31 октября, Бланки снова стал скрываться.

Но тон его статей становился в это время все грустнее и мрачнее, его ирония все безнадежнее. Он видел истинное положение дел и не скрывал этого положения ни от себя, ни от читателей. Голосование доверия правительству, которое явно вело дело к позорному миру, означало для Бланки. что Париж не хочет терпеть больше голода и спартанского образа жизни. «Голосуйте же за такую национальную защиту, которая отдаст город во власть пруссаков, но наполнит мясом ваши котлы, приведет иностранных потребителей в ваши магазины и публичные дома... Итак — да здравствует мир, дичь, овощи, музыка, бульварное веселье и обжорство... Мы будем пруссаками, но нам не придется больше выжидать пайка у дверей мясных и хлебных лавок».

Бланки не верил больше в патриотизм крестьянина. говоря, что разоренный крестьянин согласен продать Францию за свой огород, но обвиняя в этом тех, которые держали крестьян в невежестве и культивировали их эгоизм и индивидуализм. А предательство буржуазии, которая реагировала на поражение повышением биржевого курса, стало для Бланки вполне понятным и естественным: «Ибо умирает лишь отечество, а биржа не сдается».

Право решать судьбы Франции Бланки в эти часы агонии признавал лишь за теми, «кто сопротивляется». «Единственным способом голосования в наших

руках должны быть пули. Другого нет, пока неприятель не изгнан с родной земли». Поэтому, когда было заключено перемирие, Бланки самым категорическим образом высказывался против созыва Национального Собрания, которое навязало бы революционному Парижу волю усталой эгоистической и полумонархической провинции. До какой степени мало сознательна еще была широкая масса даже парижского пролетариата, в котором преобладали еще ремесленные, следовательно, мелко-буржуазные элементы, видно из того, что газета Бланки должна была закрыться из-за отсутствия средств, а сам он не был избран в Национальное Собрание, хотя Париж выбрал Луи Блана и прудониста Толена, которые оба во время Коммуны оказались в стане ее врагов.

После выборов, в феврале, Бланки уехал в провинцию и был там арестован накануне провозглашения Коммуны, с тем, чтобы увидеть свободу лишь через 8 лет.

Если Бланки, ради войны и победы, отказался на время от борьбы за социализм, и все же не имел успеха в массах, то не лучше обстояло дело и у революционного крыла так называемых «интернационалистов», т.-е. членов парижской федерации Интернационала. В их среде царили разброд и уныние. Организация рассыпалась. В массе они почти никакой широкой работы не вели. Связь их с Лондоном была прервана еще с сентября. И если Бланки преувеличивал значение политики и войны, отказываясь ради них иногда от чисто классовой позиции и экономической организации пролетариата, то группа Интернационала, наоборот, подчас слишком доктринерски, т.-е. теоретически оберегала чисто экономические вопросы от вторжения в них политики. Поэтому, когда в половине февраля в Париже стихийно возникла могучая беспартийная организация, Центральный комитет национальной гвардии, об'единявший всю массу вооруженных рабочих и мелких буржуа, нечто вроде «Совета красногвардейских депутатов», и когда Варлен, один из самых политически развитых вождей «интернационалистов», предложил во что бы то ни стало принять участие в этом Центральном комитете, в качесте делегатов от своих рот, видя в этом «первый крупный шаг на пути

к социальному будущему», то нашлись голоса, которые в таком вхождении в Ц. К. национальной гвардии видели «сделку с буржуазией» и боялись этим скомпрометировать Интернационал.

Между тем, именно этот Центральный Комитет был той организацией, которая содействовала возникновению Парижской Коммуны.

Два ряда причин вызвали то революционное восстание парижского пролетариата и мелкой буржуазии, которое известно под названием Коммуны. Это, во-первых, мужественный революционный патриотизм парижской бедноты, который противопоставлялся предательству буржуазии и равнодушию и усталости крестьянства, желавших мира во что бы то ни стало. В этом отношении настроение разных классов во Франции зимой 1870—71 г.г. представляло собою полную противоположность тому, что было у нас после февральской революции 1917 г. У нас именно буржуазия хотела «войны до полной победы», а пролетариат не желал быть пушечным мясом в империалистической бойне мировых хищников и требовал мира. Наоборот, во Франции накануне Коммуны буржуазия больше всего боялась вооруженного пролетариата, и ради его разоружения готова была на любую сделку с неприятелем, на самый позорный и невыгодный мир. Но, с другой стороны, и в патриотизме пролетариата не было никаких элементов воинствующего национализма, а лишь страх за республику и собственное будущее, которым грозил деспотизм завоевателя.

Другой причиной было инстинктивное стремление рабочих к социальному освобождению, по крайней мере, к большей социальной справедливости, стремление, которое нагло попирала циничная и провокаторская политика буржуазии. В самом деле, Национальное Собрание (которое в сущности было учредительным, так как, кроме заключения мира, оно должно было заняться и выработкой конституции, новой формы правления)—это собрание, как и предсказывал Бланки, оказалось в высшей степени реакционным и даже монархическим. Главную часть его составляла «деревенщина», т.-е. помещики и сельские кулаки, посланные крестьянами, ко-

торых натравливали на «смутьянов» и «разделителей»—рабочих, добивающихся продолжения ненавистной войны. Кроме этих помещиков и кулаков, к которым присоединились еще попы, значительную массу собрания составляли представители реакционной крупной буржуазии, и в этом махровом черносотенном большинстве терялась горсточка радикальной интеллигенции и умеренных социалистов, вроде старика Луи Блана, вернувшегося из эмиграции, и Толена, одного из основателей Интернационала, который после усмирения Коммуны, летом 1871 г. публично отрекся в этом собрании палачей от всякой солидарности с «парижскими разбойниками и поджигателями» (отдельные, более решительные и мужественные социалисты, как Малон и бланкист Тридон, ушли из собрания и остались в революционном Париже). Это «народное представительство» нашло себе и достойного главу, достойного «спасителя порядка». Временным президентом республики был выбран старый палач рабочих и злейший ненавистник социализма, злобный и низкий интриган Т ь е р.

Уже капитуляция (сдача) Парижа 28 января 1871 года так озлобила рабочих, что победители-пруссаки не решались ни входить в город, ни разоружать национальную гвардию. А когда в феврале Национальное Собрание огромным большинством подписало мир, который отдавал врагу Эльзас и Лотарингию и предусматривал уплату 5-миллиардной контрибуции, парижский пролетариат и радикальная мелкая буржуазия не признали этого мира и не желали, чтобы революционный Париж вынужден был подчиняться реакционному правительству. Отсюда и родилась мысль об а в т о н о м и и Парижа, о создании революционной Коммуны, т.-е. городского общинного совета, который сам решал бы судьбы Парижа.

А затем началось и социальное возмущение Парижа против Национального Собрания, которое сперва заседало на юге Франции, в Бордо, а затем переехало в В е р с а л ь, находящийся в нескольких десятках километров от Парижа *).

*) Любопытно отметить ту исключительно реакционную роль которую играл Версаль во французской, а, следовательно, и в ми-

Тотчас по прибытии в Версаль это сборище жадных собственников отменило установленную во время осады отсрочку уплаты за квартиру и платежей по векселям. Этим оно всю мелкую буржуазию толкнуло на путь революции, сделав ее естественным союзником пролетариата. Затем было отменено жалование в полтора франка в день национальных гвардейцев (за исключением тех, кто представит «свидетельство о бедности»). А для огромного большинства парижских рабочих, вследствие полного застоя промышленности и массовой безработицы, это нищенское жалование было единственным источником существования. Словом, Тьер повторял столь хорошо ему известную историю провокации июньского восстания 1848 г. В ответ на это и образовался Центральный Комитет национальной гвардии. Наконец, 17 марта совет министров, по предложению Тьера, постановил обезоружить национальную гвардию. На рассвете 18-го, крадучись, как воры, пробрался отряд солдат на Монмартрский холм, где находились пушки национальной гвардии, изготовленные на собранные народом гроши,— чтобы эти пушки тайно увезти. Этот маневр был замечен женами рабочих, поднята была тревога, сбежался народ, с солдатами начали брататься, а два ненавистных народу генерала, начальник отряда Леконт и усмиритель июньских борцов 1848 года—Тома, были захвачены в плен и потом расстреляны собственными солдатами.

Это событие и послужило началом восстания. Прежде всего, началось полное бегство из Парижа всего правительства, армии, массы чиновников, всей крупной буржуазии с их свитой паразитов, преступников и «великосветских» проституток. Попытка отряда «золотой молодежи» вернуть прежнее положение была отбита одним залпом национальных гвардейцев. И вот Париж, отрезанный от всего мира, зажил без своих вековых эксплоататоров. «Распутный Париж Второй Империи,—писал Маркс потом в манифесте Ин-

---

ровой истории. В начале Великой Французской революции там была резиденция короля; в 1871 г. оттуда шло удушение пролетариата и революции. Наконец, в 1919 г. там же был выработан и подписан разбойничий версальский «мир».

тернационала («Гражданская война во Франции»), бесследно исчез... С февраля 48 года улицы Парижа в первый раз стали безопасными, хотя на них не было ни одного полицейского... Кокотки последовали за своими покровителями, за этими обратившимися в бегство столпами семьи, религии и особенно собственности. Их место заняли снова истинные парижанки, такие же героические, великодушные и самоотверженные, как женщины классической древности. Трудящийся, мыслящий, борющийся, истекающий кровью, но сияющий вдохновенным сознанием своей исторической инициативы. Париж почти забыл о людоедах, стоявших перед его стенами, всецело отдавшись строению нового общества».

Что же представлял из себя в политическом отношении Париж тотчас после 18 марта? Как отнеслись к этому событию социалисты разных фракций? Восстание национальной гвардии и бегство правительства со всей толпой эксплоататоров и паразитов застигло Париж врасплох. У пролетариата не было ни сплоченной партии, ни программы действий, ни даже сколько-нибудь ясного представления о ближайшем будущем. Бегство чиновников остановило весь правительственный механизм. В этот момент единственной организацией, хотя в какой-нибудь степени об'единявшей разрозненную массу оставшегося в Париже населения, был Центральный комитет национальной гвардии. И он поневоле вынужден был взять на себя правительственные обязанности. Из кого же он состоял?

«Первый город в мире,—писал впоследствии один участник переворота,—не только переживал неизвестность, но и принадлежал неизвестным людям. В ратуше (городской думе) заседало безыменное правительство, состоявшее почти исключительно из простых рабочих или мелких служащих, три четверти которых были неизвестны дальше их улицы или мастерской. С какой угодно точки зрения—в этом было нечто неслыханное и страшное... Традиция была нарушена. Произошло нечто неожиданное... В правительстве не было ни одного представителя господствующих классов. Вспыхнула революция, которая не была представлена ни одним адвока-

том, ни одним депутатом, ни одним журналистом, ни одним генералом. Их места занимали: чернорабочий, переплетчик, повар и т. п.».

И вот эта «безымянная» организация стала действовать гораздо более решительно и правильно для данного момента, чем многие социалисты, которые пугались неизвестного будущего, настаивали на попытках соглашения с правительством и буржуазией и, таким образом, вставляли палки в колеса Центрального Комитета, смело делавшего все выводы из создавшегося положения. Эти социалисты, правда, принадлежали к бывшим прудонистам. Их настроение можно было бы назвать, пользуясь теперешним выражением, — «меньшевистским». Бланкисты же, наоборот, и тогда и позже, уже в Совете Коммуны, были гораздо смелее. Но их меньше занимала с о ц и а л ь н а я сторона переворота, возможные изменения имущественных отношений, отношений труда и капитала, чем сторона внешне-политическая, тем более, что имя бланкистов присвоили себе даже некоторые старые революционеры—не социалисты; они мечтали о возрождении якобинской власти, о комитете общественного спасения и т. п.…

Но сам Центральный Комитет решил, что главная его задача заключается в том, чтобы как можно скорее передать власть органу, выбранному всем восставшим Парижем, т.-е. революционной Коммуне, революционной городской думе. С этой целью назначены были выборы на 26-е марта. Выборы в Коммуну прошли с большим воодушевлением, и провозглашение ее встречено было всенародным энтузиазмом. Голосование было всеобщее, но так как крупная буржуазия сбежала, то Коммуна была фактически организацией пролетариата и мелкой буржуазии. Из 83 лиц, выбранных и оставшихся в Совете Коммуны, меньше половины (около 28) были рабочие. Остальные принадлежали к мелкой буржуазии и мелко-буржуазной интеллигенции (врачи, юристы, писатели). Социалисты в Коммуне составляли, конечно, тоже меньшинство (в том числе Варлен, Малон, выдающийся бланкист Вайян и ряд других. На этот раз с опозданием был выбран и замурованный снова в тюрьму Бланки).

Но хотя слово «Коммуна» в понимании восставших отнюдь не означало «коммунизма», общей собственности, а лишь самоуправление Парижа на началах автономии, и слово «коммунар», сторонник, участник Коммуны, ничего общего не имеет с коммунистом,—тем не менее самый факт восстания против господствующих классов и руководящая роль пролетарского и социалистического меньшинства, наиболее сознательного, и в перевороте, и в самой Комуне,—придавали ей социалистический характер и оправдывали позднейшее замечание Энгельса, что Коммуна была первым опытом диктатуры пролетариата.

Сознавали ли этот социальный характер Коммуны ее участники и руководители? Далеко не всегда и не в полной мере. Дело в том, что, как мы уже знаем, состав ее был весьма разнообразный и даже противоречивый. На-ряду с немногими социалистами, членами Интернационала, которые мечтали о социальных реформах, правда, больше в духе Прудона, там были чистые «федералисты», мечтавшие о полной автономии Парижа и о превращении всей Франции в федерацию автономных коммун; были бланкисты, которые, наоборот, требовали сильной централизации власти в якобинском духе, и, наконец, бесцветные мелко-буржуазные республиканцы, которые видели в Коммуне только защиту буржуазной республики от посягательств реакционного Версаля.

Но иногда в речах и воззваниях Коммуны и Центрального Комитета национальной гвардии, который остался существовать и после выборов, сквозит яркое сознание классового характера и классовых задач происшедшей революции; правда, это сознание тут же затемняется прудонистскими фразами, которые имели такое сильное и продолжительное влияние на умы парижских рабочих и социалистов, вследствие мелко-буржуазных особенностей парижского пролетариата, в значительной степени ремесленного и полуремесленного.

Так, в «Официальной Газете» Коммуны тотчас после восстания появилась статья, где, между прочим, говорилось:

«Пролетарии столицы поняли, что в виду банкротства и измены правящих классов настал момент, когда рабочие обязаны спасти положение, взяв в свои руки управление общественными делами... Они поняли, что на них возложен этот долг, что им принадлежит неоспоримое право стать господами собственной судьбы и взять в свои руки правительственную власть... Неужели рабочие, которые все производят и ничем не пользуются, должны служить мишенью для вечных издевательств? Разве буржуазия, их старшая сестра, которая сама освободилась, не видит, что теперь очередь за пролетариатом?» *).

Еще резче поставлен вопрос в прокламации Ц. К. от 15 апреля, когда борьба с Версалем была в полном разгаре. «Не заблуждайтесь, работники,—писал Ц. К.: это—великая борьба, борются между собою паразитизм и труд, эксплоатация и производство благ. Если вам надоело коснеть в невежестве и гнить в нищете, если вы хотите, чтобы ваши дети были людьми, пользующимися плодами своего труда, а не какими-то животными, выдрессированными для мастерской или для бойни, создающими своим потом состояние эксплоататора или проливающими свою кровь в интересах какого-нибудь деспота, если вы не хотите более, чтобы ваши дочери, которых вы не можете воспитать под своим присмотром так, как вам бы того хотелось, были орудием наслаждения в руках плутократии капитала; если вы не хотите, чтобы разврат и нищета толкали людей в лапы проституции; если вы

*) Совсем, как в прудонистском «манифесте 60» на выборах 1863 г. Духом прудонизма проникнута и избирательная платформа на выборах в Коммуну, выпущенная парижской группой Интернационала. Там выдвигается лозунг «организации кредита, обмена и ассоциаций, в целях обеспечения работнику права на полную стоимость его труда». Далее, «отсутствие солидарности интересов вызвало общую разруху и породило гражданскую войну: только от торжества свободы, равенства и солидарности — можно ожидать упрочения порядка на новых основаниях и новой организации труда, которая является первым условием этого порядка». Здесь и прудоновская утопия о «солидарности интересов» пролетариата и буржуазии и луи-блановская «организация труда», как средство спасения общества.

желаете, наконец, царства справедливости, — работники! Будьте сознательны, будьте на-готове: своими могучими руками вы должны раздавить гнусную реакцию». Но и эта ярко революционная прокламация кончалась призывом о сотрудничестве с пролетариатом не только к интеллигенции и мелким лавочникам (что было в данной обстановке вполне естественно и правильно), но и к оставшимся в Париже «коммерсантам и промышленникам» (что было уже по-прудоновски наивно).

К классовой политике толкало Коммуну само создавшееся положение. Поэтому и сказал Энгельс много лет спустя, что «Коммуна, состоявшая из бланкистов и прудонистов, часто поступала, несмотря на это, совершенно правильно». Ибо «как обыкновенно бывает, когда власть попадает к доктринерам, и те и другие делали, по иронии истории, как-раз противоположное тому, что им предписывала их школьная доктрина».

Коммуна просуществовала 72 дня. Что же она из себя представляла в организационно-политическом отношении? Какова была ее деятельность? Коммуна была чем-то в роде «Совета рабочих и мелко-буржуазных депутатов». Члены ее не только «заседали» и говорили, но и несли целый ряд правительственных обязанностей, которые были крайне трудны как вследствие осадного положения Парижа, так и потому, что вся прежняя правительственная машина была разбита, старые чиновники сбежали или занимались саботажем и приходилось все строить и налаживать заново, притом прямо под огнем версальцев и в присутствии их шпионов, которыми кишел Париж. И вот, во главе ведомств стали никому до сих пор неизвестные люди, рабочие, мелкие буржуа, интеллигенты, получавшие, согласно особому декрету Коммуны, жалованье не выше квалифицированных рабочих (при чем жены их нередко продолжали оставаться работницами), и эти люди, к удивлению озлобленной буржуазии, справлялись со своим делом достаточно хорошо и умело.

Деятельность Коммуны не имела определенного плана. Она, прежде всего, должна была вести вооруженную борьбу с Версалем, и притом на глазах у молчаливо наблюдавшей

эту драму германской армии, по-прежнему расположенной вокруг Парижа. Эта военная деятельность и отнимала у нее почти все силы и была бы совершенно невозможна, если бы не героизм рабочих в национальной гвардии и их жен, сестер и дочерей, которые с поразительным мужеством и воодушевлением переносили все ужасы осады, голода и бомбардировки Парижа. И в этом положении военного лагеря, на-спех, от случая к случаю, Коммуна принимала ряд мер и издавала ряд декретов, которые проникнуты большой политической мудростью.

Вот краткий перечень важнейших социальных и политических мероприятий Коммуны. Отсрочена была уплата денег за квартиры, и приостановлена продажа закладов в ломбардах. Запрещена ночная работа пекарей, и отменены штрафы с рабочих. Фабрики, покинутые владельцами, должны были поставить у себя артельное производство. Отменена постоянная армия, и национальная гвардия об'явлена была единственной вооруженной силой. Издан был декрет об отделении церкви от государства и о передаче церковных имуществ в национальную собственность. В ознаменование ненависти Коммуны к милитаризму и завоевательной политике господствующих классов была низвергнута Вандомская колонна, памятник, поставленный буржуазией Наполеону I. Наоборот, свой интернационалистический характер Коммуна с первых же дней подчеркнула тем, что ряд ответственных постов, даже военных, поручила иностранцам, между прочим, полякам Домбровскому и Врублевскому и венгерскому еврею Френкелю.

Был в деятельности Коммуны и целый ряд ошибок и промахов, которые, быть-может, ускорили ее падение, но которые сами, в свою очередь, вызывались разнородностью ее состава и главной причиной всех ее колебаний: отсутствием *единой, сплоченной*, знающей, чего она хочет, *пролетарской, коммунистической партии*.

Так, прежде всего, немедленно после 18 марта упущен был благоприятный момент: правительству дали спокойно уйти в Версаль и увести с собою своих солдат. Между тем, в это время оно не располагало никакими силами, и его чрезвычайно легко было разбить или, по крайней мере, продик-

товать ему волю революционного Парижа. Да и после того, Коммуна была слишком мирно настроена, не понимала, что в такие моменты самая лучшая политика — наступательная, и всякое «промедление смерти подобно». За это время, получив передышку, реакционный Версаль собрался с силами и из возвращенных Германией пленных создал армию, которую систематически натравливал на парижских рабочих, так как из-за них будто бы солдаты не могут разойтись по домам. Горели жаждой подвигов и бывшие бонапартовские генералы, которым хотелось выместить на рабочих позор своих поражений. А когда начались военные действия, Коммуна проявила нерешительность и неумелость, еще усилившиеся отсутствием единой воли и многовластием.

Затем огромной ошибкой Коммуны было то, что она слишком бережно, вопреки всем клеветам буржуазной печати, отнеслась к буржуазной собственности, частной и общественной. Она даже не конфисковала сумм, хранившихся в Национальном банке, этой главной сокровищнице всей французской буржуазии, и лишь время от времени выпрашивала на нужды управления и обороны небольшие подачки у буржуазного директора банка. Между тем, захват банка Коммуной произвел бы потрясающее действие на господ версальцев и сделал бы их гораздо уступчивее. Правда, когда Тьер начал расстреливать пленных, Коммуна взяла заложников, в том числе парижского архиепископа. Всех этих заложников (около 50 человек) предлагали Тьеру обменять на одного арестованного Бланки. Но он решительно отказался, говоря, что отдать коммунарам Бланки, значило бы послать им на помощь целый армейский корпус. И, в самом деле, как писал потом Маркс, мертвый архиепископ, убитый коммунарами, был полезнее для дела Тьера, чем живой, и заложниками он охотно жертвовал, тем более, что Коммуна проявляла к ним исключительную мягкость, и они были расстреляны лишь в самые последние дни, во время разгрома Парижа версальцами.

Эта мягкость к врагам, это великодушие, проявленное в момент смертельной опасности, была третьей крупной ошибкой Коммуны. И она все же не избавила ее от целого океана

самых нелепых и гнусных клевет, распространявшихся буржуазией всего мира и при жизни Коммуны и после ее смерти.

Сама же она была отрезана от всего мира и почти ничем не могла проявить себя. Обращалась она с воззваниями к Франции, но эти воззвания не помогли. Рабочие целого ряда городов пытались, правда, восстать и провозгласить и у себя революционные коммуны. Но обессиленные такими же попытками, произведенными еще осенью (в одной из таких попыток, Лионской, как мы знаем, участвовал Бакунин), рабочие были везде легко разбиты буржуазией. Обращалась Коммуна за помощью и в Лондон, к Генеральному Совету Интернационала, куда поехал из Парижа русский социалист Лавров. Но и Генеральный Совет мог помочь лишь пламенными воззваниями.

Судьба Коммуны была предрешена даже в том случае, если бы она не сделала ряда роковых ошибок. В самом деле, если бы даже ей удалось разбить Тьера с его версальцами, то ведь на смену им выступила бы германская армия. Повторилась история осады и разгрома Мюнстера в 1535 г., когда прежние враги, католики и протестанты, об'единились против ненавистных еретиков-коммунистов. Против парижских пролетариев ополчилась вся буржуазная Европа, а пролетариат еще везде был слишком слаб, чтоб оказать им реальную помощь. И они должны были быть раздавлены.

1 апреля Тьер начал бомбардировку Парижа. В начале мая началось наступление, а 21-го версальцы ворвались в город. «Кровавая неделя» — так окрестили рабочие эти ужасные дни с 22 по 29-е мая, когда опьяненная кровью и жаждой мести буржуазия, квартал за кварталом отвоевывала Париж у восставшего пролетариата и при этом производила целую оргию расстрелов и гнусных издевательств. 29-го мая все было кончено. Последние защитники Коммуны были расстреляны на кладбище Пер-Лашез, у «стены коммунаров». Они все шли на смерть, мужчины и женщины, со стиснутыми зубами, с вызовом врагам. Так погибли многие социалисты, рабочие и интеллигенты. Так погиб и Варлен, одна из самых светлых голов Коммуны, над которым озверелая банда издевалась до самой смерти. А кто случайно остался жив

и не успел бежать, ссылался на каторгу. Такой дикой, исступленной резни безоружного населения не знает вся новейшая история.

Вот как описывает результат «победы» член Коммуны и один из ее историков — Арну:

«Кровь текла ручьями. Воды Сены покраснели. Трупы перебитых лежали на улицах на протяжении многих тысяч квадр. метров слоем в несколько тел. Колеса версальских пушек до самых ступиц были облеплены, как грязью, запекшейся кровью и кусками человеческого мозга. В течение двух недель резали без суда. Париж превратился в громадную бойню. Когда все кончилось, великий город недосчитывался ста тысяч рабочих — убитых, взятых в плен, бежавших. От некоторых цехов не осталось ни одного человека, — это засвидетельствовал сам муниципальный совет в одном официальном отчете. Да, это был поистине пир для французской буржуазии. Наши великие генералы до сих пор облизываются при одном воспоминании о нем. Тьер, этот отвратительный карлик, стал словно молодым юношей, выкупавшись в этой бойне из народной крови. Ничего не пожалели для этой оргии капиталистов. Пир шел поистине горой. Расстреливали женщин и молодых и старых, матерей с детьми, детей без матери, матерей без детей и, что было еще приятнее,—расстреливали безоружных стариков, больных, умирающих. В госпитале ампутированных поднимали на штыки и выбрасывали в кровавые ручьи, как щенят.

Да, это было великолепно».

Общий итог жертв версальских палачей в приблизительных цифрах таков: 25.000 человек, убитых во время «кровавой недели», 3.500 человек, умерших от ран и болезней, около 14.000 человек, приговоренных к ссылке и каторге, и, наконец, 70.000 женщин, детей и стариков, лишенных единственных кормильцев, оставшихся без средств существования.

Буржуазия как бы хотела этой чудовищной резней вытравить у пролетариата самое воспоминание о Коммуне. Но это ей не удалось. Ибо п о р а ж е н и я пролетариата в борьбе за его освобождение от наемного рабства и эксплоатации иногда не меньше, чем победы, вдохновляют его на дальней-

шую борьбу. И великий исторический смысл Коммуны был в том, что это была первая попытка пролетариата (пока еще в союзе с мелкой буржуазией) взять власть в собственные руки. Эта попытка дорого ему обошлась. Но она была не напрасной, ибо многому его научила и прежде всего тому, какого свирепого врага он имеет в буржуазии. Поэтому пророчески прав был Маркс, когда свой пламенный манифест по поводу усмирения Коммуны заканчивал следующими словами:

«Париж рабочих, Париж Коммуны всегда будет жить в почете, как славный предвестник нового общества. Его мученики воздвигли себе памятник в великом сердце рабочего класса, а его палачей история пригвоздила к тому позорному столбу, от которого никто не в силах будет их оторвать».

Как только парижские рабочие оправились от поражения, они ежегодно 29 мая стали организовывать демонстрации на кладбище Пер-Лашез, к «стене коммунаров». И буржуазная полиция каждый год с остервенением набрасывалась на эти мирные паломничества, показывая этим, как боится до сих пор буржуазия даже *покойников* Коммуны.

Зато сознательный пролетариат всей Европы ежегодно чествовал память Коммуны. И одним из первых проявлений сознательности *русского* пролетариата были выражения сочувствия погибшей Коммуне.

А *опыт* ее целиком был учтен коммунистической партией России. Поэтому ей удалось одержать победу в борьбе с буржуазией всего мира. И поэтому в Советской России день 18 марта стал официальным праздничным днем.

X. ЭПОХА ВТОРОГО ИНТЕРНАЦИОНАЛА.

1. Общий характер эпохи. Три основных национальных типа рабочего движения и три его формы.

После подавления Парижской Коммуны и распада I Интернационала начинается новая эпоха во всемирной истории и в развитии рабочего движения и социализма. Франко-прусская война привела к образованию буржуазной республики во Франции и к об'единению Германии под главенством Пруссии. В эту же эпоху произошло и об'единение Италии и образование в ней конституционного королевства. В течение 70-х же годов закончилось буржуазно-революционное движение в Испании, которое установило и в ней буржуазный парламентаризм. Наконец, балканская война 1876—78 годов привела к образованию конституционных государств и на Балканах. Таким образом, за исключением России и Турции, во всей Европе установился конституционно-парламентский строй, и это означало, с одной стороны, полное политическое торжество буржуазии, а с другой — открывало для рабочего класса перспективы «мирного» развития, «легальных» форм классовой борьбы.

Если к полной политической победе буржуазии в Европе и Северной Америке (после победы северных штатов в гражданской войне) присоединить еще падение крепостничества в России и замену феодального строя капиталистическим даже в Японии, то станет понятным, что, начиная с последней трети XIX в., капитализм должен был получить гигантский толчок для своего развития и сделаться поистине всемирным. Через сто лет после промышленного переворота в Англии современный капитализм завоевал земной шар, подчинив

своему влиянию и своей экономической эксплоатации и черный континент, и Южную Америку, и отсталые, крестьянско-монархические государства Азии. Это грандиозное расширение экономической базы для европейского и американского капитала на первых порах уменьшило остроту и строгую периодичность промышленных кризисов, а, следовательно, и периодическое обострение революционного рабочего движения. Мало того, победное шествие капитала, внушившее буржуазии передовых стран уверенность в непоколебимой прочности своего положения, сделало ее уступчивее по отношению к политическим требованиям рабочего класса. Характерной чертой этой эпохи является постепенное, почти повсеместное, завоевание всеобщего избирательного права, введение буржуазной «демократии», которая, давая рабочему классу видимость политических прав, в то же время нисколько не ослабляла фактического господства буржуазии.

В результате, к концу XIX в. пролетариат почти во всей Западной Европе и даже в таких государствах, как Болгария или Сербия, после ряда более или менее бурных политических кампаний и даже всеобщих стачек (как в Бельгии и в Австрии в 90-х годах) приобретает политические права и образует легальные рабочие и социалистические партии. Социализм, из страшной, таинственной, разрушительной силы, каким он казался буржуазии в эпоху I Интернационала, становится общепризнанным фактором общественной жизни, силой, с которой считаются, но которая сама становится все более мирной, «ручной», «легальной», строго конституционной.

Но это же гигантское развитие капитализма таило в себе свое внутреннее диалектическое противоречие. Ибо все более растущая концентрация капитала, развитие и усложнение техники постепенно заменили к о н к у р е н ц и ю, как главный жизненный нерв капитализма, м о н о п о л и е й, грандиозными капиталистическими об'единениями, трестами и синдикатами, которые диктовали свою волю и массе потребителей, и буржуазному государству, а, с другой стороны, сплачивали капитал в борьбе против пролетариата. В то же время распространение капиталистической эксплоатации по всему зем-

ному шару не только подготовляло борьбу капиталистических государств между собой за раздел мира, но вызывало все растущее сопротивление многомиллионных масс африканского и азиатского материка и их стихийные восстания против капиталистического рабства, которое приносила им европейская «цивилизация». Так капитализм перешел в свою последнюю фазу — империализм, с его господством трестов, с его захватной политикой, угрозой новых войн и, как следствие этого, чудовищным ростом милитаризма, т.-е. вооружения, армий, военных флотов.

Все это питало новые революционные настроения, подготовляло новые бури. А рядом с Западной Европой, с ее политической свободой, парламентаризмом и «демократией», находилась Россия, в которой лихорадочное развитие капитализма соединялось с политическими формами азиатского деспотизма, и которая накопляла в себе, поэтому, огромные запасы революционной энергии.

И вот, испано-американская война 1897 г., русско-японская война 1904—5 гг. и русская революция 1905 года открыли собою новую эру войн и революций.

Впрочем, когда мы говорим о «легальном» характере рабочего движения и о «признании» социализма буржуазными государствами как определенного фактора общественной жизни, с которым им приходилось считаться и поневоле мириться, — это, конечно, надо понимать лишь очень относительно, т.-е. это отнюдь не значит, что рабочее движение, борьба за улучшение экономического положения рабочих и расширение их политических прав, что эта борьба происходила без жертв со стороны рабочих и социалистов, без преследований со стороны буржуазных правительств. Массовые аресты и высылки социалистов в Германии в эпоху исключительного закона *) и непрерывные полицейские и судебные преследования отдельных рабочих и после отмены этого закона, преследования стачек и демонстраций во Франции, Бельгии, иногда даже Швейцарии и Англии, преследования, доходившие до

*) Об этой эпохе нам еще придется говорить подробнее.

расстрелов безоружной толпы, каторжные приговоры рабочим-революционерам в Италии, зверские расправы над рабочими в Испании, а иногда и в Америке, не говоря уже о постоянной и повсеместной травле анархистов, — все это имело место и в «мирную» эпоху, в эпоху «демократии» конца XIX и начала XX веков.

И если, тем не менее, мы этот период в истории социализма и рабочего движения резко отделяем от периода 40-х и 60-х годов, то это потому, что и социалистические партии в это время не ставили себе по общему правилу задачи непосредственного низвержения капиталистического строя, а лишь борьбу в рамках этого строя и на почве буржуазных законов, и сами буржуазные правительства, при тех или иных частичных и временных преследованиях рабочих социалистов, все же в общем и целом вынуждены были терпеть существование официальных социалистических партий и допускать социалистическую пропаганду.

Но на общем социально-историческом фоне европейского рабочего движения и социализма эпохи II Интернационала бросаются в глаза очень большие и характерные различия по трем главным европейским государствам, различия, вызывавшиеся всей политической и экономической историей этих стран во 2-й половине XIX в. и дающие нам право говорить о трех основных типах социалистического и рабочего движения Европы конца XIX века: английском, французском и германском.

При этом в других странах, в которых пролетариат позже выступил на путь социалистической борьбы, получились смешанные формы и черты движения: в романских странах, Италии и Испании, ближе к французскому типу, в Австрии, Бельгии, Скандинавии—ближе к германскому. Английский тип, впрочем, с своеобразными уклонениями долго преобладал в Соединенных Штатах Америки.

К краткой характеристике и анализу этих трех типов мы теперь и перейдем.

Особенностью английского рабочего движения является весьма слабое распространение социалистических идей среди английского пролетариата и отсутствие, до начала XX века,

массовой и классовой пролетарской партии. Зато в Англии прежде всего и больше всего развился «трэд-юнионизм», т.-е. профессиональная организация пролетариата, стоявшая вне политики, не ставившая себе никаких отдаленных социальных целей и идеалов и выдвигавшая в своей экономической борьбе, весьма умеренной, скромной и осторожной, только конкретные задачи сегодняшнего дня. При этом английские рабочие, как граждане, отнюдь не стояли в стороне от политики и политической борьбы, особенно на выборах в парламент. Наоборот, поскольку они получили избирательные права (а в 80-х годах завоевано было новое расширение их, захватившее значительные массы пролетариата), они энергично участвовали в выборах. Но у них не было **своей** партии и своей программы, и они голосовали за одну из соперничавших между собой господствующих партий, либералов или консерваторов, в зависимости от того, какая из них больше обещала рабочим.

Этот **практицизм** английских рабочих, это равнодушие к социалистическим идеалам, так отличавшее их (а отчасти и их единоплеменников по ту сторону океана) от рабочих французских и немецких, создали даже у буржуазных ученых и политиков особую теорию об «антисоциалистических» особенностях «англо-саксонской расы», о недоступности «англо-саксонского черепа» идеям социализма. Это, конечно, вздор. И «раса» и «череп» здесь совершенно не при чем, ибо в эпоху чартизма английские рабочие оказались в высшей степени восприимчивыми ко многим идеям революционно-утопического социализма.

Причины этого явления надо искать в конкретных условиях социально-экономического и политического развития Англии в XIX в. Английское рабочее движение началось тогда, когда в Англии уже твердо установилась завоеванная буржуазией политическая и религиозная свобода. С давних времен в английской политической жизни действовала система равновесия двух больших политических партий, крепко державших монополию и в парламенте и на выборах, которые притом стоили очень дорого. Поэтому всякая попытка самостоятельного выступления небольших групп не

сулила никакого практического успеха. А мы уже знаем, что, разочаровавшись в чартистском движении, английский пролетариат, даже в лице его наиболее сознательной и организованной части, все свои усилия направил на борьбу за улучшение своего экономического положения. И первые десятилетия, благодаря монополии английского капитала на всемирном рынке и огромным барышам, доставшимся буржуазии от эксплоатации колоний и народов Востока, часть этих барышей перепадала сравнительно легко наиболее квалифицированным и организованным рабочим, которые, таким образом, явились как бы соучастниками своей буржуазии в ее мировой эксплоатации.

Вот все это вместе взятое и создало оппортунизм и практицизм английских рабочих, отсутствие среди них сильных республиканских и антирелигиозных течений, их равнодушие к теории, принципам и идеалам и поэтому слабую распространенность социализма, готовность заменять революционную классовую борьбу сделками с буржуазией и ее политиками.

Наконец, эти же условия содействовали в Англии больше, чем в других странах, созданию рабочей аристократии, отделению квалифицированной и организованной верхушки пролетариата от широких масс, что облегчало буржуазии ее борьбу с пролетариатом и развращение тред-юнионистских вождей, заинтересованных в сохранении классового мира.

Но с конца XIX века английский капитал явно начинает терять свою мировую экономическую монополию. Он начинает вытесняться могущественным капитализмом американским и германским. Германские товары появляются не только в странах Востока, где безраздельно царил английский капитал, но и в самой Англии. Привыкшая к продолжительному экономическому господству английская буржуазия стала консервативной и неспособной к той гибкости, технической и торговой ловкости и изворотливости, какая отличала ее молодых конкурентов, особенно буржуазию германскую. Барыши английского капитала стали падать, и он не только решительно отказался от уступчивости по отношению к ра-

бочим, но перешел в наступление. Началась борьба за понижение заработной платы; а так как этому воспрепятствовали тред-юнионы, то наиболее реакционная часть буржуазии, владельцы каменноугольных копей, металлургических и металлических заводов и железных дорог, поддерживаемые палатой лордов, выступили в поход против тред-юнионов, которые уже были чуть не составной частью английской конституции. Повторилось в грандиозном масштабе то, что намечалось в начале 60-х годов. И английский пролетариат опять зашевелился. Организовалась массовая самостоятельная рабочая партия, правда, не социалистическая еще, но об'единявшая все тред-юнионы и социалистические организации и выставлявшая на выборах в парламент собственных кандидатов. Эта же эпоха, особенно после русской революции 1905 г., характеризуется усилением и обострением экономической борьбы, грандиозными, небывалыми в Англии стачками и локаутами, приводившими иногда к столкновению с полицией и войсками. Исключительно «мирный» и консервативный характер английского рабочего движения канул в вечность. А в английском парламенте появилась третья крупная сила — рабочая фракция.

Подобный же процесс постепенного революционизирования рабочего движения происходил в эту эпоху и в Северной Америке, но по совершенно другим экономическим причинам.

Мы знаем, что Соединенные Штаты в течение всего XIX в. являлись ареной разных коммунистических опытов и колоний (а в XX в. в Канаде организовалась большая коммунистическая община русских сектантов-духоборов). Но все эти общины, даже, если они не распадались немедленно, были островками в капиталистическом обществе и никакой связи с местным рабочим движением, никакого влияния на него не имели. С другой стороны, социалистическое учение и проповедь классовой борьбы под знаменем социализма «ввозились» в Америку из Европы многочисленными политическими эмигрантами (сперва немцами, потом русскими, евреями и т. д.), которые и вели довольно успешно свою работу среди своих соплеменников и земляков и вообще среди эмигрировавших из Европы многочисленных масс пролетариата.

беспомощного в новых условиях и становившегося жертвой жестокой эксплоатации. Что же касается коренных американцев, то они в массе своей очень долго оставались совершенно недоступными социалистической пропаганде, как бы подтверждая этим теорию «англо-саксонского черепа».

Но это об'яснялось тем, что земельное приволье Америки, возможность для каждого предприимчивого человека поехать на «дальний Запад», стать фермером, золотоискателем и т. д. в условиях необычайно быстрого роста капитализма, делали рабочую силу редкой и, наоборот, нередкой — возможность индивидуального обогащения *). Это облегчало для коренных американских рабочих экономическую борьбу за улучшение их положения, содействовало росту профессиональных союзов, весьма мирно и консервативно настроенных, и оставляло их равнодушными к социализму. Но дальнейший рост капитализма, сопровождавшийся все новым притоком обездоленных масс из Европы, а, кроме того, гигантский рост трестов, уменьшавший конкуренцию между капиталистами, начал с конца XIX века, сильно ухудшать положение и американцев-рабочих. А это, в свою очередь, привело к распространению среди них социализма и революционного синдикализма, с одной стороны, а с другой—к небывалому обострению классовой борьбы, принимавшей местами и моментами характер настоящей гражданской войны труда с капиталом.

Полную противоположность английскому представляет собою развитие рабочего движения и социализма во Франции конца XIX и начала XX в. Французский пролетариат, переживший в течение столетия ряд революций, в которых он играл первую роль, сохранил прочные и революционные и социалистические традиции и вынес много в высшей степени поучительных уроков классовой борьбы. Казалось бы, что, оправившись от страшного поражения Коммуны, французские рабочие должны были создать могучую и сплоченную политическую и экономическую организацию, одновременно и революционную и реалистическую, т.-е. лишенную утопизма. Между тем, на деле рабочее движение и влияние социа-

*) Это же относится и к другим быстро богатеющим колониальным странам, как Австралия и Новая Зеландия.

лизма во Франции эпохи II Интернационала были очень далеко от этого идеала. У французских рабочих были революционно-социалистические настроения, но у них были очень слабые и мало влиятельные социалистические организации, да и те дробились на ряд мелких, враждовавших между собою фракций. Кроме того, профессиональное движение, тоже охватывавшее лишь меньшинство рабочих, раскалывалось на союзы умеренно-консервативные и союзы революционные, готовые с необычайной легкостью об'явить забастовки, но часто не имевшие ни достаточно организационного влияния, ни достаточной экономической мощи, чтобы эти забастовки успешно проводить. Наконец, профессиональные союзы были почти всегда во вражде с социалистическими партиями.

Все эти явления имеют одну общую причину, мелкобуржуазный характер значительной части французского, особенно парижского пролетариата, который, в свою очередь, явился следствием сравнительно слабого развития крупной промышленности и сохранения (особенно в Париже) множества отраслей ремесла и мелкой, полудомашней промышленности, изготовлявшей предметы роскоши и снабжавшей, главным образом, иностранцев.

Кроме того, от всех других капиталистических государств новейшая Франция отличается одной особенностью, без указания на которую нельзя об'яснить многие явления ее социально-политической истории и, в частности, рабочего движения. Эта особенность—почти полное отсутствие роста населения, отчасти результат полукрестьянского характера Франции, при чем крестьяне—фанатичные мелкие собственники, сознательно не желающие иметь многих детей, чтобы не дробить между наследниками свои земельные участки.

Как бы то ни было, но прекращение роста населения, с одной стороны, мешало быстрому развитию крупной фабрично-заводской промышленности *), нуждающейся всегда в ре-

*) Впрочем, одной из главных причин слабого развития промышленного капитализма во Франции до мировой войны является бедность ее углем и железом. Эта бедность и толкала французскую

зервной рабочей армии, и этим толкало французскую буржуазию накопленные капиталы вывозить за границу, в форме займов или эксплоатации рабочих в отсталых странах (в роде Турции или России), делало французский капитал в значительной мере ростовщическим. С другой стороны, остановка в росте населения и отсутствие массового притока крестьянства в города чрезвычайно уменьшало безработицу во Франции, делало положение квалифицированных рабочих более устойчивым и позволяло им откладывать небольшие сбережения. Таким образом, если английский рабочий только в своем тред-юнионе видел защиту от безработицы и потому охотно в него записывался, то французский рабочий нередко предпочитал положить деньги в сберегательную кассу, чем истратить их на членский взнос в свой синдикат (проф. союз). Возможность сбережений питает страсть к накоплению. В погоне за более высоким процентом многие рабочие, подобно мелким буржуа, маленьким чиновникам и т. п., покупали акции, облигации иностранных займов и т. д. Такие рабочие, оставаясь рабочими у себя, оказывались иногда «акционерами» каких-нибудь заморских предприятий, и если английские квалифицированные рабочие получали крохи от промышленной прибыли фабрикантов, то французские иногда являлись соучастниками ростовщического капитала своей буржуазии.

Все это и приводило к созданию мелко-буржуазной психологии и идеологии, к индивидуализму, к отсутствию прочной пролетарской дисциплины. Революционная фразеология в политике и мелко-буржуазная практика в экономике, вот как можно было бы определить ту двойственность, которая так характерна для французских рабочих последних десятилетий. А если мы прибавим к этому, что пережитые революции, кроме ненависти к буржуазии, оставили в пролетариате и известное разочарование, недоверие к вождям, которое еще усиливалось политиканством и парламентскими интригами многих представителей социалистической интеллигенции, то

буржуазию с конца XIX в. к политике захвата богатейших германских залежей угля, как Рурский бассейн.

нам станут понятны все перечисленные выше особенности французского рабочего движения этой эпохи.

При этом мелко-буржуазный юг давал французскому социализму преимущественно оппортунистов—«соглашателей», промышленный север—революционных марксистов, а Париж—одновременно и социалистов, умеренных и революционных, и анархистов, и просто рабочих, разочарованных в политике, «наплевистов», как их называли во Франции и, наконец, даже националистов-шовинистов, которые готовы были пойти в конце 80-х г.г. за генералом-бонапартистом Буланже (это об'яснялось отчасти поражением Франции в войне 1870—71 года, которое питало националистические чувства у малосознательных рабочих, находившихся в плену мелко-буржуазной идеологии, и давало пищу крикливым демагогам, сторонникам войны с Германией).

В отличие и от Англии, и от Франции Германия в эпоху II Интернационала считалась образцовой страной рабочего движения, у которой другие страны и в том числе Россия учились теории и практике социал-демократии. В самом деле, после об'единения лассальянцев с эйзенахцами и вплоть до мировой войны германский пролетариат имел лишь одну марксистскую социал-демократическую партию, не знал хронического раскола между партией и профессиональными союзами, не знал, как Франция и другие романские страны, длительной борьбы социалистов с анархистами. При этом и партия, и профессиональные союзы, которые находились под идейным влиянием партии, росли непрерывно (число членов партии, начавшись после об'единения с нескольких десятков тысяч, перевалило, к началу мировой войны, за миллион), а также непрерывно росло число голосов, поданных за социал-демократов на выборах в общегерманский парламент (рейхстаг), дойдя до четырех с четвертью миллионов голосов. Затем, если в Англии за все почти рассматриваемое время не было ни одной ежедневной социалистической газеты, а во Франции центральный орган партии, газета «L'Humanité» («Человечество»), уже в XX веке выходила в количестве 30—50 тысяч экземпляров, тогда как бульварные газеты, читавшиеся и рабочими, расходились в миллионах

экземпляров, то в Германии было множество ежедневных социалистических газет, с огромным числом читателей, а центральный орган партии, «Vorwärts» («Вперед») не уступал по своей распространенности самым большим и популярным буржуазным газетам. Наконец, во всех политических кампаниях и особенно на выборах в рейхстаг германская социал-демократия и шедшие за нею рабочие массы проявляли редкую дисциплину, сплоченность и организованность.

Чем же об'яснить такой характер германского рабочего движения и социалистической партии?

Прежде всего, конечно, экономическими причинами. Об'единение Германии и пятимиллиардная контрибуция, полученная от побежденной Франции, вызвали прямо волшебный рост капитализма. С необычайной быстротой Германия превратилась из страны на две трети земледельческой и ремесленной в страну с преобладанием крупной промышленности и городского населения, при чем одновременно быстро росло и все население страны. Само собою понятно, что такой лихорадочный темп экономического развития должен был обострять все экономические противоречия, свойственные капитализму, и особенно борьбу труда с капиталом. А если принять при этом во внимание, что, несмотря на грандиозную экономическую революцию, которую пережила Германия, в ее *социально-политическом* строе, особенно в Пруссии, осталось много пережитков самодержавно-полицейского деспотизма и господства дворянской касты («юнкеров»), а ее буржуазия оказалась жалкой, трусливой и в большинстве своем прямо реакционной, то станет понятным, почему наиболее сознательная и активная часть германского пролетариата охотно шла в социалистическую партию, которая защищала не только экономические интересы пролетариата и его конечные социальные цели, но и *обще-демократические* интересы страны.

Наконец,—и это очень важно,—с эпохи 60-х годов, благодаря деятельности Лассаля, Либкнехта, Бебеля и их единомышленников, у германского социализма сохранились кадры сплоченной партии, получившей от марксизма такое теоретическое воспитание, такие идейные традиции, каких не

имела ни одна из других европейских социалистических партий. А исключительный закон против социалистов, действовавший 13 лет (с 1878 до 1891 г.) и поставивший партию фактически в нелегальное или полулегальное положение, дал ей тот необходимый закал, тот подбор дисциплинированных и преданных работников, который потом помог ей в годы расцвета удержаться на идейной и организационной высоте.

Но от этой же эпохи 60-х годов, от лассальянства в партию вошли и преувеличенная оценка роли всеобщего избирательного права и парламентской борьбы и слишком большая вера в чисто легальные методы борьбы за социализм, что, вместе с другими, более общими причинами, о которых мы будем говорить в последней главе, сделало в конце-концов могучую германскую социал-демократию жертвой оппортунизма, сделало ее бессильной для действительно революционных выступлений.

Кроме трех основных национальных типов рабочего движения, в эпоху II Интернационала окончательно сложились и три главные его формы: политическая, профессиональная и кооперативная, т.-е. создание политических социалистических партий, профессиональных союзов и рабочих потребительских обществ, при чем огромное большинство социалистов считало обязательным для сознательного пролетариата участие во всех этих формах борьбы. Социалистические партии ставили себе конечной целью завоевание политической власти пролетариатом, а ближайшей — борьбу за демократию, за максимум политических прав и свобод для пролетариата; профессиональные союзы боролись за улучшение условий труда, особенно за сокращение рабочего дня и повышение заработной платы; а кооперативы, не преследуя больше никаких иллюзий кооперативного «социализма», стремились повысить жизненный уровень рабочих путем удешевления и улучшения качества необходимых предметов потребления.

Наибольшее развитие профессиональных союзов и кооперативов было в Англии, где они об'единяли миллионы рабо-

чих. Следующее место занимала Германия, а во Франции, где роль социалистических партий была неизмеримо влиятельнее, чем в Англии, профессиональное и кооперативное движение шло на третьем месте. При этом, как мы уже знаем, в Англии рабочее движение долго шло вне политики или плелось в хвосте за буржуазными партиями. Во Франции социалистические партии и профессиональные союзы нередко боролись между собой. И только в Германии социалисты занимали руководящее положение и в профессиональном, и в кооперативном движении.

Но везде, не исключая и Германии *), строгое разделение между разными видами рабочего движения приводило к тому, что политическая деятельность пролетариата все больше сводилась к парламентаризму, к чисто парламентской борьбе с буржуазией, а его экономическая деятельность, профессиональная и кооперативная, все больше мельчала (за исключением «революционного синдикализма», о котором—позже), все больше проникалась крохоборством и отходила от великих общих целей пролетарской борьбы.

Была еще и четвертая форма движения и борьбы, идейная, теоретическая, борьба с буржуазной идеологией и выработка собственного пролетарского миросозерцания. Но в этой области главная работа была проделана в первые две трети XIX века, великими предшественниками научного социализма, и особенно самими Марксом и Энгельсом. Поэтому в развитии социалистических идей эпоха II Интернационала дала очень мало нового, занимаясь лишь популяризацией идей марксизма, которые получили преобладание среди социалистов, и применением их к отдельным конкретным исследованиям. Правда, и эта эпоха выдвинула выдающихся теоретиков социализма, как Каутский в Германии, Лафарг во Франции, Лабриола в Италии и особенно Плеханов и Ленин—в России. Но все они были учениками Маркса и Энгельса, и только раз-

*) Только в Бельгии рабочая кооперация была чисто партийным делом и служила партии своими экономическими средствами.

вивали и углубляли их учение, делали из него конкретные выводы, популяризировали его в широких кругах пролетариата *).

С этой точки зрения можно сказать, что эпоха II Интернационала в истории социализма не есть эпоха развития социалистических идей, а эпоха развития и роста социалистических организаций.

2. Рабочее движение и социализм в Англии.

Конец XIX и начало XX века представляют собой такой колоссальный размах организованного рабочего движения, такое обилие отдельных его эпизодов, такое развитие социализма и вширь, и вглубь, такой рост социалистических партий и организаций в Европе, что нет никакой возможности в кратком курсе останавливаться на отдельных моментах этого движения и развития, как мы это делали для предшествовавших эпох, а приходится, даже переходя к обзору движения по странам, давать лишь наиболее общие характеристики и останавливаться при этом лишь на самых выдающихся фактах и лицах.

Этот способ изложения соответствует и более мирным, эволюционным формам развития социализма в эту эпоху, отсутствию в нем таких ярких революционно-драматических моментов, какие характеризуют европейское рабочее движение второй трети XIX века.

И из всех стран Европы наиболее мирным характером и наименьшим количеством драматических эпизодов (за исключением годов, непосредственно предшествовавших мировой войне) отличается рабочее движение и социализм Англии эпохи II Интернационала.

После бурного оживления конца 60-х и начала 70-х годов, вызванного кризисом, революционным движением в Ирландии, общим революционным состоянием Европы и осо-

*) Почти все теоретически новое, что внес Ленин в теорию марксизма, было им сделано после начала мировой войны, т.-е. в момент крушения II Интернационала, и будет нами рассмотрено во 2-м томе нашей работы, т.-е. в истории русского социализма.

бенно влиянием Генерального Совета Интернационала, английский тред-юнионизм снова надолго впал в пассивное состояние, особенно после того, как удалось в 1875 г. добиться отмены закона, мешавшего тред-юнионам вести даже идейную борьбу со штрейкбрехерами и заключать коллективные договоры с фабрикантами для всех рабочих данной профессии и не входящих в союзы. С этих пор экономические конфликты все более заменяются длительными коллективными договорами, у тред-юнионов, особенно у их вождей, вырабатывается специальный консерватизм, боязнь риска и резких столкновений. Это пассивное состояние тред-юнионов, организовавших наиболее квалифицированных, обученных рабочих, об'ясняется тем, что, хотя за это время совершенно прекратилось повышение заработной платы и сокращение рабочего дня, но зато непрерывно, благодаря усовершенствованию техники, росло удешевление массовых предметов потребления.

Что касается политики, то рабочие поддерживали на выборах в парламент либералов, которые зато помогли в 1874 г.— впервые в истории Англии — пройти в парламент двум рабочим рудокопам, Томасу Берту и Александру Макдональду.

Само собою понятно, что при таких условиях возрождение социализма в Англии началось очень поздно, и развитие этого социализма шло очень медленно и с большими уклонами в сторону оппортунизма и «соглашательства».

В 1881 г., отчасти под влиянием разочарования от выборов 1880 г., на которых либералы, с помощью рабочих, одержали большую победу, но ничего не дали рабочим, несколько социалистов, знакомых с учением Маркса, в том числе его дочь Элеонора Маркс-Эвелинг, основали «демократическую федерацию», которая только после смерти Маркса, в 1883 г., переименована была в «Социал-демократическую федерацию». В числе ее основателей и вождей надо поставить на первом месте Гайндмана, затем Бельфорта Бакса, рабочего механика Джона Бернса, а также писателя Вильяма Морриса, прославившегося своей социалистической утопией «Вести ни откуда».

Эта «федерация» об'единила с самого начала ряд весьма неустойчивых в идейном и теоретическом отношении и противоречивых элементов. Поэтому уже очень скоро в ней начались расколы. Ее покинули Элеонора Эвелинт с мужем, Бакс, Моррис и другие, и основали отдельную группу, которая постепенно приобрела полуанархический характер. Ушли от нее и более умеренные элементы, как Бернс, который в начале 90-х годов был избран в парламент, а потом даже сделался членом либерального министерства.

Во главе федерации оставался Гайндман, потом к ней примкнул очень революционно-настроенный социалист-марксист Квелч и другие. Центральным ее органом в течение многих лет, вплоть до войны, оставался еженедельник «Джастис» Justice («Справедливость»). Но она отличалась доктринерским, книжным и сектантским характером, не умела подойти к широким массам английского пролетариата и потому всегда оставалась очень немногочисленной, насчитывая в лучшие времена не больше 12—15 тысяч членов и не имея никаких успехов на выборах в парламент. В 900-х годах «соц.-дем. федерации», включив в себя ряд революционных рабочих из других организаций, попыталась реорганизоваться в «Британскую социалистическую партию». Но при этом выяснилось, что сам Гайндман, богатый интеллигент, постепенно выродился в заурядного английского империалиста и шовиниста.

Тем не менее, именно в этой организации находились все время наиболее революционные и наиболее марксистски выдержанные элементы и представители английского пролетариата. Поэтому после мировой войны, именно из нее вышло главное ядро нынешней Британской коммунистической партии, малочисленной, но завоевывающей все больше доверия и симпатии в массах.

В середине 80-х годов группа образованных и сочувствовавших социализму интеллигентов, из которых самыми выдающимися были знаменитый драматург Бернард Шоу, экономист Грехем, знатоки профессионального движения супруги Сидни и Беатриса Уэбб, основала со-

циалистическое общество пропаганды, с которой они обращались и к рабочим, и к буржуазной интеллигенции.

Благодаря умеренности этой пропаганды и вере в мирное, постепенное осуществление социализма, это общество получило название «фабианцев» (которое за ним и укрепилось), по имени римского полководца Фабия Кунктатора, т.-е. «медлителя», избегавшего решительных столкновений с противником и предпочитавшего брать его «измором». Из фабианского общества вышел ряд довольно ценных, специальных работ (например, «История и теория тред-юнионизма» Уэббов) и пропагандистских брошюр. Но оно было и осталось группой «благожелательных» к рабочим интеллигентов, стремящихся социальными реформами предупредить социальную революцию. Под влиянием войны и русской революции один из виднейших и талантливейших фабианцев—Бернард Шоу—стал сочувствовать революционному коммунизму *).

Между тем, с той же середины 80-х годов английская промышленность впервые стала чувствовать конкуренцию американского и германского капитала и стала переживать хроническую «депрессию» (угнетенное состояние). Это тотчас отразилось на взаимоотношениях капиталистов и рабочих. «По мере того, пишет новейший историк английского рабочего движения, марксист-коммунист У. Крэк, как золотой поток перестал устремляться в карманы британских фабрикантов с прежней легкостью, последние стали все более и более сопротивляться требованиям профессиональных союзов. Случаи повышения заработной платы прекратилась, а порой заработная плата падала».

Словом, капитал переходил в наступление, и это заставило встряхнуться и рабочий класс, и тред-юнионы. Под влиянием энергичной агитации социалистов, особенно Джона Бернса, рабочего Тома Мэнна (ныне коммуниста) и Элеоноры Маркс-Эвелинг, началась громадная кампания среди необученных и до тех пор неорганизованных

*) Но и то ненадолго. Даже этот, по английским понятиям, столь „революционный“ писатель не мог выйти надолго за пределы ограниченного мещанского кругозора мелкобуржуазной интеллигенции.

рабочих. Возник так называемый «Новый юнионизм», т.-е. вовлечение в союзы не только рабочей аристократии, квалифицированных рабочих, но и массы чернорабочих и придание этим союзам боевого, наступательного характера, пропитывание их духом классовой борьбы, а не только взаимопомощи, в которой склонны были застыть многие старые союзы.

В 1889 году был основан союз газовых рабочих, союзы портовых рабочих, матросов и кочегаров, низших железнодорожных рабочих и целого ряда других профессий, которые до тех пор стояли вне всякой организации. Вспыхнула знаменитая забастовка самых забитых портовых рабочих Лондона, продолжавшаяся несколько недель и приведшая к полной победе рабочих. В ряде профессий завоеван был 8-часовой рабочий день.

Все это отразилось и на многих старых тред-юнионах, которые под давлением наступающего капитала тоже вышли из своей аристократической апатии. В английском рабочем движении началась полоса нового оживления.

Это оживление естественно должно было отразиться и на усилении социалистической пропаганды и агитации, на росте социалистических организаций. В самом деле, в 1893 году основана была новая социалистическая партия под названием «Независимая рабочая партия». Ставя себе в конечном счете социалистические задачи, эта партия своей ближайшей практической целью ставила проведение рабочих кандидатов в парламент независимо от обоих господствующих партий страны. В качестве основателей партии следует назвать зятя Маркса, Эдуарда Эвелинга *), затем популярных агитаторов и энергичных организаторов, рабочих Кэйр Харди и Бен Тиллета. После смерти Кэйр Харди в 1915 году самым выдающимся вождем партии стал недавний премьер-министр Рамсей Макдональд.

Эта партия нашла больше корней и больше отклика в рабочей массе, чем другие. Но этого она достигла не только

*) Его жена Элеонора по личным причинам покончила с собой, так же, как много лет спустя покончила жизнь самоубийством другая

большей энергией и большей умелостью в своей повседневной агитации, приспособлявшейся к наиболее злободневным текущим вопросам и нуждам рабочих, но и своим откровенным оппортунизмом. Партия принижала нередко свою агитацию до предрассудков отсталых масс, а некоторые ее вожди даже прибегали к религиозно-христианской манере пропаганды.

Все же надо отдать справедливость «Независимой рабочей партии» и признать, что это была первая в истории Англии сколько-нибудь массовая социалистическая партия, которая насчитывала несколько десятков тысяч членов, на выборах в парламент могла мобилизовать довольно значительные массы и проводить изредка своих кандидатов (на выборах 1910 г. прошло 6 депутатов). Кроме своих центральных органов, еженедельников «Лейберлидер» («Рабочий вождь») и «Клэрион» («Рожок»), партия выпускала огромное количество агитационной литературы и проводила ряд политических кампаний. При ее же содействии образовалась в начале 1900 годов широкая «рабочая партия», этот оригинальный продукт английской жизни.

Дело в том, что наступление капитала стало грозить всем завоеваниям организованных рабочих Англии и особенно добытым с таким трудом правам профессиональных союзов. Английские судьи показали себя достойными представителями своего класса и стали выносить ряд приговоров, ограничивающих право союзов, как законных коллективов, юридических лиц. Вместе с длящимся экономическим застоем, ростом безработицы и разочарованием широких рабочих масс в либеральной политике тред-юнионов, — это заставило их, наконец, на пороге XX века осудить свою прежнюю позицию — отказа от собственной политики, собственной политической партии, позицию, которая их делала придатком буржуазных партий. Тред-юнионы решили перейти к политической борьбе с классом капиталистов и прежде всего к завоеванию большинства, или, по крайней мере, влияния в парламенте путем создания собственного

дочь Маркса, Лаура, вместе со своим мужем, знаменитым французским марксистом Полем Лафаргом.

парламентского представительства. Так старая идея чартистов только теперь получала осуществление.

Тред-юнионы уже и раньше время от времени созывали конгрессы или с'езды важнейших союзов Англии, на которых обсуждались общие вопросы рабочего движения. Теперь, в 1900 г., по настоянию независимой рабочей партии, конгресс тред-юнионов и социалистических организаций выбрал комитет рабочего представительства для организации рабочей партии, которая с тех пор и возникла, как новая внушительная сила английской политической жизни.

Английская рабочая партия резко отличается от того, что под этим названием понимается на континенте. Она представляет собою с о ю з тред-юнионов, социалистических и других рабочих организаций, единственной целью которого является создать и поддерживать собственное парламентское рабочее представительство, своих вождей в парламенте и проводимую ими политику. Хотя на годичных конгрессах или конференциях рабочей партии иногда принимаются резолюции в социалистическом или полусоциалистическом духе, вроде требования национализации земли и средств производства, особенно железных дорог и каменноугольных копей, тем не менее, она отнюдь не является партией социальной революции, а лишь п а р т и е й ч а с т и ч н ы х р е ф о р м в рамках капиталистического общества (при этом левое крыло ее составляют социалисты, а правое — чистые профессионалисты).

В 1901 г. в партии было меньше полумиллиона членов, а в 1913 г. число это дошло почти до 2-х миллионов. После выборов 1910 г. партия имела в парламенте 42 депутата. Это была уже серьезная сила, с которой должна была считаться каждая из буржуазных партий Англии, но, благодаря своему оппортунизму и боязни революционной тактики, рабочая партия использовала эту силу в гораздо меньшей степени, чем это было можно.

XX век характеризуется в Англии не только появлением классовой, хотя и реформистской, рабочей партии, но и р е з к и м у с и л е н и е м э к о н о м и ч е с к о й б о р ь б ы, захватившей на этот раз и самые старые и, казалось бы,

мирные профессиональные союзы. Под влиянием охватившего всю Европу нового роста дороговизны жизненных припасов. новых попыток английского капитала разбить силу тред-юнионов и рабочей партии, а также под впечатлением русской революции 1905 г., по всей Англии прокатывается волна грандиозных, потрясших всю страну забастовок в важнейших отраслях промышленности, забастовок, невиданных еще в Англии по количеству бастовавших и их упорству. В 1906 и 1907 г.г. — забастовки углекопов, в 1908 г. семинедельная забастовка текстильщиков, в 1910 г. забастовка котельщиков, в 1911 году — транспортных рабочих, в 1912 г. — всеобщая забастовка горнорабочих; в одном 1913 году было 1462 экономических конфликта, в том числе упорнейшая забастовка в ирландском городе Дублине. Наконец, в 1914 г. разразилась продолжительная забастовка в лондонской строительной промышленности. При этом во многих случаях рабочие выходили из повиновения своим консервативным вождям и начинали забастовки против их воли. Война прервала этот революционный процесс.

3. Борьба фракций во французском социализме.

После разгрома парижской коммуны и того ужасного кровопускания, которым он сопровождался, французскими рабочими снова надолго овладела апатия, разочарование в революционной борьбе, равнодушие к политике и, в лучшем случае, признание лишь «синдикализма», т.-е. мировой, профессиональной организации, того, что в Англии называли «тред-юнионизмом». Когда в 1876 г. собрался все же в Париже первый с'езд представителей рабочих организаций, он отличался чрезвычайной умеренностью и робостью мыслей и обсуждал лишь весьма скромные вопросы о правах союзов и об охране труда. О социализме делегаты с'езда и слышать не хотели; резко выступил против отдельных социалистических голосов и следующий рабочий с'езд, происходивший в 1878 году в Лионе.

Такое поведение запуганных и умеренных профессионалистов страшно возмутило живших в лондонской эмигра-

ции коммунаров-бланкистов, и они уже по поводу первого конгресса выпустили страстное воззвание, по своему тону напоминающее отношение III коммунистического Интернационала ко Второму.

«Нам кажется чудовищным, писали бланкисты во главе с Вайяном, что в городе революций, через 5 лет после Коммуны, на могилах умерщвленных людей, перед каторгой и набитыми узниками тюрьмами,—нам кажется чудовищным, что там могли собраться люди, которые, осмеливаясь выдавать себя за представителей пролетариата, каются в своих грехах перед буржуазией, отрекаются от революции, отвергают Коммуну. Эти люди—«синдикалисты», а собрались они на свой с'езд... Мы знаем эту породу столь же старую, как и гадина измены... Ведь это тот же язык, те же теории, та же политика, т.-е., то же лицемерие, и нет никакой разницы между синдикалистами версальской формации и интернационалистами, находившимися на службе у империи...» (т.-е. прудонистами).

Но бланкисты, справедливо возмущенные униженным тоном рабочего с'езда 1876 г., не учитывали неизбежной логики рабочего движения. Стоило ему лишь начаться, хотя бы в самых скромных формах, оно непременно должно было раньше или позже заразиться социализмом. Действительно, после того, как на выборах в палату в 1877 г. победили республиканцы, исчезла, таким образом, угроза монархической реставрации, и это означало, что даже у буржуазии проходит испуг перед Коммуной, началось возрождение и французского социализма. Первой организовалась оставшаяся во Франции группа бланкистов, затем возникла новая группа, во главе которой стояли Лафарг, Жюль Гэд и Девиль, близкие к марксизму. Их агитация, поддержанная значительной частью искренних мелкобуржуазных демократов, содействовала тому, что буржуазная палата депутатов в 1879 г. дала, наконец, амнистию коммунарам, а президент республики подписал «помилование» 74-летнему Бланки. И в том же 1879 г. на третьем рабочем конгрессе в Марселе уже приняты были социалистические резолюции, и высказано было пожелание об образовании рабочей партии.

В следующем году, в Лондоне Гэдом и Лафаргом, при непосредственном участии самих Маркса и Энгельса, была выработана программа будущей рабочей марксистской партии Франции. При этом Маркс написал принципиальное введение к программе, в котором говорилось, что «французские социалисты об'являют целью своих стремлений политическую и экономическую экспроприацию класса капиталистов и передачу всех средств производства во владение общества». В такой революционной форме социализм снова испугал профессионалистов (на рабочем конгрессе в Гавре в 1880 г.). Произошел раскол между социалистами и чистыми синдикалистами, который и остался с тех пор характерным явлением французского рабочего движения.

Но и среди социалистов начались непрерывные расколы и дробления. Так, от марксистов или «гедистов», как они стали называться во Франции, откололись оппортунисты, или «поссибилисты» (от слова possible т.-е. возможный, осуществимый, приемлемый для буржуазии), которые в свою очередь выделили группу «аллеманистов», по имени их вождя Аллемана, почти сливавшихся с умеренными профессионалистами. Отдельно, в течение 80-х годов действовали бланкисты или, как они себя называли, социалисты-революционеры, которые, впрочем, давно отказались от заговоров, как и другие социалисты, участвовали в выборах в палату и общинные советы и по своей тактике все более сближались с гедистами или революционными марксистами. Наконец, в начале 90-х годов, большинство оппортунистов или «реформистов», т.-е. надеявшихся осуществить социализм путем мирных, легальных реформ, об'единилось под руководством нового, блестящего вождя — Жореса, и по его имени стало впоследствии называться «жоресистами».

Все эти мелкие фракции имели очень мало влияния на широкие массы рабочих, за исключением гедистов, которые, как мы знаем, постепенно укрепились в северной, промышленной Франции, где сделались действительной классовой партией пролетариата и выдвинули ряд выдающихся рабочих.

Что же касается оппортунистов всякого рода или реформистов, то они выступали, главным образом, на выборах в парламент, для чего заключали блоки или избирательные союзы с мелкобуржуазными, демократическими партиями. Само собою понятно, что при этом им приходилось приспособляться к мелкой буржуазии в своей агитации и поддерживать мелкобуржуазных депутатов в парламенте.

Революционно-настроенных рабочих отталкивала эта соглашательская мелкая политика, лишенная всяких революционных перспектив, и многие из них уходили в анархизм, который в начале 90-х годов отличался рядом громких покушений (бомба, брошенная анархистом Анри в палате депутатов, убийство президента Карно рабочим, анархистом Казерио и т. п.). Эти покушения, в свою очередь, запугали мелкую буржуазию и содействовали усилению социальной и политической реакции во Франции, которая поставила у власти ряд злейших реакционеров, а во главе армии—ставленников духовенства и даже монархистов. Правда, в 1893 году в палату прошло около 50 депутатов-социалистов, разных групп, но их попытки об'единиться и выработать единую тактику, кончились неудачей.

Толчком к оживлению деятельности социалистов и новым попыткам об'единения послужило так называемое громкое «дело Дрейфуса» (1898—1902 гг.), когда гнусные реакционеры, стоявшие во главе республиканского правительства, чтобы отвлечь народ от своих темных делишек и разжечь в нем националистические инстинкты, обвинили заведомо ложно невинного офицера-еврея Дрейфуса в государственной измене и подняли большой шум по этому поводу. При этом они совершили целый ряд подлогов и других бесчестных дел и даже уголовных преступлений. Возмущенные представители демократической интеллигенции, во главе с знаменитым романистом Золя, и социалисты во главе с Жоресом, который проявил все свои качества народного трибуна, подняли грандиозную кампанию против всей реакционной гнили, ставшей у власти. Им удалось очистить общественную атмосферу Франции, и к власти пришли мелкобуржуазные демократы (правительство Вальдек-Руссо, потом Комба).

Но при этой кампании социалисты-реформисты, хотя и приобрели большую популярность в массах, так тесно в то же время связались с партией «радикалов», стоявших у власти, что вынуждены были поддерживать правительство. А один из социалистов — Мильеран, за которым потом последовали Вивиани и Бриан (бывший крайний левый, проповедывавший чуть не анархические приемы борьбы, чтобы добиться популярности у рабочих), — вступил в буржуазное министерство. Это еще больше углубило раскол в социалистическом лагере. Гедисты считали недопустимым участие социалиста в буржуазном правительстве. А реформисты наивно думали, что министру-социалисту удастся улучшить положение рабочих. Между тем, повторилась в новой форме история с Луи Бланом в 1848 г. Именно при министрах социалистах происходил ряд жестоких усмирений полицией и войсками рабочих волнений. А социалистические депутаты были связаны тем, что их товарищ сам был в правительстве, и не могли выступить так резко и революционно, как это требовалось обстоятельствами.

Это открыло глаза многим реформистам, особенно Жоресу, и заставило их подвинуться влево, к более революционной и классовой позиции. А после того, как участие социалистов в буржуазном министерстве и вообще сотрудничество с буржуазией было осуждено (хотя и недостаточно категорично, как мы еще увидим), на международных социалистических конгрессах 1900 г. (в Париже) и 1904 (в Амстердаме) и когда «три ренегата» (как стали называть Мильерана, Бриана и Вивиани) фактически ушли от социализма, впервые появились предпосылки для об'единения всех действительных социалистов. Это об'единение произошло в 1905 г., и с тех пор единая партия французских социалистов (в отличие от сторонников Мильерана, называвшихся «независимыми социалистами», но бывших чисто правительственной группой и ничего общего с пролетариатом не имевших) стала еще именоваться «французской секцией рабочего интернационала».

Во главе партии стали Гед, Вайян и Жорес. О Жоресе мы будем еще говорить подробно при характеристике вождей II Интернационала. Что же касается Геда и старого блан-

киста Вайяна, то они все время отстаивали в партии революционную позицию, при чем Гед был противником каких бы то ни было компромиссов, каких бы то ни было отступлений от непримиримой классовой борьбы, а Вайян, которого уважали оба крыла партии, и жоресистское, и гедистское нередко играл роль примирителя и третейского судьи во внутрипартийных конфликтах. Ибо, хотя партия об'единилась и у нее был общий центральный орган, ежедневная газета «Человечество», но все же внутренняя борьба не прекращалась, фракционное деление сохранялось, особенно у гедистов, которые издавали даже одно время собственный еженедельник «Социализм» (там выдвинулся, в качестве талантливого публициста, бывший русский эмигрант Рапопорт, ныне член Ц. К. французской коммунистической партии).

Гед (в молодости, после Парижской Коммуны, в эмиграции склонявшийся к бакунизму) обладал острым умом и большим ораторским и организаторским талантом. Но он был слишком француз, ему не хватало широты международного понимания рабочего движения. И в начале мировой войны, как огромное большинство европейских социалистов, Гед (а также, конечно, и Вайян), стал на оборонческую, социал-патриотическую точку зрения и, вдобавок, сам вошел «министром без портфеля» в буржуазное министерство.

Об'единенная социалистическая партия пользовалась большими успехами на выборах в палату. В 1906 г. она провела 54 депутата, в 1910 г. — 77, а в 1914 г. даже 102. Но, завоевывая голоса избирателей, партия не умела закреплять их организационно. Число членов партии было ничтожно, не переходя за 70.000. Ничтожен, как мы знаем, был и тираж центрального органа (не больше 40—50 тысяч экземпляров). И это об'ясняется в значительной мере тем, что партия выступала почти исключительно в области политики, и притом парламентской политики, предоставив экономическую борьбу, наиболее волнующую широкие рабочие массы, враждовавшим с ней синдикатам, об'единенным во Всеобщую Конфедерацию труда.

Между тем, XX век ознаменовался и во Франции, особенно после 1905 г., резким обострением классовой борьбы, грандиозными экономическими конфликтами, захватившими такие слои пролетариата, которые никогда еще во Франции не выступали.

Таковы были забастовки строительных рабочих, всеобщая железнодорожная забастовка (в 1910 г.), забастовка почтово-телеграфных служащих и даже забастовки учителей, боровшихся за право союзов. В большинстве случаев забастовки кончались неудачей или компромиссом, так как синдикаты и Всеобщая конфедерация труда, в которой наибольшее влияние имели революционные, полуанархические элементы *), нередко об'являли забастовку без достаточной агитационной и организационной подготовки, без сколько-нибудь солидных стачечных фондов и т. д. Это, как мы знаем, вызывалось и общими мелкобуржуазными особенностями французского, особенно парижского пролетариата, способного на быстрые революционные вспышки, но имеющего недостаточно той выдержки, той пролетарской дисциплины, без которых экономические конфликты обыкновенно обречены на неудачу.

Рознь между синдикатами и партией сказывалась даже во время празднования 1-го мая, которое партия как бы уступала профессиональным союзам. Наоборот, во время ежегодной демонстрации в Париже, 29-го мая, на кладбище Пер-Лашез, к «стене коммунаров» синдикаты участия в ней не принимали, считая это «политикой» и предоставляя ее партии. Но и в среде самих синдикатов не было единства тактики, так как были синдикаты мирные, на подобие английских тред-юнионов, и революционные, считавшие, что для революции достаточно выступления «инициативного меньшинства». Большим успехом среди революционных синдикалистов пользовалась пропаганда «антимилитаризма», т. е. борьбы с войной путем агитации в войсках, дезертирства и т. п.

---

*) Развитию анархизма и анархо-синдикализма этой эпохи мы посвящаем особую главу.

В этом отношении вместе с революционными синдикалистами действовало крайнее левое крыло социалистической партии, во главе с бывшим учителем Эрве, который в своей газете специализировался на проповеди антипатриотизма, саботажа, дезертирства и т. п., за что не раз сидел в тюрьме. Против него резко выступали не только реформисты, но и гедисты, при чем сам Гед незадолго до войны говорил, что «рабочий класс отстоит свою страну, чтобы затем, пользуясь полученной материальной силой, уже не вернуться к прежнему подчиненному положению».

Увы, мы знаем, как жестоко посмеялась история над этим оправданием социал-патриотизма. Но еще больше посмеялась она над самим Эрве, который во время войны (как и многие анархисты) сделался бешеным патриотом и даже реакционером...

4. Ортодоксальный марксизм и ревизионизм в германской социал-демократии.

Об'единение лассальянцев и эйзенахцев в 1875 г. необычайно содействовало росту партии, который начал не на шутку тревожить германских и особенно прусских реакционеров, с Бисмарком во главе. На выборах 1877 г. в общегерманский парламент (рейхстаг) социалисты получили почти полмиллиона голосов и провели 12 депутатов. А уже в следующем году, воспользовавшись двумя покушениями на императора Вильгельма I, никакого отношения к социалистической партии не имевшими, Бисмарк вынудил у присмиревшей буржуазии, которой тоже был не по душе рост социализма среди германских рабочих, согласие на исключительный закон против социалистов. Этот закон запрещал всякие социалистические организации, издания и собрания, ограничил право коалиций, дал правительству огромные, почти неограниченные полномочия для борьбы с социалистами и неугодными рабочими вообще, в том числе, кроме судебных преследований, еще право административной высылки. Таким образом, социалистическая партия фактически об'явлена была нелегальной, хотя, конечно,

ее депутаты в рейхстаге, выбранные всеобщим голосованием, остались. Преследования обрушились и на профессиональные союзы, которые неоднократно распускались, а их газеты закрывались. Положение германских социалистов было приблизительно таким, как у нас во время III и IV Государственной Думы.

Закон первоначально издан был на три года, но по истечении их послушный правительству рейхстаг возобновил его еще на три года, и так продолжалось целых 13 лет, до 1890 г., когда выяснилась полная безрезультатность исключительного закона для господствующих классов, бессилие его остановить рост социализма и социалистической организации,—и закон был отменен.

В самом деле, на первых порах закон расстроил ряды германских социалистов и многих запугал. Но уже очень скоро стала сказываться обратная сторона его. Он очистил партию от случайно «примазавшихся» оппортунистических элементов и, наоборот, выдвинул много необычайно энергичных и преданных партии рабочих вождей и рядовых работников, которым удалось перестроить партию на нелегальных и полулегальных основаниях. Центральный орган ее «Социал-Демократ» стал издаваться в Цюрихе, в Швейцарии и в больших количествах перевозиться тайно в Германию преданными «красными почтарями», рабочими и железнодорожными служащими, ловко надувавшими полицию и таможенную охрану. Партийные агитаторы и организаторы не смущались многочисленными высылками, арестами, жестокими судебными приговорами и ловко вели свою работу, иногда создавая партийные группы под видом невинных спортивных обществ, шахматных кружков и т. п. После небольшого перерыва опять начало расти число голосов, поданных за социалистов тайным голосованием на выборах в рейхстаг, и накануне отмены исключительного закона у социалистов уже оказалось 35 депутатов рейхстага. А так как произвол полицейских властей раздражал всю рабочую массу и задевал даже мелкобуржуазные и буржуазные элементы, то после выборов 1890 г. закон не был возобновлен. Окрепшая и закаленная в борьбе партия, выросшая идейно

и количественно за годы преследований, вновь стала открытой и легальной.

За это время, кроме старых вождей Бебеля и Либкнехта, выдвинулись новые: первоклассный организатор, бывший рабочий шорник Игнатий Ауэр, талантливый оратор, бывший офицер Фольмар, неизменный казначей партии и председатель ее с'ездов, бывший фабрикант Зингер, отдавший партии все свое состояние, наконец, теоретики и публицисты Эдуард Бернштейн и Карл Каутский. Но главный состав партии был чисто пролетарский, и это обеспечивало на первых порах правильную классовую линию партии, поддержанную всей теоретической работой Маркса и Энгельса, их дружеской критикой и советами. В частности Энгельс своей вышедшей в 70-х годах книгой против путаного социалиста Дюринга, где была в остро-полемической форме изложена вся теория марксизма, а также своими статьями, письмами и советами, которыми он делился с партией до самой смерти, не мало помог ее классовой выдержанности и марксистской линии.

А Бебель с тех пор и стал той знаменитостью, не только германской, но и общеевропейской, какою он затем оставался до самой смерти. Находясь на левом крыле германской социал-демократии, он умел в то же время жить и чувствовать вместе с рабочими массами, и это давало ему такую силу, что во внутрипартийных спорах побеждала обыкновенно та сторона, на которой был Бебель. А с середины 90-х годов он стал одним из самых крупных и влиятельных деятелей также и на международных социалистических конгрессах.

Когда его маленькая, подвижная фигура, с седыми волосами и подстриженной седой бородкой, появлялась на трибуне, наступала мгновенная тишина и напряженное внимание. А на рабочих собраниях и социалистических конгрессах он был окружен атмосферой любви, и его появление вызывало каждый раз бурную овацию.

Последние десятилетия Бебель был бессменным председателем центрального комитета своей партии. На ряду с неустанной парламентской, агитационной и организаторской

работой Бебель много писал и оставил ряд сочинений, по которым еще долго будет учиться рабочий класс. Среди них самыми замечательными являются его книга «Женщина и социализм» и воспоминания, озаглавленные «Из моей жизни».

Бебель умер почти накануне мировой войны, вызванной развитием империализма и милитаризма, против которых он страстно боролся всю свою жизнь, и за несколько лет до начала той революционной эпохи, которую он так часто предсказывал.

На первом с'езде, после легализации, партия изменила свое название и, вместо «Социалистической рабочей партии Германии», стала называться «Социал-демократической партией». Это означало, что партия стремится к социализму через демократию, через широкую политическую свободу и завоевание политических прав пролетариатом. А на следующем с'езде партии, в Эрфурте в 1891 г. была принята «Эрфуртская программа», которая потом сделалась образцом для всех легальных марксистских партий Европы и которую мы, поэтому, в виду ее огромной исторической важности, приводим целиком в конце настоящей главы.

Начало 90-х годов было временем расцвета германской социал-демократии, когда она, действуя в исключительно легальных рамках, все же не забывала великих революционных перспектив научного социализма, была еще молода душой и полна энтузиазма, веры в свои силы и свое будущее. Это было именно то время, когда Энгельс писал слова, которые потом приводились оппортунистами для оправдания своего отказа от революционной борьбы: «Ирония всемирной истории выкидывает злые шутки. Мы, «революционеры», «потрясатели основ», вернее идем к своей цели законными путями, нежели незаконными... Мы наживаем на этой законности крепкие мускулы и румяные щеки и выглядываем, как сама жизнь» *).

И, действительно, партия как будто шла от успеха к успеху. Она проделывала огромную, не только политическую

*) В главе о «тактике марксизма» мы уже разобрали смысл этих слов.

и культурную, но и профессиональную работу, так как преобладающее большинство профессиональных союзов, будучи формально, т.-е. организационно независимыми, фактически находилось под идейным влиянием партии, поскольку все вожди, весь штаб профессиональных союзов принадлежал к социал-демократии.

В 1890 г. за социалистических депутатов было подано почти полтора миллиона голосов, в 1893 г. — уже миллион восемьсот тысяч, в 1898 году—два слишним миллиона, а в 1912 г.—уже 4½миллиона. В 1893 г. у партии было 44 депутата в рейхстаге, в 1898 году — 56, в 1903 г. уже 81, а в 1912—110. Неудержимо и последовательно росло и число членов профессиональных союзов; это число к 1912 г. превышало два с половиной миллиона. Неуклонно росло и число членов партии, дойдя к концу этой эпохи до 1 миллиона (тогда как в Англии и Франции число членов социалистических партий не доходило и до ста тысяч). И эти члены партии отличались, особенно в годы расцвета, большой преданностью своему делу, дисциплиной и выдержанностью. Наконец, у партии был громадный агитационный и пропагандистский аппарат, в виде многих десятков газет и журналов, богатых издательств, выпускавших десятки миллионов листовок, брошюр и т. д., партийных школ и т. п.

Но уже с самого начала, а особенно с середины 90-х годов, в жизни германской социал-демократии возникает язва, которой суждено было постепенно заразить весь партийный организм. Эта язва—реформизм, который в Германии все время оставался под флагом марксизма. Прежде всего, в то время, как в северо-германских государствах, Пруссии и Саксонии, где преобладала крупная промышленность, пролетариат не имел права выбора в местные сеймы (ландтаги) и у партии не было соблазна—из-за маленьких «реформ» жертвовать своей классовой непримиримостью,—в южной Германии, особенно в Баварии, Бадене и т. д., с их еще значительно мещанским и крестьянским укладом жизни и более свободной политической атмосферой, местные вожди социал-демократии, с Фольмаром во главе, начали бороться против партийной «узости», «доктринерства» и «сектантства». Они

требовали привлечения крестьянства, в интересах которого партия должна была отказаться от своей чисто пролетарской программы. Затем, ради проведения «реформ» в местных ландтагах, они настаивали на коалициях с прогрессивной частью буржуазии, которые партия решительно отвергла. Наконец, они начали, в качестве «государственной партии», которая отказалась от неосуществимых «утопий», вопреки неоднократным резолюциям партийных с'ездов, голосовать за бюджет, в том числе и за военные расходы.

Вначале это были аванпостные стычки зарождавшегося мелко-буржуазного реформизма и оппортунизма с непримиримым «ортодоксальным», т.-е. правоверным, старым марксизмом, который отстаивали тогда В. Либкнехт (умерший в 1900 году), Бебель и Каутский. С особой силой разгорелся идейный бой тогда, когда оппортунисты нашли своего «теоретика» Э. Бернштейна, выступившего во второй половине 90-х годов с рядом статей, брошюр и книг.

Германский оппортунизм, как мы уже указали, отличается от других видов этого социализма (напр., от «реформизма» жоресистов) тем, что он вышел из рядов самих марксистов, из рядов старой, организованной, гордившейся своим славным прошлым социал-демократии, и что во главе его стоял Эдуард Бернштейн, бывший «левый» с.-д., бывший редактор нелегального центрального органа партии, выходившего в Цюрихе в эпоху исключительного закона против социалистов, притом лично знавший Маркса и Энгельса и бывший их непосредственным учеником. Поэтому германский оппортунизм был по форме не прямым нападением на революционный марксизм, а попыткой «пересмотра» или «ревизии», учения Маркса, (почему, на ряду с «бернштейнианством», он получил еще особое название «ревизионизма»), с целью вытравить из марксизма его «устарелые», «бланкистские», т.-е. по-просту, революционные стороны, составляющие его живую душу, и переделать Маркса на оппортунистический манер. Поэтому также германский ревизионизм претендовал на более глубокое теоретическое обоснование своих взглядов, чем другие европейские, не мудрствовавшие лукаво «умеренные», или по теперешнему, «соглашательские» социалисты, и это теоретическое обосно-

вание послужило, да отчасти служит и теперь, арсеналом аргументов против революционного марксизма.

Основные положения ревизионизма состояли в следующем. Предсказания Маркса о дальнейшем ходе капиталистического развития, со все большей концентрацией капиталов в немногих руках, с усилением и обострением классовой борьбы, эти предсказания не оправдались. Промышленные кризисы, с их десятилетними циклами, прекратились. Число мелких собственников не уменьшается, а растет, и, благодаря акционерным компаниям, они становятся участниками капиталистических предприятий и поэтому заинтересованы в сохранении капиталистического строя. Положение рабочих в общем не ухудшается, а улучшается, и они начинают завоевывать ряд позиций в парламентах, в самоуправлениях, в экономической и культурной жизни. Поэтому нет никаких оснований ожидать той «социальной революции», того «крушения» или «катастрофы», которую предсказал Маркс. Наоборот, пропасть между главными классами буржуазного общества все больше сглаживается, и борьба за социалистический идеал должна быть лишь мирной, идейной. Социализм может осуществиться не путем революции и диктатуры пролетариата, а путем медленного и постепенного «врастания» элементов нового, будущего общества в настоящее.

Впрочем, самый социализм, может быть, и останется лишь недосягаемым идеалом, который в жизни никогда не воплотится. Для нас он важен только, как маяк, освещающий нам путь. Для нас, как гласит знаменитая фраза Бернштейна, «движение — все, конечная цель — ничто». Другими словами, важнее всего не грядущий туманный идеал, а конкретные реформы сегодняшнего дня.

С этой точки зрения нужно отказаться от теоретической основы марксизма — исторического материализма, так как, по мнению Бернштейна, деятельностью людей в новейшее время все более руководят не стихийные экономические силы, а сознание и идейные факторы; нужно отказаться также от непримиримой революционной тактики марксизма; нельзя рассматривать всю буржуазию, как врага; с наиболее передовой частью ее необходимы соглашения и

совместная работа для осуществления демократических, экономических и культурных реформ.

Социально-исторические предпосылки ревизионизма и оппортунизма вообще состояли в следующем. Европа после Парижской Коммуны не переживала ни войн, ни революций. Рабочий класс в большинстве европейских государств завоевал всеобщее избирательное право, свободу слова, печати и организаций. А с середины 90-х г.г. европейская промышленность вступила в полосу под'ема и процветания. Кроме того, в ряды социалистических партий или под их влияние вступили широкие народные массы, ждавшие от них конкретных улучшений своего положения. А успехи социализма, равно как политическое и идейное банкротство либеральной буржуазии, толкнули в сторону социалистов многочисленных «попутчиков» из мелкой буржуазии и интеллигенции, которые привили значительной части социалистов свою мелкобуржуазную психологию. Все это и создало особую идеологию в лице близоруких и «соглашательски» настроенных социалистов, которые вообразили, что эпоха революции миновала навсегда.

Дальнейшие события — вплоть до мировой войны, русской и германской революции,—с очевидностью показали, кто был прав, ревизионисты или старый революционный марксизм, выросший и закаленный в революционных бурях середины XIX в. То, что оппортунистам казалось мирным переходом от капитализма к социализму, было лишь новой, империалистической фазой буржуазного общества. И если прежние периодические кризисы исчезли (сменившись продолжительными эпохами «депрессии», угнетенного состояния промышленности), так как европейский капитализм расширил свое влияние на весь земной шар, то это именно завоевание мира подготовляло новый, небывалый по своей остроте и широте захвата кризис, который и разразился в форме мировой войны и ее следствий — революций и новых экономических кризисов.

На первых порах Бернштейн и ревизионисты успеха в партии не имели, и их идеи и тактика были осуждены несколькими партийными с'ездами. Но они тем не менее из партии не уходили, а лишь основали свой журнал «Социалисти-

ческий Ежемесячник» и продолжали свою пропаганду. Ибо они видели, что, осуждая ревизионизм и реформизм на словах, партия в целом на деле, в своей повседневной практике постепенно отказывается от всяких революционных методов борьбы, постепенно сама становится лишь партией социальных реформ.

Это сказалось, между прочим, и в том, что партия давно уже отказалась от празднования 1 мая путем прекращения работ и устройства открытых демонстраций и нередко, боясь локаутов и преследований полиции, переносила празднование, в форме загородных прогулок, на первый праздничный день. Затем группа интеллигентов, образовавшая главное ядро ревизионистов, нашла поддержку у вождей профессиональных союзов, которые все более склонялись к консервативной и мирной тактике английских тред-юнионистов. Наконец, когда в партии, после русской революции 1905 года, образовалось крайнее левое крыло, во главе которого стала высокоталантливая, умная и энергичная Роза Люксембург, и которое опиралось на революционно-настроенных берлинских и саксонских рабочих, прежние левые вожди и теоретики партии, как Бебель и Каутский, образовали «центр», выступили против «левых» и тем, конечно, фактически поддерживали позицию ревизионистов.

Борьба разгорелась особенно тогда, когда левые стали предлагать более энергичную тактику в борьбе с правительством, когда они, напр., в борьбе за избирательное право в Пруссии предлагали всеобщую забастовку. Они утверждали, что усыпительная и черезчур легальная тактика партии отнимает у масс всякую революционную энергию, которую, наоборот, надо воспитывать в массах, и что, благодаря этой слишком осторожной тактике, когда придет действительно революционный момент, массы окажутся нерешительными и пассивными.

И по отношению к будущей войне левые (Роза Люксембург, Карл Либкнехт, Клара Цеткин, историк Франц Меринг, Радек и другие) выдвигали решительные меры борьбы, тогда как у Бебеля (как и у Геда) в последние годы его жизни проскальзывали заявления, что в случае войны, социал-демократы должны с оружием в руках защищать свое отече-

ство. Бебель умер за год до начала войны. Но вся германская социал-демократия за исключением группы К. Либкнехта, как известно, стала на социал-патриотическую точку зрения.

Так, в германской социал-демократии революционный марксизм был постепенно вытеснен реформизмом. Так, рост партии и ее внешние успехи покупались за счет принижения ее задач, за счет отказа от ее классовой непримиримости.

ПРИЛОЖЕНИЕ.

Эрфуртская программа.

Экономическое развитие буржуазного общества с естественной необходимостью приводит к упадку мелкого производства, основой которого является частная собственность рабочих на их средства производства. Оно отделяет рабочего от средств производства и превращает его в неимущего пролетария, а средства производства становятся монополией сравнительно небольшого числа капиталистов и крупных землевладельцев.

Рука об руку с этой монополизацией средств производства идет процесс вытеснения мелких и раздробленных предприятий крупными предприятиями, превращение инструмента в машину и процесс гигантского, быстрого роста производительности человеческого труда. Но все выгоды и преимущества этого переворота монополизируются капиталистами и крупными землевладельцами. Для пролетариата же и гибнущих промежуточных слоев — мелкой буржуазии и крестьянства — он обозначает лишь возрастающее увеличение необеспеченности существования, нужды, угнетения, порабощения, унижения и эксплоатации.

Все больше растет число пролетариев, все огромнее становится резервная армия рабочих, все резче проявляется противоположность между эксплоататорами и эксплоатируемыми, все ожесточеннее идет борьба между буржуазией и пролетариатом, разделяя современное общество на два враждебных лагеря и становясь общим признаком всех промышленных стран.

Пропасть между имущими и неимущими еще больше увеличивается, вследствие кризисов, вытекающих из самой сущности капиталистического способа производства, которые принимают все более и более широкие опустошительные размеры, превращают общую необеспеченность существования в нормальное состояние и доказывают, что производительные силы переросли современное общество

и что их целесообразное применение и полное развитие несовместимо с правом частной собственности на средства производства.

Частная собственность на средства производства, которая некогда являлась средством обеспечить производителю обладание продуктом его труда, в настоящее время превратилась в средство экспроприации крестьян, рабочих и мелких торговцев и стала в руках нетрудящихся — капиталистов и крупных землевладельцев— орудием для присвоения продуктов труда рабочих. Лишь превращение капиталистической частной собственности на средства производства — землю, рудники, сырые материалы, инструменты, машины и перевозочные средства — в общественную собственность и замена товарного производства социалистическим производством, ведущимся для общества и самим обществом, могут превратить крупное производство и постоянно возрастающую производительность общественного труда для ныне эксплоатируемого класса из источника нужды и угнетения в источник высочайшего благоденствия и всестороннего гармонического развития.

Этот общественный переворот обозначает освобождение не только пролетариата, но и всего человеческого рода, страдающего от современных условий. Но он может быть делом только рабочего класса, потому что все другие классы, несмотря на взаимные противоречия их интересов, стоят на точке зрения частной собственности на средства производства и видят в сохранении основ современного общества свою общую цель.

Борьба рабочего класса против капиталистической эксплоатации есть по необходимости борьба политическая. Рабочий класс не может вести экономической борьбы, не может развивать своей экономической организации без политических прав. Он не может достигнуть перехода средств производства в собственность общества, не приобретя политических прав. Придать этой борьбе рабочего класса сознательный характер, внести в нее единство и указать ей ее естественно необходимую цель — составляет задачу рабочей партии.

Интересы рабочего класса одинаковы во всех странах с капиталистическим способом производства. С расширением мировых сношений и производства на мировой рынок положение рабочих одной страны все более становится в зависимость от положения рабочих в другой. Поэтому освобождение рабочего класса является делом, в котором в одинаковой степени заинтересованы рабочие всех цивилизованных стран. Сознавая это, социал-демократическая партия Германии чувствует и об'являет себя солидарной с сознательными рабочими всех других стран.

Итак, рабочая партия Германии борется не за новые классовые привилегии и исключительные права, но за уничтожение самого классового господства и самих классов, за равные права и обязанности для всех, без различия пола и происхождения. Исходя из

этих воззрений, она борется в современном обществе не только против эксплоатации и угнетения наемных рабочих, но против всякого рода эксплоатации и угнетения, будь они направлены против класса, партии, пола или народности.

Исходя из этих принципов, германская рабочая партия выставляет следующие требования:

1) Всеобщее, равное, прямое избирательное право как активное, так и пассивное, с тайной подачей голосов для всех граждан государства, достигших двадцатилетнего возраста, без различия пола, при всех выборах и голосованиях. Пропорциональное представительство, а до введения его — законодательное перераспределение избирательных округов после каждой народной переписи. Новая легислатура каждые два года (двухлетние законодательные периоды). Назначение законом выборов и голосований в праздничный день. Вознаграждение избранным представителям. Отмена всяких ограничений политических прав, за исключением случаев назначения опеки.

2) Прямое законодательство через народ при помощи законодательной инициативы и референдума. Самоопределение и самоуправление народа в империи, отдельных государствах (входящих в состав империи), провинции и общине. Избрание должностных лиц народом; их уголовная и гражданская ответственность. Ежегодное утверждение налогов.

3) Общее военное обучение. Народная милиция вместо постоянной армии. Решение народными представителями вопросов о войне и мире. Разрешение всех международных споров третейским судом.

4) Отмена всех законов, ограничивающих или подавляющих свободное выражение мнений, право союзов и собраний.

5) Отмена всех законов, ограничивающих права женщин, по сравнению с мужчинами в области публичного и частного права.

6) Признание религии частным делом каждого отдельного человека. Отмена всяких взносов из общественных средств на церковные и религиозные цели. Церковные и религиозные общины должны быть рассматриваемы, как частные союзы, совершенно самостоятельно управляющие своими делами.

7) Светская школа. Обязательное посещение общественных народных школ. Бесплатное обучение, бесплатные школьные пособия и пища в народных и общественных школах; право бесплатного пользования всем этим и в средних учебных заведениях для тех учеников и учениц, которые по своим способностям будут признаны достойными дальнейшего образования.

8) Бесплатное судопроизводство и бесплатная юридическая помощь. Выборные судьи. Право аппеляции в уголовных делах. Вознаграждение лиц, невинно обвиненных, заключенных и осужденных. Отмена смертной казни.

9) Бесплатная медицинская помощь, не исключая акушерской помощи, и снабжение лекарствами. Бесплатное погребение.

10) Прогрессивный налог на доходы и имущества для покрытия всех общественных расходов, поскольку они должны быть покрыты налогами. Обязательная декларация своих доходов плательщиками. Прогрессивный налог на наследство, сообразно с его размерами и степенью родства. Отмена всех косвенных налогов, пошлин и других политико-экономических мер, жертвующих интересами всего общества интересам привилегированного меньшинства.

Для защиты рабочего класса германская рабочая партия требует немедленно:

1. Национального и международного рабочего законодательства на следующих основаниях:

а) установление нормального рабочего дня с максимальной продолжительностью в 8 часов;

б) запрещение промышленного труда детей моложе 14 лет;

в) запрещение ночной работы, за исключением тех отраслей промышленности, которые, в силу своих естественных условий, требуют ночной работы по техническим ли причинам или в интересах общественного блага;

г) непрерывный отдых для каждого рабочего по крайней мере в течение 36 часов в неделю;

д) запрещение системы расплаты товаром вместо денег.

2. Надзор за всеми промышленными заведениями, обследование и регулирование условий труда в городе и в деревне посредством имперского министерства труда, окружных управлений и камер труда. Всесторонняя промысловая гигиена.

3. Уравнение в правах перед законом сельскохозяйственных рабочих и домашней прислуги с промышленными рабочими; отмена специальных законов о прислуге.

4. Обеспечение права союзов.

5. Передача всего страхования рабочих в руки государства, при решающем участии рабочих в заведывании делом.

---

5. Важнейшие моменты в социалистическом движении других стран Европы.*

Что касается других стран Европы, то в них, как мы уже говорили, развитие социализма происходило по смешанным типам и при этом в каждой стране характеризовалось какими-нибудь чисто местными особенностями.

Так, в Австрии, где рабочее движение началось впервые в конце 60-х годов, где промышленность была слабо раз-

вита, сосредоточиваясь в немногих центрах, и где, что особенно важно, социальное движение непрерывно переплеталось с обостренной национальной борьбой областей, входивших в Австрийскую Империю, развитие социализма шло чрезвычайно запутанно. В 80-х годах в Австрии большим успехом пользовались анархисты. После их разгрома правительством образуется в конце 80-х гг. соц.-демократ. партия с марксистской программой, вождем которой становится и остается до самой смерти (уже во время войны) Виктор Адлер. Эта партия ведет упорную борьбу за всеобщее избирательное право и после двух бурных кампаний (в 1896 г. и 1906 г.), одерживает победу. Но, очутившись в большом числе в австрийском парламенте, социал-демократы начинают вести оппортунистическую политику, вступают в соглашения с либералами, голосуют за бюджет, вообще становятся «императорской социал-демократией». В то же время, благодаря своему оппортунизму, они не в состоянии об'единить на подлинно революционной платформе рабочих разных национальностей Австрии, и после ряда попыток происходит в 1910 г. резкий раскол с чехами, а польские социалисты в Галиции, во главе с Дашинским, живут своей особой жизнью, поддерживая национал-социалистов русской Польши. Мировая война толкнула всех социалистов Австрии в об'ятия ярого социал-патриотизма (за исключением чехов, часть которых, ненавидя австрийский гнет, настроены были «пораженчески» и сочувствовали России и Антанте *).

Отдельно шла борьба социалистов в Венгрии, где им удалось отчасти опереться на страшно эксплоатируемый сельскохозяйственный пролетариат, работавший в имениях крупных магнатов, но где откровенная диктатура этих магнатов жестоко подавляла всякие проявления социальной борьбы и не давала развиваться движению.

В Италии, где резко различаются между собою промышленный север и земледельческий юг с многочисленным

*) Национальные особенности Австрии выдвинули из среды марксистов талантливых теоретиков национального вопроса (Отто Бауэр и др.).

сельско-хозяйственным пролетариатом, где, в результате векового хозяйничанья местных и иностранных деспотов и католической церкви, народные массы находились на очень низкой ступени развития и где огромную роль играла деклассированная интеллигенция, развитие социализма, напоминая в общем французский тип, шло еще более болезненно и прихотливо. После того, как у части рабочих исчезло увлечение бакунинским анархизмом, а другая часть вышла из-под влияния мелко-буржуазных радикалов типа Маццини, в начале 90-х годов образовалась «итальянская социалистическая партия» с марксистским направлением, внесенным в нее, главным образом, интеллигенцией, во главе которой стоял римский профессор Антонио Лабриола. Преследования социалистов реакционным правительством, кровавые усмирения рабочих восстаний конца 90-х гг. в промышленном центре Италии—Милане и в забитой, темной Сицилии на серных промыслах, поддерживали в партии революционное настроение. Но, как только у власти стали либералы, часть социалистов во главе с Ферри, Турати и другими начала склоняться к оппортунизму, к соглашениям с прогрессивной буржуазией, а среди рабочих в то же время начали распространяться идеи революционного синдикализма, главным теоретиком которого в Италии был Артур Лабриола. Начались непрерывные расколы и дробления партии. В 1912 г., когда итальянское правительство пошло по пути империализма и затеяло новую колониальную войну в Африке (в Триполи: уже до этого оно вело войну с Абиссинией), часть социалистов поддержала правительство. Тогда партия исключила этих социал-империалистов (в числе которых был Бономи, вступивший в коалиционное министерство), осудила коалиции с буржуазией и снова выпрямила свою классовую линию. Но в профессиональных союзах постепенно победило умеренное течение.

На выборах в парламент 1913 г. официальная социалистическая партия провела 52 депутата, реформисты—20 и синдикалисты—6. Мировая война встретила в левых итальянских социалистах, во главе которых был Серрати, редактор центрального органа партии «Avanti» («Вперед»), реши-

тельный отпор, и они до конца оставались ее энергичными и стойкими противниками *).

Испания является страной, еще более отсталой, чем Италия, и вековой гнет дворянства и духовенства еще больше отразился на ее населении. Единственная промышленная область ее—Каталония (на севере), с городом Барцелоной, неоднократно служила ареной рабочих восстаний и стачек. Но там преобладало идейное влияние анархистов и потом анархо-синдикалистов (см. следующую главу). Правда, в конце 70-х годов, отчасти под влиянием Лафарга, в Испании образовалась социалистическая партия с марксистской программой и талантливым вождем Пабло Иглезиас. Но эта партия не пользовалась большим влиянием в массах, и только в 1910 г. ей удалось впервые провести на выборах в испанский парламент («кортесы») одного единственного депутата, именно Иглезиаса.

Гораздо большее развитие получило социалистическое движение в промышленной Бельгии, где после распада секции I Интернационала, после борьбы двух национальных социалистических организаций, фламандской и валлонской **), в конце 70-х годов образовалась единая «бельгийская рабочая партия», с программой, заимствованной у германской социал-демократии, но с реформистским и чересчур «практическим» духом английского рабочего движения, при чем, как мы уже знаем, опорой партии явились могущественные рабочие кооперативы.

В Бельгии у власти все почти время находилась реакционная клерикальная партия, т.-е. партия католического духовенства, опиравшегося на крестьянство и на женщин. В борьбе с католическими мракобесами бельгийские социалисты не раз вступали в союзы и соглашения с либералами,

---

*) Но одновременно с этим снова, как в 1912 г., от партии откололась группа членов, сторонников войны, стоявших на националистической точке зрения. Во главе их был прежний редактор «Avanti», а впоследствии основатель фашизма и нынешний диктатор Италии — Муссолини.

**) Бельгия состоит из двух народностей. Язык валлонов — французский; язык фламандцев близок к голландскому.

что, конечно, отражалось на принижении и затушевании их собственной классовой борьбы с буржуазией. В 1893 г. бельгийская партия, после бурной политической кампании и всеобщей политической забастовки, впервые примененной в одной из стран Европы, добилась всеобщего избирательного права, которого рабочие до тех пор не имели. Но это право было неравным, т.-е. отдельные категории граждан (отцы семейств, люди более состоятельные и образованные) получили право подавать не один, а несколько голосов. Дальнейшая борьба в этой области, забастовки 1902 и 1913 г., потерпела поражение.

Вождь бельгийской рабочей партии Эмиль Вандервельде сделался одним из руководителей общеевропейского реформизма, и мы еще с ним встретимся в главе о II Интернационале. Во время мировой войны партия приняла резкую социал-патриотическую позицию, и Вандервельде стал министром.

В соседней с Бельгией Голландии, с ее преимущественно торговым и земледельческим (собственно, скотоводческим, занимающимся молочным хозяйством) населением социализм долго не прививался. С 80-х годов, под влиянием развития промышленности и стихийного рабочего движения (гранильщики бриллиантов в Амстердаме, грузчики и другие портовые рабочие), в Голландии выдвинулся талантливый и энергичный революционный социалист Домела Ньювенгейс, который в начале 90-х годов повел анархо-синдикалистическую пропаганду. В противовес ему в 1891 г. основана была марксистская «социал-демократическая рабочая партия», вождями которой являлись интеллигенты Трольстра и Ван-Коль. Но, по мере того, как росло ее влияние, и она начала одерживать победы на выборах, вожди ее стали проводить оппортунистскую тактику. Тогда, под влиянием первой русской революции, в партии образовалось революционное марксистское крыло, руководимое талантливыми теоретиками (Паннекуком, Гортером и Генриеттой Ролланд-Гольст), которое откололось от официальной партии и солидаризировалось с крайним левым крылом германской социал-демократии (Роза Люксембург, Клара Цеткин и другие).

В Швейцарии, этой типичной мелко-буржуазной стране, стране крепкого крестьянства, мелкой промышленности (часовое) и предприятий, обслуживающих иностранцев (курорты, гостиницы), несмотря на возникновение и жестокую внутреннюю борьбу секций II Интернационала, социализм долго не развивался. Зато в Швейцарии сильно развито профессиональное и кооперативное движение. В начале XX века с распространением крупной промышленности в таких центрах, как Женева и особенно Базель и Цюрих, и в Швейцарии возникли проявления революционного рабочего движения, бурные стачки, вызывавшие столкновения рабочих с полицией и даже войском, основу которого составляет собственническое крестьянство. Но среди пролетариата этой крупной промышленности преобладают пришлые рабочие, выходцы из Германии, Франции и особенно Италии, которые не пользуются правами швейцарского гражданства и не могут иметь прочного влияния ни в рабочих организациях, ни тем более в политической жизни страны. Вот почему, между прочим, когда в Швейцарии в 1889 г. образовалась «социал-демократическая партия», она долго пользовалась ничтожным влиянием, должна была слиться с главной культурно-просветительной и беспартийно-демократической рабочей организацией—«Союз Грютли», принявшей в 1904 году социалистическую программу; и даже после того расширенная партия провела в союзный национальный совет всего 2-х депутатов. Понятно также, что при таком расплывчатом составе партии в ней все время боролись непримиримо—марксистское и реформистско-соглашательское крыло, при чем значительно преобладали реформисты.

В Скандинавских странах социал-демократические партии возникли лишь в конце XIX века, по германскому образцу и с марксистской программой, но с определенно-оппортунистическим направлением. Особенное влияние приобрели социалисты в Дании, где на выборах в местный парламент они получили в 1906 и 1910 гг. по 24 места, а в 1913 г. даже 36, где они составляли значительную силу в городских самоуправлениях, но где они в то же время определенно поддерживали мелко-буржуазную радикальную партию и выдвинутое этой партией правительство.

Более революционно вели себя шведские социал-демократы, партия которых основана в 1889 г. При помощи энергичной политической кампании и организации всеобщей политической забастовки в 1902 г. партия добилась всеобщего избирательного права, которое увеличило число депутатов-социалистов в парламенте с 4 (в 1905 г.) до 64 (в 1911 г.). Но эта победа по общему правилу усилила в партии оппортунистическое крыло, которое стало преобладающим, и вождь которого, Брантинг, играл влиятельную роль и во II Интернационале.

Самым молодым является социалистическое рабочее движение в странах Балканского полуострова, с его крестьянским населением и слабым развитием промышленности. Но здесь большая молодость социалистических партий соединялась и с большей революционностью, так как, кроме идейного влияния германской социал-демократии, в этих странах, страдавших от деспотизма местных правительств (несмотря на их «конституционную» и даже «демократическую» внешность), чувствовалось также мощное влияние революционного движения России.

В Болгарии с.-д. партия организована была в начале 90-х годов при участии, недавно умершего, Благоева, основателя первых рабочих марксистских кружков в 80-х гг. в Петербурге и потом вождя болгарской коммунистической партии. Но в 900-х гг. и в Болгарию проник реформизм, и партия раскололась в 1904 г. на «тесняков», т.-е. «узких» (революционное крыло) и «широких» (оппортунистов). Из «тесняков» и вышли нынешние болгарские коммунисты.

В Сербии в начале 900-х г.г. образовалась небольшая, но ярко-революционная с.-д. партия, которая одна из немногих сохранила во время войны верность интернационалистским заветам революционного марксизма.

Еще позже сорганизовалась с.-д. партия в Румынии, где выдвинулся крупный социалистический деятель и писатель Раковский (тоже получивший свое революционное воспитание в России), впоследствии Председатель Совнаркома Украины и советский посол в Англии.

Наконец, после турецкой революции 1908 г. возникло рабочее и социалистическое движение и в Турции.

6. Анархизм и анархо-синдикализм.

Непосредственное идейное и организационное влияние Бакунина в Западной Европе выражалось в течение всех 70-х годов в форме созданного им анархического Интернационала, пережившего на несколько лет Интернационал Маркса и действовавшего и после удаления Бакунина от политической жизни и после его смерти. Это же влияние сказалось и в ряде восстаний бакунинского типа в Италии и Испании.

Мы знаем уже, что тотчас после Гаагского конгресса Интернационала, кроме ряда швейцарских секций, а также итальянских, испанских и отчасти французских, к бакунистскому Интернационалу присоединяются в первой половине 70-х годов бельгийцы, голландцы и некоторые англичане, из-за недовольства «авторитарной», т.-е. «начальнической» тактикой Маркса внутри Интернационала. Маркс и Энгельс не придавали этим победам бакунинского направления большого значения. Они видели, что рабочее движение во всех странах принимает новые формы, которым стало тесно в рамках прежней международной организации.

Они видели также, что бакунинский Интернационал об'единяет слишком разнородные элементы, часто по прямо противоположным причинам недовольные марксистами, и понимали, что и его положение непрочно. В самом деле, если первый после Гаагского раскола конгресс бакунистов в Сент-Имье принял чисто бакунистскую программу, то впоследствии, по мере включения в этот новый Интернационал более живых и связанных с рабочим движением элементов, как бельгийцы и англичане, на конгрессах его стали все более проявляться резкие принципиальные разногласия.

Уже на следующем конгрессе бакунистов в Женеве осенью 1873 г., который постановил совершенно упразднить ненавистный им Генеральный Совет, произошла первая стычка между анархистами и социалистами. «Анархия,—сказал английский делегат,—это закон смерти, а коллективизм—закон жизни». Один швейцарский рабочий-анархист требовал, чтобы в Интернационал допускались лишь люди физического труда, ибо «нам не надобно людей, которые слишком много знают и

сбивают нас с толку своими красивыми фразами»; против него решительно возражали даже анархисты.

Этот конгресс постановил впервые считать всеобщую стачку главным средством будущей социальной революции, и с тех пор проповедь всеобщей анархической стачки заняла важнейшее место в пропаганде анархистов, хотя сам Бакунин не придавал ей большого значения, выдвигая главным средством борьбы бунт, восстание, что более соответствовало свойствам его натуры.

Еще через год на конгрессе в Брюсселе уже разгорелась борьба в новом Интернационале по основному принципиальному вопросу, об участии рабочих в политической борьбе, о значении для рабочего политической свободы. Эта борьба постепенно все расширялась, пока не привела к новому распаду, к разделению анархистов и социалистов, которые в большинстве, как бельгиец Де-Пап, как француз Жюль Гед и итальянец Коста, снова вернулись к марксизму.

Бакунисты отрицали не только какую-либо политическую деятельность пролетариата, если она не имеет своей целью непосредственное разрушение всего капиталистического строя. Они относились враждебно и к кооперации, считая, что она плодит лишь «новых буржуа», и к фабричному законодательству, так как оно исходит все от того же ненавистного им государства.

С другой стороны, принятый ими лозунг всеобщей стачки мог быть применяем лишь при массовом рабочем движении. Но массы все менее шли за бакунистами, которые все более превращались в оторванную от жизни секту. Поэтому, чтобы чем-нибудь проявить себя, бакунистам оставалось лишь прибегать к излюбленному средству самого Бакунина—организации местных, главным образом, крестьянских бунтов и восстаний.

Единственно серьезной и сколько-нибудь продолжительной попыткой восстания, опирающегося на рабочих, было восстание бакунистов в Испании во время революции 1873 г. Но именно там они проявили полную политическую неустойчивость, беспринципность, противоречивость, и восстание кончилось моральным провалом. Энгельс тогда же подверг так-

тику испанских бакунистов беспощадной критике в особой статье «Бакунисты за работой», которая заканчивается следующими выводами:

«Бакунисты были вынуждены, как только они очутились лицом к лицу с серьезным революционным положением, выбросить за борт всю прежнюю программу. Прежде всего они пожертвовали учением об обязательности политического и особенно избирательного воздержания. Затем последовала анархия, уничтожение государства; вместо того, чтобы уничтожить государство, они, напротив, попытались создать ряд новых маленьких государств. Далее, они отказались от положения, что рабочие не должны принимать участия в такой революции, которая не имеет целью немедленное полное освобождение пролетариата, и принимали участие в заведомо чисто буржуазном движении... Ни бакунисты сами, ни руководимые ими массы не имели никакой программы, вступая в движение, или вообще не знали, чего они хотят». В результате «бакунисты либо препятствовали самому возникновению движения, либо были вовлечены в разрозненные, лишенные плана нелепые восстания... Ультрареволюционные выкрикивания бакунистов, как только дошло до дела, вылились, стало-быть, или в уклонение от этого дела, или в безнадежные с самого начала восстания, или в присоединение к буржуазной партии... От так называемых принципов анархии, свободной федерации независимых групп и пр. не осталось ничего, кроме безмерного и бессмысленного раздробления средств революционной борьбы, позволившего правительству с помощью горсти войск привести в покорность один город за другим почти без сопротивления... Словом, бакунисты в Испании дали нам бесподобный образчик того, как не следует делать революцию».

Что касается попыток крестьянских восстаний, организованных бакунистами в Италии, то они кончились еще более плачевно. Об одной из таких попыток, о «Болонском восстании», в которое бакунисты вовлекли даже своего умирающего вождя, мы уже знаем. Другая, наиболее известная из таких попыток произошла уже после смерти Бакунина в 1877 г. в итальянской провинции Беневенте, при чем в ней принимал

самое активное участие русский бакунист, известный впоследствии революционер и писатель Кравчинский-Степняк.

Группа заговорщиков решила поднять крестьянское восстание хотя бы на несколько дней, чтобы путем «пропаганды фактами» показать, как можно существовать без государства, по-анархически. Им удалось побывать в нескольких деревнях, где они произносили революционные речи, сжигали архивы и всякие юридические документы, нелюбимые крестьянами, предлагали делить землю. В некоторых местах наивные крестьяне поверили, что по всей Италии народ освободился и от начальства, и от помещиков, и от налогов, и встречали бакунистов с радостью. Но за ними по пятам шли войска, вся группа разбежалась и скрылась в лесах, пока не была переловлена.

Вслед за этой последней попыткой анархического восстания собрался в Вервье, в Бельгии, последний конгресс анархического Интернационала.

Этот конгресс, на котором, впрочем, было около 20 делегатов, замечателен тем, что на нем присутствовал (с совещательным голосом) тот, кому суждено было стать ближайшим духовным наследником Бакунина, руководителем и теоретиком новейшего европейского и русского анархизма—недавно умерший Петр Алексеевич Кропоткин. Конгресс высказался за организацию общественной собственности не в форме общей социализации ее, а в форме «захвата общественного капитала рабочими группами» и рекомендовал профессиональным союзам стремиться к этому захвату путем экспроприации капиталистов. Этим было положено идейное основание будущему анархо-синдикализму. По отношению к социалистам последний конгресс бакунистов высказался явно враждебно, заявив, что он «не делает никакого различия между разными политическими партиями, называют ли они себя социалистическими или нет; все эти партии, на его взгляд, безразлично составляют реакционную массу, и он считает своим долгом бороться со всеми ими».

Эта резолюция не помешала, впрочем, бакунистам принять участие, немедленно вслед за конгрессом в Вервье, в

организованном социалистами разных стран международном социалистическом с'езде в бельгийском городе Генте. На этом конгрессе были 42 делегата, представлявшие социалистические и анархические группы целого ряда стран, в том числе таких, которые в прежнем Интернационале вовсе не были представлены. Бакунистов было на конгрессе всего 11 человек (а вообще число делегатов—42), в том числе и Кропоткин. При всем желании участников добиться об'единения, выяснилась тотчас непримиримая противоположность между анархизмом и социализмом. Конгресс принял ряд социалистических резолюций, и бакунисты остались в полном одиночестве, растеряв значительную часть своих сторонников, перешедших к социализму, оторванные от масс и разочарованные в возможности применения анархической тактики в данный момент.

Это привело к дальнейшему политическому и моральному разложению анархизма, к проповеди индивидуального террора, политического и экономического (убийство фабрикантов),—вместо революционного действия масс. Некоторые анархисты дошли даже до прославления чисто уголовных деяний, как формы борьбы с буржуазным обществом. Неудивительно, что при таких условиях в анархистские дела все больше вмешивались полицейские провокаторы, и одно время во Франции издавалась даже на средства полиции и под редакцией провокатора анархистская газета.

Поэтому, когда летом 1881 г. несколько анархистских групп попытались снова созвать с'езд в Лондоне, это не были уже больше остатки бакунинского Интернационала, а в большинстве анархистские группы новой формации, лишенные прежнего идейного багажа. И на ряду с повторением старых бакунинских мыслей о том, что «политическая борьба способна только повредить делу социализма, а установление буржуазной республики может отсрочить социальную революцию на полвека», мы встречаем на этом конгрессе заявление мексиканского делегата, что рабочих интересует только самый раздел богатства, а отнюдь не организация общества после раздела;

встречаем проповедь революции при помощи бомб, а также прославление бродяг и уголовных преступников.

Все попытки чистых анархистов возродить международную организацию, сколько-нибудь связанную с массами, потерпели неудачу. Анархизм в Европе все более вырождался в ряд отдельных индивидуальных террористических покушений, нередко организованных при тайном участии полицейских агентов. Сильное развитие этот анархизм, кроме Австрии 80-х г., получил и в Соединенных Штатах в эти же годы. В 90-х гг., кроме известных нам анархистских покушений во Франции, много шуму вызвали покушения в Испании и Италии, а также убийство в Швейцарии австрийской императрицы итальянским анархистом Луккени.

Только с появлением—в 900-х гг.—так называемого революционного синдикализма, отрицавшего политическую деятельность рабочего класса, но призывавшего к революционной деятельности профессиональные союзы и связанного с довольно широкими массами,—начинается возрождение идей бакунизма в Зап. Европе и Америке.

Причины этого возрождения следует искать прежде всего в обострении классовой борьбы, в росте дороговизны, которая особенно сильно ударяет по наиболее отсталым, хуже всего оплачиваемым слоям пролетариата, а также в чудовищном росте милитаризма, грозном предвестнике мировой войны. А подымавшееся революционное настроение масс сталкивалось с тяжеловесностью парламентского механизма, с известным консерватизмом партийного и профессионального аппарата уже сложившихся, старых рабочих организаций или же с фракционной борьбой внутри самих социалистических партий. Наконец, измены и предательства некоторых социалистических вождей, особенно во Франции (Мильеран, Бриан, Вивиани, перешедшие от социалистов в лагерь буржуазии и ставшие ее орудиями в борьбе с пролетариатом) и отчасти в Италии,—все это озлобило наиболее нетерпеливые и неустойчивые элементы рабочего класса и толкнуло их к этой разновидности бакунизма, которая в романских странах Европы получила название анархо-синдикализма.

Долой парламент, долой выборы, да здравствует «прямое действие» рабочих, т.-е. стачки, саботаж и—в крайнем случае — политический и экономический террор! Вот что становилось тактическим лозунгом новых бакунистов. Долой интеллигентских вождей, депутатов и т. д. Долой социалистические партии! Долой, наконец, старых профессионалистов, с их осторожностью, расчетливостью, боязнью подвергнуть риску союзные кассы! Да здравствуют революционные профессиональные союзы, которые простым захватом отдельных отраслей производства и осуществят «синдикальный» или «профессиональный» социализм.

Наибольшее распространение получили идеи революционного синдикализма во Франции, где они нашли и наиболее углубленное теоретическое обоснование (в работах Пуже, Лагарделя и др.), и где у них одно время был и свой ежедневный орган («La Bataille syndicaliste», «Синдикалистский бой»).

Но общие условия, вызвавшие появление этого движения, были столь распространенными, что мы его встречаем и в Англии, в форме революционного протеста против консерватизма трэд-юнионистских вождей, и в Америке, где, в противовес умеренной и консервативной американской «Федерации труда», с ее почти реакционным вождем Гомперсом, возникает революционно-синдикалистская организация «Промышленных рабочих мира»,—и, в слабой степени, во многих других странах *).

---

*) Со 2-го десятилетия XX в. появилось в Англии оригинальное течение, известное под названием «Гильдейского социализма» (главным теоретиков его является Коль). Оно пытается об'единить основные принципы марксизма и синдикализма, при чем главные положения его следующие. В будущем социалистическом обществе государственная власть, в лице общенационального парламента, будет представлять и удовлетворять интересы всех граждан, как потребителей. А в качестве производителей они будут об'единены в большие национальные производственные союзы или гильдии (отсюда и название «гильдейский социализм»), которые получат от государства в свое заведывание соответственные средства производства в общегосударственном масштабе. Совет Гильдий и будет управлять всем производством, при чем все

И хотя социалисты II Интернационала решительно и единодушно осуждали это течение в социализме, но теперь, в эпоху III Интернационала, когда многое приходится пересматривать заново, надо сказать, что в революционном синдикализме, при всех его ошибках, преувеличениях и странностях, было, несомненно, здоровое зерно: это его протест против умеренности и соглашательства социалистического и профессионального движения XX века.

И, действительно, это течение особенно усилилось в Европе после русской революции 1905 года, значительно поднявшей боевое настроение более отсталых, менее организованных слоев европейского пролетариата. А мировая война, внесшая расслоение и в среду анархистов, как и в среду социалистов, в конечном счете содействовала революционизированию широких масс, при чем то здоровое, революционное зерно, которое находилось в рядах анархо-синдикалистов, слилось с международным коммунизмом, отказавшись от бакунистского отрицания власти в переходный период и признав марксистскую диктатуру пролетариата.

7. «Христианский социализм», государственный и профессорский «социализм».

Говоря о социализме эпохи II Интернационала, нельзя не упомянуть в самых общих чертах и о социализме в кавычках, о той лицемерной заботе о рабочих и эксплоатируемых вообще, какую в эту эпоху проявляла церковь, государственная власть и ученые идеологи буржуазии, и которая ставила себе целью борьбу с действительным социализ-

---

спорные и сложные вопросы будут решаться смешанными комиссиями из представителей парламента и Гильдий. В этой теории у синдикалистов заимствована мысль о том, что производством должны управлять сами рабочие, в лице их профессиональных или производственных организаций. Отчасти эта идея осуществлена в Советской России, где профсоюзы играют большую роль в организации производства.

мом, имела в виду предупреждать его распространение среди пролетарских масс.

На первом месте нужно здесь поставить так называемый «христианский социализм». Говоря о нем, мы имеем, конечно, в виду не священника Фому Мюнцера, вождя и учителя сектантских коммунистов эпохи реформации, не священника Жана Мелье, этого революционного коммуниста XVIII в., не коммуниста-священника Жака Ру, вождя «бешеных» Великой французской революции, и даже не священника Ламменэ, одно время, в эпоху июльской монархии во Франции, искренно увлекавшегося евангельским коммунизмом.

Нет, все те священники были жертвами и мучениками, которых официальная церковь проклинала и отлучала, тогда как «христианский социализм» конца XIX в. есть не что иное, как попытка католического и протестантского духовенства, под видом забот о рабочем классе, которые ограничивались увещаниями, обращенными к богатым, и созданием касс взаимопомощи среди бедняков, — взять под свое идейное руководство наименее сознательные элементы рабочего класса, опутать их религиозной ложью и обещаниями награды на «том свете», чтобы предохранить их от «тлетворного» влияния пропаганды революционного социализма.

В социализме, особенно в марксизме, церковь видела не только угрозу религии, но и угрозу всем материальным привилегиям господствующих классов, а, следовательно, и одной из их главных опор—церкви. Она видела, что с ростом городов, промышленности и беспокойного пролетариата, она все более лишается покорной паствы; и она решила самой взяться за пропаганду, чтобы своими проповедями о большей справедливости к рабочим, этим «братьям во Христе» господ капиталистов, а также созданием кооперативных лавок и т. п. привлечь к себе рабочие массы. Особенный толчек получило это движение «христианского социализма» у католиков (от которых старались не отставать и протестанты), когда его с высоты папского престола «благословил» папа Лев XII. Оно имело и некоторый успех. Так, даже в Германии «като-

лические рабочие союзы» насчитывали много десятков тысяч членов и иногда играли роль штрейкбрехеров по отношению к борющемуся пролетариату *).

В большей степени, чем среди промышленных рабочих, духовенство имеет влияние среди батраков и, особенно, среди мелкой буржуазии, городской и сельской, разоряемой конкуренцией крупного капитала. А так как в некоторых государствах, как Германия и Австрия, крупный, главным образом, торговый капитал, находится в значительной мере в руках евреев, то там «христианский социализм», опекающий мелкую буржуазию, вырождается в самый обыкновенный антисемитизм, этот, по знаменитому выражению Бебеля, «социализм дураков». Антисимитская партия австрийского мещанства так до сих пор и называется «христиански-социальной».

Под «государственным социализмом» в капиталистических странах понимают иногда законодательную охрану труда от чрезмерной эксплоатации его капиталом, а также попытки буржуазных государств несколько регулировать анархию производства и обуздать хищничество отдельных капиталистических групп.

Законодательная охрана труда, которая имеет в виду не только бороться с вырождением народных масс, но и показать рабочим «внеклассовый» характер и мнимую «справедливость» государственной власти, чтобы отвлечь их от революционной политической борьбы,—всегда и везде возникала под давлением рабочих масс и при упорном сопротивлении непосредственно заинтересованных фабрикантов. При этом иногда играла роль и борьба внутри господствующих классов. Так, в Англии, в первой половине XIX в., и в Германии, в последней трети его, землевладельцы иногда содействовали проведению фабричных законов, но всеми мерами сопротивлялись законодательной охране труда сельско-хозяйственных рабочих.

---

*) Впрочем, бывали и такие случаи (во время серьёзных и массовых экономических конфликтов), когда даже у одураченных церковью отсталых и забитых рабочих классовый инстинкт побеждал, и они примыкали к товарищам.

До какой степени «государственный социализм» был лишь ответом господствующих классов и их органа—государства на требования рабочих и действительных социалистов, видно из любопытного признания, которое сделал однажды в рейхстаге злейший враг социал-демократии, германский канцлер и крупный помещик Бисмарк: «Социал-демократия в том виде, как она существует, является всегда важным знамением; это мене-текел *) для имущих классов, свидетельствующий о том, что не все в таком положении, как бы ему следовало быть, что можно приложить руку к делу улучшения... Если бы не было социал-демократии и если бы множество людей не боялись ее, то не были бы осуществлены и те умеренные успехи, которых до сих пор добивались мы в области социальной реформы; постольку вполне полезным элементом является страх перед социал-демократией тех, кто без того не чувствует никакой жалости к своим бедным согражданам» (жалость к «бедным согражданам» в устах реакционера Бисмарка была, конечно, явно лицемерной, но ею он боролся с промышленной буржуазией, как английские лорды полвека перед тем).

Начало законодательной охраны труда положено было, как мы знаем, в Англии, в первые десятилетия XIX в., благодаря рабочим волнениям и агитации Оуэна. Но особенное развитие и в Англии, и на континенте она получила только в эпоху II Интернационала и притом именно в тех странах (Англия и Германия), где наиболее развиты были и промышленность, и рабочее движение. Наоборот, во Франции законодательная охрана труда очень отстала.

В XX веке, впереди всех государств в деле «государственного социализма» шла Англия, где введено было государственное страхование рабочих от старости и инвалидности и подоходно-прогрессивный налог на имущих.

Что касается вмешательства государства в область производства и распределения, то этот вид буржуазного «государственного социализма» особенно проявился во время мировой войны, больше всего в Германии, а затем и в Англии.

*) Т.-е. напоминание о смерти, которое, по библейскому рассказу, явилось на стене во время пира вавилонского царя.

Об этом мы еще скажем несколько слов в последней главе.

Наконец, профессорский «социализм» или «катедерсоциализм» («социализм кафедры») — ироническая кличка, данная многочисленным буржуазным ученым экономистам, которые, начиная со второй трети XIX в., выступали против так называемой «манчестерской школы» *) с проповедью о необходимости серьезного изучения социального вопроса и вмешательства государства в отношения труда и капитала, т.-е. с проповедью того, что мы называли выше «государственным социализмом».

Но и эти ученые (главными представителями их можно считать Гобсона в Англии, Шмоллера, Вагнера, Брентано, отчасти Зомбарта — в Германии) выдвинули изучение социального вопроса и реформы в этой области, как меры предупреждения грядущей пролетарской революции, как средства обновить и предохранить от распада дряхлеющий капиталистический мир.

Поэтому, в частности германские ученые, являясь консерваторами и требуя реформ именно в интересах сохранения капитализма, извлекли из забвения и с шумом выдвинули против ненавистного революционера Маркса консервативного немецкого социалиста—помещика Карла Родбертуса, — который, правда, допускал, что лет через пятьсот постепенно осуществится социализм, но пока был решительным противником социальной революции и требовал лишь увеличения той доли общественного продукта, которая достается рабочему.

8. Второй Интернационал, его конгрессы, организация, эволюция и вожди.

Мы видели, что к концу 80-х годов почти во всех европейских государствах возникли социалистические партии и что

*) Т.-е. тех английских экономистов первой половины XIX в., которые были решительными противниками и законодательной охраны труда и вообще вмешательства государства в «гармонию интересов» рабочих и капиталистов. Они были жестоко высмеяны Марксом в I томе «Капитала».

в большинстве этих стран, даже таких, как Англия, рабочее движение этой эпохи проявило черты под'ема и обострения. Естественно, что опять, как и в начале 60-х годов, должна была остро почувствоваться потребность об'единения. Отдельные попытки такого об'единения социалистов разных стран делались и раньше, но они были слишком незначительны, неорганизованны и не оставили прочных следов. Самой значительной из таких попыток был социалистический конгресс в швейцарском городке Хуре осенью 1881 года. На нем были представители германских, французских, бельгийских, польских социалистов. В качестве «русского гостя» присутствовал и произнес речь П. Б. Аксельрод. Но вот, в 1889 г., воспользовавшись такими событиями, как столетний юбилей Великой Французской революции и всемирная промышленная выставка в Париже, по инициативе социалистов-марксистов главных стран Европы, собрался в Париже международный социалистический конгресс, который явился первым конгрессом II Интернационала *).

Парижский конгресс вынес пожелание, чтобы во всех странах организовались самостоятельные рабочие партии, со своей политической программой и тактикой, независимой от буржуазных партий. Далее, решено было созывать такие конгрессы регулярно, каждые 3—4 года, а для выражения солидарности борющегося пролетариата всего мира и установления постоянной идейной связи социалистов разных стран, принята была резолюция о ежегодном праздновании 1-го мая. Этот день должен был являться ежегодным смотром сил пролетариата, демонстрацией перед буржуазией его растущей мощи и пред'явлением господствующим классам требований 8-часового рабочего дня, сокращения вооружений и политических прав для рабочих там, где они еще не были завоеваны.

На Парижском конгрессе от русских с.-д. эмигрантов присутствовал Г. В. Плеханов, выступивший со своей

*) Одновременно и французские «поссибилисты» созвали конгресс оппортунистов. Но он был незначителен и продолжения не имел.

знаменитой речью, в которой он предсказал, что революцию в России совершит рабочий класс.

На следующих двух конгрессах, Брюсельском 1891 года и Цюрихском 1893 г., вырабатывалась организация и состав будущих конгрессов. Постановлено было, что в социалистических конгрессах имеют право участвовать лишь те социалистические организации, которые признают необходимость для пролетариата политической борьбы, а также те профессиональные союзы, которые стоят на классовой позиции. Таким образом, с одной стороны, с конгрессов устранялись анархисты, а с другой — допускались английские тред-юнионы. Кроме того, Цюрихский конгресс впервые поставил огромный и важный вопрос об отношении социалистов к войне, к которому мы еще вернемся.

На Лондонском конгрессе 1896 г. присутствовали уже руские делегаты, получившие мандаты от нелегальных с.-д. кружков и групп в самой России. И конгресс с восторгом приветствовал появление на всемирной арене нового могучего союзника—русского пролетариата: в той стране, которая была оплотом европейской реакции и справедливо называлась «жандармом Европы», всего через 7 лет после пророчества Плеханова, летом 1896 г. разразилась знаменитая петербургская стачка 30 тысяч ткачей и прядильщиков, которая начала новую полосу в истории России и явилась зародышем грядущих революций. С этих пор представительство России на конгрессах уже не прекращалось, а Плеханов сделался одной из наиболее уважаемых фигур левого крыла II Интернационала.

Но одновременно с увеличнием революционной армии пролетариата, с присоединением к Интернационалу России, скандинавских и балканских стран, с возникновением социалистических партий не только в Северной, но и в Южной Америке и даже в Японии, начал подымать голову и реформизм, в форме соглашений и коалиций с буржуазией, прежде всего во Франции. Парижскому конгрессу 1900 г., на котором присутствовало уже около 700 делегатов, пришлось заняться «делом Мильерана», т.-е. вопроосм о том, может ли социалист вступить членом в буржуазное министер-

ство. После горячих и страстных прений принята была компромисоная, половинчатая резолюция, которая признала, правда, что «классовая борьба запрещает союзы с какою бы то ни было фракцией капиталистического класса», но тут же сделала оговорку, что «исключительные обстоятельства делают иногда союзы такого рода необходимыми». Эти же «исключительные обстоятельства», по мнению конгресса, допускали и вступление социалиста в буржуазное правительство, с разрешения и под контролем партии. Эта резолюция и послужила оправданием для Геда, Вандервельде и других социалистов, ставших в начале мировой войны министрами буржуазных правительств.

На следующих конгрессах, в 1904 г. в Амстердаме, в 1907 г.—в Штутгарде и в 1910 г.—в Копенгагене, кроме нового обсуждения вопроса о сотрудничестве с буржуазными партиями (этот вопрос амстердамским конгрессом был решен против Жореса в отрицательном смысле) снова и снова всплывал вопрос о международных отношениях, колониальной политике капиталистических государств и войне, а также рассматривались вопросы о взаимоотношениях социалистических партий, с одной стороны, профессиональных союзов и кооперативов,—с другой.

По вопросу о профессиональных союзах на Штуттгартском конгрессе оппортунисты старались отстоять полную независимость профессионального движения от политических партий пролетариата. Но под давлением левого крыла германской социал-демократии, особенно Розы Люксембург, принята была компромиссная резолюция, согласно которой социалистам предлагается оказывать идейное влияние на профессион. союзы. Далее, на Копенгагенском конгрессе (самом многолюдном, больше 900 делегатов) признано было большое воспитательное значение для пролетариата **потребительской рабочей кооперации**, и социалистам рекомендовалось принимать в ней энергичное участие.

Призрак войны вставал перед II Интернационалом с самого начала его существования. С Цюрихского конгресса 1893 г. не проходило ни одного международного социалистического с'езда, где бы не ставился этот вопрос. А Амстердам-

ский конгресс заседал даже в разгар русско-японской войны, и для демонстрации солидарности пролетариата России и Японии, вопреки войне их правительств, японский социалист Катаяма (ныне член Исп. Комитета III Интернационала) и Плеханов публично, при бурных аплодисментах всего конгресса, пожали друг другу руки.

Но хотя империалистическая политика капиталистических государств и грядущая война встречали единодушное и энергичное осуждение всех конгрессов, хотя принимались резолюции о необходимости бороться с возможностью войны всеми средствами, находящимися в распоряжении социалистических партий,—по вопросу об этих средствах не было единогласия. В то время, как часть французов (Жорес и Вайян, а еще раньше Эрве) и англичан (Кейр-Харди) предлагали всеобщую забастовку в случае войны, или по крайней мере, забастовку на заводах военного снаряжения, германские с.-д. были против таких обязательств. И это отчасти было понятно, так как слабость социалистических партий в Англии и Франции фактически свела бы лозунг всеобщей стачки к одной лишь революционной фразе; в Германии же этот лозунг налагал на соц.-дем. партию такие обязательства, выдвигал перед ней такой риск, на какой она, по всему своему воспитанию, не была способна. А вожди и французского и немецкого социализма, как Гед и Бебель, признавали, в случае, если войну нельзя будет предотвратить, обязанность социалистов защищать свое отечество.

Правда, в 1912 г., когда разразилась балканская война и угроза мировой войны надвинулась вплотную, был созван экстренный, чрезвычайный социалистический конгресс в Базеле, на котором были приняты решительные и революционные резолюции против будущей войны, с обязательством, если она все же вспыхнет, использовать ее для революции против империалистических правительств. Но мы знаем, до какой степени базельские решения остались лишь на бумаге...

Какова была организация II Интернационала и чем он в этом отношении отличался от Международного товарищества рабочих?

Если Первый Интернационал был, главным образом, обществом для пропаганды идей международного социализма, если он ставил себе задачей только втягивать в классовую борьбу начинавшееся после реакции 50-х годов рабочее движение Европы и потому естественно имел централистическую организацию, то II Интернационал являлся, в сущности, лишь союзом уже сложившихся социалистических партий разных стран и притом союзом, на первых порах, кроме периодических конгрессов, не имевшим никакой постоянной организации.

Только на Парижском конгрессе 1900 г. решено было создать такую организацию, в форме Международного социалистического бюро, в состав которого входило по 1—2 делегата от каждой страны или нации, пленум которого собирался по мере надобности, в промежуток времени между конгрессами, а президиум находился постоянно в Брюсселе. Международное бюро было постоянным связующим центром социалистических партий разных стран, местом взаимного осведомления и т. п. Но никакой власти в международном социалистическом движении оно не имело, и его решения, особенно во время внутренних конфликтов среди социалистических партий, имели лишь характер советов или увещеваний.

Председателем Международного социалистического бюро был избран бельгийский социалист Эмиль Вандервельде, богатый адвокат, ловко умевший красивыми революционными фразами прикрывать свой оппортунизм, который он так ярко проявил и во время и после войны. Секретарем бюро был все время бельгиец Гюисманс. Членами бюро были от—Англии Кейр-Харди и Квелч, Жорес и Гед от Франции, Бебель и Каутский от Германии, от России Плеханов, а после раскола русских с.-д. на большевиков и меньшевиков, от большевиков был членом бюро Ленин. От Румынии был Раковский, от поляков — оппортунист Дашинский и революционный с.-д. Мархлевский и т. д.

В Интернационал входили все новые и новые страны, и идейное влияние его росло. На Копенгагенском конгрессе 1910 г. было подсчитано, что число рабочих на всем земном

шаре, которые организованы в партии, союзы и кооперативы, подают голоса за социалистических депутатов, читают социалистическую литературу, словом, так или иначе, находятся под идейным или организационным влиянием социалистов и, следовательно, II Интернационала, — доходит до 25 миллионов человек *).

Но мы знаем уже, что этот внешний рост социализма сопровождался упадком его революционности, постепенным вытеснением революционного марксизма на словах, реформизмом на деле, что, в свою очередь, содействовало усилению анархо-синдикалистских стремлений. Мировая война явилась для II Интернационала великим и грозным экзаменом его верности международному социализму, его способности к революционным действиям, его влиянию на широкие массы. И этого экзамена он не выдержал.

Причины краха II Интернационала мы рассмотрим в последней главе настоящей книги. А пока в заключение остановимся на характеристике его наиболее влиятельных и популярных вождей; такими вождями, кроме Бебеля, с которым мы уже знакомы, являлись Жорес и Каутский.

Убитый накануне мировой войны великий французский социалист и любимый вождь французских рабочих—Жорес—был, поистине, выдающимся человеком и одной из наиболее привлекательных фигур реформистского крыла Интернационала: глубокий философ, превосходный историк, блестящий политический деятель и публицист, могучий оратор, может-быть, лучший в Европе,—он все свои громадные духовные силы, всю мощь своего ума и таланта, всю свою энергию отдал без остатка борьбе за социализм.

---

*) После войны число организованных рабочих возросло в огромной степени. Так, в Англии в 1913 г. было 4 миллиона членов проф. союзов, а в 1921 г.—больше 8 милл.; в Германии в 1913 г.—4½ милл., в 1921 г.—почти 13 милл.; в Соедин. Штатах в 1913 г.—2½ милл., а в 1921 г.—больше 5. Даже во Франции с 1 миллиона в 1913 г. число членов проф. союзов возросло к 1921 г. до 1½ милл. Впрочем, это оживление было временным и за последние годы число членов профсоюзов во всех странах снова сильно понизилось, хотя оно все же выше довоенного уровня.

Происходя из интеллигентной буржуазной семьи, которая уже давала Франции крупных государственных деятелей (его дядя был известный адмирал), Жорес в молодости был далек от рабочего класса и его идеалов, хотя теоретически и заинтересовался социализмом еще на студенческой скамье: его первая ученая работа (по тогдашнему обыкновению, на латинском языке), посвящена «зародышам германского социализма у Лютера, Канта, Фихте и Гегеля». Получив философское образование (он был несколько лет даже профессором философии в Тулузе), он остался идеалистом в философии до конца жизни, т.-е. считал, что история человечества движется не столько материальными интересами борющихся классов, сколько великими идеями правды, справедливости, добра, красоты и т. п. Впрочем, под влиянием общественной борьбы и разочарования в способности буржуазии воплощать эти идеи в жизни, Жорес в последние годы сделал большие уступки марксистскому мировоззрению.

В 1893 г. Жорес был избран в палату депутатов, и с этого момента началась его кипучая политическая деятельность,— деятельность парламентского оратора и стратега, народного трибуна и газетного публициста, которая захватила его целиком, хотя, благодаря его изумительной работоспособности, не мешала Жоресу заниматься наукой, особенно в области истории. В палату он уже прошел, как социалист. Но этот социализм долго еще был расплывчатым и неопределенным. Долго еще Жорес верил в возможность для пролетариата сотрудничать с лучшими элементами буржуазии, несмотря на жестокие разочарования, несмотря на явную измену и предательство таких бывших социалистов, как Бриан, Мильеран и Вивиани, которые начали с этого «сотрудничества», а кончили тем, что стали свирепыми врагами рабочего класса,—несмотря на все это, Жорес до конца жизни сохранил еще некоторые идеалистические иллюзии на этот счет.

Но в то же время его ясный и чуткий политический ум, его глубокая ненависть ко всякой неправде и несправедливости, помогали ему нередко понимать задачи пролетариата шире и правильнее, чем чем это делали некоторые французские марксисты. Так, во время знаменитого дела Дрейфуса, в

1898—1902 г.г., некоторые марксисты говорили, что пролетариату незачем вмешиваться в эти «семейные дела» буржуазии. Наоборот, Жорес правильно указывал, что у буржуазии нет таких «семейных дел», которые не интересовали бы рабочих, что они должны заступаться за невинно-осужденных даже из лагеря буржуазии и тем лучше всего смогут разоблачить все отвратительные стороны буржуазного режима.

После об'единения всех французских социалистов в одну партию (в 1905 г.), после того, как международный социалистический конгресс в Амстердаме (в 1904 г.) осудил участие социалистов в буржуазном министерстве, Жорес значительно полевел, стал на более пролетарскую точку зрения и сделался общепризнанным вождем всей социалистической партии Франции.

В качестве главного редактора центрального органа партии, где он ежедневно помещал передовицы, в качестве руководителя парламентской фракции, в качеств любимого народного оратора, привлекавшего на собрания многотысячные толпы рабочих, которых он потрясал своим бурным и пламенным красноречием, Жорес был последние десять лет своей жизни великим вождем народным в полном смысле этого слова.

А его глубокое чувство справедливости, его безупречная личная жизнь сделали его совестью французского народа, и даже буржуазные депутаты, когда нужно было раскрыть темные дела, хищения, взяточничество и подлоги среди буржуазной же бюрократии, сами выбирали социалиста Жореса председателем парламентских следственных комиссий,

Одновременно с политической деятельностью Жорес немногие свободные минуты уделял научной работе. Под его редакцией вышла многотомная «Социалистическая история Франции», в которой лучшие томы о Великой Французской Революции — написаны им самим и представляют большую научную ценность. А за несколько лет до своей смерти Жорес написал интересную книгу: «Новая армия», где доказывал все преимущества милиционной системы. Ему же принадлежат превосходные речи и статьи об аграрном вопросе, о привлечении крестьян к социализму и т. д.

При всем об'еме своей умственной деятельности Жорес был жизнерадостным человеком, практиком-борцом. Его плотную, коренастую фигуру можно было видеть не только в парламенте, рабочем собрании или редакторском кабинете, но и на улице, во главе рабочей демонстрации, где ему иной раз доставалось от раз'яренных полицейских, но где и он, в свою очередь, засучив рукава, не оставался пред ними в долгу.

Последние годы своей жизни проницательный политик Жорес один из первых понял и почувствовал приближение мировой катастрофы. Против грядущей общеевропейской бойни он поднял крик тревоги и целых пять лет и в парламенте, и на собраниях, и в своей газете, и на международных конгрессах, где он был всеобщим любимцем, неустанно призывал народы помешать своим правительствам начать преступную войну.

Но не в силах отдельных людей, даже с могучим талантом Жореса, было остановить тот страшный всемирный кризис и крах капитализма, который принял форму мировой войны. Когда она надвинулась, летом 1914 г., Жорес употребил последние отчаянные усилия, чтобы отвратить ее. Он был на последнем совещании исполнительного бюро II Интернационала, где умолял германских социалистов помешать войне. Он заклинал буржуазное правительство Франции не делать последнего и рокового шага и еще раз, благодаря своему идеализму, поверил искренности мирных стремлений буржуазных империалистов.

Но он не дожил до всех ужасов войны и избежал того «священного» военного союза с буржуазией, той патриотической лихорадки, которой скомпрометировали себя все вожди французских социалистов. Накануне об'явления мобилизации, Жореса сразила предательская пуля, пущенная из-за угла агентом буржуазных националистов в апостола всеобщего мира.

Как апостол мира, как пламенный противник войны, как борец за общечеловеческие идеалы братства, и останется Жорес в памяти французского и международного пролетариата. И его имя одинаково дорого и соглашателям, и коммунистам современной Франции.

И Бебель, и Жорес были, главным образом, великими агитаторами, трибунами рабочего класса и в то же время, величайшими тактиками, политическими вождями его в эпоху II Интернационала. Самым выдающимся теоретиком этого II Интернационала, главным идейным вождем и руководителем всего его марксистского крыла был живущий доныне германский социал-демократ Каутский, и на его судьбе, на его идейной биографии лучше всего проследить эволюцию самого II Интернационала от правоверного («ортодоксального»), непримиримого, революционного марксизма в теории,—к явному оппортунизму и реформизму на практике*).

Каутский—чех по происхождению и бывший австрийский подданный. Он был уже зрелым человеком и широко образованным интеллигентом, когда—в конце 70-х и начале 80-х годов, в эпоху свирепого гонения против германских социалистов, вынужденных уйти в подполье,—он сделался марксистом. С тех пор он все свои силы и свой недюжинный талант отдал на изучение, самостоятельную дальнейшую разработку и пропаганду в рядах сознательных рабочих идей революционного марксизма. Он сделался настоящим учителем социал-демократии, прежде всего, конечно, в самой Германии, где в конце XIX и начале XX в в. он был, несомненно, самым выдающимся теоретиком партии, но затем и в целом ряде других стран, где преобладало марксистское течение в социализме, и особенно в России, где на книгах, статьях и брошюрах Каутского учился целый ряд поколений молодых революционных с.-д., не меньше, чем на сочинениях Плеханова, а впоследствии и Ленина.

Энгельс перед смертью признал Каутского наиболее достойным кандидатом на пост душеприказчика идейного наследства Маркса и Энгельса, ему были переданы оставшиеся еще черновые рукописи Маркса, и было поручено редакти-

*) Впрочем, со времени войны 1914—18 г. г. и особенно со времени русской революции теоретики II Интернационала с Каутским во главе стали откровенными реформистами и в теории, отрицающими диктатуру пролетариата и проповедующими коалицию с буржуазией, как переход к социализму.

ровать и издать так называемый 4-й том «Капитала», «Теории прибавочной ценности», что он и выполнил с успехом.

Основанный Каутским в середине 80-х г.г. научно-политический марксистский еженедельник «Neue Zeit» («Новое Время»),* вскоре сделался и затем оставался в течение 90-х и начала 900 г.г. настольным идейно-руководящим журналом для сознательных марксистов всего мира, и в нем, под редакцией Каутского, сотрудничали виднейшие социалисты того времени, освещая все трудные и спорные вопросы теории и практики международного социализма.

Наконец,—и это главное—Каутский написал ряд в высшей степени ценных и иногда даже блестящих книг, которые, несмотря на происшедшую в нем самом перемену взглядов, долго еще будут оставаться неизбежной принадлежностью библиотеки каждого марксиста, каждого сознательного и революционного рабочего.

Еще в 1891 г. Каутский написал знаменитую «Эрфуртскую программу», теоретический комментарий к программе германской с.-д. партии, принятой на партийном с'езде в Эрфурте, первом легальном с'езде после 13 лет подпольного существования. Эта книга, излагающая в популярной форме основы революционного марксизма, целые десятилетия служила в пропаганде дополнением и развитием взглядов марксовского Коммунистического манифеста и играла среди с.-д. всех стран, особенно Германии и России, ту же роль, которую теперь среди коммунистов играет «Азбука коммунизма», Бухарина. Затем идет целый ряд важнейших исторических работ Каутского, в которых он с большим успехом применял метод исторического материализма. Таков написанный им целиком первый том «Предшественников новейшего социализма», прекрасное исследование эпохи реформации—«Томас Мор и его утопия», «Происхождение христианства», «Противоречия классовых интересов в 1789 г.» и другие.

Но он не ограничивался одной областью истории и истории религии. Ему же принадлежит серьезная работа об аграрном вопросе, где он борется с мелко-буржуазными социалистами всех видов, ряд работ по национальному вопросу, а также очень ценная книга о нравственности («Этика и материа-

листическое понимание истории»), где, на ряду с критикой других учений, дается впервые марксистское обоснование сущности и развития нравственности.

Но одной из важнейших заслуг Каутского является его десятилетняя борьба с идейным и практическим оппортунизмом в рядах социал-демократии,—тем самым оппортунизмом, жертвой которого постепенно и бессознательно для себя сделался он сам.

Каутский с первого момента появления ревизионизма, т.-е. со второй половины 90-х г.г., выступил против него с целым рядом книг, брошюр и журнальных статей. Последовательно вышли в свет: большая книга против Бернштейна, до сих пор имеющая важное значение в деле пропаганды революционного марксизма, затем в начале 1900 годов брошюры «Социальная революция», «На другой день после социальной революции» и, наконец, в 1909 г.—«Путь к власти».

Во всех этих работах Каутский идейно, теоретически стоял на почве непримиримой марксистской позиции, на почве революционной диктатуры пролетариата в лице его партии.

Но последняя из упомянутых брошюр была и последним революционным произведением Каутского даже в теории.

Постепенно та самая эпоха империализма и мирного развития рабочего движения, которая породила реформизм и ревизионизм, которая отравила сознание широких рабочих масс, особенно более обеспеченных, рабочей аристократии и бюрократии,—повлияла и на самого Каутского так же, как и на многих других марксистов: будучи революционерами в теории, они пугались решительных, революционных действий на практике. Уже в 1900 г., на Парижском конгрессе II Интернационала, когда обсуждался так называемый «вопрос о Мильеране», т.-е. о том, может ли социалист участвовать в буржуазном министерстве,—именно Каутский предложил компромиссную, половинчатую, как тогда говорили, «каучуковую» резолюцию, которая впоследствии, во время мировой войны послужила оправданием всем социалистам-соглашателям в их сотрудничестве с буржуазией.

Русская революция 1905 г. подействовала благотворно на Каутского, который как бы почувствовал приближение гроз-

ных бурь и неоднократно утверждал, что западно-европейский капитализм вполне созрел для социалистической революции. Но это была последняя вспышка его революционного сознания. С упрочением реакции в России, Каутский все более начинает отклоняться от революционной тактики и в самой Германии: после 1909 г. он переходит из левого крыла германской социал-демократии в центр и борется с Розой Люксембург, которая звала германских рабочих перейти от мирной, легальной, умеренной тактики к более решительным действиям.

Когда вспыхнула мировая война, которую соц.-демократы II Интернационала на конгрессах грозили не допустить или использовать ее для восстания пролетариата против собственной буржуазии, Каутский, хотя и не пошел с самыми правыми с.-д., так называемыми шейдемановцами (по имени их вождя, бывшего рабочего, наборщика Шейдемана), но не решился примкнуть к левым—Карлу Либкнехту, Розе Люксембург и другим. Он проповедывал, что, раз война началась, то рабочие каждой страны должны добросовестно защищать свое отечество, и что Интернационал—это орудие борьбы для мирного времени, а не для войны.

Наконец, после Октябрьской революции в России и после германской революции, Каутский фактически стал отказываться от революционных методов дей'ствий, от диктатуры революционной пролетарской власти, которой он противопоставлял формальную демократию с всеобщим избирательным правом. Он стал сомневаться в том, в чем не сомневался десять лет перед тем, а именно, созрели ли условия для социалистической революции. Его колебания, сомнения и нерешительность лишили его влияния и авторитета даже в той партии «центра», партии «независимых» с.-д., одним из основателей которой он был. Он снова сблизился со своим старым противником Бернштейном и в последнее время явился одним из тех, кто проповедывал об'единение «центра» с правыми с.-д., независимых с шейдемановцами, 2½ Интернационала с возродившимся после войны Вторым *).

*) В самые последние годы ненависть Каутского к Советской России сделала его более враждебным революции и революционному коммунизму, чем даже русские меньшевики.

На грани II и III Интернационалов, в качестве представительницы самого левого крыла европейского марксизма в течение последнего десятилетия перед мировой войной— стоит яркая фигура знаменитой польско-немецкой социал-демократки Розы Люксембург.

Наряду с Лениным, ей принадлежит заслуга восстановления и пропаганды глубоко-революционной сущности марксизма. Происходя из русской Польши и впитав в себя всю ненависть угнетенных классов этой завоеванной страны к русскому царизму, Роза Люксембург внесла свой пламенный революционный темперамент, соединенный с блестящим образованием и острым марксистским анализом,—и в европейское, особенно германское рабочее движение.

Мы уже знаем, что после 1905 г. она становится во все более резкую оппозицию официальному «центру» германских с.-д., возглавляемому Каутским и Бебелем. Она проповедует переход к революционной тактике, в частности, всеобщую забастовку в Пруссии, в целях завоевания пролетариатом избирательных прав. На международных конгрессах она ведет агитацию в духе подлинно-революционного марксизма,— одновременно и против оппортунистов, и против анархо-синдикалистских уклонов.

Во время мировой войны Роза Люксембург была душой и вдохновительницей революционного и интернационалистского крыла германской соц.-демократии, об'единившегося в организацию «Спартак». Приговоренная к тюрьме, она была освобождена германской революцией и стала во главе коммунистического движения пролетариата, с тем, чтобы, спустя несколько месяцев, погибнуть от рук озверелых контрреволюционеров.

Важнейшие этапы ее жизни следующие. Родилась она в Польше, в мелкобуржуазной еврейской семье — в мае 1871 г., т.-е. в последние дни Парижской Коммуны, которая как бы завещала Розе Люксембург «красной Розе» (как ее потом называли в Германии), свой революционный энтузиазм и свою ненависть к капиталистическому миру. Отличаясь с детства выдающимися способностями и огромной любознательностью, Роза Люксембург еще на школьной

скамье примкнула к революционному движению Польши 80-х г.г., участвуя в социалистической организации «Пролетариат». Эмигрировав за-границу, она стала жадно изучать марксизм и европейское рабочее движение и в начале 90-х г.г. сыграла большую роль в деле теоретического обоснования зародившейся тогда польской с.-д. партии. Она редактировала орган этой партии — «Рабочее дело» и написала серьезную работу об экономическом развитии Польши. Со 2-ой половины 90-х годов Люксембург целиком отдает себя делу германской и международной соц.-демократии, помещая на страницах журнала «Neue Zeit» ряд блестящих статей по различным вопросам рабочего движения. В это же время ею изданы такие замечательные брошюры, сохранившие все свое значение до настоящего времени, как «Социальная реформа или революция» и «Коалиционная политика и классовая борьба». Во время первой русской революции Люксембург вернулась в Польшу и со всей страстностью своей натуры увлеклась революционным движением польского пролетариата. Будучи арестована и освобождена под залог, она снова эмигрировала в Германию, где и образовала крайнее левое крыло германской соц.-дем. партии. Перед мировой войной ею издана была самая большая ее теоретическая работа — «Накопление капитала», вызвавшая оживленную полемику и в Германии и в Советской России.

Главной страстью Люксембург была политика, революционная борьба рабочего класса. Но ее глубоко интересовали все области человеческой мысли и творчества. Она была тонким любителем и ценителем искусства и литературы. Ее письма из тюрьмы по своей душевной красоте представляют из себя высокохудожественное произведение. Ее трагическая смерть (в январе 1919 г.) легла вечным позором на руководителей германских с.-д., которые тогда были формально у власти и, усмиряя восстание коммунистов, разнуздали призванную ими контр-революционную офицерщину.

XI. МИРОВАЯ ВОЙНА И КРИЗИС СОЦИАЛИЗМА.

1. Причины краха II Интернационала.

В августе 1914 г., в Вене должен был состояться торжественный социалистический конгресс, посвященный двум юбилеям: 50-летию основания I Интернационала и 25-летию Второго. Но вместо этого торжества международного социализма, вместо новой демонстрации солидарности пролетариев всего мира, в августе 1914 г. уже гремели пушки по всей Европе, и пролетарии культурнейших стран воевали друг с другом по приказу и во славу империалистических клик буржуазии, а их вожди и руководители, европейские социалисты, не только не призывали пролетариат своих «отечеств» к восстанию или хотя бы к пассивному сопротивлению войне, но, наоборот, во всех парламентах воюющих государств голосовали за военные кредиты и тем фактически признали войну законною и справедливою, солидаризировались со своими правительствами и своей буржуазией. Мало того, и во Франции и в Германии социалисты провозгласили «гражданский мир» пролетариата с капиталистами и тушили всякое проявление недовольства со стороны рабочих. Повторилось то, что делал осенью 1870 г. Бланки, с тою лишь разницей, что тогда истекавшая кровью Франция, действительно, защищалась от германских милитаристов, тогда как в империалистической войне не было нападающих и защищающихся; она была лишь дракой всемирных хищников из-за дележа эксплоатируемого ими мира; далее, империализм «демократических» Франции и Англии, не говоря уже о России, был нисколько не лучше и не прогрессивнее Германии, и, наконец, безумная, братоубийственная война рабочих разных стран друг против друга была бесконечно вреднее и ги-

бельнее для дела рабочего класса и социализма, чем победа той или иной коалиции империалистических держав.

Как же случилось, что социалисты, которые предвидели угрозу войны с самого почти основания II Интернационала и принимали на своих конгрессах ряд резолюций против этой грядущей войны, а почти накануне ее, на Базельском конгрессе дали торжественные обещания бороться против нее всеми средствами,—как же случилось, что, когда война, действительно, разразилась, огромное большинство социалистов всех стран так позорно капитулировало перед этим фактом и даже стало не за страх, а за совесть сотрудничать со своей буржуазией в деле истребления своих товарищей по Интернационалу, рабочих и социалистов других стран?

Из анализа эпохи II Интернационала и его эволюции мы уже отчасти знаем, как постепенно у социалистических вождей революционные фразы стали совмещаться с оппортунистической практикой. Но одной измены вождей недостаточно, чтоб об'яснить поведение рабочих и социалистов во время войны, ибо самая измена тоже об'сняется более глубокими причинами, о которых мы уже вскользь упоминали, говоря о ревизионизме и о Каутском.

В самом деле, последние сорок лет перед войной Западная Европа не знала ни войн, ни революций. Выросло новое поколение (и даже не одно), которое привыкло к исключительно «мирному», «законному» развитию, у которого атрофировалась, отмерла воля к смелым, революционным шагам. К этому присоединилось развращающее влияние эпохи империализма, который покорял рабочих своей мощью и заинтересовывал часть из них в своей колониальной и захватной политике, так как она как-будто содействовала процветанию промышленности и тем уменьшала безработицу.

А выросшие за это время сильные профессиональные союзы и социалистические партии, на ряду с положительными сторонами, которые они несли рабочему классу, таили в себе и ряд диалектических противоречий. Профессиональные союзы по общему правилу об'единяли более квалифицированных рабочих, которые в состоянии были платить регулярные членские взносы. Это выработало из них своего рода р а б о-

чую аристократию, с консервативной психологией, с нежеланием рисковать своим легальным положением и своими кассами. То же самое отчасти относилось и к партиям, куда входили более культурные и сознательные рабочие, но где они иногда отрывались от масс, стоявших за пределами и союзов, и партий. Наконец, и в партиях, и в союзах выработалась многочисленная рабочая бюрократия: секретари союзов, редакторы газет, платные агитаторы и особенно депутаты парламентов. Все они оторвались от физического труда, создали себе сносное материальное положение, ежедневно сталкивались с буржуазией и понемногу заражались ее психологией и предрассудками, и у всех у них бессознательно создавалась умеренная и консервативная психика, страх при каких-либо потрясениях потерять свое, с таким трудом завоеванное положение.

Партийная и союзная дисциплина, привычка повиноваться вождям, все это превратило и партии, и союзы в покорное орудие. А за их пределами стояли массы, огромные массы пролетариата *), которые еще целиком или в значительной мере находились под влиянием буржуазной идеологии; и эта идеология всеми путями, через церковь, школу и казарму, газеты и кинематограф, обрабатывала народные и в том числе пролетарские головы.

Конечно, если бы социалисты в момент об'явления войны стояли на высоте своего призвания, то они через организованную часть пролетариата могли бы преодолеть все препятствия и фактически сорвали бы войну, которая без содействия и поддержки организованных и квалифицированных рабочих не могла бы продолжаться. И хотя правые вожди социалистов сами первые стали жертвами эпохи империализма, тем не менее, на них лежит ответственность за мировую бойню, против которой они еще накануне обещали бороться, и которую они призывали поддерживать, когда она стала фактом.

*) Даже в Германии лишь половина рабочих мужчин голосовала незадолго до войны за социалистов.

2. Роль войны и русской революции в развитии социализма.

Война и поведение большинства социалистов, своими руками разрушивших Интернационал и уничтоживших у рабочих их веру в международную солидарность и силу организованного пролетариата, нанесли на первых порах страшный удар социализму. Буржуазные писатели издевались и над социализмом, который сразу стал таким ручным и патриотическим, и над идеями интернационализма, которые рассыпались прахом, как жалкая утопия, перед идеями государства и национальности.

Но, как говорит французская поговорка, «посмеется хорошо тот, кто будет смеяться последний».

Та самая война, которая уничтожила и сделала инвалидами десятки миллионов цветущих людей, которая разрушила культурные ценности, созданные веками, развеяла буквально в дым грандиозные производительные силы, колоссальные запасы железа и угля и сделала надолго Европу данницей Америки, — эта самая война, ухудшив, благодаря всеобщему обеднению, материальные условия осуществления социализма, вместе с тем своей внутренней диалектикой, создала социально-психологические предпосылки крушения капиталистического строя и ускорения пролетарской революции.

Мировая война окончательно дискредитировала, развенчала весь буржуазный, капиталистический мир в глазах самых широких, самых бессознательных масс Европы, дискредитировала всю европейскую буржуазную «цивилизацию» в глазах эксплоатируемых ею народов Востока. Эта война разорила и озлобила десятки и сотни миллионов людей и в то же время, вооружив небывалые в истории человечества массы народа, показала этим массам наглядно, какую огромную силу они представляют. Европейские буржуазные правительства, вынужденные в интересах самосохранения нарушить во время войны священные буржуазные принципы частной собственности и свободы торговли *), тем самым ускорили процесс со-

*) Хлебная монополия, контроль над производством, налоги на военную «сверх-прибыль» и т. п.

циалистического воспитания масс; а так как и после войны класс капиталистов явно не в состоянии справиться с вызванной ею всеобщей разрухой, не в состоянии гарантировать прежнего, до-военного «нормального» течения жизни, то в пролетарских массах все более крепнет мысль о необходимости и возможности, устранив от власти буржуазию и буржуазные правительства, самим взять в руки власть и приняться за общественную организацию производства и распределения. Все это, вместе взятое, одновременно и ускоряет самый процесс социальной революции, восстания многомиллионных масс эксплоатируемых против эксплоататоров и придает этой пролетарской, антикапиталистической революции социалистические стремления.

В то же время мировая война вызвала русскую революцию, придав ей необычайные размах и глубину. А русская революция явилась величайшим международным событием, в высшей степени ускорившим процесс революционизирования широчайших народных масс всего земного шара.

Уже русская революция 1905 г. обострила в Европе, как мы знаем, классовую борьбу и увеличила веру пролетариата в свои силы и в революционные методы действия. Еще большее влияние имела она на пробуждение и революционизирование Востока. Революция в Персии в 1906 г., младотурецкая революция 1908 г. и, наконец, революция в Китае в 1911 г., превратившая тысячелетнюю империю богдыханов в республику, — все это отголоски первой русской революции, толкнувшей народы Азии к первым попыткам возмущения против собственных деспотов и европейских империалистов.

И насколько февральская и, особенно, октябрьская революция 1917 г., превосходят по своим размерам и значению революцию 1905 г., настолько же больше и ее международное влияние на Западе и Востоке. Уже один тот факт, что нашлась на земле страна, и страна громадных размеров и с величайшими природными богатствами, в которой пролетариат, при поддержке крестьянства, не только уничтожил могущественную императорскую династию, но совершил, говоря словами Маркса во введении к программе французских гедистов 1880 г.,—«политическую и экономиче-

скую экспроприацию буржуазии», уже один этот неслыханный и небывалый в истории факт должен был с необычайной силой отдаться в умах и сердцах рабочих всего мира. А победоносная борьба революционной России с союзом мировых хищников и эксплоататоров должна была пробудить самые пылкие надежды и в крестьянских массах Востока, находящихся в экономическом и политическом порабощении у этих хищников или их ставленников и агентов.

Таким образом, и война, и русская революция в значительной степени ускорили грядущее крушение капиталистического строя. Но в то же время оба эти события необычайно подчеркнули и выявили оппортунистический характер большинства европейских (и американских) социалистов и профессионалистов, их страх перед революцией, их готовность при всех обстоятельствах предпочесть революционным выступлениям — соглашение с буржуазией.

Во время войны все правые социалисты так привыкли к сотрудничеству с буржуазией, что они его уже больше не стесняются и не прикрывают. А русская революция, с ее «эксцессами» и террором, с ее полным неуважением к буржуазной собственности и законности, еще больше отпугнули этих сторонников мирного «врастания» социализма в капиталистическое общество. И за ними все еще идут большие массы организованного пролетариата, которым кажется, что, вопреки Коммунистическому Манифесту Маркса и Энгельса, у них «есть, что терять», которые боятся «рискованных экспериментов» и попрежнему предпочитают методы II Интернационала.

Вот почему этот II Интернационал возродился после войны, и возродился, именно, как оплот против революционного коммунизма, которого он боится больше, чем фактического сотрудничества с буржуазией; вот почему это сотрудничество превращается при таких условиях в поддержку буржуазии в ее борьбе с революционно настроенными рабочими*).

*) Впрочем, не довольствуясь этой идейной поддержкой разлагающегося капиталистического общества, которую оказывает ему II Интернационал и идущие за ним «умеренные» проф. союзы (так

3. III Коммунистический Интернационал.

В начале мировой войны только маленькие группы революционных социалистов и синдикалистов воюющих стран остались верными заветам и основам международной классовой борьбы. И лишь отдельные, наиболее смелые и решительные из них, как Карл Либкнехт в Германии, протестовали против войны публично.

Но вскоре, при энергичном содействии живших в эмиграции, в нейтральной Швейцарии, вождей русского большевизма, главным образом, Ленина, началась вестись все расширяющаяся кампания против войны и за переход ее из «войны империалистической в войну гражданскую», т.-е. в пролетарскую революцию. В этой кампании сразу наметились два течения, которые и столкнулись на международных конференциях интернационалистов в Циммервальде и Кинтале (в Швейцарии).

Одно течение, более революционное, во главе с Лениным, не боялось делать самые крайние выводы из своей позиции, не боялось звать революционных социалистов всех стран — содействовать поражению собственных правительств. Другое, более умеренное, с левыми немецкими с.-д. (самые левые, в том числе Либкнехт, сидели в тюрьмах) и левыми русскими меньшевиками (Мартов и Абрамович) во главе, готово было ограничиться платонической пропагандой мира.

Из крайнего течения интернационалистов вырос впоследствии III Интернационал, из умеренного — так называемый 2½ (так как он занял промежуточную позицию между

называемый «амстердамский» Интернационал проф. союзов), — мировая буржуазия в самые последние годы, по примеру Италии, организует из разоряющейся, но темной мелкой буржуазии и отчасти даже из самых отсталых слоев пролетариата контр-революционную армию фашизма. И если наиболее правые из «социалистов» II Интернационала в своей ненависти к коммунистам готовы мириться и с фашистами, то огромное большинство социалистов, наоборот, боясь грядущей террористической диктатуры буржуазии, ее, по выражению Джека Лондона, «железной пяты», идут влево.

II и III, признавая на словах революцию и диктатуру пролетариата и боясь их на деле).

Третий Интернационал, организовавшийся в 1919 г., по инициативе русских коммунистов-большевиков, об'единил постепенно все действительно революционные элементы мирового социализма и рабочего движения, непрерывно растущие после мировой войны и русской революции *). Стоя на позиции революционного марксизма, обогащенного громадным опытом войны и последовавшей за ней эпохи кризисов и революций, III Интернационал отличается от I тем, что об'единяет не всех борющихся с капиталом рабочих, а лишь рабочих, организованных в коммунистические партии, которые даже своим названием подчеркивают свой решительный разрыв с дискредитировавшей себя социал-демократией и свое стремление к насильственной коммунистической революции. С другой стороны, от II Интернационала Третий отличается не только своей программой и тактикой, но и своими организационными принципами. Если II Интернационал представлял из себя расплывчатый союз социалистических партий, без твердого руководящего центра, без единой, международной дисциплины, то III Интернационал по своему централизму и внутренней дисциплине скорее всего приближается к типу единой, всемирной, коммунистической партии, и в этом отношении достигает наибольшей степени международного единства и международного действия.

Вместе с тем, если в эпоху I Интернационала преобладающую роль в мировом рабочем движении играли Англия и Франция, а в эпоху II Интернационала—Германия, то в III Интернационале роль гегемона, вождя и руководителя всемирного революционного движения пролетариата принадлежит бесспорно Российской Коммунистической

*) За «красными» проф. союзами («Профинтерн»), находящимися в тесной идейной и организационной связи с III, Коммунистическим Интернационалом, идет в общей сложности (вместе с сочувствующими) около 10 миллионов рабочих, а за так называемым «амстердамским» об'единением «умеренных» проф. союзов — около 20 миллионов.

партии и ее основателю и вождю Ленину. Ибо в этой партии счастливо сочетались выдержанная марксистская теория с выкованной в долгие годы борьбы с самодержавием — революционной практикой.

Поэтому III Интернационал ведет энергичную и неустанную борьбу не только с мировой буржуазией, опираясь при этом на революционных рабочих Европы и Америки и на революционные крестьянские массы Востока *),—но и с соглашателями всех стран. В то же время, в момент временного торжества несколько оправившегося капитализма, пытающегося отнять у рабочих их послевоенные и революционные завоевания и надолго снова их закабалить, III Интернационал зовет всех рабочих и в том числе социалистов II Интернационала (который об'единился с 2½) к созданию единого фронта борьбы против наступления мирового капитала. И, при всей ненависти оппортунистов и соглашателей к коммунистам, они, под давлением все более левеющих масс, идущих за ними, вынуждены время от времени итти навстречу III Интернационалу, особенно, когда речь идет о поддержке Советской России от покушений мировой реакции.

Ибо и для соглашателей, поскольку они остаются суб'ективно искренними социалистами, хотя и мирными и мелкобуржуазными, все более становится ясным, что самое существование Советской России является наилучшей гарантией того, что европейское рабочее движение не потерпит поражения, и что в капиталистическом мире не наступит надолго новая полоса реакции. А начавшиеся паломничества европейских рабочих, в том числе с.-д. и беспартийных, в С.С.С.Р., явятся неопровержимыми свидетельствами для широких масс

*) Впрочем, за последние годы появилось коммунистическое движение и среди китайских и индусских рабочих и даже среди негров... А события в Китае, летом 1925 г., когда во главе огромного революционного движения против мирового империализма стали именно фабричные рабочие, к которым (как в России в 1905 г., или отчасти, как в Вене в 1848 г.) примкнуло студенчество и часть прогрессивной буржуазии,—эти события блестяще подтвердили правильность марксистских предсказаний.

европейского пролетариата, что победивший рабочий класс может строить свое хозяйство и без буржуазии.

Что касается коммунистических партий отдельных стран, то за протекшие пять с лишним лет со времени образования III Интернационала они уже имеют свою местами глубоко драматическую историю. В трех государствах, возникших в послевоенный период, в Финляндии (в 1918 г.), в Венгрии и Баварии (1919) коммунисты на короткое время очутились даже у власти. Но везде победившая буржуазная контр-революция жестоко и кроваво расправилась с ними и революционными рабочими вообще, поставив их фактически, после более или менее продолжительной эпохи бешеного белого террора, вне закона, загнав их в подполье. В подполье же очутились коммунисты в Италии, после фашистского переворота и после того, как их газеты, помещения и т. п. подвергались не раз разгрому безнаказанно бесчинствовавших фашистов, а также в Румынии, Болгарии (после рабоче-крестьянского восстания 1923 г.), Польше и ряде других стран *).

В частности, в Германии, вскоре после ноябрьской революции 1918 г., поставившей на первых порах во главе республики — социал-демократов, молодая коммунистическая партия, образовавшаяся из бывшей нелегальной организации «Спартак», уже в январе 1919 г. попыталась устроить восстание. Оно было жестоко подавлено под руководством с.-д. министра Носке, и вожди коммунистов—Карл Либкнехт и Роза Люксембург — были зверски убиты озверелой контр-революционной офицерщиной. Несмотря на это кровопускание, партия после снятия осадного положения приняла участие в выборах в рейхстаг 1920 г. и собрала около полмиллиона голосов. Между тем, дальнейший процесс революционизиро-

---

*) В Болгарии, после взрыва Софийского собора началось, как известно, почти поголовное физическое истребление всех коммунистов и вождей революционного крестьянства. В Польше, Румынии, Литве, Эстонии царит неслыханный белый террор, выражающийся в массовых казнях и бесчеловечных истязаниях коммунистов в тюремных застенках.

вания германского пролетариата привел к тому, что в конце того же 1920 г. «Независимая с.-д. партия Германии», партия «центра» — раскололась, и левая часть ее об'единилась с коммунистами. После того, «об'единенная коммунистическая партия Германии» насчитывала около 400 тысяч членов и стала второй по численности коммунистической партией в мире (первая, конечно, Р. К. П.). Несмотря на неудачное восстание в марте 1921 г. и на вызванный им уход правого крыла (группы Пауля Леви), несмотря на преследования со стороны германских правительств, и буржуазных, и соц.-демократических, а также на целый ряд внутренних кризисов, влияние партии в рабочем классе росло, особенно в таких старых промышленных центрах, как Берлин, Саксония и Рейнская область.

Осенью 1923 г. вся Германия была в ожидании всеобщего восстания пролетариата под руководством коммунистов. В некоторых местах (Саксонии и Тюрингии) образовались коалиционные правительства из левых с.-д. и коммунистов. Но восстание не произошло, и начался новый поход против коммунистов, поход, в котором с.-д. играли роль соучастников буржуазии. Несмотря на все это, на выборах в рейхстаг 1924 г. коммунисты собрали около 4 миллионов голосов *).

Во Франции, не пережившей после войны ни революции, ни даже революционного кризиса, тем не менее огромное большинство рабочих - социалистов отвернулось от своих социал-патриотических вождей. Коммунистическая партия возникла там под непосредственным влиянием III Интернационала, после раскола старой социалистической партии, при чем центральным органом партии стала знаменитая газета «L'Humanitè», основанная еще Жоресом. Откололовшееся мень-

*) Правда, при выборах президента республики (в 1925 г.) за коммунистического кандидата, бывшего рабочего Тельмана, было подано всего около 2-х миллионов голосов, а за соц.-дем.—около 9. Но, принимая во внимание сложность обстановки (часть революционных рабочих голосовала за представителя «прогрессивного» блока, с.-д. и мелких буржуа, против монархистов, так как коммунистическая кандидатура все равно не имела шансов на успех) и политические преследования коммунистов даже во время выборов,—число в два миллиона надо признать все же довольно значительным.

шинство, во главе с Ренóделем, Лонге и другими, примкнуло (как и германская независимая с.-д. партия и английская независимая рабочая партия и австрийская с.-д. партия) к 2½ Интернационалу, а после его слияния со Вторым, вернулась в лоно II Интернационала. Французская коммунистическая партия, как и германская, как целый ряд других (итальянская, чехо-словацкая, шведская) пережила несколько внутренних кризисов, уход более правых и половинчатых элементов. Но это ее не ослабило, она избавилась от тех мелкобуржуазных «попутчиков», которые всегда тормозили и развращали французское рабочее движение, стала истинно-пролетарской, и на последних выборах в палату депутатов имела большой успех.

Самой малочисленной (как мы уже знаем) является коммунистическая партия Великобритании (всего несколько тысяч членов). Но она пользуется уже довольно значительным влиянием среди беспартийных рабочих в профсоюзах, и это влияние, хотя и медленно, но растет непрерывно.

В Соединенных Штатах Америки молодая коммунистическая партия ведет энергичную пропагандистскую и агитационную работу, несмотря на целый ряд судебных преследований ее вождей. В последнее время она пытается завязать союз с той частью крестьянства (фермеров), которая все более начинает возмущаться олигархическим и циничным хозяйничанием американских трестов.

Конгрессы коммунистических партий, входящих в III Интернационал, собираются почти ежегодно и становятся все многолюднее, охватывают все большее количество стран. Они рассматривают злободневные тактические вопросы, выдвигаемые борьбой с буржуазией и партиями II Интернационала, намечают тактическую линию поведения на ближайший период, обсуждают вопросы программные и теоретические, разбирают конфликты, кризисы и те или иные уклоны в отдельных коммунистических партиях. Исполнительный комитет Коминтерна, бессменным председателем которого является Г. Зиновьев, составлен из представителей разных стран, заседает в Москве и, в промежутке между конгрессами, руководит деятельностью всех национальных

партий, от которых он требует строгой дисциплины и подчинения решениям конгрессов.

Главной опорой III Интернационала является пролетарская молодежь. С этой целью коммунистические партии повсюду организуют **коммунистические союзы молодежи** («комсомол»), об'единенные в международном масштабе в Коммунистический Интернационал Молодежи («КИМ»).

Коммунистические партии стремятся закрепить и расширить свое влияние в рабочей массе путем идейного и организационного завоевания профессиональных союзов. С этой целью, не раскалывая профессионального движения, коммунисты во всех союзах образуют свои ячейки и группы, об'единенные в «Красный Интернационал профсоюзов» («Профинтерн») куда входят и целые союзы, ставшие на точку зрения революционной классовой борьбы.

Наконец, под идейным руководством III Интернационала началась в ряде стран организация революционных элементов **крестьянства** как на Западе, так и, в особенности, на Востоке, и сделана была первая попытка создать крестьянский Интернационал.

III Интернационал ведет курс на мировую революцию против империализма и самых основ капиталистического строя. Но в моменты затишья революционного движения он не отказывается от медленной, кропотливой работы воспитания пролетариата и освобождения его от разлагающего идейного влияния II Интернационала, один из вождей, которого, «мирный», «эволюционный» социалист **Рамзей Макдональд** возглавлял даже одно время «рабочее правительство» капиталистической Британской империи...

ЗАКЛЮЧЕНИЕ.

Современная революционная эпоха в истории социализма повторяет в грандиозном, общемировом масштабе ту самую борьбу течений, которая характерна для социализма с тех пор, как началось самостоятельное рабочее движение, т.-е. почти в течение ста лет.

Это—борьба мирного, эволюционного, в значительной мере мелко-буржуазного социализма с боевым, революционным, пролетарским коммунизмом. При этом и в революционном крыле рабочего движения марксизму не раз приходилось и приходится бороться с «детскими болезнями левизны» *), т.-е., с одной стороны, с анархическими, бакунистскими уклонами, а с другой—с бланкистской верой в возможность социалистической революции при помощи захвата власти меньшинством смелых революционеров. С обоими этими отклонениями от выдержанной марксистской линии, одновременно и революционной и реалистической, т.-е. учитывающей реальное соотношение сил, борется и III Интернационал, как боролся Маркс в эпоху I Интернационала.

Но жизнь—великий учитель. Революционизируя в повседневной борьбе более консервативные и умеренные слои рабочих, разоблачая коалиционную политику изменивших революционным задачам вождей, эта жизнь, жизнь революции, с ее бешено быстрым темпом, в то же время на горьком опыте учит увлекающиеся бланкистские, как и бакунистские, элементы и дает им наглядные уроки политической мудрости.

И лишь тогда, когда весь сознательный и организованный пролетариат сплотится в действительно единый и, притом, действительно революционный фронт, когда обученная и организованная верхушка пролетариата откажется от «соглашательства», а революционно настроенные массы приобретут нужный организационный опыт, выдержку и стойкость,—лишь тогда будут изжиты разделяющие рабочий класс противоречия, и ему будет обеспечена победа над капиталистическим обществом.

*) Выражение Ленина.

МАНИФЕСТ КОММУНИСТИЧЕСКОГО ИНТЕРНАЦИОНАЛА К ПРОЛЕТАРИЯМ ВСЕГО МИРА.

72 года тому назад Коммунистическая партия возвестила миру свою программу в виде манифеста, написанного величайшими провозвестниками пролетарской революции Карлом Марксом и Фридрихом Энгельсом. Уже в ту пору коммунизм, едва выступивший на арену борьбы, был окружен травлей, ложью, ненавистью и преследованиями имущих классов, которые справедливо предчувствовали в нем своего смертельного врага. За три четверти столетия развитие коммунизма шло сложными путями, на-ряду с бурями под'ема знало периоды упадка, на-ряду с успехами — жестокие поражения. Но в основе своей движение шло по пути, предуказанному манифестом Коммунистической партии. Эпоха последней решительной борьбы наступила позже, чем ожидали и надеялись апостолы социальной революции. Но она наступила. Мы, коммунисты, представители революционного пролетариата разных стран Европы, Америки и Азии, собравшиеся в Советской Москве, чувствуем и сознаем себя преемниками и вершителями дела, программа которого была возвещена 72 года тому назад. Наша задача состоит в том, чтобы обобщить революционный опыт рабочего класса, очистить движение от разлагающей примеси оппортунизма и социал-патриотизма, об'единить усилия всех истинно-революционных партий мирового пролетариата и тем облегчить и ускорить победу коммунистической революции во всем мире.

***

Теперь, когда Европа покрыта обломками и кучами дымящихся развалин, величайшие поджигатели заняты розысками виновников войны. За ними тянутся их слуги — профессора, парламентарии, журналисты, социал-патриоты и прочие политические сутенеры буржуазии.

В течение долгого ряда лет социализм предсказывал неизбежность империалистической войны, видел ее причину в ненасытном собственническом своекорыстии имущих классов обоих главных лагерей и всех вообще капиталистических стран. За два года до взрыва ответственные социалистические вожди всех стран на Базельском конгрессе обличали империализм, как виновника грядущей войны, и угрожали буржуазии обрушить на ее голову социалистическую революцию, как пролетарское возмездие за преступления милитаризма. Теперь, после опыта пяти лет, после того, как история, обнаружив хищные аппетиты Германии, раскрывает не менее преступные действия союзников, государственные социалисты стран Согласия, вслед за своими правительствами, продолжают открывать виновника войны в низвергнутом германском кайзере. Более того, германские социал-патриоты, которые об'являли в августе 1914 г. дипломатическую «Белую книгу» Гогенцоллерна священнейш. евангелием народов, ныне, вслед за социалистами Согласия, с подлой угодливостью обвиняют свергнутую германскую монархию, которой они рабски служили, как главного виновника войны. Таким путем они надеются заставить забыть свою собственную роль и одновременно заслужить благоволение победителей. Но на-ряду с ролью низвергнутых династий — Романовых, Гогенцоллернов и Габсбургов и капиталистических клик этих стран, роль правящих классов Франции, Англии, Италии, Соединенных Штатов выступает во всей своей неизмеримой преступности в свете развернувшихся событий и дипломатических разоблачений.

Английская дипломатия до самого момента взрыва войны не снимала с себя таинственного забрала. Правительство Сити опасалось ясно обнаружить свое намерение выступить в войне на стороне стран Согласия, чтобы не запугать правительство Берлина и не заставить его отказаться от войны. В Лондоне хотели войны. Поэтому держали себя так, что в Берлине и Вене надеялись на нейтралитет Англии, в то время, как в Париже и Петрограде твердо рассчитывали на ее вмешательство.

Подготовленная ходом развития десятилетий война была спущена с цепей при прямой и сознательной провокации

Великобритании. Правительство последней рассчитывало при этом оказывать поддержку России и Франции лишь настолько, чтобы, истощая их, истощить Германию, своего смертельного врага. Но могущество немецкой военщины оказалось слишком грозным и потребовало не показного, а действительного вмешательства Англии в войну. Роль смеющегося третьего, на которую по старой традиции претендовала Великобритания, выпала на долю Соединенных Штатов.

Правительство Вашингтона тем легче примирилось с английской блокадой, которая односторонне урезывала спекуляции американской биржи на европейской крови, что страны Согласия щедрыми барышами возместили американской буржуазии нарушение «международного права». Огромный военный перевес Германии побудил, однако, и правительство Вашингтона выйти из состояния фиктивного нейтралитета. Соединенные Штаты взяли на себя по отношению к Европе в целом ту задачу, которую в прошлых войнах играла, а в последней пыталась сыграть Англия по отношению к континенту — ослаблять один лагерь при помощи другого, вмешиваясь в военные операции лишь настолько, чтобы обеспечить за собой все выгоды положения. Ставка Вильсона, согласно методам американской лотереи, была не велика, но она была последней и тем обеспечила за ним выигрыш.

Противоречия капиталистического строя предстали в результате войны перед человечеством в виде животных мук голода, холода, эпидемических болезней, нравственного одичания. Этим безапелляционно разрешается академический спор в социализме по поводу теорий обнищания и постепенного перехода от капитализма к социализму. Статистики и педанты теории притупления противоречий выуживали в течение десятилетий изо всех уголков мира действительные и мнимые факты, свидетельствующие о повышении благополучия отдельных групп и категорий рабочего класса. Теория обнищания масс считалась потребной под презрительный свист евнухов буржуазной кафедры и мандаринов социалистического оппортунизма. Ныне это обнищание, уже не социальное только, а физиологическое, биологическое, стоит перед нами во всей своей потрясающей действительности.

Катастрофа империалистической войны смела начисто все завоевания профессиональной и парламентской борьбы. А между тем, эта война в такой же мере выросла из внутренних тенденций капитализма, как и те экономические сделки и парламентские компромиссы, которые она погребла в крови и грязи.

Финансовый капитал, ввергший человечество в пучину войны, сам потерпел катастрофическое изменение в этой войне. Зависимость денежных знаков от материальной основы производства оказалась окончательно нарушенной. Все более теряя свое значение средства и регулятора капиталистического товарообмена, бумажные деньги превратились в орудие реквизиции, захвата, вообще военно-экономического насилия.

Перерождение бумажных денег отражает общий смертельный кризис капиталистического товарообмена. Если свободная конкуренция, как регулятор производства и распределения, вытеснена была в главных областях хозяйства системой трестов и монополий еще в десятилетия, предшествовавшие войне, то ходом войны регулирующе-направляющая роль оказалась вырванной из рук экономических об'единений и непосредственно переданной в руки военно-государствен. власти. Распределение сырых материалов, использование бакинской или румынской нефти, донецкого угля, украинского хлеба, судьба германских паровозов, вагонов, автомобилей, обеспечение голодающей Европы хлебом и мясом, — все эти основные вопросы экономической жизни мира регулируются не свободной конкуренцией и не комбинациями национальных и международных трестов и консорциумов, а непосредственным применением военного насилия, в интересах его дальнейшего сохранения. Если полное подчинение государственной власти финансовому капиталу привело человечество к империалистической бойне, то через эту бойню финансовый капитал до конца милитаризировал не только государство, но и себя самого, и уже не способен выполнять свои основные экономические функции иначе, как посредством железа и крови.

Оппортунисты, которые до мировой войны призывали рабочих к умеренности, во имя постепенного перехода к социализму, которые во время войны требовали классового смирения, во имя гражданского мира и защиты отечества, снова

требуют от пролетариата самоотречения — на этот раз в целях преодоления ужасающих последствий войны. Если бы эта проповедь могла быть воспринята рабочими массами, капиталистическое развитие восстановилось бы на костях нескольких поколений в новых, еще более концентрированных и чудовищных формах с новой перспективой неизбежной мировой войны. К счастью для человечества, это невозможно.

Огосударствление экономической жизни, против которого так протестовал капиталистический либерализм, стало совершившимся фактом. От этого факта назад — не только к свободной конкуренции, но и к господству трестов, синдикатов и других экономических спрутов — возврата уже нет. Вопрос состоит только в том, кто дальше будет носителем огосударствленного производства: империалистическое государство или государство победоносного пролетариата.

Другими словами: станет ли все трудящееся человечество крепостным данником победоносной мировой клики, которая под фирмой Лиги Народов, при помощи «интернациональной» армии и «интернационального» флота будет грабить и душить одних, подкармливать других, везде и всюду налагая оковы на пролетариат — с единственной целью поддержать свое собственное господство? Или же рабочий класс Европы и передовых стран других частей света сам овладеет расстроенным, разрушенным хозяйством, чтобы обеспечить его возрождение на социалистических началах?

Сократить эпоху переживаемого кризиса возможно только мерами пролетарской диктатуры, которая не озирается на прошлое, не считается ни с наследственными привилегиями, ни с правами собственности, исходит из потребности спасения голодающих масс, мобилизует в этих целях все средства и силы, вводит всеобщую трудовую повинность, устанавливает режим трудовой дисциплины, чтобы таким путем в течение нескольких лет не только залечить зияющие раны, нанесенные войной, но и поднять человечество на новую, еще небывалую высоту.

* *
*

Национальное государство, давшее могущественный толчок капиталистическому развитию, стало слишком тесно для развития производитльных сил. Тем более трудным оказа-

лось положение мелких государств, вкрапленных между большими державами Европы и других частей света. Эти мелкие государства, возникшие в разное время, как обрезки больших, как разменная монета при оплате разных услуг, как стратегические буфера, имеют свои династии, свои правящие клики, свои империалистические притязания, свои дипломатические плутни. Их призрачная независимость держалась до войны на том же, на чем держалось равновесие Европы: на непрерывном антагонизме двух империалистических лагерей. Война это равновесие нарушила. Дав сперва громадный перевес Германии, она заставила мелкие государства искать свое спасение в великодушии германского милитаризма. После того, как Германия оказалась разбитой, буржуазия мелких государств, совместно со своими патриотическими «социалистами» повернулась на встречу победоносному империализму союзников, и в лицемерных пунктах Вильсоновской программы стала искать гарантии своего дальнейшего самостоятельного существования. Вместе с тем, число мелких государств возросло: из состава Австро-Венгерской монархии, из части царской империи выделились новые государства, которые, едва родившись, уже вцепляются друг другу в горло из-за государственных границ. Союзные империалисты тем временем подготовляют комбинации мелких держав, старых и новых, чтобы связать их круговой порукой взаимной ненависти и общего бессилия.

Подавляя и насилуя мелкие и слабые народы, обрекая их на голод и унижение, союзные империалисты, совершенно так же, как некоторое время тому назад империалисты центральных империй, не перестают говорить о праве наций на самоопределение, которое ныне окончательно растоптано в Европе и во всех остальных частях света.

Обеспечить малым народам возможность свободного существования может только пролетарская революция, которая освободит производительные силы всех стран из тисков национальных государств, об'единив народы в теснейшем хозяйственном сотрудничестве, на основе общего хозяйственного плана, и даст возможность самому слабому и малочисленному народу свободно и независимо управлять делами

своей национальной культуры, без всякого ущерба для об'единенного и централизованного европейского и мирового хозяйства.

Последняя война, которая явилась в значительной мере войной из-за колоний, была в то же время войной при помощи колоний. В небывалых ранее размерах население колоний было вовлечено в европейскую войну. Индусы, негры, арабы, малгаши сражались на территории Европы, — во имя чего? — во имя своего права и дальше оставаться рабами Англии и Франции. Никогда еще картина бесчестия капиталистического господства в колониях не была так ярка, никогда проблема колониального рабства не была поставлена с такой остротой, как теперь.

Отсюда ряд открытых восстаний и революционное брожение во всех колониях. В самой Европе Ирландия напоминала в кровавых уличных боях, что она все еще остается и чувствует себя порабощенной страной. На Мадагаскаре, в Аннаме и других местах войска буржуазной республики не раз усмиряли за время войны восстания колониальных рабов.

В Индии революционное движение не прекращалось ни на один день и за последнее время привело к могущественнейшим в Азии забастовкам рабочих, на которые Великобританское правительство ответило работой блиндированных автомобилей в Бомбее.

Таким образом, колониальный вопрос поставлен во весь рост не только на картах дипломатического конгресса в Париже, но и в самых колониях. Программа Вильсона имеет своей задачей. в лучшем случае, изменить этикетку колониального рабства. Освобождение колоний мыслимо только вместе с освобождением рабочего класса метрополий. Рабочие и крестьяне не только Аннама, Алжира, Бенгалии, но и Персии, Армении получат возможность самостоятельного существования лишь в тот час, когда рабочие Англии, Франции, низвергнув Ллойд-Джорджа и Клемансо, возьмут в свои руки государственную власть. В более развитых колониях борьба уже сейчас идет не только под знаменем национального освобождения, но сразу принимает более или менее ярко выраженный социальный характер. Если капиталистическая

Европа насильственно вовлекла самые отсталые части света в водоворот капиталистических отношений, то Европа социалистическая придет освобожденным колониям на помощь своей техникой, своей организацией, своим идейным влиянием, чтобы облегчить их переход к планомерно-организованному социалистическому хозяйству.

Колониальные рабы Африки и Азии! Час пролетарской диктатуры в Европе пробьет для вас, как час вашего освобождения.

Весь буржуазный мир обвиняет коммунистов в уничтожении свободы и политической демократии. Это неправда. Приходя к власти, пролетариат только обнаруживает полную невозможность применения методов буржуазной демократии и создает условия и формы новой, более высокой рабочей демократии. Весь ход капиталистического развития, особенно в последнюю империалистическую эпоху, подрывал политическую демократию не только тем. что расчленял нации на два непримиримо враждебных класса, но и тем, что обрекал на экономическое прозябание и политическое бессилие многочисленные мелкобуржуазные и пролетарские слои, а также наиболее обездоленные низы самого пролетариата.

Рабочий класс тех стран, где историческое развитие дало ему эту возможность, использовал режим политической демократии для своей организации против капитала. То же самое будет происходить и дальше в тех странах, где не созрели условия для рабочей революции. Но широкие промежуточные массы не только в деревнях, но и в городах, удерживаются капитализмом далеко позади, отставая от исторического развития на целые эпохи.

Баварский и баденский крестьянин, все еще тесно прикрепленный к своей сельской колокольне, французский мелкий винодел, разоряемый крупно-капиталистической фальсификацией вина, мелкий американский фермер, обираемый и обманываемый банкирами и депутатами, все эти отброшенные капитализмом от большой дороги развития социальные слои, на бумаге призваны режимом политической демократии к управлению государством. Но на деле во всех основных вопросах, определяющих судьбу народов, финансовая

олигархия выносит свои решения за спиной парламентской демократии. Так было прежде в вопросе войны, так теперь происходит в вопросе мира. Поскольку финансовая олигархия еще дает себе труд освящать свои насильнические действия парламентскими голосованиями, в распоряжении буржуазного государства для достижения необходимых результатов оказываются все средства лжи, демагогии, травли, клеветы, подкупа, террора, унаследованные от прошлых веков классового рабства и помноженные на все чудеса капиталистической техники.

Требовать от пролетариата, чтобы он в последней схватке не на жизнь, а на смерть, с капиталом благочестиво соблюдал требования политической демократии—то же самое. что требовать от человека, защищающего свою жизнь и существование против разбойников, чтобы он соблюдал искусственные и условные правила французской борьбы, установленные его врагом и этим врагом не соблюдаемые.

В царстве разрушения, где не только средства производства и транспорта, но и учреждения политической демократии представляют собой груды окровавленных обломков, пролетариат вынужден создавать свой собственный аппарат, служащий, прежде всего, для сохранения внутренней связи самого рабочего класса и обеспечивающий возможность его революционного вмешательства в дальнейшее развитие человечества. Этим аппаратом являются рабочие советы. Старые партии, старые организации профессиональных союзов оказались в лице своих руководящих верхов неспособными не только разрешить, но и понять задачи, которые ставит новая эпоха. Пролетариат создал новый тип организации широкой, охватывающей рабочие массы, независимо от профессии и от достигнутого уровня политического развития, аппарат гибкий, способный непрестанно обновляться, расширяться, вовлекать в свою сферу все новые и новые слои, открывать свои двери для близких пролетариату трудящихся слоев города и деревни. Эта незаменимая организация самоуправления рабочего класса, его борьбы, а в дальнейшем и завоевания им государственной власти испытана на опыте в разных странах и составляет самое могущественное завоевание и орудие пролетариата в нашу эпоху.

Во всех странах, где трудящиеся массы живут сознательной жизнью, строятся ныне и будут строиться советы рабочих, солдатских и крестьянских депутатов. Укреплять советы, поднимать их авторитет, противопоставлять их государственному аппарату буржуазии—такова сейчас важнейшая задача сознательных и честных рабочих всех стран. Через посредство советов рабочий класс способен спасти себя от разложения, которое вносят в его среду адские муки войны, голода, насилия имущих и предательство бывших вождей. Через посредство советов рабочий класс вернее и легче всего может прийти к власти во всех странах, где советы сосредоточат вокруг себя большинство трудящихся. Через посредство советов завоевавший власть рабочий класс будет управлять всеми областями экономической и культурной жизни страны, как это уже происходит в настоящее время в России.

Крушение империалистического государства, от царистского до самого «демократического», идет одновременно с крушением империалистической военной системы. Многомиллионные армии, мобилизованные империализмом, могли держаться лишь до тех пор, пока пролетариат шел под ярмом буржуазии. Развал национального единства означает неизбежный развал армии. Так произошло сперва в России, затем в Германии и Австрии. Того же следует ожидать и в других империалистических странах. Восстание крестьянина против помещика, рабочего против капиталиста, обоих против монархической или «демократической» бюрократии неизбежно влечет за собою восстание солдат против командиров, а в дальнейшем — острый раскол между пролетарскими и буржуазными элементами армии. Империалистическая война, противопоставлявшая нацию нации, перешла и переходит в гражданскую войну, противопоставлявшую класс классу.

Вопли буржуазного мира против гражданской войны и красного террора представляют собой самое чудовищное лицемерие, какое знала история политической борьбы. Гражданской войны не было бы, если бы клики эксплоататоров, приведшие человечество на край гибели, не сопротивлялись каждому шагу вперед трудящихся масс, не организовывали заговоров и убийств и не призывали вооруженной помощи

извне для удержания или восстановления своих грабительских привилегий.

Гражданская война навязывается рабочему классу его смертельными врагами. Не отказываясь от себя, от своей будущности, которая есть будущность всего человечества, рабочий класс не может не отвечать на удар ударом.

Никогда не вызывая искусственно гражданской войны, коммунистические партии стремятся сократить по возможности ее длительность, когда она с железной необходимостью возникает, уменьшить число ее жертв и прежде всего обеспечить победу за пролетариатом. Отсюда вытекает необходимость своевременного разоружения буржуазии, вооружения рабочих, создание коммунистической армии, как защитницы власти пролетариата и неприкосновенности его социалистического строительства. Такова Красная армия Советской России, которая возникла и существует, как оплот завоеваний рабочего класса от всяких нападений изнутри и извне. Советская армия не отделима от Советского государства.

Сознавая мировой характер своих задач, передовые рабочие уже с первых шагов организованного социалистического движения стремились к его международному об'единению. Начало ему было положено в 1864 г. в Лондоне, в первом Интернационале. Франко-Прусская война, из которой выросла Германия Гогенцоллернов, подкосила первый Интернационал, дав в то же время толчок развитию национальных рабочих партий. Уже в 1889 г. эти партии об'единяются на с'езде в Париже и создают организацию II Интернационала. Но центр тяжести рабочего движения лежал в этот период целиком на национальной почве, в рамках национальных государств, на основе национальной промышленности, в области национального парламентаризма. Десятилетия организационной и реформаторской работы создали целое поколение вождей, которые на словах признавали в большинстве своем программу социальной революции, но на деле отреклись от нее, погрязли в реформизме, в покорном приспособлении к буржуазному государству. Оппортунистический характер руководящих партий II Интернационала вскрылся до конца и привел к величайшему в мировой истории краху в момент,

когда ход исторических событий потребовал от партий рабочего класса революционных методов борьбы. Если война 1870 г. нанесла удар I Интернационалу, обнаружив, что за его социально-революционной программой нет еще сплоченной силы масс, то война 1914 г. убила II Интернационал, обнаружив, что над могущественными организациями рабочих масс стоят партии, превратившиеся в подчиненные органы буржуазного государства.

**
*

Это относится не только к социал-патриотам, ныне явно и открыто перешедшим в лагерь буржуазии, ставшим ее излюбленными уполномоченными и доверенными лицами, наиболее надежными палачами рабочего класса, но и к расплывчатому, неустойчивому течению социалистического центра, которое пытается восстановить второй Интернационал, т.-е. ограниченность, оппортунизм, революционное бессилие его руководящих верхов. Независимая партия в Германии, нынешнее большинство социалистической партии Франции, группа меньшевиков в России, независимая рабочая партия Англии и другие подобные им группы фактически пытаются заполнить собой то место, какое до войны занимали старые официальные партии второго Интернационала, выступая попрежнему с идеями компромиса и соглашения, парализуя всеми способами энергию пролетариата, затягивая кризис и тем усугубляя бедствия Европы. Борьба с социалистическим центром является необходимым условием успеха борьбы с империализмом.

Отметая прочь половинчатость, ложь и гниль изживших себя официальных социалистических партий, мы, коммунисты, об'единенные в III Интернационале, сознаем себя прямыми продолжателями героических усилий и мученичества длинного ряда революционных поколений от Бабефа до Карла Либкнехта и Розы Люксембург.

Если первый Интернационал предвосхищал будущее развитие и намечал его пути, если второй Интернационал собирал и организовывал миллионы пролетариев, то третий Интернационал является Интернационалом открытого мас-

сового действия, Интернационалом революционного осуществления, Интернационалом дела.

Социалистическая критика достаточно бичевала буржуазный миропорядок. Задача международной коммунистической партии состоит в том, чтобы опрокинуть его и воздвигнуть на его месте здание социалистического строя. Мы призываем рабочих и работниц всех стран к об'единению под коммунистическим знаменем, которое уже является знаменем первых великих побед.

Пролетарии всех стран! В борьбе против империалистического варварства, против монархии, против привилегированных сословий, против буржуазного государства и буржуазной собственности, против всех видов и форм классового или национального гнета — об'единяйтесь!

Под знаменем рабочих советов, революционной борьбы за власть и диктатуру пролетариата, под знаменем Третьего Интернационала — пролетарии всех стран, соединяйтесь!

По поручению делегаций:

Германии	*Макс Альберт*
России	*Н. Ленин*
Австрии (немецкой)	*И. К. Грубер*
Венгрии	*А. Руднянский*
Швеции	*Отто Гримлунд*
Швейцарии	*Фриц Платтен*
Америки	*Борис Рейнштейн*
Балканской Федерации	*Х. Раковский*
Польши	*Унщлихт (Юровский)*
Финляндии	*И. Сирола.*
Украины	*Скрыпник*
Латвии	*К. Гайлис*
Эстонии	*Ганс Пегельман*
Армении	*Айкуні*
Немецких колоний Поволжья	*Г. Клингер*
Народов Восточной России	*Ялымов*
Французского левого крыла Циммервальда	*Анри Гильбо*

ОСНОВНАЯ ЛИТЕРАТУРА ПО ИСТОРИИ СОЦИАЛИЗМА.

К главе I.

Каутский. „Предшественники новейшего социализма“, т. I. Пельман. „История античного коммунизма и социализма“. Волгин. „Социализм в древней Греции“ („Вестник Комм. Акад.“ № 10 и 12).

К главе II.

Каутский. „Предшественники новейшего социализма“, т. I.

К главе III и IV.

„Предшественники новейшего социализма“, т. II. Каутский. „Томас Мор и его утопия“. „Утопия“ Мора в переводе Генкеля. Волгин. „Революционный коммунист XVIII в.“ (Жан Мелье). Морелли. „Кодекс природы“, под ред. и с предисл. В. Волгина. Буонарроти. „История заговора равных“. Кропоткин. „Великая Французская революция“. Волгин. „Очерки по истории социализма“. Идейное наследие Бабувизма. А. Пригожин. „Гракх Бабеф“. Морис Доманже „Бабеф“.

К главе V.

Маркс и Энгельс. „Коммунистический манифест“. Энгельс. „Положение рабочего класса в Англии“. Долеанс, Роберт Оуэн. Арк А-н. Роберт Оуэн. Поль Луи. „История социализма во Франции“. „Избранные сочинения Сен-Симона“ и „Изложение учения Сен-Симона“, под ред. В. Волгина. Арк Ан. „Шарль Фурье“. „Избранные сочинения Фурье“, под ред. Ш. Жида.

К главе VI.

Энгельс и Поль Луи (названные сочинения). Кроме того, Герман Шлютер, „Чартистское движение“. Ротштейн. „Очерки по ист. рабоч. движения в Англии“. Б. Горев. „Бланки“. М. Доманже. „Бланки“. Поль Луи. „Французские утописты“. Прудон. „Что такое собственность“. Стеклов. „Прудон — отец анархии“. Люкс. „Э. Кабэ и его утопия“. Калер. „Вильгельм Вейтлинг“. Меринг. „История германской социал-демократии“. т. I и „Маркс, история его жизни“. М. Бэр. „История социализма в Англии“. Кабэ. „Путешествие в Икарию“. сокр. пер. под ред. Б. Горева.

К главе VII.

Меринг. Биография Маркса. Рязанов. „Маркс и Энгельс". Сборник, посвященный Марксу. Статьи Ленина и др. Семковский. „Марксистская хрестоматия".

К главе VIII.

Поль Луи. „История социализма во Франции". Б. Горев. „Бланки". Меринг. „История герм. соц-дем.". В. Блосс. „История герм. революции 1848 г.". „75-летие 1848 г.", сборник статей. Маркс. „Классовая борьба во Франции в 1848—50 г. г." и „18-е брюмера".

К главе IX.

Меринг. Биография Маркса и „История герм. соц.-дем.". Стеклов. Интернационал, ч. I и II (новое издание в одном т.). Б. Горев. „Бакунин" и „Бланки". Лукин. „Парижская коммуна". Лассаль. „Избранные сочинения". Классон или Борнштейн. Биография Лассаля. Рязанов. „Очерки по истории марксизма", „Архив Маркса и Энгельса", кн. I.

К главе X.

Арк А-н. „Рабочее движение в Англии, Франции и Германии". Поль Луи, Бэр и Меринг. Названные сочинения. Бебель. „История моей жизни". Рапопорт. „Жорес". Раковский (Инсаров). „Современная Франция". Энзор. „Современный социализм". Лагардель. „Революционный синдикализм". Коль. „Гильдейский социализм" (с пред. Ротштейна). А. Ельницкий. „Роза Люксембург".

К главе XI.

Ленин и Зиновьев. „Против течения". Зиновьев. „Война и кризис социализма". Ленин. „Пролетарская революция и ренегат Каутский". Троцкий. „Терроризм и коммунизм", „Война и революция". Журнал „Коммунистический Интернационал". Ежегодник Коминтерна за 1923 г. Зиновьев, Троцкий, Радек — „Пять лет Коминтерна". Ленин, статьи и речи о Коминтерне. Троцкий. „Куда идет Англия".

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН.

В.

Г.

Д.

Е.

Ж.

З.

И.

К.

Л.

М.

Н.

О.

П.

Ч.

Ш.

Щ.

Э.

Я.

ОГЛАВЛЕНИЕ.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

ДО-МАРКСОВСКИЙ СОЦИАЛИЗМ.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

ЭПОХА МАРКСИЗМА.

